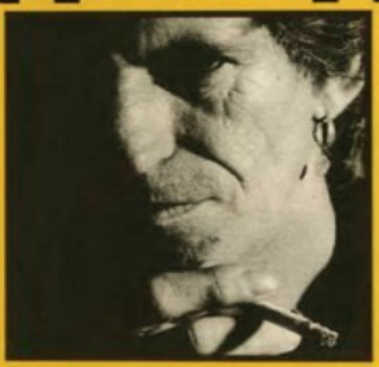
ТОНИ САНЧЕС

Я БЫЛ ДРАГДИЛЕРОМ ROLLING STONES



ТОНИ САНЧЕС: Я не пушер. Но еще мальчиком я работал крупье в ночном клубе в Сохо. Так что знал, где можно найти все, что угодно, — от пакета травы до пистолета-пулемета Томпсона. И соответственно, рок-музыканты часто пользовались этим, я невольно выполнял для них роль связного с лондонскими криминальными кругами. Меня, конечно, это немного пугало, я знал, что такое занятие может довести до больших неприятностей. Но я был еще молод и восхищался звездами, а потому считал, что ради дружбы людей из группы «Роллинг Стоунз» стоит пойти на риск.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Роллинг Стоунз». Группа-легенда, группа-сенсация, группа-скандал. Они навсегда изменили рок-н-ролл, подняв его до вершин, недоступных любым другим исполнителям их эпохи и последующих эпох. В этой книге Тони Санчес расскажет правду о первых экспериментах Роллингов с наркотиками, о том, как Кит Ричардс напал с мечом на своего пушера, о том, как тяжело ему потом было завязать с героином, и о том, как «Роллинг Стоунз» скрывали от миллионов поклонников и прессы употребление наркотиков.

- Тони Санчес
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- 31
- Эпилог
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Тони Санчес
Я был драгдилером «Rolling Stones»

1

Я до сих пор немного благоговею перед тем, что делали «Роллинг Стоунз» в середине шестидесятых. «Битлз», конечно, лучше зарабатывали и продавали гораздо больше пластинок. Но они скомпрометировали себя аккуратными прическами и выступлением перед королевской семьей. И вот новыми властелинами Лондона стали «Роллинг Стоунз». Их прически, манеру держаться, стиль одежды копировала вся молодежь, от элегантных утончённых аристократов до школьников, едва выросших из коротких штанишек. Теперь трудно даже представить, насколько сильным, пусть и недолговечным, было их влияние. Пожалуй, никакие другие музыканты за всю историю поп-музыки не сыграли такую значимую роль в социальной революции.

Центральной фигурой группы являлся Брайан Джонс. Этот одаренный музыкант за полчаса мог освоить любой инструмент, от саксофона до ситара. Он зарабатывал на жизнь музыкой, играя легкий, воздушный ритм-энд-блюз, когда Мик Джаггер еще был заурядным студентом экономического в лондонском университете, а Кит Ричардс, тоже не особенно прилежный студент, изучал гуманитарные науки и полагал, что играет не хуже Чака Берри, так как был способен извлечь три аккорда из своей вечно расстроенной гитары.

В Брайане с наибольшей силой проявлялся пофигистический гедонизм, характерный для Роллингов и придававший им неотразимую привлекательность У него было шестеро незаконнорожденных детей — все мальчики, и все от разных женщин. Он первым из Роллингов начал отращивать длинные волосы. Брайан же первым стал носить одежду в стиле «унисекс» — шифоновые блузы и оригинальные шляпы, — а также красить губы и глаза, и все же его внешность настолько явно выдавала в нем уличного хулигана, что он всегда выглядел стопроцентным мужчиной. Вслед за Брайаном эту моду переняли и остальные музыканты группы.

Позже все изменилось. Те, кто работал в то время с «Роллинг Стоунз», поговаривали, что Мик и Кит, пусть и не специально, но способствовали падению Брайана и в итоге довели его до смерти. Что в своем эгоистичном стремлении стать рок-звездами они не могли простить Брайану Джонсу того, что изначально он намного превосходил их и музыкальным дарованием, и внешними данными. Такого рода слухи — обычное явление в грубом и циничном мире рок-музыки, и я никогда — ни прежде, ни теперь

— не относился к ним всерьез.

Сидя в «Спикизи», одном из лондонских ночных клубов, я пил виски со льдом и ждал, когда появится моя девушка (она работала там танцовщицей). Было два часа ночи, и в клубе собралась толпа молодых красивых мужчин и женщин — тех самых, что в одночасье превратили Лондон в музыкальную столицу западного мира. Сейчас выражение «веселящийся Лондон»[1] стало заезженным штампом. Но тогда это была реальность, в которой мы жили, полагая, что так будет всегда.

В клубах вроде «Спикизи» все прикидывались, что заняты исключительно собой и своими делами, однако то и дело оглядывались вокруг в поисках знаменитостей. Если в зале появлялась звезда, это было довольно легко понять: все, включая танцующих, начинали на нее глазеть. Так и в тот раз — заметив, что все повернулись в одну сторону, я тоже посмотрел туда. Слегка пошатываясь, ко мне приближался Брайан Джонс.

Это был совершенно не тот Брайан, которого я видел год назад. Раньше его светлые волосы отливали золотым блеском, он был загорелым, гибким и очень красивым парнем. Теперь же слипшиеся сальные пряди спускались на лицо, покрытое смертельной бледностью. Припухшие, налитые кровью глаза, под ними синяки, как у человека, очень давно не спавшего.

— Привет, Тони, как жизнь?

Он ухмыльнулся, и я заказал ему виски, чувствуя себя польщенным: гитарист «Роллинг Стоунз» не только помнил мое имя, но и предпочел мое общество в таком фешенебельном клубе, как «Спикизи».

Мы немного поговорили о последних музыкальных новинках и фильмах. Затем он, наконец, задал вопрос, которого я ожидал с самого начала.

— Тони, можешь достать наркотики?

Я не наркоторговец. Но в юности я работал в Сохо: сначала вышибалой в ночном клубе, а потом крупье, — так что знал, где можно на и и все, что угодно: от пакета травы до автомата Томпсона. И, соответственно, рок-музыканты часто пользовалась этим: я поневоле выполнял для них роль связного с лондонскими криминальными кругами. Меня, конечно, это немного пугало — я знал, что подобное занятие чревато большими неприятностями. Но я был молод и восхищался звездами, а потому считал, что ради дружбы людей вроде Брайана Джонса стоит пойти на риск.

— Что ты хочешь? — спросил я Брайана, рассчитывая, что он выразится поточнее.

Он вцепился мне в руку.

— Все, что угодно! — почти выкрикнул он. — Мне даже

пофигу, какого качества, только найди поскорее что-нибудь!

Я до сих пор помню его печальный, потерянный взгляд. Брайан Джонс, самая яркая и скандально известная рок-звезда тех лет, выглядел жалко. Я высвободил руку и пошел в зал. Там я отыскал одного черного парня, который, как я знал, время от времени подзарабатывает продажей наркоты.

— Тебе чего? — шепнул он. — У меня есть все, чувак: кокаин, кислота, травка…

Я вернулся к Брайану — узнать, что из этого ассортимента его привлекает.

Брайан отреагировал не задумываясь:

— Возьми нее, что есть, Тони, и неважно, сколько это будет стоить.

Стоило это 250 фунтов. Я договорился с черным, что деньги отдам завтра. Он доверял мне и потому сразу вручил небольшой бумажный пакет коричневого цвета со всем необходимым. Наш столик был в центре клуба, почти у танцпола. Когда я вернулся, Брайан повел себя настолько неадекватно, что я даже испугался: вдруг он примется за наркотики прямо здесь, на виду у всех. Так что прежде, чем отдать ему пакет, я предупредил, что если он захочет заправиться в клубе, то пусть чешет в туалет.

Не успел я договорить, как он выхватил у меня наркотики, словно ребенок шоколадку, и кинулся в уборную. Вернулся он, уже расслабленно улыбаясь, и снова отдал мне пакет, попросив держать у себя, потому что его может неожиданно обыскать полиция. Я к тому времени уже нюхал иногда кокаин, и Брайан заодно предложил мне воспользоваться чем хочется из волшебного пакетика. Я с благодарностью согласился. Зайдя в туалет и открыв бумажную упаковку, я не поверил своим глазам. Брайан не только опустошил целый пузырек с кокаином, он еще дополнил это горстью таблеток, притом и стимуляторами и транквилизаторами. Возвращался обратно я с некоторой опаской, мысленно приготовившись к тому, что найду Брайана лежащим без сознания на полу. Но нет, он смеялся и шутил с моей подругой, а заодно пил уже пятую за вечер порцию виски.

Мы остались там еще на часок, но, несмотря на выпитое за это время виски, Брайан выглядел вполне прилично. Мне понадобилось провести с ним несколько дней, чтобы попять: Брайан принадлежит к той разновидности хронических алкоголиков, которые постоянно живут в промежуточном состоянии — уже не пьянея по-настоящему, но и никогда не трезвея.

Потом мы погрузились в мой белый «Альфа-Ромео», и я отвез его домой на Кортфилд-роуд. Стояла теплая летняя ночь, светила

полная луна, дорога шла под гору, и мы ехали быстро, пожалуй, даже слишком быстро. Но Брайану, судя по всему, это нравилось: я слышал, как он бормочет за спиной: «Давай, парень, гони… быстрее, чувак, еще быстрей!»

Когда мы подъехали к его большому красному кирпичному дому, он пригласил меня зайти в гости «дунуть» так Брайан называл процесс курения травы. И я согласился. Пока он возился с ключом, открывая входную дверь, я спросил:

— Правда, что Анита ушла от тебя к Киту?

Ходили слухи, что Анита Палленберг, которую я тоже знал довольно хорошо, бросила Брайана и ушла к Киту Ричардсу. Брайан судорожно дернулся, словно его ударили ножом.

— Не произноси больше в моем присутствии имя этой девки, — отрезал он.

Но по голосу чувствовалось, что он очень страдает. Уведя у него Аниту, Кит отнял последнее, что могло бы вернуть Брайана к нормальной жизни. И теперь единственное, чего он хотел, — забыться.

Это стало еще более очевидно, когда мы вошли внутрь. В квартире нас встретили Пикки и Тина, две прелестные лесбияночки, которые жили у Брайана последние несколько недель. Брайан быстро дал понять, что они занимаются сексом втроем. Кроме того, чувствовалось, что они друг другу уже поднадоели.

Пока я забивал косяк, Брайан покопался в пакете и достал ЛСД. Учитывая, сколько он уже вынюхал кокаина и съел таблеток, я забеспокоился. Однако он выглядел так, словно знал, что делает, и я промолчал.

Удивительно, но Брайан в этот момент казался абсолютно *compos mentis*[2]. Впрочем, не знаю, насколько справедлива моя оценка, ибо я тоже был слегка под кайфом. Внезапно ему пришло в голову послушать свои последние записи. Однако, когда он попытался поставить их, магнитофонная лента перекрутилась спиралью. Брайан попробовал ее распутать, но в результате только запутал еще сильнее. Вскоре он сидел на полу в окружении десятков метров ленты и плакал. А затем, прежде чем я успел остановить его, схватил ножницы и принялся резать пленку с записью — работа над которой заняла, наверное, недели! После того как он отрезал пару ярдов пленки, я услышал бессодержательные звуки, которые вполне могли быть еще недавно хорошей песней. Так это или нет — никто уже не узнает.

Затем он попытался связать концы оборванной лепты, потому что, по его мнению, это было единственной возможностью восстановить ее. Немного позже он начал проигрывать записи в

обратную сторону, приговаривая: «Здорово, здорово». Я сам пробовал кислоту и понимал, что под ней любые звуки могут показаться прекрасными.

Ночь тянулась медленно. Брайану становилось все хуже. Каждые двадцать минут он закуривал очередной гигантский косяк или глотал еще несколько таблеток. В какой-то момент он кровожадно посмотрел на меня и прорычал: «Я пришел убить тебя, Мито», но затем, осознав, что это я, добавил: «Прости, Тони. Ты ведь Тони, да?»

И все это время две девушки невозмутимо покуривали траву.

— Да он же всегда такой, — хихикая, ответила мне одна из них, когда я спросил, не лучше ли запереть его в спальне.

А затем Брайан начал истошно кричать. Он сидел, обхватив руками голову, похожий на раненое животное. Это было ужасно — видеть молодого, обаятельного и одаренного человека, которого ценят и уважают миллионы людей на планете, снедаемого внутренней болью. Меня это поразило до глубины души.

Когда в окно проникли солнечные лучи, я несколько раз моргнул и пришел в себя. Ноги затекли, шея одеревенела, а голова гудела так, словно по ней били пенальти. Брайан спал, положив голову на магнитофон.

Девушки, которые при свете дня выглядели куда менее привлекательно, сплелись в объятиях на одном из бесценных персидских ковров.

Я проковылял на кухню и кое-как сварил крепкий черный кофе на четверых.

Мы неторопливо попили кофе. Затем Брайан высыпал на стекло немного кокаина, и мы втянули его через скрученную в трубочку банкноту. Некоторые люди предпочитают на завтрак яичницу с беконом, однако многие рок-музыканты считают более полезным начинать день с адреналиновой встряски — маленькой понюшки кокаина.

Как только кокаин поступил в организм Брайана, тот стал похож на счастливого школьника в праздничное утро.

Он сразу же предложил нам отправиться на Кингс-роуд в Челси и нормально позавтракать в «Антик маркет». Немного пошатываясь, мы вышли на улицу и погрузились и машину Брайана, серебристый «роллс-ройс» с черными стеклами. Мы с Брайаном сели впереди, девушки позади.

С самого начала у меня были сомнения насчет того, способен ли Брайан сейчас вообще передвигаться, а тем более вести автомобиль. И через триста метров мои опасения полностью оправдались. На Фулхэм-роуд, сворачивая за угол, Брайан въехал

в зад припаркованной машины. Когда Джонс медленно дал задний ход, мне стало очевидно, что врезался он специально. Грохот от удара был порядочный, и у происшествия наверняка имелось немало свидетелей. Я быстро выпрыгнул из «роллс-ройса» и, написав извинительную записку, положил ее на ветровое стекло поврежденного автомобиля, под дворники.

— Какого черта ты это сделал? — спросил я, залезая обратно в машину.

— Он стоял на моем пути, — невозмутимо ответил Брайан.

Я попытался убедить его передать мне управление на остаток пути до Кингс-роуд, но он заявил, что и сам прекрасно справится. И мы продолжили двигаться в сторону Челси, выделывая ошеломительные зигзаги, словно полицейские из фильмов.

Во время этого непродолжительного путешествия я постоянно был начеку и периодически сам давил ногой на тормоз, что несколько раз спасло нас от аварии. Люди на нас, конечно, оглядывались — вероятно, думали, что рехнувшиеся рок-музыканты просто развлекаются в громадном «роллс-ройсе». Нам повезло, и мы доехали до «Антик маркет» без особых происшествий. Однако на площади уже стояло много автомобилей, и я предложил Брайану с девушками выйти и идти завтракать, а я припаркую автомобиль и догоню их.

— Ты что, думаешь, я совсем идиот, дебил или кто там еще? — взорвался Джонс. — Нет уж, я и сам смогу припарковать собственную машину!

С этими словами он крутанул руль, огромный автомобиль резко развернулся и через тротуар въехал прямиком в кирпичную стену… Мы наблюдали все словно в замедленной съемке. Я безуспешно обдумывал, как получше объяснить происшедшее, если к нам сейчас пристанет полиция.

Но тут Брайан вышел из машины вместе с девушками и, широко улыбаясь, с невозмутимым видом попросил меня заняться парковкой. Я, чувствуя на себе взгляды десятков людей, явно недоумевающих, почему этот огромный «роллс-ройс» с затонированными стеклами ни с того ни с сего врезался в стену, перебрался на водительское сиденье. Потом включил заднюю передачу и аккуратно поставил машину за углом. Так закончился этот маленький инцидент. С того дня я уважаю большие «роллс-ройсы»: стена была основательно проломлена, а на машине лишь слегка погнулась решетка.

После кофе с круассанами Брайан попросил меня покатать их — троих по Челси. Пока мы ехали, он периодически опускал стекло и выглядывал в окно, чтобы на него обратили внимание. Его действительно часто узнавали, а некоторые поклонники

стремглав бросались за машиной в надежде получить автограф. Когда эта игра ему надоела, мы выкурили несколько косяков. Затем Брайан долго убеждал девушек, чтоб они страстно поцеловались. Потом, насколько я понимаю, он занялся с одной из них любовью на заднем сиденье. Я в это время как раз застрял в пробке на Кингс-роуд и делал вид, что понятия не имею, что происходит у меня за спиной.

Про Брайана как непревзойденного любовника ходило много сплетен. Когда я узнал его получше, то понял, что это до определенной степени было правдой. Когда он не накачивался наркотиками, то мог переспать с двумя или даже тремя разными девушками за ночь. С другой стороны, мне постепенно стало ясно, что секс для Брайана не имел ничего общего с любовью. Он часто использовал секс, просто чтобы унизить девушек и поиздеваться над ними. Иногда он удовлетворял свои садистские наклонности, просто рассказывая мне о том, как ведет себя та или иная девушка в постели. При этом он старался говорить погромче — чтобы описываемая девушка, сидящая рядом, слышала все в подробностях.

Его жестокость имела и худшие проявления. Похоже, ему нравилось бить женщин. Не раз и не два я видел у него дома девушек в синяках и с распухшими губами. Но ни одна из них не заявляла в полицию и не требовала справедливости, а многие приходили к нему снова. Вряд ли им это нравилось, но они терпели. Такова была цена, которую они платили за то, чтобы переспать с одним из «Роллинг Стоунз».

Однако Брайан, измываясь над ними, вовсе не получал какого-то физического удовольствия. Казалось, что он сам постоянно страдает от жуткой, непереносимой боли, и единственный способ получить хотя бы небольшую передышку — это причинить такую же боль кому-то другому.

Иногда, когда рядом не было девушек, мы могли запросто просидеть за разговорами до самого утра. И постепенно я начал понимать, почему он так мучается.

Он вырос в Челтенхэме, под надзором пожилой претенциозной дамы. Родители жили стандартной для города жизнью, и им это нравилось. Мать давала уроки игры на фортепиано, отец работал на какой-то скучной унылой работе. Брайан знал лишь три способа вырваться из этого замкнутого мирка, вызывавшего у него клаустрофобию: играть на кларнете, слушать джаз и соблазнять всех попадавшихся на его пути девушек.

Джаз стал для него своего рода религией. Он рассказывал, что целыми днями тренировался у себя в спальне, пытаясь

сымитировать манеру игры великого Чарли Паркера. У него было несколько друзей, и все они искали спасения от тоски и злобы в музыке. Хотя Брайан был подающим надежды учеником, однако быстро потерял интерес к учебе, и его в конце концов выгнали из школы.

Он присоединился к местной группе, исполнявший традиционный джаз, который находился тогда в Англии на пике популярности. Но вскоре его первоначальный восторг от джаза поутих, он быстро устал играть по заказу публики в ночных клубах и ушел из группы. Устроился на работу архитектором, но тут его девушка забеременела. Тогда Брайан, чтобы избежать гнева ее родителей, решил бежать из Великобритании. Взяв с собой только две самые дорогие вещи — саксофон и гитару, — он автостопом отправился в Скандинавию, так как слышал, что там огромное количество блондинок, исповедующих свободную любовь. Он перенес в этом путешествии много тягот, но часто говорил, что в эти несколько месяцев он чувствовал себя самым свободным и счастливым человеком на свете. Ну и блондинки, конечно же, не подкачали.

В конце концов он остался без денег и вернулся к родителям. Попытался устроиться в Челтенхэме на обычную канцелярскую работу и вновь стал играть в местном джазовом ансамбле. Но такая жизнь казалась ему бессмысленной.

— А потом, — рассказывал мне как-то ночью Брайан, — я услышал Элмора Джеймса, и тут для меня словно весь мир перевернулся.

Джеймс играл на слайд-гитаре блюзы в уникальной, очень экспрессивной манере. На родине, в Соединенных Штатах, он почти не был известен. По словам Брайана, музыка Элмора настолько его поразила, что он сразу пошел и потратил все свои деньги на гитару. Затем он уволился с работы и стал репетировать часами, день за днем, пытаясь научиться играть блюз, как его играл Элмор. Он настолько увлекся блюзом, что каждую свободную минуту либо играл, либо слушал музыку легендарных блюзменов — Мадди Уотерса, Роберта Джонсона, Сонни Бой Уильямсона и Хаулинг Вульфа. Когда ему исполнилось восемнадцать, Брайан начал играть в первой английской блюзовой группе — «Блюз Инкорпорэйтед» Алексиса Корнера. Тогда же он впервые смог почувствовать, что такое жизнь рок-звезд. Сам он еще не был знаменит, но тем не менее во время выступлений именно соло Брайана срывали больше всего аплодисментов, и именно его ангельская внешность привлекала толпы поклонниц.

Однажды на концерт пришли двое ребят его возраста. По

окончании они подошли и представились: их звали Кит Ричардс и Мик Джаггер. Оба были в восторге от Брайана. Однако их привлекало не только то, как он играет. Они завидовали его свободе. Они тоже хотели бунтовать, но пока что жили обычной жизнью, дома, с мамой и папой. И хотя Кит много рассказывал об уличных драках и о том, сколько всего спер в магазинах, даже он не мог скрыть своего изумления, когда Брайан мимоходом упомянул, что у него два незаконнорожденных ребенка.

После этого события развивались довольно стремительно. Джаггер присоединился к «Блюз Инкорпорэйтед» в качестве сессионного вокалиста. А Кит заразил Брайана своей страстью к более коммерческому, откровенно сексуальному ритм-энд-блюзу в лице таких музыкантов, как Чак Берри и Бо Диддли. И хотя Брайан ради заработка иногда выступал с опостылевшим ему джазовым ансамблем, он все больше и больше времени проводил, музицируя с Китом.

И у Джаггера и у Ричардса были на тот момент собственные любительские группы — «Литтл Бой Блю» и «Блю Бойз». Однако вскоре Брайан и Кит почувствовали, что настолько хорошо сыгрались вместе, что решили создать новую группу. С самого начала было очевидно, что ее лидером будет Брайан. И именно он придумал группе название — «Роллинг Стоунз», по одной из песен Мадди Уотерса. В первом составе, помимо Кита, Мика и Брайана, был еще Йен Стюарт, один из лучших английских пианистов, игравших буги (он умер в 1985 году), басист Мик Тэйлор и барабанщик Тони Чэпмен. Брайан всегда подчеркивал, что они не преследовали никаких коммерческих целей, они были просто группой друзей музыкантов, получающих удовольствие от совместной игры. Сначала они репетировали нерегулярно, и Джаггер продолжал работать с «Блюз Инкорпорэйтед», а Брайан — с различными джаз-бандами.

Через некоторое время Тэйлор и Чэпмен откололись. Вместо них пришли Чарли Уоттс и Билл Уаймен — на барабаны и бас соответственно. Состав участников наконец полностью определился. Йен Стюарт все еще играл с ними на пианино. Вскоре Мик, Брайан и Кит сняли маленькую и не особенно уютную квартиру в Эдит-гроув в Челси. Они жили на несколько фунтов в неделю, которые зарабатывали, играя в клубах «на разогреве» перед более известными группами. Спустя несколько лет я как-то спросил у Брайана, почему он не любит картошку. Он рассказал мне, что в период их жизни в Эдит-гроув Кит и Мик постоянно готовили только картошку, потому что ни на что другое денег не хватало.

— Я тогда поклялся, что больше не притронусь к картошке,

разве что уж совсем буду умирать с голоду, — пояснил он.

Брайан также рассказывал, что картофельная диета вынудила их иногда таскать еду у соседей. В соседней квартире жили два школьных учителя, которые часто устраивали вечеринки, пили пиво и слушали джаз. Замка у них на двери не было. И трое друзей, дождавшись, пока соседи забудутся в пьяном сне, частенько прокрадывались вверх по лестнице и уносили пиво и сандвичи.

— Мы делали это настолько ловко, что они им разу ничего не заподозрили, — хвастался мне Брайан.

В самом начале шестидесятых, он, безусловно, был главным среди них. Кит и Мик боролись за его дружбу, а он тем временем пытался передать им все, что знал о музыке. Как-то Джаггер решил научиться играть на губной гармошке, однако спустя неделю, не добившись в этом особенных успехов, отложил ее. Вскоре она попалась на глаза Брайану, и тот, со своим невероятным талантом осваивать любые музыкальные инструменты, уже к вечеру начал вполне прилично играть. Джаггер вовсе не был раздосадован, напротив, он, по-видимому, был благодарен Брайану, когда тот объяснил ему, как это делается.

Временами они все впадали в депрессию, вспоминал Брайан, например, когда не могли заплатить за взятые напрокат инструменты Но стоило им втроем посидеть немного вместе, пошутить и посмеяться — и снова казалось, что все проблемы не имеют никакого значения.

Мика в то время терзали сомнения. Сначала он расстроил родителей тем, что ушел из университета. Потом бросил место вокалиста в «Блюз Инкорпорэйтед». И ради чего? Чтобы исполнять какую-то непонятную разновидность американского фолка, которую никому не интересно слушать? Но больше всего его беспокоило, что у него что-то не так с голосом. Ему не удавалось петь так, как это делают черные блюзовые певцы. На большинстве записей группы того времени голос у него, действительно, звучит монотонно и немного фальшиво.

Брайан и Кит никаких сомнений не испытывали. Они были уверены, что делают все правильно. Им не пришлось ничем жертвовать, чтобы оказаться в «Роллинг Стоунз», и каждый раз, выходя вместе на сцену, они чувствовали такой прилив сил и энергии, что деньги, еда и признание их практически не волновали — во главе всего было создание музыки, в которую они верили.

— С самого начала мы знали, что все получится, — объяснял Брайан. — Блюз — реальная сила. Как только мы уговаривали

людей послушать эту музыку, они сразу же, словно против желания, западали на нее и сами начинали покупать пластинки великих блюзменов. Я долго играл джаз и знаю, что он умирает, потому что там слишком много всякого дерьма и музыкантов, которые почти не умеют играть на своих инструментах. Кит знаком с современной поп-сценой и тоже знает, насколько она дрянная. Мы же хотели играть нормальную музыку. Кроме того, мы оба начинали чувствовать, что многим людям поднадоел традиционный джаз, они хотят услышать что-то другое — и вот этим другим как раз и будем мы.

Конечно, он был абсолютно прав. Прошло не так уж много времени, и в музыкальных кругах начали распространяться слухи об этих очень молодых, очень необычных и очень любящих шокировать публику музыкантах. Однако большинство людей относились к повой группе довольно скептически: мол, эти чокнутые подростки никогда и никуда не пробьются.

Несколько раз Брайан предлагал различным звукозаписывающим студиям выпустить их демо-диск, но они, будучи невнимательными к первым шагам рок-звезд того времени (включая Элвиса Пресли и «Битлз»), отказывались. Впрочем, и по сей день звукозаписывающие компании отвергают всех, кто пытается поколебать их собственное представление о музыке; они, кажется, твердо убеждены в том, что новое и непривычное не может быть коммерчески успешным.

Тем временем Брайан завел знакомство, которое помогло «Роллинг Стоунз» сделать весьма важный для их будущей карьеры шаг.

Джорджио Гомельски был, пожалуй, одним из самых незаурядных людей в Лондоне. Сын русского и француженки, он совершил кругосветное путешествие автостопом, а спустя некоторое время устроил в Италии первый джазовый фестиваль. Пожив некоторое время в Чикаго, он страстно влюбился в блюз, а затем переехал в Лондон, где организовал большой фестиваль джаза и блюза на открытом воздухе. После чего решил открыть самый модный музыкальный клуб в столице. Клуб назывался «Кродэдди», находился в Ричмонде, и «Роллинг Стоунз» как-то раз приехали туда, чтобы послушать молодых ритм-энд-блюзовых музыкантов.

Брайану Джорджио очень понравился, и он стал иногда заезжать к нему в Ричмонд побеседовать о джазе и блюзе. Разумеется, были у него и другие мотивы. Больше всего на свете «Роллинг Стоунз» хотели как-нибудь отыграть концерт в «Кродэдди». Но хотя Джорджио всегда был щедр на советы относительно того, как им улучшить свои выступления, он,

несмотря на все намеки, не приглашал их. На самом деле, он выжидал, пока группа наберется опыта и мастерства, чтобы выйти на сцену в «Кродэдди» и не провалиться. Наконец настал подходящий момент — «Роллинг Стоунз» были готовы к концерту, а в расписании клуба имелся свободный вечер, — и Гомельски позвонил Брайану.

В первый день послушать их пришло шестьдесят шесть человек, и «Роллинг Стоунз» получили первый заработок: по два фунта на брата. Спустя неделю количество слушателей удвоилось, потом утроилось, учетверилось… И вскоре уже каждое воскресенье вдоль Кью-роуд выстраивались длинные очереди.

Молодежь съезжалась в клуб со всего Лондона, чтобы танцевать, общаться, флиртовать и целоваться под эту новую, напористую, мятежную музыку, прекрасно отражавшую настроения молодого поколения во всем мире. Здесь юный безработный Ронни Вуд встретил свою будущую жену Крисси, и они оба восхищались выходками и мастерством Брайана Джонса в «Кродэдди». Они и подумать тогда не могли, что спустя тринадцать лет Рон займет в группе место Брайана. Многие люди, приезжавшие в то время в «веселящийся Лондон», предпочитали воскресному ланчу поездку в Ричмонд — дабы своими глазами увидеть новую сенсацию. Среди них были Мэри Квант, Дэвид Бэйли, Джин Шримптон и многие другие.

Если бы это случилось в наши дни, «Роллинг Стоунз», безусловно, показывали бы по телевизору, о них писали бы в газетах. Но в то время средства массовой информации придерживались достаточно консервативных, если не сказать средневековых взглядов, и редко снисходили до упоминания о популярных музыкальных группах.

В конце концов под напором общественности в местной прессе все же была опубликована заметка. В ней репортер из «Ричмонд энд Твикенхэм Таймс» рассказал, как беснуются длинноволосые молодые люди и девушки в вызывающей одежде, когда «Роллинг Стоунз» заканчивают выступление. Это была красочная, хорошо написанная статья, после прочтения которой кое-кого из ричмондских отставных майоров хватил апоплексический удар. Впрочем, репортер не забыл упомянуть и о достоинствах самой группы: Роллинги играют намного лучше всех остальных в округе, музыканты молоды, холосты и вообще горячие парни — в то время как участники традиционных джаз-бандов по большей части хмуры, стары и апатичны. В общем, автор статьи считал, что при благоприятном стечении обстоятельств новая группа может получить мировую известность.

Появления именно такой публикации хотел Брайан. Он и годы спустя всюду возил ее с собой в качестве талисмана. Она была для него доказательством того, что его «Роллинг Стоунз», группу, которую он создал и которой руководил, ждет большое будущее.

Даже «Битлз», гревшиеся в лучах славы, которую принес им первый хит «Love Me Do», обратили внимание на эту статью. После очередного концерта к Роллингам подошел Джордж Харрисон и сказал, что они — лучшая из новых групп, которые он слышал. Музыканты пригласили его к себе в гости на Эдит-гроув, позвали туда троих других Битлов и до глубоко вечера общались — о музыке, революции, Чаке Берри и о том, как они изменят мир.

А потом, в апреле 1963 года, Норман Джоплинг, один из самых уважаемых обозревателей «Дейли Миррор», посетив «Кродэдди», написал:

> Поскольку традиционный джаз понемногу сходит на нет, промоутеры испустили огромный вздох облегчения, когда обнаружили то, что может занять его место: ритм-энд-блюз. И, конечно же, ритм-энд-блюзовые клубы возникли повсюду с почти фантастической скоростью.
>
> …В «Стэниш отель» на Кью-роуд (здание, где размещается клуб «Кродэдди») юные меломаны отрываются под новую «музыку улиц» так, как никогда и не снилось музыкантам, исполняющим традиционный джаз.
>
> Ансамбль, от которого они без ума, называется «Роллинг Стоунз». Возможно, вы никогда не слыхали о нем — если вы живете далеко от Лондона, то, скорее всего, нет.
>
> Но вы еще услышите о них! «Стоунз» станут самым заметным явлением на ритм-энд-блюзовой сцене — если эти клубы будут продолжать процветать. Три месяца назад посмотреть на них пришло пятнадцать человек. Сейчас Гомельски вынужден раньше времени закрывать вход в зал, где уже собралось около 400 слушателей.
>
> Поклонники быстро забывают про нее свои комплексы и бешено танцуют под эту действительно захватывающую музыку. Возможно, дело еще и в том, что в отличие от многих других ритм-энд-блюзовых групп «Роллинг Стоунз» внешне очень привлекательны. Они не похожи на традиционных джазменов, которые выступают по обязанности, отрабатывая рабочие часы. Нет, «Стоунз»

воистину сами являются энтузиастами ритм-энд-блюза, они поют и играют так, как можно было бы ожидать от чернокожих американцев, а не от красивых белых ребят. Молодежь на концерте ревет от восторга.

Их звучание очень напоминает Бо Диддли — и это вызывает уважение. Репертуар группы — горячий американский бит. Они отлично разбираются в ритм-энд-блюзе и исполняют около 80 песен, большую часть которых давно любят и ценят настоящие фанаты этого стиля.

Но хотя их ритм-энд-блюз имеет некоторое сходство с рок-н-роллом, вы не найдете в наших музыкальных хит-парадах ничего из того, что играют «Роллинг Стоунз». Эти ребята пока не пишут собственных песен, в их репертуаре только американские. «В конце концов, — говорят они, — вы можете представить себе британский ритм-энд-блюз? Это просто не катит».

Спустя буквально несколько дней после выхода статьи «Роллинг Стоунз» подписали контракт со звукозаписывающей студией. Студию представлял энергичный и обаятельный Эндрю Олдхэм, одно время работавший в качестве пресс-агента с «Битлз», и его партнер Эрик Истон, деятель шоу-бизнеса.

Контракт перечеркивал их дружбу с Гомельски (с которым имелась лишь устная договоренность о выступлениях) и Йеном Стюартом. Как считал Олдхэм, своей короткой стрижкой и выдающимся неандертальским подбородком Йен портит весь имидж группы. В итоге было решено, что Стюарт примет участие в записи, а на сцене выступать с «Роллинг Стоунз» больше не будет.

Впрочем, для Брайана и Мика, так ждавшим этого контракта, порвать с несколькими старыми друзьями не являлось слишком высокой ценой за то, что предлагали им Олдхэм и Истон.

Девять дней спустя «Роллинг Стоунз» отправились в студию «Олимпик», чтобы записать первый сингл. В то время они еще абсолютно не представляли себе, ни как сводить запись, ни как добиться того, чтобы в отсутствие слушателей песня тем не менее звучала так же, как на концерте. В результате они с огромным удивлением обнаружили, что записанная ими версия классической вещи Чака Берри «Come On» не то что не сравнима с тем, как мощно они ее играют на сцене, — она просто ужасна.

Менеджеры студии «Декка», с которой через Олдхэма тоже велись переговоры, были разочарованы. Однако «Роллинг Стоунз» записывались снова и снова, пока наконец, с пятой попытки, им

не удалось создать более-менее приемлемую запись. В день ее выхода в свет «Роллинг Стоунз» дебютировали на телевидении, в довольно банальной и скучной программе «Спасибо твоей счастливой звезде».

И хотя все пятеро явились на съемки в приличных костюмах, они были ошеломлены тем, какую враждебность вызвало их краткое участие в телешоу у телезрителей среднего возраста.

Газетные заметки и письма в студию пестрели жалобами на длинные волосы и вульгарную сексуальность Мика и Брайана.

Вот типичная цитата из письма: «Позор, что на телевидение пускают этих длинноволосых и невоспитанных молодых людей. Их появление в шоу — это просто отвратительно…»

Брайан и остальные музыканты были удивлены и даже задеты такой реакцией. Один Эндрю Олдхэм был доволен.

— Мы сделаем вас полной противоположностью аккуратным красавчикам «Битлз», — объявил он. — Чем сильнее вас возненавидят родители, тем больше будет любить молодежь. Подождите немного и увидите сами.

2

Музыканты не особенно поверили словам Эндрю. Они считали, что злить людей — не самый лучший способ увлечь их ритм-энд-блюзом, однако решили подыграть Олдхэму и с каждым днем вели себя все более вызывающе. Брайан даже посоветовал Чарли Уоттсу отрастить волосы — тот выглядел слишком респектабельно. И неожиданно для них план Олдхэма сработал: все произошло именно так, как он и предсказывал. Мечты Брайана превратились в реальность, однако он никак не мог понять, почему где-то глубоко внутри него растет тревога.

Несколько лет прошли как в тумане. «I Wanna Be Your Man», «Not Fade Away», «Its All Over Now», «Little Red Rooster», «The Last Time», съемки на телевидении, гастроли по Великобритании и Америке. И все это сопровождалось разногласиями, спорами, перебранками и постоянным, все усиливающимся напряжением. Иногда Джаггер пытался соперничать с Брайаном за лидерство в группе. По в таких случаях Кит всегда вставал на сторону Брайана, и двое настоящих хулиганов — Брайан и Кит — противостояли Джаггеру, который на самом деле был обычным провинциальным подростком, выходцем из среднего класса, пытавшимся играть роль «плохого парня», что выходило у него так же фальшиво, как и его акцент кокни.

Тогда, в 1965 году, Брайана все устраивало. Он был самым красивым парнем в группе, по нему сохли все молодые поклонницы. Над Джаггером же подшучивали и называли его «резиновыми губами». Брайан жил с Линдой, матерью одного из его многочисленных детей. Казалось, он вполне доволен жизнью и уже близок к тому, чтобы остепениться.

Впрочем, так казалось только до того момента, пока в Лондон не приехала самая сексуальная блондинка из всех, что я видел в жизни.

Звали ее Анита Палленберг — и это, собственно, все, что о ней было точно известно. Никто не мог сказать, откуда она приехала и чем раньше занималась. После настойчивых расспросов она все же рассказала, что наполовину итальянка наполовину немка и в последнее время работала актрисой в «Живом Театре». Стоило ей выйти на улицу, как машины начинали врезаться одна в другую. У нее была стройная гибкая фигурка и озорные кошачьи глаза. Несмотря на то что Анита была блондинкой, она отнюдь не была лишена интеллекта, и остроумные высказывания в сочетании с потрясающей

внешностью быстро превратили ее в любимицу лондонской аристократии. Вскоре ее уже приглашали на светские рауты такие люди, как лорд Харлеч и Тара Брауни, наследница Гиннеса.

Ее встреча с «Роллинг Стоунз» была неизбежна и вполне предсказуема. И тут у нее, конечно, был выбор. Роман Джаггера с Крисси Шримптон к тому моменту превратился скорее в скандальную пародию на любовь. Ричардс, как обычно, не заводил ни с кем серьезных отношений. А Брайан… ну, Брайан никогда не отказывал хорошенькой девушке. Двое других Роллингов, Билл и Чарли, разумеется, не в счет. Про них даже нельзя сказать, что они были настоящими Роллингами. Они просто получали удовольствие от работы и стремились вести спокойную жизнь, избегая любых проблем и неприятностей.

Хотя в Аниту сразу влюбились все трое — Мик, Кит и Брайан, — однако, когда она выбрала Брайана, соперничество утихло. Каждую свободную минуту они проводили вместе, в обнимку, смеясь над собственными, только им известными шутками. Через несколько недель Брайан расстался с Линдой и ребенком, и Анита переселилась жить в его квартиру.

Вокруг этой пары возникла почти сюрреалистичная аура. Они стали одеваться думать, говорить и вообще выглядеть настолько похоже, что казалось — это один человек. В то время они были для окружающих королем и королевой, Самой Красивой Четой в Европе, и прекрасно осознавали свою силу, учитывая, сколько молодых герцогов, лордов и прочей высокородной молодежи спешили воздать им почести. И их самонадеянность в какой-то мере была оправданна. Группа, которую создал Брайан, сражалась с идеалами истеблишмента — короткой стрижкой, работой с девяти до пяти — и победила. Кроме того, мода на джаз в Великобритании сменилась модой на ритм-энд-блюз, что еще больше упрочило их позиции.

Иногда, однако, заносчивая самоуверенность Брайана и Аниты просто пугала. Тот, кто навлекал на себя их неприязнь, немедленно изгонялся из квартиры и лишался друзей, боявшихся обидеть «их высочеств». Брайан и Анита были похожи не только внешне. В обоих присутствовала некоторая жестокость, которая со временем могла перерасти в саморазрушение.

Марианна Фэйтфул рассказывала, что однажды Линда, бывшая подружка Брайана, пришла под окна их квартиры с ребенком, надеясь заставить Брайана почувствовать вину за то, что он не выплачивает ей никаких средств на содержание ребенка. Но Брайан и Анита заперлись дома и только хихикали, отказываясь говорить с ней.

В другой раз Анита убедила Брайана сфотографироваться в

нацистской форме. На фотографии он втаптывал сапогами куклу в грязь. Брайан думал, что в форме он будет выглядеть необычно и оригинально. Анита предложила ему послать свой снимок в газеты, с подписью, что это акция протеста против нацизма.

Фотографию неправильно истолковали практически все. Брайан с Анитой были искренне изумлены, что никто не сумел понять истинных намерений, с которыми они затевали свою маленькую шутку. Этот случай был достаточно характерным свидетельством того, что общение с Анитой и окружавшей их верной свитой понемногу отдаляло Брайана от реальности и что зачастую потехи ради они заходили слишком далеко. Еще они постоянно занимались сексом, астрологией и магией. Однажды один из «придворных» подхалимов принес им немного кислоты. Брайан и Анита впервые ее попробовали. Вероятно, то время было творческой вершиной недолгой жизни Брайана, а кислота стала первым его шагом к саморазрушению.

Под ЛСД, как говорил мне потом Брайан, дверь к тайникам его сознания широко распахнулась, и он стал способен писать такие песни и играть на гитаре такую музыку, о которых не смел даже мечтать.

И если у него были какие-то сомнения, то ему достаточно было почитать статьи гарвардского профессора Тимоти Лири, «кислотного пророка», чтобы избавиться от них.

— Как будто сотни потрясающих песен одновременно теснятся у меня в голове, я далее не могу выбрать, какая из них мне больше нравится, — рассказывал Брайан. — Кислота помогает творить. В трипе я с трудом понимаю, что пишу, а на следующий день обнаруживаю несколько страниц с изумительными вещами.

В то время Брайан приобщал всех своих друзей к «волшебным мирам», открываемым наркотиками. Было нечто неотразимо притягательное в этих новых, экзотичных и романтических состояниях, которые они открывали.

Однажды, когда я с несколькими приятелями был у него в гостях, он предложил мне попробовать кислоту. Я заинтересовался и быстро проглотил предложенный кусочек сахара. Я ожидал, что кайф наступит мгновенно, как от кокаина.

Спустя полчаса ничего не изменилось, и я заключил, что мифы о раздвигающей границы сознания силе ЛСД всего лишь байки. Или же у меня против кислоты какой-то иммунитет. Но затем я почувствовал, что окружающий мир начинает выглядеть немного необычно, хотя это проявлялось только когда я смотрел на предметы боковым зрением. Если же я фокусировал на них взгляд, они снова выглядели нормально.

Я почесал нос, и это было очень странное ощущение. Раздался скрежет, какой бывает, если монеткой провести по кузову машины.

Рука выглядела гигантской и существовала как будто отдельно от меня. И то, что она чесала нос, от меня абсолютно не зависело.

А затем начался сам трип. Красный персидский ковер на стене начал светиться, словно неоновая реклама цирка на Пиккадилли. Деревянный пол блестел и искрился, как кристаллики сахара. Я поднял руку, пытаясь защитить глаза от этого слепящего света, и внезапно тиканье наручных часов отдалось у меня в голове гулкими ударами барабана.

Наконец странные эффекты, кажется, начали исчезать. Я вздохнул с облегчением и подумал: «Слава богу, это заканчивается». Однако вскоре почувствовал, что все начинается по новой. На сей раз я услышал дыхание Брайана, и каждый его вдох был подобен реву, как будто рядом со мной сидел лев. А затем я услышал, как бьется мое собственное сердце. Я мог замедлять и убыстрять его удары, просто сосредоточившись на этом. Потом кто-то пытался со мной поговорить. А я мог только видеть его рот, произносящий какие-то слова, и еще мне казалось, что говоривший наряжен в шутовской наряд. На меня накатила волна страха и одиночества.

Самое худшее в трипе — то, что остановить его невозможно. Иногда наступали периоды затишья, и я начинал думать, что все кончилось, но затем я вновь оказывался в странном фантасмагорическом мире. Я ощущал себя как ребенок на карусели в парке аттракционов, когда мир начинает крутиться перед глазами с тошнотворной быстротой. И понимаешь, что если останешься на сиденье, то будет плохо, но контролировать себя уже не можешь. Ты не можешь остановиться или закричать и позвать на помощь. В какой-то момент карусель начинает вращаться медленней, и ты чуть не плачешь от облегчения, которое это приносит, но тут она вновь разгоняется — все быстрее и быстрее, пока ты наконец не начинаешь думать, что если это будет продолжаться дальше, то ты можешь и умереть.

Однако, как ни странно, когда все действительно закончилось, я ощутил, что трип в чем-то даже пошел мне на пользу. Кроме того, в середине шестидесятых попробовать ЛСД означало автоматическое вступление в ряды негласного, но престижного братства «кислотников». В итоге, хотя первое путешествие мне не поправилось, я решил попробовать еще разок. Второй трип оказался просто ужасным, и с тех пор я почти не прикасался к кислоте.

Кит, как и я, был тогда молод и легко увлекался новыми идеями. Он всегда готов был следовать за Брайаном, что бы тот ни предложил. А предложил он ему кислоту, и с тех пор они часто «путешествовали» вместе, играя музыку и сочиняя песни. Казалось, самые невероятные вещи вдруг стали осуществимы. Как и миллионы других подростков, они в то время верили, что галлюциногенный наркотик определенным образом расширяет их сознание и превращает любую мечту в реальную возможность. Брайан, Кит и Анита настолько сблизились на почве ЛСД, что Кит часто стал оставаться у них на ночь, а вскоре чуть ли не поселился там.

Мик же был достаточно старомоден в том, что касалось наркотиков. Брайан подтрунивал над ним, говоря, что тот просто боится попробовать. Мик вел себя «правильно», а это в глазах его друзей было самым страшным грехом. Посмеиваясь над ним, Кит с Брайаном начали называть его Джаггером, по фамилии, и почти не обращались к нему по имени. В их отношениях нарастало отчуждение, которое в перспективе могло развалить группу.

В период увлечения ЛСД одним из близких друзей Кита и Брайана стала молоденькая и чрезвычайно симпатичная Тара Брауни. Тара часто заходила к ним на квартиру, и они вчетвером, вместе с Анитой, ночи напролет говорили о мистике, музыке и новых потрясающих возможностях, которые открывала для них кислота.

Примерно в это время до Брайана дошло, что Кит Ричардс влюблен в Аниту Палленберг.

Нельзя сказать, чтобы это его слишком уж удивило. Кроме того, он был в курсе, что и Мик тоже мечтает об Аните. Но она была верна Брайану и всегда говорила ему, что любит только его. Тем не менее кое-что ему все-таки пришлось предпринять. Кит больше у них не оставался, потому что Брайан достаточно ясно дал ему понять, что воспринимает его как соперника, потенциально представляющего опасность. В Брайане проснулось инстинктивное стремление обезопасить себя. Мысль о том, что у него могут увести единственную женщину, которую он полюбил, встревожила его не на шутку.

Кит стал принимать кислоту вместе с Миком Джаггером, и их первый совместный трип ознаменовал возникновение в группе нового альянса. На этот раз изгоем стал Брайан. Он знал, что и Мик и Кит страстно желают Аниту и сторонятся его потому, что она его девушка.

Вот тогда Брайан начал понимать, какую власть над ним получила Анита. Он ощущал, что теряет контроль над своей жизнью, теряет Мика и Кита, теряет свою музыку — и все это из-

за обыкновенной девушки. Брайан Джонс, отец шести незаконнорожденных детей, парень, который менял женщин как перчатки, теперь сам стал зависеть от девчонки!

Я был тогда женат на Глории, и мы с нашим маленьким сыном жили в северной части Лондона. Вскоре Брайан начал звонить мне каждые несколько дней и приглашать в гости, но я знал, что это лишь предлог. Он хотел наркотиков — все больше и больше.

Затем умерла Тара Брауни. Ее «Лотус Элан» врезался в фонарный столб. Гибель близкого друга ошеломила и поразила Брайана. Он часами рассказывал мне, насколько бессмысленной начала казаться ему жизнь. Поначалу я понимал его чувства и разделял их. Однако постепенно в нем стали проявляться новые черты. У Брайана появилась паранойя, и он начал терзаться одиночеством и жалостью к себе.

Он говорил, что надежда, которую давала ему кислота, оказалась иллюзорной. Рассказывал, как затем он пробовал барбитураты, мандракс и туинал, чтобы как-то отвлечься от действительности, вгонявшей его в депрессию. Однажды, приехав к нему в Челси, я застал там Аниту, все лицо у нее было в синяках. Было очевидно, что он ее жестоко избил. Однако, когда я спросил ее, что случилось, она сказала: «Это не твое дело». В другой раз я застал его в истерике, «Анита умерла! Я не могу ее добудиться!» Анита лежала на их роскошной старинной кровати. Я встряхнул ее, легонько ударил по щекам — никакой реакции. Она приняла слишком много какой-то дряни. Мы с Брайаном отнесли ее вниз и, погрузив в мою «альфу», повезли в больницу. Там ей сделали промывание желудка, и когда она очнулась, Брайан разрыдался. А она только молча всхлипывала и смотрела на нас огромными глазами, на дне которых пряталась боль.

Тем временем Кит и Мик писали песни, работая с таким блеском и уверенностью, которого никогда ранее еще не испытывали. Я стал часто видеться с Китом и однажды в беседе с ним заметил:

— Такое впечатление, что вы с Миком вообще стараетесь не говорить о Брайане.

— Ну, так он же сторчался, разве нет? — шепотом ответил Кит.

И отвернувшись так, что я перестал видеть выражение его лица, добавил:

— Единственная проблема — что нам с ним теперь делать?

3

Если Анита была притягательна и загадочна, словно ночь, то эта женщина — жизнерадостна и чиста, как летний полдень. Стройная, как стебелек травы, она в чем-то была даже красивее Аниты. Самым прекрасным в ней было лицо — ангельское лицо с большими, невинными голубыми глазами, мягкими пухлыми губками и копной золотистых волос, отливающих солнечным светом. Вся она словно лучилась молодостью и здоровьем. Когда она входила в комнату, все разговоры замирали. Взгляды мужчин устремлялись в ее сторону, будто она подчиняла их своей воле. Ее звали Марианна Фэйтфул.

Дочь разорившейся австрийской баронессы и эксцентричного англичанина — блестящего ученого, профессора искусств и филологии, — она чувствовала себя своей и в академических кругах, и среди аристократов. Но оказавшись в среде грубоватых, талантливых молодых людей, игравших новую, энергичную и бескомпромиссную музыку, меняющую окружающий мир, она испытала необычайное волнение.

Марианне было семнадцать, и она находилась под надежным покровительством своего парня, который и вывел ее «в свет». Джон Данбар учился в Кембридже и стоял у истоков лондонского художественного и литературного андеграунда.

Именно через Джона Данбара Марианна познакомилась с Полом Маккартни и была сразу очарована его обаянием и открытостью, на которую не повлияла ни внезапная известность, ни богатство. Она ему, видимо, тоже понравилась и в начале 1964 года он пригласил их с Джоном на вечеринку в честь певца Адриена Поста. Там были и другие Битлы, «Роллинг Стоунз» и множество известных людей, которых Марианна узнавала, хотя и не была лично знакома с ними. С ней заговаривали мужчины, и она чувствовала, что они сражены ее красотой и хрипловатым аристократическим выговором. Ее радовала эта новообретенная сила. Что бы сказали ее школьные друзья, если бы увидели, как ухаживают за ней все эти молодые и богатые знаменитости?

В детстве Марианна болела туберкулезом и до сих пор быстро уставала. Штампованные комплименты молодых людей ей быстро наскучили. Почувствовав слабость, она присела на лестнице и разговорилась с другой девушкой. Когда Марианна подняла глаза, то увидела, что над ней возвышается Мик Джаггер. Он не носил галстука, что на вечеринке в 1964 году было достаточно необычно, а волосы у него были как у девушки — во всяком случае, таких длинных волос она еще не видела ни у

одного парня. Ома никогда не слышала «Роллинг Стоунз» (Моцарт и Бах куда больше отвечали ее вкусам), однако знала, что Джаггер — новый кумир лондонской молодежи. Даже Пол Маккартни восхищался тем, как точно и искренне у Мика получается выражать свои мысли в песнях, а уж он-то не тот человек, который будет зря хвалить соперника.

Так что Марианна была заинтригована: Мик бросил свою девушку в одиночестве и подошел к ней поговорить.

— Привет, милашка, как тебе здесь? — спросил он с акцентом, который мог служить пародией на кокни.

Когда его лицо оказалось близко, она с отвращением заметила прыщи на жирной коже. Затем он капнул вином на ее блузку, которую она купила специально для этой вечеринки. Она бросила на него сердитый взгляд, отвернулась и молча отошла. Неотесанный работяга, тупая деревенщина. Гораздо симпатичнее ей показался необычного вида парень с макияжем, который назвался Эндрю Олдхэмом, менеджером «Роллинг Стоунз».

— Я сделаю из тебя звезду, — сказал он ей твердо.

Но Марианна, смеясь, уверила его, что она и так вполне довольна своей жизнью. Боже праведный, неужели человеку больше не о чем мечтать, кроме как о заметке в «Басби Беркли Мьюзикл»?

Однако Олдхэм был вполне серьезен. В то время он, можно сказать, держал палец на пульсе нового поколения. И ясно сознавал, что этой уникальной девушке-ребенку с ее совершенной красотой хватит обаяния и таланта, чтобы влюбить в себя всю страну.

Марианна тем временем не испытывала ровно никакого желания становиться звездой — по крайней мере, такого типа, каких мог бы создать этот странный Олдхэм. Она училась в женской школе при монастыре св. Жозефа в Ридинге, графство Беркшир. И все ее стремления и амбиции в этой жизни заключались в том, чтобы поступить в хороший университет, получить степень и жить так, как завещали ей родители.

Всю жизнь она чувствовала себя брошенной, была болезненным одиноким ребенком, Брак родителей распался, когда Марианне исполнилось восемь, после чего ее отправили жить в монастырскую школу-пансион. Трагедия маленькой, брошенной родителями девочки усугублялась еще и тем, что в школе всем заправляли католические монахини, а Марианна была другой веры. Родители же определили ее именно в эту школу скорее всего потому, что обучение в других стоило слишком дорого. Другие девочки, и даже некоторые монахини, обижали ее — пока, под давлением окружающих, она не была

вынуждена принять католическую веру. Вдобавок ко всему она переболела туберкулезом, что сделало ее тощей, нервной и не очень привлекательной.

Но постепенно она оправилась, и в подростковом возрасте ее необыкновенная красота расцвела. За ней начали ухаживать мальчики, на улице ей вслед свистели. Девочки, которые прежде относились к ней пренебрежительно, неожиданно поняли, что по красоте она далеко превосходит их. Однако трудности закалили характер Марианны, и она не спешила злоупотреблять новоприобретенной силой своей внешности.

Теперь она знала, чего хочет от жизни: дома, семьи, безопасности и любви привлекательного парня, такого как Джон Данбар. Сумасбродные кумиры подростков и менеджеры с накрашенными глазами, конечно, вызывали у нее любопытство, но это было очень далеко от той жизни, к которой она стремилась.

Однако Эндрю Олдхэм не намерен был упускать такой великолепный шанс и позволить будущей суперзвезде ускользнуть от него. Он звонил Джону Данбару и убеждал его до тех пор, пока Марианна не согласилась во время школьных каникул съездить в Лондон, встретиться с Эндрю и подписать контракт со студией звукозаписи. Там она вновь встретила Мика Джаггера, и он предложил ей спеть его песню «As Tears Go By», добавив, что написал ее под впечатлением первой их встречи. Марианна была польщена, хотя подозревала, что Мик жертвует ей эту песню просто потому, что другим Роллингам она не понравилась.

Во время записи на студии «Олимпик» ей подыгрывали Мик Джаггер, Брайан Джонс и Кит Ричардс. Все они были очень милы, подолгу разговаривали с ней и наперебой пытались затащить к себе в постель. Больше всех ей понравился Брайан. У них имелось что-то общее, и к тому же он производил впечатление лидера группы. Кит и Мик тоже были ничего, однако их прыщавость приводила ее в ужас: она даже и мысли не допускала о том, чтобы целоваться с прыщавым парнем. Кроме того, Мик жил с Крисси Шримптон, и все газеты пестрели новостями о том как развивается их роман и когда они собираются пожениться.

«As Tears Go By» стала бесспорным хитом. Марианна, рекламируя песню, выступила по телевидению, и, как обычно, ее задумчивое мечтательное лицо мгновенно вызвало у всех зрителей-мужчин странную смесь похоти и желания защитить. И вновь слова Эндрю Олдхэма оказались пророческими: вся страна действительно влюбилась в нее.

Всеобщее восхищение стало серьезным испытанием для

молоденькой девушки, которая большую часть своей жизни испытывала на себе отчуждение со стороны окружающих.

Повинуясь внезапному порыву, она бросила школу и записала вторую песню «Come And Stay With Me», которая стала почти так же известна, как и первая. И в то же время чем больше ее засасывала звездная карьера, тем более одинокой она себя чувствовала.

Потом Марианна забеременела. В мае 1965-го она вышла замуж за Джона и вернулась к обычной жизни и семейному очагу.

Она не знала, как страстно ее желает Джаггер, и ее абсолютно не волновало, что именно из-за этого отношения Мика с Крисси Шримптон полностью разладились. Собственно говоря, ей это было безразлично. Она уже не считала его грубым и неотесанным, однако он все равно оставался для нее обычным популярным певцом, которому, в отличие от Джона Данбара, не доставало ума и хорошего вкуса.

Несмотря на беременность, ее карьера певицы продолжалась. Менеджеры, работавшие с ней, понимали, что Марианна не сможет долго оставаться на вершине популярности, и торопились с выпуском новых хитов («This Little Bird», «Summer Nights»), а также с организацией концертов в клубах и турне с «Роллинг Стоунз». Рождение сына, Николаса, повлияло на нее немного сильнее. Она знала, что любит Джона, но где-то глубоко внутри нуждалась в общем признании, в подтверждении того, что до сих пор остается привлекательной. Джон же начинал ревновать. Она вступила в случайную связь сначала с Брайаном Джонсом, потом с Китом Ричардсом и, наконец, с Миком Джаггером. Но у нее не было времени заводить ни с кем из них серьезных отношений. Марианна прекрасно знала, что это безумство скоро кончится и она сможет вернуться к спокойной жизни с Джоном и Николасом.

Возможно, она также в некоторой степени опасалась соперничества, которое могло возникнуть между ней и Анитой Палленберг. Это ей было совершенно не нужно. Анита стремилась подчинять мужчин, ей нравилось чувствовать свою власть над ними. А Марианна просто хотела быть любимой.

Мик Джаггер любил ее, и любил очень сильно — это становилось все заметнее при каждой их встрече. Помимо красоты, Марианна обладала хорошими манерами и образованностью, которые очень привлекали в ней Джаггера. Новоприобретенное богатство и влияние сделали его популярным среди молодых аристократов, но он понимал, что ему недостает утонченности и вкуса. Марианне же доставляло удовольствие учить его манерам, посвящать в литературу, знакомить с искусством. Постепенно она поняла, что он очень раним и что его

сильно задевает, когда Брайан и Кит объединяются против него. И наконец ощутила к нему ответное чувство.

Почти незаметно пролетело несколько месяцев; она отдалялась от Джона все дальше и дальше. Мик окончательно разорвал отношения с Крисси, и они с Марианной стали жить вместе. Иногда они встречались с Брайаном и Анитой, однако из-за паранойи и враждебности Брайана дружбы у них так и не получилось. Кит же, казалось, выжидал. Особенно это становилось очевидно, когда кто-нибудь начинал поддразнивать его, что он единственный из группы остался без красивой девушки.

4

Долгое время близким другом «Роллинг Стоунз» был Роберт Фрейзер. Он торговал произведениями искусства. Этот талантливый, обаятельный темноволосый мужчина так же решительно стремился свергнуть господство вычурных традиционных галерей, как Брайан, Кит и Мик — вырваться из оков традиционного джаза. И пока «Роллинг Стоунз» заводили своей музыкой толпы молодых интеллектуалов в «Кродэдди», Фрейзер приглашал гостей в свою маленькую галерею на Дюк-стрит в Мэйфэйре. У него были довольно смелые вкусы, но в то же время он прекрасно разбирался в авангарде шестидесятых и отличал стоящие вещи от подделок. Слава его среди ценителей искусства неуклонно росла, несмотря на то что иногда он, казалось, посягал на их устои.

Будучи весьма общительным и приятным человеком, он дружил со многими рок-звездами, которые в то время быстро становились чем-то вроде новой аристократии. Они доверяли его словам, когда он советовал им вкладывать средства в произведения искусства. Кроме того, им импонировала в нем смесь интеллигентности, стильности и современности. В отличие от большинства владельцев дорогих галерей и частных коллекций, этот человек сам употреблял наркотики и говорил на сленге, так что они обычно соглашались на те цены, которые он запрашивал.

Когда я был подростком, у меня было две страсти — рок-музыка и преступления, именно в таком порядке. Мой двоюродный брат ушел из дома и стал известным бандитом. Пока мои родители жаловались, что он навлекает позор на нашу семью, я с завистью поглядывал на его большой роскошный автомобиль и сопровождавших его красивых девушек и просил Господа наставить меня, как достичь того же. От преступлений веяло таинственной романтикой и славой. Брат рассказывал мне о том, как они уходили от полицейской погони и о близнецах, управляющих лондонским Ист-Эндом, так красочно, что сам Аль-Капоне позавидовал бы. В то время когда зарплата в 30 фунтов в неделю считалась вполне приличной, мой кузен часто носил в карманах по полторы тысячи.

Он пытался разубедить меня следовать по его стопам и даже предложил мне поработать крупье в небольшом клубе, где он владел долей. Клуб назывался «Le Chat Noire» («Черный Кот») и располагался в Мэйфэйре. Работа была интересная, но для меня это прежде всего открывало необыкновенную возможность лично

пообщаться с элитой лондонских криминальных структур. У Альберта Даймса, итальянского «крестного отца» лондонского Уэст-Энда, обладателя холодного острого взгляда, был собственный ночной клуб в Сохо, и он часто захаживал в наш. Я слышал отзывы о нем как о самом отъявленном злодее в Англии, однако мне он показался обаятельным и умным человеком. Хотя мне тогда было девятнадцать, выглядел я гораздо моложе, и Альберту взбрело в голову позаботиться обо мне — ну вроде как взять под свою защиту. Однажды, выпив уже порядочно бренди, он подозвал меня к себе и, положив руку мне на плечо, сказал:

— Сохо — суровое место, Тони, но если ты когда-нибудь нарвешься на неприятности, помни, что я за тебя. Можешь упоминать мое имя, если что.

Другой известной личностью в местных криминальных кругах была внушительных размеров женщина с бочкообразной грудью, уроженка Ливерпуля, которую за глаза называли Лохматой Шейлой. Шейла контролировала район Джерард-стрит до того, как он превратился в Чайна-таун. И делала это жестче и беспощаднее иного мужчины.

Ходили слухи, что однажды Шейла голыми руками задушила мужика, который пытался пробить себе дорогу на Джерард-стрит. Я считаю, что это чистая правда. Шейла также умудрилась дать отпор шизофреничным братьям-близнецам Крэй, когда те собрались было открыть игорное заведение в ее районе. Никто точно не знает, как ей удалось с ними справиться, однако в Сохо часто можно было встретить понимающую улыбку на лицах тех, кто слышал о том, что братья Крэй в итоге решили открыть свой игорный клуб «Барн» в Нэтерлэндс или Найтсбридже, поскольку там, по их словам, можно было заработать намного больше.

И вот в этот мир интриг, насилия и феодальной вражды попал Роберт Фрейзер. Однажды я в одиночестве пил эспрессо в баре на Флит-стрит в Сохо. Был ранний вечер, и я убивал там время перед работой в клубе.

Роберт подсел ко мне; у нас завязалась беседа. Он сообщил, что учился в Испании. Мои родители родом оттуда, и я знаю испанский так же хорошо, как и английский. Услышав об этом, Роберт пришел в восторг и тут же заговорил на испанском — оказалось, он тоже владеет им довольно прилично. Помню, около часа мы обсуждали испанскую политику и гражданскую войну, а затем Роберт отправился по делам. Я оставил ему телефон, и мы договорились встретиться. После этого Роберт часто заезжал в Сохо на машине, подбирал меня, и мы катались по району в поисках гашиша.

Раз или два он вскользь упоминал о неких беспокоивших его

«проблемах». А как-то поздней ночью, когда мы напились с ним в маленьком уютном баре на Бервик-стрит, он, с трагическим лицом осушив свое виски, заявил:

— Похоже, Тони, мне конец.

История его бедствий была для того времени достаточно стандартной. Подобно сотням других богатых молодых людей, он был покорен перспективами, открывавшимися для обогащения после легализации азартных игр, и…

— В общем, я задолжал в клубе «Барн» двенадцать тысяч фунтов, — признался он. — Теперь они звонят мне ежедневно и даже присылают ко мне в галерею своих бандитов. Они мне угрожают, но у меня просто нет такой суммы.

Тут я не смог сдержать кривой улыбки. Мы в «Черном коте» вели себя с должниками подобным же образом, и в девяти случаях из десяти это отлично срабатывало. Однако я решил, что лучше не говорить об этом Роберту. Вместо этого я сказал, что у меня есть друзья в «Барне» и, быть может, я что-нибудь смогу сделать.

Спустя пару дней я встретил на улице Альберта Даймса. Я обрисовал ему ситуацию, но он не захотел вмешиваться.

— Если на этом сосунке висит долг, то это его проблемы. А если ты собираешься устроить разборки с близнецами, то это твое личное дело, — вот и все, что он мне сказал. И на последней фразе я почувствовал, что Альберт Даймс, человек, железной рукой державший весь Сохо, немного побаивается. Он не хотел мериться силами с молодыми и взрывными братьями хулиганами из Ист-Энда. Но я был в то время юн и опрометчив, и помочь Роберту казалось мне делом чести.

«Барн» был оформлен богато, безвкусно и пышно. Я с некоторой опаской постучал во входную дверь. К моему облегчению, меня встретил Курчавый Кинг, мелкая сошка, дезертировавшая из Сохо к Крэям. Он стоял за конторкой портье в черном костюме и галстуке-бабочке.

— Курчавый, скажи Ронни и Рэгги, что я хочу повидаться с ними, — проговорил я, надеясь, что мои слова звучат достаточно весомо. Я заметил подозрительную выпуклость у него под пиджаком, там было явно что-то спрятано, и выглядело это угрожающе.

— Извини, Тони, они довольно занятые люди, — проговорил он, как обычно, печально, — и мне четко сказано, что они не хотят никого видеть. А в особенности это касается всякой шантрапы вроде тебя.

— Слушай, Курчавый, передай им: либо мы увидимся здесь и сейчас, либо я приду к ним домой завтра. В любом случае я

добьюсь встречи с ними.

Он смерил меня взглядом и затопал внутрь. Вернувшись через несколько минут, он проводил меня в совсем небольшой кабинет. За столом сидел Рэгги, выглядевший обычным респектабельным бизнесменом.

— Ну, Тони, что я могу для тебя сделать? — спросил он с дружелюбной улыбкой. — Друзья Альберта — и мои друзья.

Он угостил меня толстенной гавайской сигарой, и я рассказал ему, что произошло с Робертом. Когда я закончил, он сочувственно кивнул половой и поискал папку, касающуюся этого дела.

— Очень печально, — нахмурившись, сказал он, — когда джентльмен вроде него ведет себя нечестно. Посмотри-ка сюда, — он разложил передо мной веер не принятых чеков. — Этот человек выписал мне фальшивых чеков больше чем на пять штук. Но вот что я тебе скажу. Альберт мой друг, и поэтому я спишу часть долга, если этот парень заплатит мне три штуки прямо завтра, в это же время. Ничего лучшего я не могу тебе предложить.

Я возвращался обратно чуть ли не пританцовывая от радости и, увидев по дороге телефон-автомат, решил немедленно позвонить Роберту. Крутые братья Крэй, известные убийцы, которых боится даже Альберт Даймс, уступили мне! Я уже предвкушал, как буду рассказывать это брату. Когда я наконец дозвонился, Фрейзер несколько секунд молчал, ошеломленный новостями.

— Господи, Тони, — несколько раз говорил он мне потом, — ты же мне просто жизнь спас!

После этого мы сблизились. Я помог ему отыграть заплаченные деньги в «Черном Коте» в «железку»[3]. Я не чувствовал за собой из-за этого особой вины как крупье, потому что знал, что в большинстве игр есть некоторые хитрости, направленные на то, чтобы игрок проигрывал.

Роберт начал приглашать меня к себе, в богато обставленную квартиру на Маунт-стрит в Мэйфэйре. Друзьям он представлял меня как Испанца Тони. Однажды, когда у него в гостях были музыканты малоизвестной мидлэндской группы «Муди Блюз», он предложил нам всем покурить. Хотя мы часто говорили о наркотиках, однако на самом деле я еще ни разу не курил травы, и теперь с интересом наблюдал, как Роберт достал завернутую в фольгу марихуану и свернул из нее самокрутку.

Сидя на полу, мы пустили косяк по кругу и слушали блюзы Джона Ли Хукера. Когда настал мой черед, я глубоко вдохнул приятный травяной дым, от которого, казалось, начинает

разрывать легкие. Грэхэма Эджа, барабанщика, вставило первым, и он, хихикая, откинулся на спину. Я поглядел на него с легким удивлением. Однако вскоре мы все заразились от него весельем и тоже принялись смеяться, а спустя некоторое время уже просто катались по полу, хохоча до слез. Я решил, что марихуана — это круто.

Понемногу я начал прикупать ее и сам. У меня в Сохо был друг по прозвищу Дилер. Его прозвали так потому, что он и вправду мог достать любые наркотики. Пакет травы стоил около пяти фунтов, и это была вполне доступная цена. Мы сдружились с музыкантами «Муди Блюз», и они часто заходили покурить ко мне в гости на Палмерстон-роуд в Килбурне.

Тем временем Роберт пытался по-отечески помочь мне заняться чем-нибудь серьезным. Он полагал, что если я буду и дальше так жить, то закончу свой путь в тюрьме. Мне всегда нравилось фотографировать, и Роберт настойчиво советовал мне развивать свои таланты в этой области. Он познакомил меня с великолепным модным фотографом Майклом Купером, и тот научил меня ставить свет и снимать со штативом, а также объяснил, какое оборудование надо докупить. Каждый раз, работая в клубе, я заодно учился снимать на свой новый «Пентакс», пробовал различные фильтры и так далее. Наконец у меня стали получаться хорошие фотографии — ничуть не хуже тех, что украшали обложки глянцевых журналов. Музыканты «Муди Блюз» тоже оценили мои работы и даже попросили сфотографировать их для обложки дебютного альбома.

Для этого мы поехали в Хэмпстед — тихий живописный пригород на севере Лондона, где много зеленых парков и старых столетних пабов. Фотографии получились очень стильные, мрачноватые, и, несомненно, это были лучшие снимки из тех, что я делал. Менеджер группы был так восхищен, что даже выдал мне приличное вознаграждение. И я, помнится, думал, что теперь нашел «свое дело». Я наконец знал, чем буду заниматься в жизни.

Хотя я был, повторюсь, довольно молод, однако уже успел познать немало женщин. В Уэст-Энде многие девушки, работавшие в клубных шоу, видимо, считали своим долгом завлечь неопытного парня к себе в постель и научить его сексу. Все они были сердечными, любвеобильными женщинами, и к описываемому времени некоторые из них стали моими близкими друзьями.

Однако я еще никогда в жизни не встречал девушки такой совершенной, как та, с которой мы курили траву у Роберта однажды вечером. Он представил ее как Марианну Фэйтфул. Имя мне ничего не сказало. Одета она была в старые джинсы и тугую

футболку, ее крепкая грудь с большими сосками ясно просвечивала сквозь тонкую ткань. Впервые я видел девушку, не носившую лифчика. Благодаря васильковым глазам и не сходившей с лица улыбке она выглядела совершенной девчонкой.

Несмотря на то что Марианна казалась очень юной, она довольно уверенно говорила с Робертом о современных художниках и скульпторах Я, не особенно вникая в разговор, просто слушал ее глубокий хрипловатый голос. Роберт, зная, что разговоры об искусстве утомляют меня, незаметно перевел тему на наркотики и рассказал Марианне о моем друге Дилере и о том, как бывает полезен его талант раздобывать что угодно.

— Это просто невероятно! — воскликнула она. — Все знают, как сложно сейчас купить даже немного травы.

Роберт тоже постоянно сталкивался с подобными трудностями. И чем дальше, тем чаще он просил меня съездить на моем «Альфа-Ромео» в Сохо и купить что-нибудь для кого-нибудь.

Марианна часто появлялась у Роберта со своим мужем, Джоном Данбаром. Однако еще чаще она приходила туда с Брайаном, Китом или Миком. Однажды она попросила меня достать немного травы лично для нее. Мы поехали ко мне в Килбурн и там вместе покурили И я впервые увидел, как она плачет.

— Я так одинока, Тони, — призналась она. — Я чувствую, что мы с Джоном страшно далеки друг от друга. И постоянно продолжаем отдаляться. Я уже ничего не понимаю и не знаю, что будет со мной дальше…

Я обнял ее. Она спрятала голову у меня на груди. И мы занялись любовью.

Вскоре Роберту приелась марихуана. Он курил по шесть косяков в день, однако эффекта уже почти не ощущал. Тогда он начал пробовать пирожные с гашишем, пить кофе с гашишем, но все равно не чувствовал кайфа. Вскоре один его друг, американец Билл Уиллис, рассказал ему о чудесах, которые творит кокаин. Роберт был заинтригован. Уиллис угостил его дорожкой, и Роберт втянул ее в нос через свернутую в трубочку фунтовую банкноту. Впоследствии он много рассказывал, насколько потрясающе это было.

— Словно по моему телу разлился жидкий огонь, — говорил он.

И никто не смел рассказать ему правду, которую знали все: кокаин убивает. Роберт вступил в ту фазу, когда наркотики начинают доминировать в жизни.

Билл Уиллис уехал. Роберт же решил сам купить немного

кокаина, чтобы познакомить друзей с этими удивительными ощущениями. Меня это все поначалу забавляло и вызывало любопытство, так что, когда он попросил меня достать у Дилера кокс, я отправился в Сохо и вернулся с искомым. Стоимость у него была как у пяти бутылок водки[4]. Мне это казалось дурацкой тратой денег — выложить столько за какой-то маленький пузырек с белым кристаллическим порошком.

В те далекие дни властям еще не был известен тот факт, что кокаин, в отличие от героина, не вызывает физической зависимости, и многие врачи, лечащие наркоманов, прописывали своим пациентам кокаин по рецептам. Дилер просто перекупал у них наркотик по сходной цене, а затем увеличивал ее в три, четыре или пять раз.

Я внимательно наблюдал за тем, как Роберт, осторожно высыпав кристаллики на карманное зеркальце и разделив их на две тонких линии, скручивает пятифунтовую банкноту и втягивает порошок через ноздри. Я заметил, что его дыхание сразу замедлилось, а на глазах выступили слезы.

— Уф! — проговорил он. — Сносит крышу. Не хочешь попробовать?

Нюхать кокаин оказалось не так просто. В первый раз я нечаянно развеял драгоценный порошок по всему столу. Однако попробовав вторично, я ощутил, как в щеку изнутри вонзаются сотни маленьких льдинок. Щека онемела — но это было все. Я ожидал большего. Роберт рассказывал, что кокс приносит озарение, изменяет восприятие вселенной, а я просто сидел с онемевшей щекой и мокрыми глазами, и ничего не происходило. Но затем мы заговорили, и я поразился четкости и утонченности своих мыслей и речи. Свойственная мне неудовлетворенность жизнью неожиданно исчезла; я начал говорить точными, емкими фразами — прежде я и не подозревал, что способен на такое. И тогда я понял секрет притягательности (и в то же время опасности) кокаина. В отличие от других наркотиков, он делает ум более острым, а все вещи и явления — ясными и понятными. Алкоголь и, хотя и в меньшей степени, трава одурманивают мозг. Амфетамины порождают нервозность и паранойю. Кокаин же дает моментальное «просветление», подобное тому, которое приносит здоровый образ жизни.

Я был так впечатлен, что прочитал об этом необыкновенном веществе все, что только смог найти. Зигмунд Фрейд, как оказалось, был одним из первых, кто защищал кокаин в качестве «средства, вызывающего эйфорию». Будучи еще молодым неврологом, он обнаружил, что кокаин не только помогает сфокусировать мышление, но и фантастически увеличивает

либидо. В 1884 году он писал своей невесте. «Горе тебе, моя принцесса, когда я вернусь. Я буду целовать тебя, пока ты не раскраснеешься, и стану кормить тебя, пока ты не располнеешь Но если ты решишь сопротивляться, то посмотрим, кто крепче: девушка, которая плохо кушает, или крупный, грубый мужчина, в венах которого течет кровь, смешанная с кокаином».

Кокаин быстро находил себе все новых сторонников, и в «беспутные девяностые»[5] казалось, что его нюхают уже во всем мире. Многие полагают, что и в кока-коле содержалась большая его доза (из-за названия и репутации бодрящего напитка). Существовали кокаиновые конфеты, сигареты и даже кокаиновые мази и втирания. Однако параллельно росло и крепло общественное мнение, что из-за кокаина совершаются многие преступления, и в 1906 году он был запрещен.

В декадентствующей предвоенной нацистской Германии кокаин был очень популярен среди богатых людей. Самым известным кокаинистом был Герман Геринг, возглавлявший Люфтваффе, который использовал его наравне с морфием. Некоторые историки утверждают, что кокаиновая зависимость сыграла важную роль в формировании параноидального мышления нацистских лидеров. Есть даже забавная гипотеза, что именно под воздействием кокаина Гитлер произнес свою историческую фразу: «Завоевать Россию? А почему бы и нет?»

Хотя действие наркотика меня и восхищало, я был уверен, что он вызывает зависимость, и старался ограничиться разом в неделю. Брайана и Кита с волшебными возможностями кокаина познакомил Роберт, и они тоже еженедельно приходили к нему в гости поторчать. Они и меня просили достать им кокаина, но я неизменно отказывался. Я вовсе не хотел становиться «распространителем опасных наркотиков», ибо это грозило тюремным заключением.

В то время я был очарован «Роллинг Стоунз». У меня дома, на Палмерстон-роуд, постоянно играла их музыка. Друзья меня расспрашивали: какие они на самом деле? Действительно ли такие плохие, как о них пишут в газетах? Иногда я приглашал Брайана или Кита к себе, и мы нюхали кокс или курили траву. Марианну я почти не видел. Она была поглощена работой, материнством, Миком и своим замужеством, так что ни на меня, ни на Роберта у нее просто не оставалось времени. Однако как-то раз в четыре часа утра в моей квартире раздался звонок в дверь. Продрав глаза, я открыл. Там стояли Марианна, Брайан, Анита и еще несколько человек, которых я не знал.

— Привет, Тони, как поживаешь? — спросил Брайан.

— Какого черта вам надо? Четыре утра!

— Тони, а у тебя есть что-нибудь? — спросил он, ухмыльнувшись.

— В смысле — «что-нибудь»?

— Ну ты же понимаешь — что-нибудь нюхнуть.

Я достал немного припрятанного кокаина и разделил его на несколько дорожек. Когда гости выстроились в ожидании своих порций, я ощутил себя сиделкой, кормящей с ложечки малышей-беспризорников.

Несмотря на разговоры о том, что «Роллинг Стоунз» курят траву, никто из фанатов, судя по всему, не знал, что Брайан с Китом употребляют и более сильные наркотики. Зато всем уже было очевидно, что «Роллинг Стоунз» становятся серьезной политической силой. Длинные волосы и нежелание идти на компромисс с властями превратили их в героев поколения, оспаривавшего все законы и нарушавшего все табу. И, несомненно, многие представители власти были обеспокоены усиливающимися позициями этой пятерки уличных бойцов.

Первым свидетельством надвигающегося шторма стала история с автозаправкой. Мик, Брайан и Кит приехали туда поздно ночью. Всем им страстно хотелось в туалет. Однако вздорный служитель наотрез отказался пустить их туда. В знак протеста они пописали на стену заправки. Служитель вызвал полицию, дело дошло до суда, и суд приговорил их к уплате штрафа. «Роллинг Стоунз», далекие от раскаяния, упоминали об этом инциденте при любой возможности. Случай стал символичным. И никто не осуждал их.

Самый громкий и известный хит группы, песня «Satisfaction», тоже стала символом. Это был мощный гимн, который дал понять всем политикам, клеркам, бизнесменам и журналистам, то, что они называют «свободным миром», на самом деле им вовсе не является. Это мир, где нет сексуальной свободы и возможности жить как хочется. Песня прекрасно отражала чувства миллионов вполне сознательных молодых людей во всем мире. Кроме того, она стала лейтмотивом всего творчества группы.

На концерте в Берлине Мик решил дополнить песню инструментальной импровизацией, под которую он гусиным шагом прошелся по сцене. Как только Мик начал свое пародийное движение, в зале раздались крики и хлопки, слушатели начали неистовствовать, и он почувствовал, что сумел передать им главное. Он ощутил тогда огромную силу и не на шутку взбудоражил фанов. Иногда Мик бросал в толпу мрачные взгляды и взмахивал рукой в нацистском салюте. Для озлобленной молодежи задавленного репрессиями и поделенного на части города это представление оказалось катализатором взрыва. Они

взбунтовались уже в зале, а позже принялись драться с полицией на улицах, грабить магазины и взрывать поезда.

Джаггер по этому поводу не испытывал ни малейших угрызений совести. Он был горд собой и удовлетворен тем, что его самовыражение усиливает музыку «Роллинг Стоунз».

— На сцене я испытываю странное чувство, — сказал он журналисту. — Я чувствую энергию, исходящую от публики. Им не хватает чего-то в жизни, и они надеются получить это от нас. У меня часто возникает желание разбить микрофон, потому что на сцене я становлюсь другим человеком… Конечно, я подыгрываю слушателям. Я стараюсь это делать всеми возможными способами… Я стараюсь быть сексуальным. Я танцую, а все танцы — это заменитель секса. Кстати, людей расстраивает, что я мужчина, а не женщина. Я не веду себя так, как делали бы это девушки-танцовщицы, но зрители принимают меня, поскольку это мужской мир. Во многом то, что я делаю, похоже на работу стриптизерш. Я снимаю куртку и иногда даже срываю рубашку — но, понимаете, я делаю это вовсе не из самолюбования.

В 1967 году «Роллинг Стоунз» нанесли очередной смертельный удар старым ценностям своей дерзкой песней «Let Spend The Night Together». Несмотря на всю скандальность этой вещи, Роллингов пригласили исполнить ее перед девятью миллионами зрителей популярного варьете-шоу «Воскресный вечер в лондонском «Палладиуме»». Хотя группу с этой провокационной песней уже показывали по телевизору, однако исполнение ее вживую должно было произвести эффект разорвавшейся бомбы — и «Роллинг Стоунз» решили попробовать. Одной из традиций представлений в «Палладиуме» было то, что в самом конце музыканты выходят на вращающуюся сцену и под прицелами телекамер прощаются со зрителями. Музыканты сошлись на том, что уж такую глупость они делать не будут, и, невзирая на настойчивые попытки Эндрю Олдхэма и других продюсеров шоу их переубедить, настояли на своем. Теперь трудно далее представить, какой гнев вызвало это банальное отступление от правил. Многие восприняли его так, словно эти невоспитанные самонадеянные юнцы попытались ворваться к ним в дом. Еще бы — ведь они высмеивали любимую программу и глумились над тем, что долгое время было важной составляющей жизни множества людей.

— Они оскорбили и меня, и всех присутствующих! — кричал ведущий.

Во время следующего телевизионного шоу на них с ядовитыми упреками набросились комик Терри Скотт и певица Сьюзен Мохэн.

А Джаггер только подлил масла в огонь, общаясь с репортерами:

— Мы согласились участвовать в этом шоу исключительно ради рекламы. Но те, кто думал, что мы сменим свой имидж просто для того, чтобы угодить публике, состоящей из всяких там домохозяек, глубоко ошибался.

Шоу было посредственным, и мы в нем тоже не блистали. Все прошло ужасно. Я не говорю, что мы выступили лучше, чем другие, — это был один сплошной отстой… мы больше никогда не будем в нем участвовать.

Это оказалось чересчур для миллионов простых, коротко стриженых работяг, которые составляли основную аудиторию телепередачи. Но все, что они могли сделать, — гневно потрясать кулаками в своих конторах и на заводах, заявляя, что пора бы уже как-нибудь осадить этих парней. И несложно вообразить, что происходило на Флит-стрит, в офисе одной из крупнейших газет, «Ньюс оф зе Уорлд». «Люди сыты по горло бахвальством сопливых выскочек. Надо устроить им хорошую взбучку, — такова была суть задания главного редактора репортерам. — Посмотрим, что нам удастся раскопать».

5

Постепенно публика стала считать лидером «Роллинг Стоунз» Мика, а не Брайана. После концерта в «Палладиуме» именно у Мика брали интервью, показывали по телевидению и публиковали его фото в газетах. Мнением Брайана, казалось, вообще никто не удосужился поинтересоваться. Задетый этим, он предложил одному музыкальному журналисту организовать ему встречу с прессой, чтобы рассказать о пути, которым «Роллинг Стоунз», его группа, собирается изменить и улучшить мир. Брайан не знал, что все газетчики были предупреждены: в разговоре с ним лучше избегать некоторых запретных тем, таких как незаконнорожденные дети и наркотики. Неудивительно, что в итоге статьи о нем получились очень благопристойные. Какая-то газета даже назвала его «самым интеллигентным из Роллингов». А «Нью Мюзикл Экспресс» позволила ему открыто высказать свое мнение о том сопротивлении, которое *его* группа пытается преодолеть:

> Мы дети своего поколения, и наши сверстники верят в то же, во что верим мы сами. Наши настоящие последователи действуют так же, как и мы, — например, хиппи в Нью-Йорке. Но и многие другие, подобно нам задаются вопросом о фундаментальных моральных ценностях современного общества, которое позволяет происходить войне во Вьетнаме, преследует гомосексуалистов, вводит запрет на аборты и употребление наркотиков.
>
> Все эти вещи аморальны. И мы просто доказываем свою позицию, как умеем, — другие же выражают ее более интеллектуальными способами. Наши друзья задаются вопросом о том, правильно ли, слепо следуя религиозным установкам, полностью и с презрением отвергать такие вещи, например, как сообщения об НЛО, которые мне кажутся более реальными, чем вера. При этом я, напротив, ничуть не недооцениваю влияние тех, кто, в отличие от меня, верит в Бога. Но мы верим в то, что невозможно двигаться вперед без революционных преобразований. Есть и другие противоречия — например, огромная и несправедливая разница между настоящим богатством и размерами заработной платы. Я уже теперь умею зарабатывать много, и, поскольку я молод, в глубине души у меня таится надежда, что мне

удастся удержать то, чего я достиг. И я верю, что мы все вступаем в новую эру — и и смысле идей, и в смысле событий.

Читая эти слова, любой понимал, что Джонс говорит достаточно серьезно и что именно он, а вовсе не Джаггер, мечтает добиться изменений в обществе. Это принесло Брайану уважение и поддержку со стороны окружающих, столь необходимую ему. Он снова стал держаться более уверенно и вновь почувствовал свою незаменимость.

Брайан тогда крайне нуждался в самоутверждении и уважении. Они нужны были ему больше наркотиков, больше музыки, больше всего на свете. Анита опять ушла к Киту, и на этот раз, казалось, окончательно. Она не хотела уходить. У Кита были оттопыренные уши, заячья верхняя губа — в общем, ему явно недоставало брайановского обаяния. По когда Брайан бил ее по лицу и оскорблял жестокими словами, Кит всегда оказывался поблизости. Он любил ее, он с готовностью говорил с ней о Брайане, он был надежным и верным другом. Брайану же после множества «бэд трипов»[6] пришлось отправиться лечиться в Швейцарию. Она плакала, а Брайан кричал на нее, чтобы она тоже «завязывала с этой фигней».

Кит оказался, как всегда, рядом, и они вместе курили траву, разговаривали, занимались любовью — словом, жили нормальной жизнью, как они жили с Брайаном до того, как тот стал таким желчным и раздражительным.

Когда Брайан вылечился и приехал, она вернулась к нему. Но, хотя она никогда не заговаривала об этом, он понимал, что рано или поздно она опять уйдет к Киту. Он пытался заглушить подобные мысли наркотиками, но от этого становился с ней еще грубее и злее, что лишь сильнее подталкивало Аниту к Киту.

Этому, преследуя свои собственные цели, способствовала и Марианна. Они с Миком гостили у друзей в ирландском замке, и Марианна позвала туда только Аниту и Кита, тихо обойдя приглашением Брайана.

Позже они все вместе решили отправиться в Марокко. Там Брайан, Кит, Мик, Анита, Марианна и еще несколько их приятелей провели безумные «кислотные» выходные. Брайан, как всегда, принял слишком много и после этого не вставал с постели целую неделю. Анита бросила его там, сообщив, что между ними все кончено и она летит с Китом обратно в Англию. Брайан пробормотал, что счастлив избавиться от нее, однако этот поступок был для него все равно что нож в сердце. Все, кого он любил, — Тара, Анита, Кит — покинули его. Теперь он был

совершенно одинок. Наверно, он и в самом деле, как они говорили, не способен дать ничего хорошего никому, даже самому себе.

Газеты все еще были на его стороне. Они принимали и превозносили любые его высказывания. Поэтому, когда двое журналистов подошли к нему в клубе «Блэйз» в Кенсингтоне, где он взбадривался водкой и бензедрином, Брайан отнесся к ним вполне дружелюбно. Они побеседовали немного о мистике, а затем разговор перекинулся на амфетамины и растущую популярность наркотиков среди звезд рок-музыки.

Выйдя из клуба, эти двое ухмыльнулись друг другу и многозначительно переглянулись.

— Этот Мик Джаггер, — сказал один, ошибочно приняв Брайана за Мика, — похоже, наговорил достаточно, чтобы вляпаться в серьезные неприятности.

И вот пятого февраля в «Ньюс оф зе Уорлд» опубликовали выдержки из этого интервью — в качестве первой статьи на тему «поп-звезды и наркотики»:

> Он сказал нам: «Хотя многие фаны и судачат об этом, но я почти не употребляю сейчас ЛСД. Это просто сплетни. Хотя я помню первый раз, когда мы его пробовали. Это случилось во время наших гастролей по Америке вместе с двумя звездами рок-н-ролла».
>
> Пока мы беседовали с ним в клубе «Блэйз» в Кенсингтоне, Джаггер съел шесть таблеток бензедрина. «Не могу взбодриться, если не проглочу парочку», — сказал он… Позже Джаггер показал своему другу и двум девушкам небольшой пакет с марихуаной и предложил отправиться «дунуть» к нему на квартиру.

Джаггер был ошеломлен и взбешен этой статьей. Он никогда не употреблял амфетамины в общественных местах и вообще остерегался говорить о наркотиках с людьми, с которыми не был близко знаком. Решив, что вся эта история — подлая выдумка, он в тот же вечер выступил в очень популярном телешоу Имоина Эндрюса и заявил, что предъявит иск «Ньюс оф зе Уорлд» за клевету.

После этого общественное давление на Мика усилилось. Он был уверен, что за ним теперь постоянно следят частные детективы. Как ему казалось, они даже ночью сидели в грузовике под окнами его шикарной четырехкомнатной квартиры на Мэрилебон-роуд. И почувствовал облегчение, когда Кит пригласил его провести выходные в местечке Редлэндс, под Уэст-Уиттерингемом в Суссексе, где у Кита был сельский дом с

соломенной крышей. «Приедет еще Джордж Харрисон, — сказал Кит, — а из прочих друзей — Майкл Купер, Роберт Фрейзер и Кристофер Гиббс».

Был там и еще один гость, таинственный калифорниец, представившийся как Кинг. Он привез в Лондон таблетки под названием «Белая молния». Галлюциногенный эффект от них был похож на кислотный, однако химическая формула — другая, не являвшаяся запрещенной.

В субботу Джорджу Харрисону наскучило тусоваться и он уехал. Оставшимся Кинг предложил следующее: он разбудит их в воскресенье утром и угостит чашкой чая и таблетками «Белой молнии», после чего можно будет вновь заснуть, а проснувшись, обнаружить себя в трипе. Наркотик на практике оказался славным, с тихими спокойными галлюцинациями, и не приводил к потере самоконтроля. День был ясным, небо — ярко-голубым, так что полдня они провели, гуляя по лесу, сидя на пустынном пляже и плавая на лодке по холодному морю. Затем все вернулись в теплый дом, где поели и покурили траву у камина в уютной гостиной.

В восемь вечера все уже были порядочно под кайфом. После душа Марианна села на диван, завернувшись в огромный рыжевато-коричневый персидский ковер, отделанный мехом. Остальные слонялись по дому, слушая музыку «Зе Ху» и Боба Дилана, оглушительно ревевшую из больших динамиков. Киту не нравилось просто так слушать музыку. Он всегда чувствовал, что ему нужно смотреть на что-нибудь помимо вращающегося пластмассового диска. Поэтому одновременно работал и телевизор с выключенным звуком. В маленьких курильницах, расставленных по комнате, дымился ладан.

В какой-то момент они услышали, что кто-то громко и сильно колотит в дверь.

— Что за черт? — со смешком спросил Мик.

— Не пускай никого, Кит, — засмеялась Марианна. — Если мы будем сидеть тихо, они уйдут.

Но Киту стало любопытно, и после очередного, еще более настойчивого стука, он распахнул дверь. Перед ним стоял невысокий коренастый мужчина в белом кителе. А за ним Кит заметил множество полицейских — мужчин и женщин в форме.

В первый момент Кит решил, что это очередная галлюцинация. Однако фигура, стоящая перед ним, выглядела слишком материальной для глюка.

— Вы хозяин этого дома? — спросил мужчина, старший инспектор Гордон Динили.

И прежде чем Кит успел понять, чего хочет полицейский, ему

вручили ордер на обыск, основанный на «Акте об опасных наркотиках» 1965 года, и приказали прочесть.

— Что вы имеете в виду? Что это все означает? — Кит был ошеломлен настолько, что все еще не мог понять, что происходит.

— Это, сэр, ордер на обыск, — пояснил полицейский.

Тут Кит наконец осознал происходящее и отступил в сторону, позволив полицейским войти. Снаружи дом был оцеплен на случай, если кто-то решит выпрыгнуть из окна.

— Эй, — крикнул Кит, перекрикивая музыку, — к нам тут пожаловали некие леди и джентльмены. У них с собой какая-то бумажка… со всякой юридической болтовней…

Когда коротко стриженые полицейские в огромных ботинках вошли в гостиную, их встретил общий смех. Это выглядело настолько глупо, что просто не могло быть реальностью.

Марианна ухмыльнулась Майклу Куперу и приподняла краешек ковра, чтобы копы могли понять — она абсолютно голая. Она соблазнительно улыбнулась одному из молодых констеблей и пришла в восторг, когда тот покраснел.

«Это как трип, — думала она, — надо вести себя как в трипе».

Кто-то поставил на проигрыватель диск Дилана, и из динамиков зазвучали его антиправительственные и защищающие наркотики песни. Мысль о том, что их будут обыскивать под музыку Дилана, показалась Киту настолько забавной, что он, заливаясь истерическим смехом, повалился на одну из разбросанных по полу восточных подушек.

Женщина-полицейский сказала Марианне, что должна ее обыскать, и Марианна капризно крикнула Мику:

— Мик, Мик, помоги, эта лесбиянка хочет обыскать меня! Что ей надо? И как эта проклятая лесбиянка собирается меня обыскивать? Я же вообще без одежды…

Тут она приспустила ковер, демонстрируя грудь и то, что ниже, так что все в комнате могли заметить, какие светлые у нее волосы на лобке. Все присутствующие повернулись к ней. Деревенские стражи порядка заглядывали друг другу через плечо, пытаясь рассмотреть все получше. Когда же женщина повела ее на второй этаж по лестнице, Марианна театрально извивалась и вопила:

— Помогите! Меня хочет изнасиловать женщина-полицейский!

Роберт Фрейзер ошеломленно смотрел, как полицейские начинают неловко складывать в полиэтиленовые пакеты курительные трубки и разные амулеты. Затем старший офицер подошел к его креслу и извиняющимся тоном сказал, что должен его обыскать. Роберт, не задумываясь, предложил ему приступать.

В его карманах обнаружили две коробочки: в одной лежало восемь амфетаминовых таблеток, в другой — шесть крошечных таблеточек фармацевтического героина, внешне похожих на сахарин.

— Что это? — спросил полицейский.

Роберт спокойно, словно ребенку, объяснил ему, что это таблетки от диабета.

— У меня есть на них рецепт, — добавил он.

Полицейский извинился и вернул таблетки. Но затем, по некоторому размышлению, вновь обратился к Роберту:

— Извините, сэр, но мне придется взять у вас по одной на экспертизу. Это, конечно, простая формальность, сэр.

Он взял у него по таблетке и положил в конверт. В спальне другой полицейский обнаружил зеленую куртку и принес ее в гостиную.

— Кто хозяин этой куртки? — с легким отвращением спросил он.

Джаггер признался, что куртка его, и замер от страха, заметив, как полицейский достает из кармана маленький кусочек гашиша. Но тот быстро положил его обратно и торопливо отряхнул руки.

«Господи, — подумал Мик, — он же решил, что это просто грязь с пылью».

Затем полицейский достал маленький пузырек с четырьмя таблетками.

— Это ваши? — спросил он.

— Да, — ответил Мик, — мне их прописал мой врач, доктор Фёрт. Взбадривает и помогает лучше работать.

Затем полицейские принялись за Кинга. Его маленький кожаный кейс лежал прямо перед ним. У Кинга спросили, его ли он.

— Да, мой, — ответил тот.

Все обыскиваемые знали, что кейс полон кокаина, «Белой молнии», марихуаны и всех прочих наркотиков, какие только известны человечеству.

Констебль, открывший кейс, поинтересовался, что это за маленькие свертки, обернутые алюминиевой фольгой.

— Это фильм, — сказал Кинг. — Я кинорежиссер, и это мой последний незаконченный фильм. Пожалуйста, не открывайте: если вы засветите пленку, все будет потеряно. А это целый год работы.

— Да, конечно, сэр, — ответил констебль и начал обыскивать куртку Кинга.

В ней он с восторгом обнаружил маленькую жестянку с двумя

кусочками гашиша.

Полицейские, казалось, были полностью удовлетворены. Они пришли сюда найти наркотики, и они их нашли. Кит тоже чувствовал облегчение, копы столько всего не нашли, и, кроме того, ничего из обнаруженного не принадлежало ему или Мику. Казалось, они волшебным образом избежали неприятностей.

Кит начал потихоньку вежливо выпроваживать полицейских, надеясь, что они не станут обыскивать дом более внимательно. Однако последний полицейский, уходя, обернулся и высокомерно заявил ему:

— Если лабораторные пробы докажут, что здесь были найдены опасные наркотики, не принадлежащие ни одному из присутствующих, отвечать за это будете вы.

— Понял, — кивнул Кит, — они хотят навесить все это на меня.

Роберт звал меня тогда на вечеринку в Редлэндс, но меня уже пугала мысль о любых галлюциногенах. Кроме того, там не предполагалось присутствие других женщин кроме Марианны, и это было второй причиной, по которой я решил остаться дома. Тем не менее я встретился с Робертом — он еще в четверг просил достать ему немного героина, и я купил его по 25 фунтов за таблетку у дилера в Сохо. По той жадности, с которой Роберт выхватил у меня наркотик, я понял, что большую часть он покупал для себя. А потом Роберт со своим экзотичным слугой-гватемальцем Джорджем отправились в Редлэндс, а я спокойно провел выходные с женой и маленьким сыном Джейсоном.

В воскресенье посреди ночи меня разбудил надрывающийся телефон. Звонил Роберт, и голос у него был абсолютно безумный.

— На нас тут была облава, Тони, и как ты думаешь, что у меня нашли?

У меня сразу упало сердце. Хранение героина каралось тюремным заключением.

— Приезжай ко мне, Тони, — умоляющим тоном попросил Роберт. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Когда я приехал, он рассказал мне все в деталях. В конце я начал расспрашивать, что еще и у кого нашли во время облавы.

— Не знаю, меня это не волнует, — ожесточенно бросил он. — По их вине я попал в неприятности. Так бы меня никогда не обыскали — это случилось только по их глупости и недосмотру.

В те дни у меня были друзья, которые утверждали, что могут купить любых людей в суде. Кроме того, и у меня самого была пара знакомых полицейских, за небольшую мзду закрывавших глаза на некоторые мои нечестивые делишки.

Я поговорил с одним из моих приятелей про Роберта, и он

сказал, что найденный у него героин вполне могут признать глюкозой. Конечно, за достойную плату.

Когда я принес Роберту эти добрые вести, он вздохнул с облегчением.

— Тони, если тебе удастся снять это обвинение, я твой вечный должник.

Я еще раз переговорил с другом, и мы выяснили, что цена за то, чтобы правосудие оказалось на стороне Роберта, Мика и Кита, составит шесть тысяч фунтов.

Роберт сделал несколько телефонных звонков, и вскоре в дом явился посыльный с черным кожаным чемоданчиком. Роберт открыл его и показал мне плотные пачки банкнот.

Я не верил своим глазам. Хотя я и раньше видел крупные суммы, например, когда работая в казино, на этот раз денег, лежавших в чемодане, хватило бы, чтобы купить приличное родовое поместье. И все же это была небольшая цена за то, чтобы предотвратить угрозу тюрьмы, нависшую над Робертом и «Роллинг Стоунз».

Во вторник я передал деньги в одном из килбурнских пабов. Теперь оставалось только ждать. Газеты пока что молчали; создавалось впечатление, будто о рейде никто не знает.

Мы с Марианной обсуждали происшествие, встретившись у Роберта. Она была расстроена тем, что Джаггер взял на себя ответственность за ее амфетамины.

— Я купила их в аэропорту, когда мы были в Италии, — сообщила она мне. — Но когда копы обнаружили их, Мик решил сказать, что это его. Он очень храбрый. И гораздо более благородный, чем многие думают.

Несколько дней я наслаждался благодарностью Роберта, пока в следующее воскресенье он не позвонил мне, страшно сердитый.

— В «Ньюс оф зе Уорлд» опубликовали все подробности, — бушевал он. — Они знают, что я там был, назвали точное время и имена всех гостей. Такое впечатление, что там посреди комнаты сидел репортер и все записывал. Они даже указали «количество веществ», которые были конфискованы.

Казалось очень странным, что газета, получившая от Мика иск о клевете (Мик, кстати, не смог поехать в суд из-за облавы), целую неделю скрывала эту сенсационную информацию. Меня это серьезно обеспокоило, потому что подкуп мог сорваться из-за того, что обстоятельства дела так подробно описаны в прессе. Но выбора не было, приходилось лишь надеяться, что все будет в порядке.

Мы все тогда были уверены, что знали, кто нас подставил.

Адвокаты Мика обнаружили, что после облавы парень,

назвавшийся Кингом, уехал из страны. Именно он поведал нам об изумительной и абсолютно легальной «Белой молнии». Именно он предложил на выходные уехать за город. Именно Кинг любезно угостил всех наркотиками за утренним чаем. Казалось, Кинг подстроил вообще все. Он выглядел самой таинственной и зловещей фигурой в этой истории.

Поговорив друг с другом, мы попытались припомнить и выяснить, откуда он вообще и что мы о нем еще знаем.

Все сошлись на том, что он — распространявший кислоту дилер из Калифорнии.

— Это же очевидно, разве нет? — сказал Кит — «Ньюс оф зе Уорлд» наняли его, чтобы нас подставить. Затем сообщили в полицию, чтобы обыск сорвал слушание по поводу иска Мика. Они понимали, что Мик крепко возьмет их за горло и им придется выплатить около семисот пятидесяти тысяч фунтов. А тут они подстроили так, чтобы Мик физически не смог явиться в суд.

Но Майкл Купер не согласился с этим.

— По-моему, парень не простой барыга. У него была целая куча паспортов на разные имена и разные национальности. Я заметил их, когда искал, где лежат наркотики. И еще он говорил о пушках и оружии так же запросто, как парни говорят о девках. Пусть это звучит немного фантастично, но мне кажется, что он гораздо круче, чем какой-то дурак, которого может нанять «Ньюс оф зе Уорлд». Скорее, он кто-то вроде Джеймса Бонда, и его наняли подставить вас, потому что «Роллинг Стоунз» стали уж слишком сильны. Похоже, там, наверху, действительно опасаются, что вы выйдете сражаться на улицы, если понадобится, и хотят вас заранее обезвредить. Уверен, что газета тоже в этом замешана, но скорее уж этот парень сам использовал журналюг для своих целей, а не наоборот.

— Чушь, — лаконично отрезал Кит.

Однако месяц спустя, когда прошло шесть недель с налета на Редлэндс, полицейское управление западного Суссекса объявило, что Мик официально обвиняется в несанкционированном хранении четырех таблеток, содержащих сульфат амфетамина; Кит — в том, что позволял курить гашиш у себя в доме; Роберт — в несанкционированном хранении героина и восьми капсул с метилгидрохлоридом амфетамина.

Теперь Киту действительно хотелось бы знать: неужели истеблишмент действительно намеревается раздавить «Роллинг Стоунз»?

6

Анита вновь вернулась к Брайану. После сильного передоза барбитуратами он на некоторое время осел в Барселоне. Следить за тем, чтобы он ел и спал хотя бы по несколько часов в день, там было некому. Когда он, бледный и исхудавший, приехал в Лондон, то первым делом попросил Аниту вернуться к нему жить. Они опять сблизились; этому помогла, в частности, совместная работа над фильмом «Степень убийства», выдвинутым Германией на Каннский фестиваль. Анита в нем снималась, а Брайан писал и аранжировал музыку — и, кроме того, сам же ее исполнял, играя на множестве инструментов, включая ситар, орган, цимбалы и губную гармошку.

С Анитой к нему начали возвращаться прежние силы и уверенность в себе. Он продолжал принимать наркотики, но завязал с кислотой, прекратив уничтожать свой мозг. Он снова был в хорошей форме как музыкант и надеялся, что им удастся устроить годичные гастроли по Европе.

Мик и Кит, переговорив со своими адвокатами, немного успокоились. У них была надежная защита. Врач Мика подтвердил, что дал разрешение на покупку четырех таблеток амфетамина. И мы понимали, что полиции не удастся обвинить Кита в хранении марихуаны. Однако Роберту, в случае если подкуп не сработает, грозила тюрьма.

Во всем мире общественность была взбудоражена результатами этого налета. И «Роллинг Стоунз» во время европейских гастролей почувствовали неожиданную враждебность со стороны европейцев. Особенно это касалось Брайана.

— Его это по-настоящему задело, — сказала мне Анита по-итальянски, когда мы беседовали с ней в самом начале гастролей.

Брайан позвонил мне и пожаловался, что, когда они въезжают в очередную страну, таможенники даже заставляют их раздеваться. Обыскивают весь багаж сверху донизу, затем разводят пятерых по маленьким комнатам, а там заставляют раздеться, притом догола. Все это очень мерзко.

Европа бунтовала. Подростки шли на баррикады в Париже. По всему миру, от Варшавы до Вашингтона, молодежь была возмущена репрессиями и реакционностью властей. И это началось не с «Роллинг Стоунз». Просто они отражали гнев и разочарование всего поколения, воспитывавшегося смелым и готовым критиковать. Молодежь стремилась сломать все барьеры, выставленные перед ними обществом. Тем самым обществом, что

запрещало женщинам делать аборты и сажало их за это в тюрьму.

И неожиданно «Роллинг Стоунз», в силу их вечного противостояния с истеблишментом, стали отправной точкой революционных событий. Почти на каждом концерте происходили жестокие столкновения между публикой и представителями правопорядка.

В шведском городке Хельсинборге во время выступления «Роллинг Стоунз» фанов избивали дубинками и травили полицейскими собаками. Публика отбивалась всем, что попадалось под руку, — в ход шли бутылки, кресла и петарды.

В Вене полиция решила заранее подготовиться к беспорядкам и установила в зале, где должно было состояться выступление, железные решетки. Слушатели принялись швырять в охрану дымовые бомбы и шуметь. В результате 154 человека были избиты и арестованы.

Куда бы ни приезжали Роллинги, везде их встречали обыски и неожиданные полицейские налеты; их пытались всячески запугать, проявляя при этом такое рвение, что Кит предположил: «Кажется, они думают, что мы работаем на Че Гевару».

На пресс-конференции в Париже Джаггер сообщил репортерам, что он теперь в Международном красном списке таможни:

— Наверняка такой список есть, или, но крайней мере, его специально для нас создали. За последние два месяца уже четыре раза, как только мы прилетали в Лондон, нас уводили в отдельную комнату и обыскивали — вероятно, искали наркотики.

Своего пика турне достигло в Варшаве, где «Роллинг Стоунз» дали первый свой концерт за «железным занавесом». Более девяти тысяч молодых людей собрались у дворца культуры, где играли музыканты. Все лучшие билеты достались детям руководителей компартии.

«Роллинг Стоунз» были настолько взбешены этим, что, отыграв несколько песен, оборвали концерт. После яростной отповеди Кита «порядочные» из первых рядов бросились прочь из зала, а на их места поспешили обычные подростки. После этого концерт все-таки продолжился. А снаружи полиция с помощью слезоточивого газа, водяных пушек и дубинок сражалась с двумя тысячами поклонников, пытавшимися прорваться в зал.

— Часто говорят о беспорядках, которые случаются везде, где мы играем, — сказал Джаггер в интервью. — Конечно, в наших песнях и шоу есть элемент жестокости, и молодежь знает, на что идет. Но тут кое-что еще… Я пел во многих странах, но слушатели всегда ведут себя одинаково. Потому что они все больны одним и тем же, — они недовольны окружающей их

жизнью. А молодежь… вы не решите проблему, заперев их в тюрьмы. Это не выход — надо найти причину, но которой они так раздражены. Они же не идиоты, чтобы просто так, для развлечения, бороться с полицией.

Действия полиции он резко осуждал.

— Общеизвестно, что в Великобритании и так не хватает полицейских, — говорил он, — однако почему-то постоянно их большими отрядами посылают в рейды не только по ночным клубам, но даже по амбарам и сараям в Линкольншире. Это глупо и бессмысленно. Это даже уже не забавно, это пугает. Вы сидите себе дома и чувствуете себя в полной безопасности, ибо живете в Великобритании, а не в ЮАР или другом полицейском государстве. И когда к вам в дом неожиданно врывается полиция, то поневоле начинаешь задумываться, насколько мы на самом деле свободны в своих поступках.

В Великобритании около тысячи настоящих наркоманов, и никто не может запретить мелкую торговлю героином, потому что наркоманы получают его по рецептам и перепродают. Если же вам все-таки удастся запретить ее, за дело возьмется мафия, и мы получим те же проблемы, что и в Америке.

Когда «Роллинг Стоунз» вернулись из турне, я зашел к Мику и Киту на Мэрилебон-роуд.

— Они думали, что смогут сломать нас, но у них ничего не вышло, — сказал мне Мик. — Пока что побеждаем мы Мы сейчас просто рассказываем молодежи обо всем том дерьме, что творится вокруг, и будем продолжать это делать и дальше.

Свою точку зрения он выразил в интервью «Дейли Миррор»:

> Мне кажется, сейчас в воздухе питает серьезная угроза. Подростки бунтуют не из-за поп-музыки, у них есть куда более серьезные причины. Мы для них своего рода отдушина. А поп-музыка — просто внешнее выражение идей… Когда я на сцене, я чувствую, что подростки пытаются сами объяснить мне что-то. Это как телепатия. И это касается не меня и не музыки, а событий в окружающем мире и того, как жить дальше. Думаю, они приходят на наши концерты во многом из-за того, что это их возможность продемонстрировать разрыв с обществом и его условностями. Подростки всего мира устали от того, что ими помыкают полоумные политиканы, объясняющие, им что думать и как жить… Это протест против системы. И я чувствую, это противостояние принесёт много проблем в будущем.

Мик уже не играл в революцию. Я понимал, что он

действительно жаждет изменений в обществе и предчувствует, что революция все-таки произойдет. Он представлял «Роллинг Стоунз» в авангарде кровавой исторической эпохи перемен. И тут я впервые испугался: вдруг это действительно ждет нас впереди?

Роберт Фрейзер тоже был испуган, но он, конечно, боялся совсем другого. Он опасался, что реакционные власти упрячут его за решетку, и ему придется отдуваться за «Роллинг Стоунз».

За месяц до событий в Редлэндсе он уже представал перед судом за «выставление или пособничество в выставлении непристойных картин на всеобщее обозрение» в своей галерее в Мэйфэйре. Он начинал ощущать давление со стороны властей. И понимал, что, вероятно, его дело будет рассматриваться особняком. Предварительное слушание по делу Мика и Кита было назначено на среду, 10 мая, в городском суде Чичестера. Они приглашали Роберта вместе с другими друзьями прийти, но тот отказался, сказав, что заедет к ним на следующий день, но оставаться в Редлэндсе больше не хочет.

Спустя несколько дней мы пили с Миком, Марианной и Китом. Роллинги с нервным нетерпением ожидали суда, хотя были почти уверены, что их оправдают, и предвкушали поражение полиции. Одна Марианна была всерьез обеспокоена, оправдают ли их.

— Им нужен только ты, — говорила она Мику. — А все, что они имеют против тебя, — мои таблетки. Я пойду свидетельницей и скажу им правду. Пусть в тюрьму за свои амфетамины я сяду сама.

— Ни о какой тюрьме вообще речи не идет, — рассмеялся Мик. — А таблетки все равно лежали в моей куртке, так что кто тебе поверит, если ты даже заявишь, что они твои? В любом случае, я сказал адвокатам, что категорически против того, чтобы твое имя вообще упоминалось в этом деле. Нам этот суд сейчас, скорее, сделает хорошую рекламу, а вот твою карьеру он может угробить.

В день слушания на улице царила прекрасная погода, лето только начиналось. Я предложил Роберту подбросить его в Чичестер на своем «Альфа-Ромео». Мы ехали по узким, извилистым улочкам Суррея и у придорожного паба на выезде из Гилфорда попали в пробку. Я сидел, положив локоть на окно машины, и подмигивал проходящим девушкам, когда заметил старика, продающего вечернюю газету. Один из заголовков гласил: «Третий из музыкантов «Роллинг Стоунз» привлечен к суду за наркотики».

— Господи! — выдохнул Роберт и помчался покупать газету.

На этот раз попался Брайан. Полицейские неожиданно

нагрянули к нему домой в Челси и, после быстрого обыска, предъявили ему обвинение в хранении кокаина, метедрина и марихуаны.

Судя по всему, рейд специально был приурочен к слушанию, и теперь решение в пользу Мика и Кита находилось под большим вопросом.

— Грязные мерзкие ублюдки! — пробормотал Роберт.

В Чичестере и Мик и Кит были освобождены под залог. Они тоже были жутко возмущены случившимся с Брайаном.

— Знают же прекрасно, что улик против нас недостаточно, — кричал взбешенный Мик, — вот и решили провести обыск у Брайана, чтобы все присяжные думали, что «Роллинг Стоунз» и наркотики — это одно и то же. И откуда столько злобы в этих полицейских? Пока мы здесь, в суде, просим отпустить нас под залог, они обыскивают квартиру Брайана. Завтра газеты на все лады начнут склонять эту историю с таким подтекстом, будто «Роллинг Стоунз» бросают вызов закону о наркотиках.

Кит был хладнокровен.

— Похоже, они и правда хотят нас поймать на наркотиках и дискредитировать, — сказал он. — И засадить в тюрьму, чтобы мы уже ни для кого больше не представляли опасности.

С музыкой тоже имелись проблемы. Пресса выставляла «Роллинг Стоунз» прямыми соперниками «Битлз». Во многом это было справедливо, да и истории групп были похожи. Однако теперь, после месяцев сомнительных слухов и сплетен, «Битлз» наконец выпустили свой шедевр «Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band». Альбом стал сенсацией, и большинство музыкальных критиков превозносило его как величайший рок-альбом в истории. На обложке, которую делал Майкл Купер, использовался абсолютно новый вариант оформления, а идея печатать слова песен на конверте тут же была подхвачена всеми группами и исполнителями. В музыкальном же смысле альбом был оригинальным и новаторским, это была совершенно новая ступень в рок-музыке.

Мик прекрасно понимал, что «Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band» делает все предыдущие записи как «Битлз», так и «Роллинг Стоунз» устаревшими и вышедшими из моды.

— Это психоделика, понимаешь, — убеждал он Брайана. — Вскоре все начнут играть психоделику, и если мы не сделаем следующий альбом таким же, то безнадежно отстанем. Никто больше не хочет слушать ритм-энд-блюз.

Брайану психоделика категорически не нравилась. Он настаивал, что группа должна придерживаться своей стези, продолжая играть старый добрый заводной рок-н-ролл, по

которому сходят с ума слушатели всех стран мира.

— Если ему удастся настоять на такой записи, — раздраженно заявил Брайан, — «Роллинг Стоунз» умрут.

Но Джаггер действительно победил, убедив Кита поддержать идею нового альбома, «Their Satanic Majesties Request», который должен был стать психоделической сатирой на национальный гимн Великобритании.

Для Брайана горечь поражения усугублялась тем, что Анита вновь ушла к Киту. Этот альбом оживил все разногласия между Китом, Миком и Брайаном.

Помню, однажды по пути в студию «Олимпик», куда я отвозил Брайана, он рассказывал, что Мик и Кит тайно сговорились выжить его из группы. После этого разговора я понял, что у него действительно началась паранойя. Брайану отчаянно нужна была помощь и забота, чтобы он мог обрести былую уверенность в себе.

На студии мы нашли Кита с Анитой, и они оба давали понять, что им хорошо друг с другом. Мик, задетый тем, что Брайан абсолютно не интересуется психоделикой, начал в отместку отвергать все песни и партии, предложенные Брайаном. Я видел, как они сначала попросили Брайана переписать гитару к песне, над которой работали, а потом, когда он скрылся в звуконепроницаемой комнате для записи, захихикали и даже не попытались это записывать.

Этот период был, наверное, самым мрачным и тяжелым в жизни Брайана. Он снова начал тонуть в болоте наркотиков, накачиваясь ими до такой степени, что не способен был уже ничего ни говорить, ни понимать.

Иногда он приезжал в таком состоянии в студию и тогда просто валился на пол, словно подбитая птица. Дошло до того, что он потерял уверенность в том, что может хорошо играть на гитаре.

— Не знаю, что со мной происходит, — говорил он мне в один из редких моментов, когда был способен нормально разговаривать, — но, похоже, я уже даже не в состоянии играть музыку.

Жестокость Мика и Кита по отношению к нему, скорее всего, не была сознательной. Они были обеспокоены предстоящим судом. Альбом все никак не удавалось закончить, хотя они работали день и ночь. А Кит вдобавок обнаружил, что не может воспроизвести тот четкий и ясный гитарный звук, которым славился Брайан на лучших записях «Роллинг Стоунз».

— Брайан очень устал, — предупредил я как-то Кита.

— Мы все очень устали, Тони, но если он будет продолжать в

том же духе, мы найдем нового гитариста, — ответил Кит. — Может, кстати, найдешь какую-нибудь девушку, чтобы присматривала за ним?

Я промолчал и отошел. Я чувствовал, что именно безжалостный эгоизм Кита убивает Брайана.

У Кита тем временем были свои заботы. Им с Миком и Робертом предстоял суд в Западном Суссексе. Первым должно было разбираться дело Мика. По мне так все было просто и очевидно. Любые мало-мальски разумные и справедливые присяжные оправдали бы его и не стали бы сажать за решетку из-за нелегального хранения четырех дурацких таблеток.

Когда его арестовывали, Мик сказал, что приобрел эти таблетки вполне легально в аэропорту во время поездки в Италию. Вернувшись в Англию, он позвонил доктору — узнать, можно ли их употреблять.

Доктор Диксон Фёрст засвидетельствовал, что действительно сказал Мику, что тот может в случае необходимости принять эти таблетки. Представлявший защиту Майкл Хэверс попытался доказать, что совет врача Мику может расцениваться в качестве рецепта, и это делало хранение Миком таблеток полностью законным. Судья, казалось, понял логику событий и спросил у доктора: «А если бы у него не было этих таблеток, вы бы прописали ему их?» Доктор ответил утвердительно.

И я лишь изумленно выдохнул, когда судья обратился к присяжным с совершенно странным выводом:

— Полагаю, что совет по телефону не может быть расценен как рецепт, выписанный профессиональным медиком, и из этого следует: то, на чем основывается защита, в данном случае не стоит принимать во внимание… Так что я обращаю ваше внимание на то, что у обвиняемого нет никаких оправданий относительно хранения наркотиков…

Присяжные совещались всего несколько минут, прежде чем вынести вердикт, которого добивался от них судья: «Виновен».

Джаггер был ошеломлен. Ему это показалось жутко несправедливым. Для всех в зале суда его невиновность была очевидна. И тут из-за какой-то формальности его признают виновным в преступлении, за которое, как ему было известно, полагается два года тюремного заключения.

Судья приказал взять их под стражу вплоть до слушания по делу Кита Ричардса, которое было назначено на завтра. Роберта признали виновным еще раньше, так что их вместе с Миком посадили в серую тюремную машину, и хмурый полицейский отвез их в тюрьму Льюис.

Марианна попросила Майкла Купера сходить навестить Мика

в тюрьме. Майкл пронес с собой под курткой миниатюрный фотоаппарат, надеясь сфотографировать Мика за стальной решеткой, что могло бы стать прекрасной обложкой для будущего альбома. К своему удивлению, он обнаружил Мика в страшно подавленном состоянии.

— Это нечестно, — жаловался тот. — Уже было доказано, что я невиновен, и тут судья сказал присяжным, чтобы они не обращали внимания на факты и все равно признали меня виновным.

— Не теряй веры и не признавай себя побежденным, — посоветовал Майкл, — это как раз то, чего они добиваются.

Он заметил, что Мик выглядит так, словно готов расплакаться.

Майкл отснял кучу кадров, но, к несчастью, охрана на выходе отобрала у него фотоаппарат.

На следующее утро довольные полицейские привезли в суд Кита и Мика в наручниках, словно они были опасными преступниками и могли попытаться сбежать по пути. Неудивительно, что это публичное унижение разозлило многих, отозвалось рядом протестов в парламенте и вызвало бурю возмущения в газетах.

Суд над Китом длился дольше — в частности потому, что обвинение против него было еще более шатким и необоснованным, чем в случае Мика.

— Необходимо доказать, — сказал обвинитель Майкл Моррис, — что он сознательно и преднамеренно допускал курение гашиша у себя дома.

— Чтобы прояснить факты, — добавил он, — следует учесть, что у гашиша сильный, довольно необычный запах… И вы должны понять, что такой сильный и своеобразный запах Кит Ричардс не мог не заметить. Пепел, найденный на столе и перед камином в гостиной, где находились Кит Ричардс с друзьями, — это пепел гашиша и индийской конопли.

— По поведению одной из обыскиваемых, — продолжал он, — можно было предположить, что она незадолго перед этим курила гашиш, и Ричардс не мог не видеть этого.

Затем последовал рассказ о таинственной девушке «голой-но-в-ковре», поданное так, чтобы присяжные решили, будто там разворачивалась дикая оргия.

Во время обеденного перерыва два полицейских, попивая пиво с репортером криминальной хроники, рассказывали сильно преувеличенные истории о том, как вела себя Марианна во время обыска.

— О да, — подмигнул один из них другому, — еще она

зажала между ног батончик «Марса», и Мик Джаггер поедал его.

— Отвратительно, — ухмыльнулся репортер.

Из этого разговора родилось много грязных сплетен про Марианну, разумеется беспочвенных.

После перерыва мистер Моррис объявил, что единственный человек, у которого был обнаружен при обыске гашиш, — таинственный мистер Икс, который «сейчас не может предстать перед судом, потому что выехал из страны».

Когда пришла очередь защиты, Майкл Хэверс немедленно сообщил, что таинственный мистер Икс в действительности был мистером Кингом, человеком, прежде практически незнакомым Киту Ричардсу. Они мельком встречались в прошлом году в Нью-Йорке, и в тот раз у него тоже было с собой много наркотиков. На этой же вечеринке мистер Книг оказался практически случайно, и никто из «Роллинг Стоунз» его толком не знал. Но он появился и привез с собой огромное количество гашиша. Кинг действительно был единственным, у кого обнаружили гашиш. И сейчас его нет в Англии.

Ночь Кит, Мик и Роберт вновь провели в тюрьме Льюис.

На следующий день Кит рассказал на суде, что считает это дело подстроенным газетой «Ньюс оф зе Уорлд». Они обвиняют их в хранении и употреблении наркотиков, чтобы замять встречный иск Мика, обвинившего их в клевете.

Его фантастическое обвинение было подкреплено показаниями полицейских, засвидетельствовавших, что девятнадцать полицейских участвовали в облаве в Редлэндсе по прямой наводке газеты.

Однако, невзирая на в высшей степени подозрительные обстоятельства полицейского рейда, присяжным понадобился всего час, чтобы вынести решение о виновности Кита.

Судья Блок сначала обратился к Киту.

— Максимальный срок за преступление, в котором вас признали виновным присяжные, — десять лет. Серьезность этого дела очевидна, раз уж о нем зашли дебаты даже в парламенте…

Все в зале ошеломленно замерли, несколько девушек, понимая, что сейчас произойдет, вскрикнули «О нет!».

Судья Блок приговорил Кита к году тюремного заключения и возмещению судебных издержек в размере 500 фунтов. Роберта приговорили к шести месяцам тюрьмы и выплате 200 фунтов, а Мика — к трем месяцам и выплате 100 фунтов.

Мик покачнулся, словно его ударили в солнечное сплетение. На мгновение я подумал, что он сейчас упадет в обморок. В зале судорожно рыдали две девушки: «Его отправляют в тюрьму, потому что они ненавидят его за длинные волосы!»

Судья Блок самодовольно улыбался, как человек, выполнивший свой долг. Несколько месяцев спустя он скажет на званом обеде одного земельного общества:

— Мы с моими коллегами и вы, дорогие земляки, сделали все, чтобы скостить «Роллинг Стоунз» срок. Но, увы, это оказалось невозможно…

Мик и Кит отнеслись к тюрьме по-разному. Кит видел в этом своего рода романтику. В детстве он, как и я, с восхищением смотрел на многих преступников. Так что, хотя он и был подавлен тем, что ему придется отбывать срок, но в то же время ему было интересно посмотреть, на что в действительности похожа жизнь за решеткой. Первым делом у Кита забрали его отделанную кружевом рубашку и длинный приталенный пиджак и выдали мешковатую тюремную униформу. Вскоре другие заключенные, оказавшиеся в основном гораздо моложе, чем ожидал Кит, дали понять, что они на его стороне, и передали ему в камеру табак и бумагу для самокруток.

Потом, когда по радио зазвучала «Satisfaction», узники почти во всех камерах зааплодировали.

«Свои», — подумал Кит и с облегчением улыбнулся.

Джаггер никакой романтики в тюрьме не видел. Он знал, что приговор наверняка разобьет сердца его родителей, и чувствовал обиду на то, что все так несправедливо. Вначале в «Ньюс оф зе Уорлд» опубликовали «утку». Затем их подставили с этой облавой. И вот, наконец, он сидит в тюрьме из-за каких-то долбаных таблеток, которые на самом деле даже и не его. Ощущение — как будто в школе тебя наказывают за проступок другого ученика.

Однако он сдерживался, пока к нему не пришла Марианна. Ему так хотелось обнять ее и прижать к себе, но им пришлось разговаривать через стальную решетку. В какой-то момент у него на глазах выступили слезы. Марианна была очень обеспокоена состоянием Мика и призвала его собраться и взять себя в руки.

— Потому что, — добавила она, — все, с кем я говорила на эту тему, уверены, что завтра тебя выпустят. А ты пока, прочувствовав, каково здесь, на собственном опыте, можешь написать об этом новую песню.

Как и предсказывала Марианна, общественный нажим на судебные власти был слишком сильным, и это привело к тому, что нелепейший приговор, превративший Мика с Китом во всенародных мучеников, решили пересмотреть. Они были освобождены Верховным судом уже на следующей день и выпущены под залог в размере 7000 фунтов за каждого.

Сидя в «бентли», который вел шофер Ричардса, Кит и Мик

нервно посмеивались. На душе у них было легко.

— А я даже написал там песню, — похвастался Мик, когда они заехали в паб отпраздновать новообретенную свободу огромным количеством скотча.

— Вот она, свобода! — рассмеялся Кит. — Да, чтобы от нас избавиться, нужен кто-то половчей, чем эти идиоты.

Молодой бармен отказался принять у них деньги за выпивку.

— Я и так счастлив увидеть вас здесь, — сказал он.

И это повторяли многие. Грубая попытка расправиться с «Роллинг Стоунз» и заставить их замолчать только усилила их позиции. И еще больше обозначила противостояние молодого и старого поколений. Теперь эту борьбу заметили даже члены парламента и оценили ее размах.

Вечером Джаггер прочитал статью в «Ивнинг Стандард», и у него еще больше поднялось настроение.

— Посмотри, какая нам выходит потрясающая реклама, Кит, — объявил он. — «Зе Ху» в знак протеста выпустят сингл со своими версиями двух наших классических хитов: «Last Time» и «Under My Thumb».

Дальше в статье шло небольшое пояснение:

> «Зе Ху» считают, что Мика Джаггера и Кита Ричардса выбрали в качестве козлов отпущения. В качестве протеста против этого и против жесткого приговора, объявленного им вчера в Чичестерс, «Зе Ху» собираются записывать и играть песни «Роллинг Стоунз» перед слушателями вплоть до того, пока их не освободят и они не продолжат это делать сами.

— Удивительно, — проговорил Кит. — Этот случай объединил всех в протесте против идиотизма копов и фанатичного судьи.

На следующее утро Марианна, листая «Таймс», внезапно наткнулась на заголовок: «Кто стреляет из пушек по воробьям?»

— Мик, Мик, — позвала она. — Читай скорее! «Таймс» тоже за тебя!

Они вместе прочитали редакторскую колонку:

> М-р Джаггер был приговорен к трем месяцам тюрьмы. Он подал апелляцию и был выпущен под залог до следующего слушания ею дела в этом году. Тем временем приговор суда получил широкую огласку у публики и породил множество толков. Обстоятельства этого дела действительно достаточно необычны, что и вызвало с голь яростные дискуссии.

М-р Джаггер обвиняется в хранении четырех таблеток амфетамина сульфата и метиламфетамина гидрохлорида, эти таблетки были им куплены совершенно легальным способом в Италии и привезены и страну. Это неопасный наркотик, а в определенной дозировке и вовсе безвредное лекарство. Оно относится к группе бензедрина, и итальянские производители рекомендуют его как стимулирующий препарат, помогающий справиться с укачиванием в самолете.

В Британии такие лекарства нельзя покупать и хранить без соответствующею медицинского рецепта. Врач м-ра Джаггера ничего не имеет против их использования, хотя и не выписывал рецепт на это лекарство перед тем, как оно было куплено. Его свидетельство никто не оспаривает. Следовательно, обвинение имеет чисто формальный характер, поскольку до того, как этот случай привлек общественное внимание, любой честный человек вполне мог совершить то же самое. Если после посещения Папы Римского архиепископ Кентерберийский купил бы подобные таблетки перед отлетом из римского аэропорта, чтобы облегчить себе перелет, он бы рисковал быть обвиненным в том же самом нарушении. Никто из путешествующих и покупающих лекарства за границей не может быть уверен в том, что не нарушает закон.

Судья Блок, председательствующий в суде, заявил, что одобрение врача не имеет отношения к обвинению в хранении таблеток, и убедил в этом суд. М-ру Джаггеру не предъявлялось обвинение по поводу других наркотиков, которые были обнаружены в том же доме. Это разные дела, и нет никаких свидетельств того, что он знал, что м-р Фрейзер носит с собой героин или что у исчезнувшего Кинга обнаружили гашиш. В том, что он был в том же самом доме или находился в той же самой компании, нет никакого состава преступления. Таким образом, то, что у м-ра Джаггера найдены таблетки, должно рассматриваться в отдельности, а не в связи с тем, что у других найдены наркотики. Возможно, это не лежит на поверхности, но с юридической точки зрения совершенно очевидно, что один человек не может быть привлечен к ответственности за то, что делают рядом с ним другие.

Обвинение против м-ра Джаггера основывается только на том, что у него имелись четыре итальянские

таблетки, которые были законно куплены, но незаконно привезены без полагающегося к ним рецепта. Четыре таблетки — это не большое количество, явно не то, которое имеет при себе наркодилер, и не то, каким пользуются наркоманы. В случае с м-ром Джаггером мы в любом случае имеем дело с человеком, который по роду своей деятельности подвергается многим стрессам и напряжениям. Его врач сказал, что он принимает иногда лекарственные препараты, снимающие напряжение, и найденные таблетки — из той же серии, что он обычно выписывает. Миллионы подобных препаратов, содержащих наркотические вещества, прописываются в Британии ежедневно в качестве лечебной помощи по самым разным поводам.

Тогда возникает вопрос, почему это чисто формальное нарушение, в отличие от множества других подобных же нарушений, привело к суду и к заключению в тюрьму. Нельзя назвать обычным такое решение — приговорить к тюрьме человека, впервые представшего перед судом по поводу правонарушения, связанною с наркотиками, тем более при таком маленьком количестве, что ясно: речь не идет ни о пушере, ни о наркомане. Обычно в таких случаях суд дает испытательный срок, чтобы человек мог продолжать работать и избегал риска пристраститься к наркотикам в будущем. Поэтому чрезвычайно странно, что судья Блок решил приговорить м-ра Джаггера к тюремному заключению — это тем более странно, что среди рассматриваемых судом аналогичных дел случай с м-ром Джаггером едва ли не самый незначительный.

Не будем рассматривать здесь причины решения суда, поскольку мы о них ничего не знаем. Но мы вполне можем рассмотреть реакцию публики. Множество людей смотрят на дело очень просто, что можно назвать «до-юридическим» взглядом на вещи. Они считают, что м-р Джаггер «получил, чего заслуживал». Эти люди с возмущением относятся к концертам «Роллинг Стоунз», считая их анархическими, презирают их песни, ненавидят музыкантов за то, какое влияние они оказывают на молодежь, и огульно подозревают их в общем «разложении», если использовать термин мисс Моники Фарлонг из «Дейли Мэйл».

С общественной точки зрения все эти эмоции вполне понятны, но не имеют никакого отношения к данному

судебному делу. Давайте поставим вопрос немного по-другому: был бы м-р Джаггер заключен в тюрьму, если бы не являлся столь известной и заметной фигурой и не вызывал столько кривотолков и недовольства? Если бы какой то многообещающий студент вернулся после летних каникул из Италии с четырьмя таблетками в кармане, вы считали бы правильным лишать его возможности учиться дальше и заключать на три месяца в тюрьму? Вы считали бы правильным демонстрировать ею публике в наручниках?

Есть случаи, когда на отдельном человеке сосредоточивается недовольство публики какими-либо аспектами морали. Таким было судебное разбирательство относительно Стефана Уорда, с сомнительными свидетелями и весьма проблематичным приговором. Этот приговор его убил. И сейчас мы имеем дело с подобной же реакцией. Если мы станем каждое судебное разбирательство превращать в конфликт между традиционными ценностями и новыми воззрениями, тогда нам следует быть уверенными в том, что эти традиционные ценности содержат такие моральные элементы, как терпимость и равноправие. И это означает, что в данном случае британский суд должен рассматривать дело м-ра Джаггера в точности так, как и любое другое аналогичное дело — ни мягче, ни строже. Сейчас же у нас имеется сильное подозрение, что м-р Джаггер получил приговор значительно более суровый, чем тот, который получил бы на его месте любой другой молодой человек.

Мик прочитал все внимательно, потом перечитал еще раз.

— Господи! — воскликнул он. — Даже не верится! Пойду звонить матери, пусть купит «Таймс» и почитает.

В мире прессы эта статья тоже явилась крайней неожиданностью. Обычно газеты воздерживались от комментирования дел, пока суд не вынесет решения Многие полагали, что главный редактор «Таймс», Вильям Рис-Могг, имеет все шансы отправиться в тюрьму за попытку повлиять на решение суда. Однако на следующий день почти все газеты последовали примеру «Таймс» и присоединились к протесту против происходящего. В газетных заголовках вынесенное судом решение именовали «чудовищным» и «безграмотным».

Особенно проницательна была статья в «Обсервер»:

Употребление наркотиков все более становится

частью движения протеста против существующего порядка. Вот почему преследование за него часто выглядит как попытка поставить на место бунтующую молодежь. Родители сопротивляются и завидуют — сознательно или нет — свободе и благополучию молодежи (оба этих качества символизируют роскошная жизнь и высокий рейтинг поп-звезд). Молодежь же отвергает родительское подчинение жизненным стандартам, которые они находят бессмысленными и лицемерными.

Однако внимательнее всего Кит прочел последний номер «Ньюс оф зе Уорлд». Под гигантским заголовком «Чудовищное обвинение» шел текст, в котором редакция признавала, что «передала информацию в полицию», оправдываясь тем, что «это был наш гражданский долг».

Однако редакция безоговорочно отвергала другие обвинения Кита, высказанные им во время суда:

> Джаггера никогда не преследовали ни сама газета, ни нанятые ею представители — ни до, ни после опубликования серии статей «Поп-звезды и наркотики».

Конечно же, мы не поверили «Ньюс оф зе Уорлд». Лишь много-много времени спустя мы выяснили, что о той вечеринке настучал в газету за большие деньги один из служащих Кита. Кинг же, судя по всему, был действительно обычным пушером, возомнившим себя Джеймсом Бондом.

В результате на суде к Киту и Мику отношение было такое мягкое, словно среди присяжных сидел сам Вильям Рис-Могг[7]. Сначала слушали дело Кита. Сам он сидел в соседнем помещении, жестоко страдая от ветрянки. Главный судья, лорд Паркер, подчеркнул в своем выступлении, что множество доказательств вины (например, состояние голой девушки) не выдерживают никакой критики. Подводя итог, он сказал:

— Вердикт суда следует опровергнуть и пересмотреть.

Джаггер был, формально говоря, виновен. Однако таблеток было все! о четыре, и свидетельство доктора тоже говорило в пользу подсудимого. Подходящим приговором сочли три месяца тюрьмы условно. А это значило, что если Мик в течение года больше не будет попадаться, его будут считать несудимым вообще. Однако, объявив приговор, лорд Паркер предупредил обрадованного Мика:

— Я думаю, стоит упомянуть о том, что когда мы судим людей, имеющих большую известность, — а вы, нравится вам это

или нет, являетесь кумиром огромного числа молодежи в этой стране, — то предполагаем, что они способны более ответственно относиться к своей жизни. Если же вы не оправдаете ответственность, которую мы на вас возлагаем, то в следующий раз наказание будет намного жестче.

«Ерунда», — подумал Мик и почти сразу в интервью телевидению сказал: «Я считаю, что моя личная жизнь — это мое дело. Я ответственен только перед самим собой».

В этот вечер тысячи длинноволосых молодых людей благодарили Бога и праздновали в Гайд-парке и Вестминстерском аббатстве чудесное избавление Мика Джаггера и Кита Ричардса.

Это была победа «детей цветов».

7

Спустя некоторое время Кит обнаружил, что деньги могут почти все. После того как его оштрафовали на пятнадцать фунтов за езду без водительских прав, он долго совещался с одним из своих водителей. О чем они говорили, я точно не знаю, но вскоре после этого Кит как-то подошел ко мне похвастаться.

— Взгляни, Тони, я все сдал. — Он протянул мне новенькие права.

— Н-да, — пробормотал я, — ты, верно, загипнотизировал экзаменатора?

Несмотря на наличие прав, Кит, казалось, имел довольно смутные представления о том, как управлять автомобилем.

Он купил роскошный «Бентли С-3» с автоматической коробкой передач и попросил поначалу поездить с ним, чтобы приобрести необходимую уверенность. И хотя Кит имел вредную привычку периодически вилять на обочину, машина с таким надежным рулевым управлением и тормозами прощала ему и это. На ней он мог брать повороты на скорости 130 км/час и даже больше. Анита, правда, высмеяла его покупку. Она заявила, что для стариков это самая подходящая машина, конечно, но она совершенно не стильная по сравнению хотя бы с «роллс-ройсом» Брайана. Ее насмешки упали на благодатную почву. Кит до сих пор не был уверен, что Анита навсегда бросила Брайана, и любое сравнение не в его пользу сильно его задевало.

Тогда он поговорил с водителями группы, и один из них посоветовал ему купить редкий старый «мерседес», бывшую служебную машину нацистского штаба. Сейчас он ржавел в гараже в Восточном Лондоне, и, вероятно, за тысячу фунтов его Киту отдадут. Восстановленный, он будет стоить втрое дороже.

Анита всегда испытывала любопытство к нацистской атрибутике. Это проявилось, в частности, когда она купила Брайану полное нацистское обмундирование. И конечно, она была в совершенном восторге, когда Кит рассказал ей об этой машине.

— Просто фантастика, фантастика, — повторяла она. — Да, это машина для настоящего мужчины. Можешь себе представить, какие лица будут у людей, когда ты будешь проезжать мимо в настоящей нацистской штабной машине?

Машину отогнали к механику в Восточный Лондон, чтобы он полностью перебрал двигатель и отремонтировал кузов. В результате на сиденьях теперь покоились новые кожаные накидки, сама машина была перекрашена в хаки, двигатель и

коробка передач были полностью модернизированы. Счет пришел на две тысячи, однако автомобиль выглядел просто великолепно. Он был около пяти с половиной метров в длину, длиннее и больше «роллс-ройса», и у него был складной верх, который можно было опустить и сложить (как и делали оккупанты, когда махали из машин приветствующим их толпам). Кит только восхищенно вздохнул, когда я выкатил на нем из гаража, и мы поехали на квартиру, которую он снимал вместе с Миком на Честер-Сквер, в Белгравиа.

— Это самая красивая машина в мире, — сказал он. — Брайан и Мик наверняка просто не поверят своим глазам.

Хотя Кит никогда прежде не водил машин с ручной коробкой передач, он настаивал на том, чтобы я начал учить его управлять «мерседесом» немедленно. Основные принципы он ухватил за несколько минут, и мы помчались на скорости 110–120 км/час в Мэйфэйр. Только здесь мы с Китом могли спокойно пить пиво в пабах без боязни быть узнанными.

После нескольких кругов по Честер-Сквер мы, словно Адольф Гитлер и Мартин Борман, отправились покорять Лондон. Я чувствовал себя как на карнавале. Люди на тротуарах застывали и восхищенно смотрели сначала на машину, а потом на знаменитого музыканта, управлявшего ею. Когда поклонники выкрикивали его имя, Кит покровительственно взмахивал рукой. Так мы доехали до «Сэндс», шикарного ресторана на Бонд-стрит. Там мы остановились и попили кофе с сандвичами.

— Потрясающая машина, — восхищался Кит, — от нее просто сносит крышу.

К несчастью, его восторг был недолог.

Когда он вновь сел за руль и сразу же врубил первую скорость, двигатель заскрежетал, и даже после того, как он выжал сцепление, это все равно продолжалось. После пары неудачных попыток он попросил меня помочь.

— Я уж думал, ты никогда не попросишь, — сказал я, садясь за руль.

Однако меня тоже ждала неудача. Очевидно, заклинило тормоза.

Кит запаниковал.

— Черт, Тони, нужно убираться отсюда. Если меня кто-нибудь тут увидит… — И затем, прежде чем я успел сориентироваться, что происходит, он добавил: — Попробуй его починить. Тони, я пас. — И, поймав проезжавшее мимо такси, уехал.

Я вызвал механика, и он починил тормоза. Позже вернулся Кит и подвез меня от Белгравиа до моего дома в Килбурне. Мы

ехали по Эджвар-роуд с привычной для Кита скоростью в 90 км/ч. Пока ехали, он научился переключать скорости и трогаться с места, после чего понял, что, в общем, этой машиной управлять ненамного сложнее, чем автоматическим «бентли».

Но вот остановить огромный «мерседес» было куда труднее, чем «бентли», и мы проехали два светофора на красный свет, после чего врезались в багажник машины, мирно стоящей в третьем ряду.

Я предвидел возможность аварии, поэтому изо всех сил уперся ногами в пол и остался невредимым. Кит тоже был цел.

— Долбаный придурок! — орал он. — Какого хрена он здесь остановился?!

— Кит, — проговорил я, сдерживаясь, чтобы не перейти на повышенные тона. — Парень просто стоял. Столкновение целиком на твоей совести.

— Тогда лучше улаживай все сам, Тони. У меня сейчас нет времени.

Он поймал такси и уехал, а я остался посреди запруженной дороги наедине с разбитым нацистским «мерседесом» и разъяренным водителем «кортины». Кое-как мы договорились, но машину, конечно, пришлось отдать в починку. Заново ремонтировали ее целый год. Это происшествие ясно показало мне, как отличался по характеру Кит от Брайана. Брайан нуждался в людях. Ему требовалось постоянно собирать вокруг себя друзей, чтобы быть уверенным в том, что он им нужен. Кит же был в этом смысле железным человеком. Он использовал многих, но ни в ком не нуждался. Однажды мы с ними говорили о смерти Тары Брауни. Кит высказал мнение, что некоторые люди слишком ранимы, и у них просто такая судьба — умирать молодыми.

— Так что ты, дружок, не доживешь до тридцати, — ухмыльнулся он, обращаясь к Брайану.

— Знаю, — хмуро и серьезно отозвался Брайан, и мы с Китом смутились.

Когда Роберта посадили в тюрьму, многие из его друзей-знаменитостей поняли, как не хватает им нерегулярных наркотических вечеринок в его квартире в Мэйфэйре. Они обращались ко мне, спрашивая, где можно найти ребят, торгующих марихуаной и кокаином, и я им объяснял. Вскоре я сам начал почти постоянно торчать с Брайаном, Китом или Джоном Ленноном. Я опасался, что Джон может пойти по стопам Брайана и в итоге позволит наркотикам управлять своей жизнью. Он звонил мне почти ежедневно и просил помочь достать наркотики. Я же сам для себя недавно решил, что постараюсь не

превращаться в дилера. Однажды он очень агрессивно стал настаивать, чтобы я достал ему героин. Он даже послал за ним ко мне своего шофера. Я был настолько раздражен таким нажимом, что взял у водителя сто фунтов и вручил ему взамен банку с двумя измельченными таблетками аспирина.

«После этого, — подумал я, — он перестанет донимать меня раз и навсегда».

Однако на следующий день Джон вновь позвонил, прося следующую порцию.

— А как вчерашняя? — спросил я.

— О, даже не знаю, — ответил он. — В общем, я почти не получил никакого кайфа.

Мы остались с ним хорошими друзьями. Джон даже хотел, чтобы я сфотографировал группу для обложки книги «The Beatles Get Back». Но большую часть времени я все-таки проводил с Китом и Брайаном. Мы все были лондонцами, и мы отличались от провинциальных «Битлз» даже внешним видом и чувством юмора.

Я был очень обеспокоен тем, что происходило с Брайаном из-за наркотиков. Он ненавидел музыку, которую его просили играть для нового альбома, ненавидел Аниту за то, что та бросила его, но больше всего ненавидел Кита за то, что тот ее увел. В июле у него случился нервный срыв, и он две недели провел в больнице под присмотром сиделки. Когда он вышел из больницы, то, казалось, немного пришел в себя.

— Я понял, что задумали Кит и Мик, — сказал он. — Они хотят доказать всем, что они лучше меня и что они больше вообще не нуждаются во мне. Вот почему они даже не слушают песен, которые я пишу, спорят с любым моим предложением и отвергают все мои идеи. А мне нужно больше работать самому, потому что иначе они и правда добьют меня.

Однако выздоровел Брайан ненадолго. 30 октября на очередной сессии суда он с глубоким облегчением узнал, что суд признал его невиновным в хранении кокаина и метедрина. Затем, как советовали адвокаты, он признался в хранении минимального количества индийской конопли и в том, что позволял друзьям курить у себя дома наркотики. В итоге судья, несмотря на предыдущий случай с Джаггером и Ричардсом, приговорил его к девяти месяцам, и Брайана в полицейском фургоне отвезли в тюрьму Вормвуд-Скраб.

Конечно, его освободили на следующий же день под залог в 750 фунтов, однако это уже не могло исправить ситуацию. Теперь он имел все доказательства, что его паранойя — это реальность: его и вправду хотят засудить. Когда он предстал перед судом, трое психиатров сошлись на том, что он действительно «крайне

запуганный юноша» («со склонностью к самоубийству», по мнению одного из них). Заключение в тюрьме было заменено штрафом в тысячу фунтов и тремя годами условно.

Он праздновал свое освобождение, высыпав в рот горсть таблеток. Его даже не заботило, что это кислота, амфетамины, — все, что угодно, лишь бы действовало. Спустя сутки он пришел в клуб в Ковент-гарден с одной из своих многочисленных девушек. Его дружно приветствовали и поздравляли с освобождением. Местная группа, выступавшая на сцене, предложила ему поиграть с ними, и он согласился. Он взял контрабас и начал играть на нем, одновременно постукивая по нему ботинком с пирамидальной пяткой, пока не разбил инструмент в щепки. Однако Брайан был настолько под кайфом, что продолжал играть на невидимом инструменте, извлекая из него прекрасную музыку, слышную лишь ему одному.

Толпа веселилась, все были в восторге и полагали, что Брайан все это задумал специально. Однако внезапно он зарыдал; девушка посадила его в такси и отвезла домой. Дома он ничего не говорил, только слезы струились по лицу. Перепуганная насмерть девушка вызвала скорую. Его привезли в больницу св. Джорджа, где он сообщил врачу, что долго находился в сильном нервном напряжении. Спустя час его отпустили домой.

Джаггер был слишком занят своими делами, и то, что происходило с Брайаном, его абсолютно не беспокоило. Суд над Миком сделал его мучеником, героем, выразителем воли всего поколения, и он наслаждался своей новой силой.

Однако самым скандальным и шумным событием, связанным с судом над Миком, было телевизионное противостояние Мика (как представителя молодежи), и группой, в которую входили бывший министр внутренних дел лорд Стоу Хилл, епископ из Вулиджа и Вильям Рис-Могг, обозреватель «Таймс». Джаггера за огромные деньги перевезли в специальную студию на открытом воздухе, расположенную на земле сэра Джона Рагглс-Бриза, главы судебной исполнительной власти в Эссексе. Американские ВВС даже согласились временно отменить все полеты с располагавшейся рядом базы, чтобы ничто не помешало шоу.

К несчастью, Мик, стремясь успокоиться перед интервью, перебрал валиума, и его речь была настолько бессвязной, что вся дискуссия превратилась в фарс.

Рассказывая об этом следующим вечером в «Ад Либе», Джаггер был зол на себя:

— Они все были передо мной, а я оказался слишком обдолбан.

Однако унижение, казалось, сделало его еще большим

бунтарем, чем раньше. «Запасов кислоты у нас хватит, чтобы врубить целую страну», — объявил он. И, кажется, был вполне серьезен, когда говорил в интервью следующее:

> Мы уже сдвинули их с места, и мы доведем это до конца. Все эти прогнившие устои и в Британии и в Штатах — их давно следовало бы поменять, и это как раз дело молодежи. Все это происходит прямо сейчас, революция уже началась. Молодежь готова сжечь многоэтажные бараки и вонючие здания заводов, которые выжимают из них последние соки и отнимают у них жизнь. И я приложу все силы, сделаю все возможное, чтобы принять участие в надвигающихся переменах.

Правда, этим смелым словам противоречил его собственный стиль жизни. Джаггер обитал в фешенебельном районе, где жили в основном политики и аристократы. На Чейн-Уолк в Челси у него был огромный изящный особняк эпохи короля Георга, с видом на Темзу. Кремовый двухдверный «бентли» по стилю вполне подходил ко всему остальному. Так что его образ жизни ничем не отличался от других претенциозных и самих всего добившихся в жизни молодых людей из среднего класса.

Чтобы отделать дом изнутри, он нанял одного из своих друзей, модного дизайнера Кристофера Гиббса. Гиббс предложил оформить дом в стиле индийского базара со множеством восточных ковров и занавесей. Мебель выбирала Марианна, и именно она объяснила Мику ценность хороших антикварных вещей. Съездив в Мэйфэйр, она купила для гостиной антикварную люстру из настоящего хрусталя за 8000 фунтов (в то время за такие деньги можно было приобрести приличный дом).

Мик, конечно, был в ярости, когда она сказала, сколько потратила. Но, хотя он и не признавался, однако явно был горд тем, что живет так богато. Кроме того, он прекрасно понимал, что люстра семнадцатого века — это великолепное вложение капитала.

Мик с Марианной были полностью поглощены друг другом. Ночь за ночью они проводили дома вместе с маленьким сыном Марианны Николасом. Потихоньку играли музыку, иногда покуривали траву. Иногда захаживали в «Спикизи» или «Ад Либ». Он часто просил ее развестись с Джоном и выйти за него замуж, но Марианна понимала, что время для этого пока не подошло.

— Я люблю тебя, — отвечала она, — но я пока не готова вновь связывать себя браком после всего, что случилось.

Где бы Мик с Марианной ни появлялись, их встречали как гуру нового гедонизма. Суд над Миком и Китом вдохновил

Кэролин Кун основать организацию «Release» («Избавление»), помогающую жертвам участившихся полицейских налетов в Лондоне.

Многие влиятельные и знаменитые люди подписали манифест, опубликованный в «Таймс» и призывавший к легализации марихуаны, ссылаясь в том числе и на Спинозу:

> Любой закон, который может быть нарушен без причинения вреда кому бы то ни было, просто смешон. И даже более того: до сих пор такого рода законы, которые стремятся контролировать желания и страсти человека, приводили, напротив, к тому, что люди начинали всерьез раздумывать о вещах, которые им запрещают; это происходит потому, что запретный плод всегда сладок, и мы стремимся обладать как раз тем, чего не имеем. И тот, кто имеет достаточно времени, всегда может изобрести способы хитро обойти законы, пытающиеся регулировать то, что невозможно полностью запретить… Тот же, кто попытается все решать лишь с точки зрения закона, будет скорее провоцировать преступления, а не предотвращать их.

— Сам бы лучше не сказал, — ухмыльнулся Мик, прочитав это.

В августе 1967 года Мик с Марианной, одевшись в восточные халаты, отправились вместе с «Битлз» к одному из самых необычных персонажей того времени — духовному учителю Махариши Махешу Йоги в «Институт обучения наставников», располагавшийся в Бангоре, в северном Уэльсе.

— Чертов старый мошенник! — сбивчиво рассказывал Мик Киту по возвращении. — Я еще могу понять, почему Джордж так подсел на всю эту болтовню типа «мир, любовь и заплатите по счету», но относительно Джона-то я всегда был уверен, что у парня голова на месте.

Впрочем, хотя Джаггер и становился все более влиятельным и известным человеком, «Роллинг Стоунз» сильно отставали по популярности от «Битлз». Сингл с песней, которую Джаггер написал в тюрьме, «We Love You», был выпущен как раз за несколько дней до того, как Мик с Марианной поехали к Махариши. Все ожидали, что после такого шумного процесса над Миком она займет первое место в хит-парадах, однако она добралась только до восьмого. Социологический опрос показал, что 56 процентов молодежи в возрасте от 21 года до 24 лет считают, что Джаггер заслуживает трехмесячного (или большего) заключения за хранение амфетаминов.

«Это говорит о том, что вокруг достаточно мало людей, которые о чем-нибудь задумываются» — такова была реакция Мика. Позднее, в интервью лондонской газете «Ивнинг Стандард», он добавил: «В 2000 году никого уже не будут арестовывать за наркотики и прочее в этом роде. Это будет смешно, — точно так же, как сейчас было бы смешно вешать за кражу овцы. Все это можно изменить, но требуются гигантские усилия. И если я действительно серьезно возьмусь изменять, например, общественное мнение о наркотиках, возможно, мне удастся приблизить эти изменения в общественном сознании — на несколько месяцев или лет. Но пока что я не чувствую, что это настолько важно и необходимо».

С записью «Satanic Majesties» тоже не все ладилось. С этим полицейским налетом и проблемами с Брайаном они и не заметили, как пропустили целый год. В глубине души и Мик и Кит понимали, что Брайан прав: эта музыка — не «Роллинг Стоунз». Скорее уж претенциозная подделка. Однако они попытались спрятать слабую музыку под красивой необычной обложкой. Из Японии специально привезли новейший фотоаппарат, чтобы Майкл Купер мог сделать фотографию на обложку.

Их неудовлетворенность собственной музыкой послужила также причиной разлада с Эндрю Олдхэмом, продюсером, который помог им пройти путь от «Кродэдди» до звезд международной величины всего за четыре года. Во время двухдневной записи на студии «Олимпик» они играли блюз настолько плохо, что Олдхэм решил, что просто потеряет время, продюсируя их. Он ушел и больше никогда не возвращался, оставив их на попечение нью-йоркского юриста Аллена Клейна. Впервые в жизни «Роллинг Стоунз» делали альбом без деловых советов Олдхэма.

Наконец работа была закончена, и альбом «Their Satanic Majesties Request» был представлен на суд поклонникам и критикам. Запись, как и предсказывал Брайан, получилась довольно плохая. Почти все критики сразу поняли, что это было неудачной попыткой сделать нечто подобное «Сержанту Пепперу», но в процессе идея выродилась в исполнение попурри из невнятных набросков электронной музыки.

— Слава богу, — сказал Брайан, — теперь, может, мы наконец опять начнем играть нормальную музыку.

Джаггер, однако, не собирался позволить Брайану использовать провал альбома, чтобы вернуться в группу и приобрести там былое влияние. Он собрал в офисе Леса Перрина (журналиста, пишущего о группе) пресс-конференцию —

официально вроде бы для обсуждения нового альбома. Однако он постоянно старался донести до всех присутствующих следующую мысль: «Брайан — наркоман; он сторчался; мы отправимся в турне без него».

— Приближаются гастроли, — говорил он. — Я предвижу несколько сложностей. Первая из них — это Брайан, который не может покинуть страну…

И позднее, рассказывая о том, как «Роллинг Стоунз» покорили Японию:

— …без Брайана, конечно; он не смог поехать в Токио, потому что он наркоман…

Прочитав эти статьи, я удивился про себя жестокости Джаггера. В свое время столь же жестоко поступил Кит — уведя у Брайана Аниту и оставив его психологически кастрированным. Парня и так настолько это подкосило, что он теперь не мог даже нормально играть на гитаре. Джаггер же до сих пор, казалось, видел в нем некую угрозу для себя. Возможно, он делал это потому, что знал то, чего не знал никто, кроме очень близких друзей «Роллинг Стоунз»: именно Брайан был тем настоящим лидером группы, на роль которого Джаггер только претендовал. Однако сейчас Брайан большую часть времени накачивался наркотиками, в то время как Джаггер принимал их по минимуму, боясь, что его заметят в неадекватном виде. Брайан участвовал в оргиях, спал с лесбиянками и садомазохистами, а Джаггер формально жил жизнью чопорного буржуа, сожительствовал с дочерью баронессы и переживал каждый раз, когда кто-нибудь проливал кофе на его персидские ковры. В то время я наконец понял, что у Брайана в «Роллинг Стоунз» нет будущего. Кит каждый раз, встречая его, чувствовал вину перед ним из-за Аниты. А Джаггер… Джаггер понимал, что пока Брайан рядом, ему не стать самым красивым и обаятельным из Роллингов.

Кит спросил меня как-то, не соглашусь ли я поработать на него за 150 фунтов в неделю. У него была куча дел, объяснил он, на которые у него не хватает времени, и если я хочу, то могу и ему помочь, и сам подзаработать.

— Спасибо, конечно, Кит, — ответил я. — Мы с тобой хорошие друзья, но у меня есть и свои собственные планы на будущее… большие планы.

8

Идея создать клуб «Везувий» появилась у нас с Миком и Китом после того, как мы получили гигантский счет от «Спикизи». Кита бесило, что клубы, понимая, что ему и Мику не до мелочных споров, стараются содрать с них побольше.

Он неохотно бросил на стол десяток пятифунтовых купюр и повернулся ко мне.

— Слушай, парень, похоже, пришло время открывать нам свой собственный ночной клуб, чтобы у нас не вымогали понапрасну деньги.

На самом деле создание собственного клуба было моей мечтой. Я прекрасно знал, что содержание ночного клуба — довольно прибыльное занятие. Кроме того, у меня было много богатых и знаменитых друзей. В общем, я чувствовал, что идея будет иметь грандиозный успех. За месяц я нашел себе партнера из старых приятелей, и мы вместе подыскали подходящее место на Тоттенхэм-Корт-роуд: полуподвальное помещение в ужасающем состоянии, с лохмотьями обоев и оголенными проводами, свисающими с потолка. Мы решили, что отремонтируем его сами и обставим по собственному вкусу.

Сначала Мик и Кит под предлогом того, что хотят посмотреть, как продвигается работа, забегали довольно часто. Заодно спрашивали, не смогу ли я достать им наркотиков. Но я с порога вручал им кисть или скребок, и после этого они стали заходить пореже. Однажды я попросил их разрисовать старое клубное пианино. Они рисовали и параллельно играли на нем, сочиняя новую песню. Хотя у нее еще не было слов, было уже понятно, что она станет хитом. Спустя некоторое время этот мотив превратился в одну из лучших вещей «Роллинг Стоунз» — «Honky Tonk Woman».

Спустя два месяца бывший мрачный подвал превратился в один из лучших клубов Лондона. Дизайн «Везувия» был оформлен в арабском стиле. Огромные марокканские ковры делили клуб на двенадцать небольших помещений. В каждом вокруг небольшого украшенного орнаментом столика лежали кучки подушек и стоял кальян. Я снабжал одного молодого художника, друга Роберта, неограниченным количеством травы, пока он разрисовывал стены инкскими изображениями солнца и другими картинами в том же духе. В полумраке все это выглядело достаточно фантастично. Стены украшали увеличенные фотографии «Роллинг Стоунз», сделанные Майклом Купером в Марокко. Еще там был маленький дирижабль, покрытый

серебристой фольгой и накачанный гелием. Он летал по всему помещению на уровне человеческого роста.

Пока я занимался рисованием, группа выпустила отличную новую вещицу — сингл «Jumpin' Jack Flash», который вполне компенсировал провал «Satanic Majesties». Теперь они находились в Лос-Анджелесе, где записывали окончательный вариант альбома «Beggars Banquet», однако вскоре собирались вернуться, чтобы 26 июля 1968 года отпраздновать двадцатипятилетие Мика. Я позвонил всем нашим общим друзьям и предложил совместить день рождения с открытием «Везувия». Мик театрально появился в последнюю минуту, но зато с первой, сигнальной записью «Beggars Banquet». Этого альбома с трепетом ждал весь мир, потому что от него практически полностью зависело музыкальное будущее группы. Ибо все, кто знал музыкальный бизнес, сходились на том, что если Роллинги не запишут хорошего альбома сейчас, то, скорее всего, не запишут такового вообще.

К празднику все было готово. В большие серебряные чаши был разлит пунш с мескалином. На подносах — разложены пирожные с гашишем. Для тех, кто любит курить, около каждого кальяна имелись маленькие самокрутки с гашишем.

Меня беспокоило только одно: по соседству располагался полицейский участок на Тоттенхэм-Корт-роуд. До него было всего триста метров, и если каким-нибудь любопытным полицейским придет в голову совершить у нас обыск этой ночью, они могут упрятать за решетку почти всех британских суперзвезд.

Однако я держал свои страхи при себе и только наказал трем крепким испанским парням никого не пускать без моего разрешения. («По крайней мере, — думал я, — успею смыть большую часть наркотиков в унитаз до того, как полиция сломает дверь».) Одним из первых прибыл Пол Гетти Второй со своей ошеломительно красивой молодой женой Талитой, одетой в исключительно прозрачное платье, на котором, казалось, вообще не было швов. Они жили в Чейн-Уолк, совсем рядом с Миком, и были его старыми друзьями. Потом пришел сам Мик, затем Чарли Уоттс вместе с Джоном Ленноном и, наконец, одним из последних появился Пол Маккартни.

Когда пришел Пол, все разговоры вертелись вокруг «Beggars Banquet», который с такими хитами, как «Sympathy for the Devil» и «Street Fighting Man», стал, несомненно, лучшим альбомом группы.

Пол незаметно вручил мне пластинку и сказал: «Посмотрим, Тони, как тебе понравится наша новая запись». Я быстро поставил диск в аудиосистему, и в клубе заиграла песня «Hey, Jude». Затем

я перевернул диск на другую сторону, и мы услышали голос Джона Леннона, поющего «Revolution». Когда мы прослушали все, я заметил, что Мик выглядит раздраженным. «Битлз» опять оказались на шаг впереди.

В какой-то момент ко мне, шатаясь, подошел Джон Леннон. Зрачки у него были расширены, а глаза широко раскрыты. Он попросил меня вызвать такси, чтобы отправиться с Йоко домой. Я предупреждал всех ребят, работавших у меня, чтобы они не прикасались ни к пирожным, ни к пуншу. Однако они, видимо, были настолько возбуждены тем, что видят столько рок-звезд разом, что не удержались ни от того, ни от другого. Наиболее нормальным выглядел портье, его я и попросил поймать машину для Джона. Он кивнул и растворился в ночи. Спустя полчаса он все еще не вернулся, а Джон уже спрашивал, где такси. Я объяснил, что полчаса назад послал портье на поиски такси, на что Джон пробормотал: «Что ж надо быть за человеком, чтобы полчаса искать такси на Тоттенхэм-Корт-роуд?»

Я бросился ко входу и послал за такси еще одного из ребят. Прошло двадцать минут. Его тоже не было. Тогда я поднялся наверх и послал третьего, предупредив его напоследок:

— Видишь, эти два идиота словно сквозь землю провалились, и Джон нервничает. Ради бога, найди такси за пять минут и возвращайся, — это не так уж и сложно.

Но он, конечно, не вернулся. Джон и Йоко начали сердиться.

— Что значит — пропали? — возмущался Джон. — Что это за клуб такой, где пропадают официанты?

Меня начала охватывать паника. Уж не забирали ли их всех в Скотланд-Ярд, как только они выходили из дверей клуба? Позже я выяснил, что на улице их просто хорошо «накрыло». Виной тому был свежий воздух, смешанный с мескалином и гашишем из пирожных, которые они съели. Один из них выпал из пространства и времени на двенадцать часов, а придя в себя, обнаружил, что лежит посреди клумбы с розами в парке Сент-Джеймс.

Подошел Мик и спросил, почему Джон раскричался. Когда же он услышал сагу об исчезающих официантах, то расхохотался и протянул мне ключи от своей машины, роскошного темно-синего «Астон Мартин Д-86» с тонированными стеклами. Я попросил двоюродного брата, который зашел повидать меня, отвезти Джона с Йоко домой. Заядлый поклонник их творчества, он с радостью ухватился за эту возможность. Джон и Йоко сели сзади, а он залез на сиденье водителя. Но тут начались проблемы. Машина, развивавшая до 200 км/час, была сделана по последнему слову техники, но разобраться в ней было довольно сложно. Брат никак

не мог найти, ни куда вставлять ключи зажигания, ни где хотя бы включается свет внутри салона. И, что было еще хуже, машина была припаркована на желтой линии, что по закону запрещено.

Внезапно в окно постучал дюжий полицейский. Джон к тому времени вынюхал довольно много кокаина и, решив, что их сейчас начнут обыскивать, осторожно сбросил маленький пузырек с кокаином на пол. Под кайфом были все трое, так что они просто замерли в панике, с ужасом взирая на полицейского.

Полицейский любезно улыбнулся.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мадам. В чем проблема, молодой человек?

Брат рассказал, что не может завести машину, ибо взял ее у друга, но никогда не водил таких раньше. Полицейский сел за руль, завел машину, вышел и пожелал им всем приятно добраться домой. Джон вздохнул с облегчением и принялся искать на полу кокаин, однако никак не мог его найти. Он встревожился.

— Это машина Мика Джаггера, и полицейские могут обыскать ее в любой момент, — сказал он. — Я не могу оставить здесь кокаин. Это было бы нечестно.

Пока Джон обшаривал пол в поисках заветного порошка, мой брат экспериментировал с управлением машиной. В какой-то момент он резко нажал на педаль газа, и машина, взревев, ринулась вперед. Всех тряхнуло, а Джон потерял равновесие и свалился с сиденья. В этот момент они проезжали мимо станции метро «Уоррен-стрит».

— Остановись! — крикнул Джон. — Мы выйдем. Попробуем добраться домой так. А ты найди кокаин и спрячь.

Спустя несколько минут брат вернулся в клуб, и я расспросил его, докуда он подвез Джона. Когда он ответил, что только до «Уоррен-стрит», я был в недоумении:

— Ты имеешь в виду, что он заставил меня послать трех людей на поиски такси, а потом взял автомобиль Джаггера — и все это ради того, чтобы проехать каких-то четыреста метров?

— Нет, нет, — сказал брат, — он хотел ехать дальше, но испугался, увидев, как я вожу.

Моего брата действительно сложно было назвать надежным водителем.

Когда я рассказал эту историю присутствующим, все хохотали до слез.

К часу ночи исчез уже весь обслуживающий персонал. Пропал бармен. У дверей тоже никого не осталось. Исчезла куда-то и девушка-гардеробщица. Когда Пол Маккартни с Линдой пожелали мне спокойной ночи, я, извинившись, объяснил, что им придется самим искать свою одежду.

— Ничего, Тони, — махнул рукой он. — Не беспокойся… это был потрясающий вечер.

Однако когда Пол вошел в темную раздевалку, то споткнулся о кого-то, лежащего на полу. Первой его мыслью было, что парочка незакомплексованных гостей решила заняться любовью на толстом мягком ковре, устилавшем пол. Однако, присмотревшись внимательнее, он понял, что там, в полумгле, только одно тело, а не два. И этот человек лежал не шевелясь, что выглядело довольно зловеще.

— Тони, иди сюда скорей, — взволнованно позвал Пол. — Кажется, у тебя могут быть проблемы.

Я вошел в гардеробную, отделанную черным пластиком, и, нащупав выключатель, включил свет. На полу, на спине, подложив под голову вместо подушки чье-то пальто из волчьих шкур стоимостью порядка тысячи фунтов, лежала моя светловолосая девушка-гардеробщица. Безмятежная улыбка блуждала по ее губам.

— Еще одна жертва пирожных с гашишем, — расхохотался Пол.

Чуть позже нас осталось только четверо: Мик, Марианна и мы с Робертом. Мы сидели, скрестив ноги на подушках, в одной из отгороженных комнаток за низким столиком в восточном стиле. Роберт достал из кармана вельветового пиджака маленький полиэтиленовый пакетик.

— Настоящий опиум, из Таиланда, — шепотом пояснил он.

Густую массу положили в кальян, и после некоторых сложностей нам все-таки удалось разжечь ее.

— Ты первый, — сказал Роберт Мику. — Сегодня твой день рождения.

Мик глубоко затянулся и, удовлетворенно вздохнув, откинулся на подушки. Трубка пошла по кругу, и вскоре настала моя очередь. Я до этого никогда опиума не пробовал, так что понятия не имел, что меня ожидает. Я вдохнул достаточно глубоко и сразу же почувствовал, как едкий дым разрывает мне легкие. Я закашлялся, но тут внезапно ощутил, что голова стала необыкновенно ясной и легкой, как воздушный шар, наполненный гелием. Я видел, как Роберт по ту сторону столика ухмыляется, глядя на меня, а затем почувствовал себя, словно я парю в воздухе, легкий как перышко. Я откинулся на подушки.

Через пару мгновений я очнулся и увидел прекрасные черты лица склонившейся надо мной Марианны.

— Отойдем на секундочку, Тони, — шепнула она и коснулась моей руки. Роберт и Мик были все еще под действием опиума и даже не взглянули в нашу сторону. Мы прошли по темному клубу,

держась за руки.

— Случилось нечто волшебное, — сообщила Марианна, когда мы дошли до противоположной стены помещения. — Кажется, я принесу Мику ребенка.

— Господи! — Я действительно искренне обрадовался. — Это просто потрясающе! Но что скажет Мик? Он не боится, что это свяжет его, обяжет к чему-то?

— Да нет, конечно. Но он настаивает, чтобы я развелась с Джоном и вышла за него замуж. Он никак не может понять, что я не хочу вообще ни за кем быть замужем. Я твердо усвоила один важный урок: людям, которые действительно любят друг друга, не нужно связывать себя узами законных отношений. О, Тони! Я никогда в жизни не была так счастлива! И хочу, чтобы это длилось вечно!

Когда я дополз до кровати в своей квартире в Мэйда-Вэйл, пространство уже плыло у меня перед глазами, словно я смотрел на все с катера, качающегося на бурных волнах. «Начало хорошее, — думал я с удовлетворением. — Наконец-то я стану действительно богатым и по-настоящему свободным и независимым».

Около десяти часов утра меня разбудил истошный звон телефона Я неохотно потянулся к трубке и сразу узнал нью-йоркский выговор Линды Истмен, блондинки, жившей в то время с Полом Маккартни.

— Где диск Пола? Нам он нужен прямо сейчас. Мы должны срочно получить его обратно… — тараторила она, а я пытался тем временем проснуться, прийти в себя и понять, о чем она вообще толкует.

— О'кей, — наконец ответил я. — Вы сейчас в Сент-Джонс Вуд, это рядом, так что после полудня я занесу его.

— О нет, это слишком поздно, а нам он нужен немедленно, — заявила она еще более враждебно.

«Черт, — выругался я про себя, — она ведет себя так, словно приходится Полу женой, или матерью, или кем-нибудь в этом роде».

— А ну-ка дай мне Пола, — устало проговорил я.

— Что за фигня? — спросил я у него. — Что с ней такое? Я сказал, что занесу запись. Ты же сам дал мне диск, чтобы я его послушал. Почему я должен просыпаться от криков Линды ни свет ни заря? Она что, думает, я собираюсь сбежать и украсть у вас эту запись?

Пол был, как всегда, дипломатичен:

— Не злись, Тони, все нормально. Линда просто слишком близко к сердцу воспринимает все мои дела. Сделай одолжение,

занеси запись. Она успокоится, и все будет хорошо.

В полдень я подъехал к их огромному дому на Кэвендиш-авеню, расписанному психоделическими картинами. Как обычно, по улице слонялся десяток-другой девушек, жаждущих посмотреть на самого привлекательного из Битлов.

Я позвонил в звонок на высоких зеленых деревянных воротах, затем через хрипящее переговорное устройство меня попросили представиться, и я назвался. Ворота со скрипом растворились, и я въехал во двор.

— Спасибо, Тони, — поблагодарил меня Пол, — и извини за эту суету, просто Линде взбрело в голову, что ты хочешь сделать пиратские копии, — идиотизм, правда? Несмотря на все это, она прекрасная девушка и единственный человек из всех, кого я знаю, который искренне заботится обо мне.

9

В углу студии «Олимпик», свернувшись клубочком, словно дремлющий пес, лежал Брайан. На нем был привычный вельветовый пиджак. Большая красная гитара валялась рядом.

В соседней комнате, как было видно сквозь стеклянную перегородку, Мик и Кит смеялись и шутили с Дейвом Мэйсоном и Эриком Клэптоном, гитаристами, которых они пригласили для записи «Beggars Banquet».

— Вставай, Брайан, — я легонько потряс его. — Пора домой.

— Уйди, Тони, — огрызнулся он. — Оставь меня в покое.

Я видел, что его лицо совсем мокрое, как будто он долго плакал.

Он окунулся в работу над новым альбомом, полный надежд и энтузиазма. Провал «Satanic Majesties» доказал, что Брайан знает, что говорит, когда речь идет о музыке. И Джаггер пообещал, что в новом альбоме будет только рок и что да, конечно, они обязательно запишут одну песню Брайана. Более того, они даже собирались записать одну из вещей басиста Билла Уаймена.

— А теперь они не хотят ни о чем слышать, — бормотал Брайан, пока я тащил его к «роллс-ройсу», — Джаггер — Ричардс, Джаггер — Ричардс… они хотят, чтобы их имена стояли под каждой песней и вся слава и деньги доставались только им двоим. Я знаю, что могу писать песни, которые займут первые места в хит-парадах. Но они не желают даже обсуждать эту тему. Иногда они просто затыкают меня. Или не утруждают себя сообщить мне об очередной записи в студии. Они больше не хотят со мной играть. Хотят играть с Дейвом Мэйсоном или Эриком Клэптоном… А меня избегают, как прокаженного. Однажды я напрямик заговорил об этом, и знаешь, что Джаггер мне сказал? Он сказал, я зануда. Сказал, что я нытик, зануда и вдобавок не такой уж хороший музыкант, чтобы оставаться в группе. Господи, парень, и это — моя долбаная группа! Ведь это была моя идея, они бы ничего не сделали без меня, а теперь они меня выживают…

Я понимал, что Мик и Кит, поступая так, вряд ли осознавали, что делают. Так получалось, скорее, потому, что они были очень заняты. Они знали: от успеха этого альбома зависит все, и Брайан со своими разговорами казался им просто занудой, чрезмерно потакающим собственным желаниям. Мик с Китом даже временно завязали с наркотиками, понимая, что для создания альбома нужна ясная голова. Брайан же накачивался мандраксом и бренди до абсолютно недееспособного состояния. Ничего удивительного,

что никто его даже не пытался звать на репетиции. Неужели он этого не понимал? Все, что от него на самом деле требовалось, — нормально поработать месяц-другой без наркотиков, а затем он волен снова употреблять все, что угодно.

Брайан опять жил со своей прежней девушкой, Линдой, но все еще надеялся, что Анита вернется к нему. Вдобавок к остальным проблемам, его «полюбила» полиция. Трижды к Брайану приходил с обыском один и тот же офицер. Несмотря на то что Брайан постоянно переезжал с места на место, тому не составляло труда разыскать его.

Всякий раз после такого визита Брайану приходилось платить тысячу фунтов, чтобы избежать судебного преследования.

— В третий его приход у меня в квартире не было ничего такого, так он вытащил наркотики из кармана и сказал, что повесит их на меня, если я не заплачу? — возмущался Брайан.

Я верил, что он говорит правду. Хотя бы потому, что полицейский, о котором шла речь, уже подъезжал к нескольким нашим друзьям, работающим на группу, с предложением снабжать их марихуаной, если они расскажут, кто из нас употребляет наркотики и где их прячет.

Свое раздражение Брайан вымещая на Линде, набрасываясь на нее с кулаками, как раньше на Аниту. Линда же любила его очень сильно. Она через многое прошла с ним и многое терпела. Однако в марте он избил ее так, что ее увезли в больницу прямо из квартиры в Чесхэм-Плэйс, в Белгравиа, куда они переехали в надежде отвязаться от излишне настойчивого внимания полиции. Брайан сам был в шоке от содеянного, и это принесло неожиданный эффект, спустя пару недель он взял себя в руки.

Ему помог Джон Леннон. Он уважал Брайана как музыканта и даже уговорил его сыграть на саксофоне в записи двух песен «Битлз»: «Baby You're a Rich Man» и «You Know My Name». Как-то вечером, когда мы все вместе сидели в «Ад Либе» и Брайан жаловался на жизнь, Джон близоруко прищурился в своей обычной манере и, повысив голос, проговорил:

— Не мели вздор! Ты сколотил группу — ты, а не Джаггер! Но тебе нужно быть потверже и пожестче в делах, если хочешь выжить в таких переделках. И если ты сам о себе не заботишься, Брайан, так не жди, что кто-то другой будет заботиться о тебе. Если же «Роллинг Стоунз» хотят вытурить тебя, так и пошли они, знаешь куда! Ты и сам по себе рок-звезда, ты молод и красив, и все девчонки вешаются тебе на шею. Уходи из этой группы и создай новую, докажи всем, что ты мужик, а не кисейная барышня.

— Скорее всего, Тони, я так и сделаю, — сказал мне Брайан

позже. — Джон прав.

Но прежде чем он смог что-либо предпринять, полиция решила прижать его покрепче.

Общительный Лес Перрин, журналист, писавший о «Роллинг Стоунз», узнал об этом и предупредил заранее: «Они хотят поймать Брайана на наркотиках и на этот раз настроены вполне серьезно».

Он даже сразу же позвонил Брайану на его новую квартиру в Роял-авеню-хаус на Кингс-роуд:

— Послушай, Брайан, это серьезно, они скоро придут к тебе с обыском. Так что, если у тебя что-нибудь там есть, избавься от всего поскорее.

Брайан сказал на это, что с некоторых пор больше не употребляет и не хранит наркотики дома. Так что, вроде, проблем не должно возникнуть.

Спустя считаные минуты в дверь позвонили. «Ну их, — подумал Джонс, — не буду открывать дверь. Наверняка опять эти ублюдки пришли вымогать очередную тысячу фунтов». И он спокойно остался сидеть в кресле. Пронзительные звонки сменились громовым стуком в дверь, но Брайан не шелохнулся, и полицейские, похоже, отступились.

Но нет — вскоре трое копов взломали окно и залезли через него в комнату. Один из них подошел к Брайану и показал бумаги.

— Вам не удастся уклониться, — сказал он, демонстрируя ордер с печатью. — Прочтите это. У нас есть ордер на обыск.

Полицейские приступили к обыску. Они срывали со стен ковры, перетряхивали платяной шкаф, пренебрежительно, словно рылись в вещах трансвестита, вываливали на пол шелковые рубашки и вельветовые штаны Брайана. Вскоре один из них позвал старшего из гостиной:

— Нашел, сэр.

В целом все выглядело так, будто они знали, что и где искать.

— О нет, — простонал Брайан, глядя на клубок синей шерсти, который, по словам полицейского, был спрятан в носке в одном из ящиков стола. — Это не может случиться сейчас, когда мы только-только оправились от предыдущих событий!

— Ваш клубок, сэр?

Брайан видел его впервые в жизни.

— Что вы ко мне пристали? — спросил он, постепенно начиная понимать, что происходит. — Я работаю круглые сутки, мне сейчас не до этого.

Он рассказывал, что полицейские даже ничего не показали ему, пока они не приехали в участок. И только там они положили

перед ним маленький кусочек гашиша и предъявили обвинение в хранении наркотиков. Однако, по правде сказать, мы все прекрасно знали, что Брайан не курил гашиш уже больше года.

К тому времени я разошелся с женой и жил с очаровательной танцовщицей Мадлен, с которой у нас была глубокая взаимная любовь. Вечером того дня, когда произошел обыск, Брайан позвонил нам и предложил встретиться и выпить немного в клубе «Революция», в Мэйфэйре. Я подобрал их по пути в клуб — он был с новой девушкой, Сюки Пуатье. В который раз я поразился тому, что Брайан выбирает себе девушек, являющихся как бы зеркальным отражением его самого. И все они хотели быть на него похожими, как будто боялись, что Брайан красивее их. Они, подражая ему, отращивали длинную челку и одевались в марокканскую одежду из его гардероба. Однажды Брайан даже поделился со мной забавной теорией о том, что самые красивые девушки страдают нарциссизмом. Они занимаются с ним любовью, потому что таким образом словно бы занимаются любовью сами с собой. Это звучало достаточно бредово, однако успех Брайана у девушек отрицать было невозможно. Как-то он рассказал, что, будучи в особенном ударе, за месяц переспал с шестьюдесятью девушками — и я уверен, что он говорил правду.

Когда мы прибыли в клуб, Брайан, несмотря на расстегнутый воротник рубашки и не до конца застегнутую ширинку, был абсолютно трезв. Хозяин клуба был польщен визитом звезды и усадил нас за самый лучший столик, рядом с танцполом. Затем нам принесли лично от него бутылку шампанского «с наилучшими пожеланиями», и мы выпили по паре бокалов, усердно пытаясь найти какую-нибудь иную тему для разговора, кроме полицейских налетов.

Брайан заказал бутылку бренди и после нескольких рюмок, вежливо извинившись, направился в сторону туалета. Спустя десять минут он появился вновь с безумными глазами и, чуть ли не теряя сознание, рухнул на стул, попутно уронив на пол рюмки и бутылку. Зная по собственному опыту, откуда возникают такие состояния, я сразу понял, что он съел четыре или пять таблеток мандракса. Вполне безобидное снотворное, если только не употреблять его с алкоголем. В противном же случае оно производит в сознании эффект разорвавшейся бомбы. Мы попытались растолкать его, но безуспешно. В конце концов мы под руки довели его до машины и отвезли домой.

Однако вскоре он понемногу пришел в себя и в мае уже репетировал с «Роллинг Стоунз» новую программу. Они планировали сыграть ее на вручении премии «Лучшая группа года» по опросу читателей журнала «Нью Мюзикл Экспресс».

«Роллинг Стоунз» впервые за последние два года выходили на сцену в Британии, и было важно, чтобы все прозвучало хорошо. Группа отыграла лишь несколько песен, однако Брайан был неотразим, особенно когда эмоционально встряхивал длинными светлыми волосами в такт звучащей мелодии. И все поклонники видели: слухи о том, что Брайан стал законченным торчком, — неправда.

Тем временем над его головой нависла другая угроза, связанная с последним полицейским налетом. В предыдущий раз они были очень близки к тому, чтобы упрятать его в тюрьму на девять месяцев. Возможно, на этот раз стоявшие за налетами представители власти решили, что его надо посадить на более долгий срок. В июне его вызвали в лондонский суд, но затем из-за общественного давления слушание было перенесено на сентябрь.

Все лето Брайана тревожили мысли о том, что его посадят.

— Если бы они просто хотели денег, то сказали бы об этом и получили бы обычную взятку, — говорил он. — На этот раз, похоже, они решили серьезно прижать меня и упрятать за решетку.

В суде Брайан поклялся, что не видел раньше ни шерсти, ни гашиша. «У меня в жизни не было никаких клубков шерсти. Я не вяжу носков. И девушек, вяжущих носки, среди моих знакомых тоже нет!»

Брайан жил на той квартире всего восемнадцать дней. Предыдущая жилица, актриса Джоанна Петтет, сообщила полиции, что вполне могла, съезжая, забыть клубок в квартире, хотя, как она утверждала, никогда в жизни не курила гашиш.

Когда суд удалился на совещание, в зал вошли Мик и Кит и уселись среди множества девушек-поклонниц, с замершими сердцами ждавших решения суда.

Судья кратко подвел итог обвинению. Будь Брайан виновен, он мог бы смыть в туалет все запрещенные вещества, пока полицейские стучали в дверь и лезли внутрь через окно. Никаких свидетельств, что Брайан принимал наркотики, не было. Единственная улика ничего не доказывала. Тут я вздохнул с облегчением. Возможно, Брайану удастся выпутаться, и они оставят его в покое. Кит и Мик, ухмыляясь, раздавали автографы и жестами подбадривали Брайана.

Присяжные совещались сорок пять минут. Когда они вынесли вердикт, по залу пронесся сгон разочарования «Мы пришли к выводу, что обвиняемый виновен». Сюки Пуатье зарыдала. Джаггер хлопнул кулаком об ладонь и с ненавистью поглядел на присяжных.

— Даже когда суд идет справедливо, находятся старые

дураки, которые готовы на все, лишь бы избавиться от нас, — раздраженно пробормотал он.

Судья Ситон, строго нахмурив брови, обратился к Брайану:

— Мистер Джонс, вас признали виновным. Я вел себя по отношению к вам беспристрастно, относясь к вам, как к любому другому молодому человеку. Я приговариваю вас к штрафу в пятьдесят фунтов и сотне гиней на судебные издержки. У вас есть неделя, чтобы внести эти деньги. Однако вам следует впредь поступать осторожнее и держаться подальше от этих опасных веществ.

Брайан, который уже приготовился к тюремному заключению настолько серьезно, что даже явился на слушание в деловом сером костюме с галстуком и в белой рубашке, вздохнул с облегчением и, обменявшись улыбками с друзьями, покинул здание суда. Они с Сюки, держась за руки, торжественно сели в «роллс-ройс», водитель завел мотор, и они уехали.

— Тяжело поверить, что присяжные настолько твердолобы, что игнорируют даже мнение судьи, — обратился один репортер к Мику. — А судья — неглупый человек. Он понимал, что все это фарс с самого начала. Что вы скажете об этом, Мик?

— Мы безумно счастливы, что Брайана не посадили в тюрьму, — просто ответил тот.

Но позже, при встрече, он сказал мне:

— Слушай, Тони, постарайся помочь ему держаться подальше от наркотиков. Полиция не оставит его теперь в покое. Они понимают, что это его слабое место, и будут выжидать, пока он не сорвется, а там набросятся на него, как стая шакалов, и съедят с потрохами. Если Брайан не завяжет, он конченый человек.

10

Домик Кита в Редлэндсе был настоящей жемчужиной архитектуры. Вокруг довольно беспорядочно выстроенного главного здания с соломенной крышей красовался аккуратно подстриженный зеленый газон. А газон, в свою очередь, окружал широкий и глубокий ров, вырытый сотни лет назад для защиты старинного дома от воров и бандитов. В ясные дни вода во рву искрилась на солнце, на ее чистой поверхности отражалось голубое небо. Гости обычно поначалу жаждали искупаться в нем — пока Кит не упоминал мимоходом о водяных крысах. Я долго ему не верил, но как-то в полдень, неспешно прогуливаясь, чуть не наступил на целое семейство, притаившееся в прибрежных камышах. Трое маленьких сразу же юркнули прочь, а самый большой — очевидно, глава семьи — недоброжелательно посмотрел на меня налитыми красными глазками и вызывающе обнажил желтые зубы. Он был огромен, ростом почти с кошку, и я тут же вспомнил старые сельские байки об огромных крысах, которые без проблем прокусывали шеи терьерам.

— Да, — согласился Кит, когда я вечером рассказал ему о крысах, — меня они уже давно беспокоят. Если ничего не предпринимать, рано или поздно они обнаглеют и вообще начнут забираться в дом.

На следующий день он достал с чердака два старых помповых ружья. Было около семи вечера. Воздух был полон необыкновенной тишиной. В такой вечер можно слышать собачий лай за несколько миль и замечать, как ветер шумит в верхушках деревьев. Кит положил на лужайку в десятке метров ото рва приманку — остатки курицы. Мы, с ружьями наготове, засели в кустах метрах в двадцати от этого места. Затем молча закурили косяк и уже почти докурили его, когда Кит вдруг толкнул меня и показал на крысу, крадущуюся к курице сквозь заросли.

— Подождем еще, — шепнул он, останавливая меня жестом, — может, их там больше.

Вскоре четыре омерзительных крысы уже пировали над бедной курицей. Кит прилег на землю и прицелился. Я водил прицелом, пока не поймал в него самую жирную крысу.

— Давай! — крикнул Кит, и грохот ружейных выстрелов разорвал вечернюю тишину.

Все четыре крысы, залитые кровью, лежали на лужайке.

Ричардс, взяв кусок бумаги, осторожно подобрал их и подвесил на колючую проволоку, идущую над забором, неподалеку от ворот: он видел, что так делали другие фермеры.

Приехавший поздним вечером Мик спросил у Кита:

— Что там за дрянь болтается на заборе?

— Это мои долбаные крысы, — ответил Кит. — Можем приготовить их сегодня на ужин.

Позже я услышал, как они играют на гитарах и Кит напевает: «Мой друг стреляет водяных крыс, мои друг стреляет водяных крыс».

— Тони, мы посвятили тебе песню, — крикнул он мне.

Поначалу я не хотел на него работать. Я понимал, что мне надо заниматься «Везувием» независимо от того, много ли денег это принесет. Но от жизни содержателя ночного клуба я устал буквально через неделю. Снаружи это кажется таким солидным — быть боссом, угощать людей выпивкой, трясти им руки, шутить и рассказывать веселые байки. Но я быстро понял, каково это на самом деле. Мне почти сразу надоело притворяться, делая вид, что я счастлив общаться со всякими мерзкими типами. Так что, когда Кит предложил мне 150 фунтов в неделю за работу его личным помощником, я лишь спросил у своего партнера, сможет ли он справиться с клубом сам, и тот, учитывая все возрастающую прибыль, с готовностью согласился.

— Понимаешь, старина, — делился со мной Кит, — тот парень, что работал на меня прежде, чересчур охамел. Начал переть у меня вещи, врать, и я почти уверен, что это именно он настучал репортерам «Ньюс оф зе Уорлд» про ту вечеринку, когда нас замели. Но вообще он парень крепкий и бывает полезен, так что я направил его к Брайану.

«Да, с такими друзьями Брайану не надо никаких врагов», — подумал я. Подумал, но промолчал. Кит был мне хорошим другом, у нас были общие интересы, и в целом мне нравилось работать с ним.

Во рву у Кита была привязана маленькая гребная шлюпка, и иногда, дымя гигантским косяком, он катался в ней, пока не укуривался так, что ронял весла в воду и тщетно пытался их потом найти. Кроме того, одно время он упражнялся в стрельбе, но, так как редко попадал в цель, ему приходилось каждый раз ездить за стрелами на лодке.

После очередной такой поездки за стрелами он объявил:

— Знаешь, это тяжеловато — каждый раз плавать и подбирать их. Я понял: мне просто нужна небольшая машина на воздушной подушке, чтобы я мог, выстрелив, сразу лететь, подбирать стрелы и возвращаться обратно.

Если бы мне сказал это кто другой, я бы рассмеялся ему в лицо. Однако, повращавшись немного в кругах рок-звезд и миллионеров, я понял, что здесь любой каприз быстро становится

реальностью, так что согласился с тем, что личный транспорт на воздушной подушке — прекрасная идея.

Спустя месяц он прибыл. Это была округлая машина серебристого цвета высотой метра два с половиной, рассчитанная на одного человека. И вот Кит сел в нее в первый раз. Машина, взревев, словно «конкорд», поднялась над лужайкой, а он заорал:

— Эй! С дороги! Уходите с лужайки!

Мы с Анитой и остальными быстро последовали его совету.

Берег рва оказался слишком крут и неудобен даже для такой машины. Но Кит не расстроился. Испытывая машину, он быстро перемахнул через ворота и, почти как космонавт, неожиданно приземлился на деревенской дороге.

— Изумительно, просто фантастика! — поделился он впечатлениями, вернувшись к нам.

Спустя пару недель новая игрушка ему наскучила, и машина осталась ржаветь в сарае. Он больше никогда ею не пользовался. А стоила она, думаю, порядка пяти тысяч фунтов.

На следующей неделе, в пятницу вечером, он позвонил мне и попросил приехать к ним с Анитой на выходные. У меня тогда была собака, здоровый доберман по кличке Цезарь, и я решил взять его с собой — порезвиться на свежем воздухе сельских просторов. Я мог приехать только к трем утра, но знал, что Кит никогда не ложится раньше четырех, так что особенно не беспокоился. Как только я заглушил мотор, Цезарь выпрыгнул из машины на лужайку и принялся резвиться, словно щенок, для которого весь окружающий мир в новинку.

Услышав, что я приехал, Кит вышел встречать меня через заднюю дверь вместе со своим туповатым лабрадором Йорки. И тут, прежде чем мы успели понять, что происходит, из темноты вынырнул Цезарь, взревел и волком накинулся на бедного Йорки, кусаясь и рыча. Йорки храбро пытался ему ответить, и нам с Китом стоило немало усилий их развести.

Затем я запер возмущенного Цезаря в гараж. Кит в это время свертывал очередной косяк и обрабатывал раны лабрадора.

— Черт, Томми, бедняге Йорки крепко досталось, — ухмыляясь, констатировал Кит, когда я вошел в дом.

— Да, — сказал я, испытывая гордость за Цезаря, — Йорки чуть не оторвали хвост.

— Твой пес играл нечестно. У него-то самого нет хвоста!

Тут мы расхохотались.

Анита уже давно спала. Мы с Китом тоже отправились было на боковую, но нам отчаянно мешал Цезарь — он выл так, что позавидовала бы и собака Баскервилей.

— Слушай, можешь его как-нибудь заткнуть? — попросил

Кит.

Я пошел в гараж и отшлепал пса. Однако спустя минуту он опять завелся.

Со второго этажа раздался голос Аниты:

— Черт, Кит, что случилось? Вы можете заставить собаку замолчать?

— О, я знаю, как с ним справиться, — с озорной ухмылкой заявил Кит. — Дадим ему снотворного, пару таблеток мандракса. Как думаешь, он успокоится и заснет?

— Идея неплохая, — с сомнением проговорил я.

Кит подержал ничего не понимающей собаке пасть, пока я скармливал ей пару таблеток. Мы немного подождали. Спустя десять минут Цезарь попытался выйти из гаража, но спотыкался и запинался, словно Чарли Чаплин. Кое-как он все-таки сумел выбраться на аллею за домом. Он был настолько одурманен, что несколько раз крепко ударился головой о стену, и я забеспокоился, как бы он нечаянно не поранился до смерти.

Кит вышел из гаража, чуть не умирая от смеха.

— Ох, вот потеха! — хохотал он. — Потрясающе! Может, нам и Йорки накормить?

Внезапно мы услышали шумный всплеск. Бедняга Цезарь свалился в ров. Кит рассмеялся так, что слезы брызнули из глаз. Однако я встревожился.

— Это уже не смешно, Кит. Бедный пес может утонуть.

— Ну так прыгни туда и спаси его, если это тебя так беспокоит.

— Прыгать будешь ты, ибо это все случилось по твоей вине.

Мы подошли к берегу рва. Но ночь была темной, безлунной, и видно почти ничего не было. Мы могли только слышать, как барахтается несчастное животное. Через несколько минут раздался еще один звук, похожий на царапанье когтей, словно пес пытался выбраться на берег.

Кит сходил за фонарем, и вскоре мы осветили лучом отчаянно барахтающегося пса.

— Сюда, Цезарь, сюда, мой мальчик! — Я звал его и свистел, но он никак не мог вскарабкаться на берег и все время соскальзывал обратно в воду.

У берега лежал толстый слой мутной грязи, мешавший мне подойти поближе и вытащить его.

Я уже обеспокоился всерьез, потому что понимал, что силы у собаки рано или поздно кончатся и долго он так не продержится. Тогда я быстро сбегал к гаражу, взял там старую бельевую веревку и обвязал один конец вокруг пояса, а другой отдал Киту.

Затем я начал спускаться по крутому берегу вниз к воде,

опасаясь, как бы не наступить на еще одно семейство водяных крыс. Кит смотрел на меня и просто бился в истерике.

— Эй, Анита, — заливался он, — иди, глянь, как доберман плавает в нашем рву. И Тони тоже собирается поплавать!

Я уже по пояс погрузился в грязную вонючую воду, и для меня ситуация совершенно перестала быть забавной. Бедный обожравшийся таблеток пес, казалось, никак не мог понять, что же с ним случилось, и отчаянно пытался плыть, выписывая круги по рву, в то время как я безуспешно пытался его поймать каждый раз, когда он проплывал поблизости. С третьей попытки мне удалось ухватить его за шкирку, и я притянул его к себе.

— О'кей, Кит, тащи нас, — крикнул я.

Однако ногами я уже крепко увяз в иле, и в какой то момент мне даже показалось, что мы с собакой так и завязнем здесь. Тем не менее в конце концов Кит крепко приналег на веревку, и мы, грязные и вонючие, измазанные илом, выползли на траву.

— Просто фантастика! — хохотал Кит. — Завтра обязательно повторим!

— Да, — ответил я, — но в ров на этот раз полезешь ты.

Собаки вносили в атмосферу Редлэндса элемент суматохи и неразберихи. Спустя несколько месяцев Кит с Анитой устраивали одну из своих бесчисленных вечеринок. На этот раз гостями были в основном актеры и актрисы из неформальной театральной труппы «Живой Театр», с которыми Анита в свое время выступала. Среди них выделялся рослый чернокожий парень сатанинского вида, носивший тюрбан. Его звали Джо Монк.

— Ничего, если я возьму байк и немного поохочусь? — спросил он как-то после обеда.

«Байк» представлял собой тяжелый мотоцикл для пересеченной местности — с широкими «рогами» руля и толстыми шипами, предназначенными для сельского бездорожья. Кит всегда позволял друзьям кататься на нем.

— Конечно, — ответил Кит — Возьми с собой Йорки, и я уверен, ты добудешь к обеду пару фазанов.

Кит вставил пять зарядов в помповое ружье и передал его Джо. Рослый темнокожий Джо на мотоцикле выглядел очень эффектно: в развевающемся плаще из козьих шкур и с ружьем за спиной он напоминал кровожадного афганского кочевника. Минут через двадцать где-то в миле от нас, отдаваясь эхом по полям, прогремел первый выстрел. Затем — другой, а потом третий, четвертый, пятый…

— Что-то многовато, — удивился Кит.

Но тут два выстрела прозвучали одновременно, и мы обеспокоенно переглянулись.

— Господи! — воскликнула Анита. — Надеюсь, это не в него стреляют!

Спустя несколько минут перед домом остановился полицейский автомобиль. Из него выбрался полицейский и направился прямиком к Киту.

— Фермер сказал нам, что сделал несколько выстрелов в воздух, отпугивая браконьера. Браконьер был с черной собакой, очень похожей на вашу, сэр, — сказал он. — Это случайно не один из ваших гостей?

— Нет, нет, — ответил Кит, — это не из моих гостей. А где мой пес, я не знаю, но он где-то здесь и точно не занимается браконьерством.

— Вы в этом уверены? — с подозрением переспросил офицер. — У того парня африканская прическа, как у фанатов Джимми Хендрикса, а все странные личности, появляющиеся у нас в округе, на поверку оказываются вашими гостями.

В общем, Киту как-то удалось от него отвязаться, и мы вздохнули с облегчением, так как в доме у Кита были спрятаны гашиш и кокаин. Однако через два часа от Джо все еще не было никаких вестей. «Возможно, — мрачно думал я, — фермер все-таки не промахнулся, и лежит Джо сейчас где-нибудь в кустах, в луже крови».

Наконец, уже совсем в сумерках, Джо появился на пороге. Его одежда была изорвана и запачкана кровью.

— Что случилось? — спросил я.

— Я так торопился смотаться от этого психа с ружьем, что упал с мотоцикла и поранился. Но вот… я все-таки принес… — И он выложил на стол трех жирных фазанов.

Кит по телефону вызвал такси, чтобы Джо мог уехать в Лондон, прежде чем полицейские явятся к ним вновь.

— Хорошо, что старина Джо нас покидает, — проговорил Кит, и мы все дружно засмеялись.

Однако это происшествие довольно сильно сказалось на отношении окрестных фермеров. Поначалу их забавлял и удивлял необычный внешний вид молодежи, собиравшейся у Кита. Но теперь их отношение стало откровенно враждебным. И вслед за этим произошло множество тревожных и неприятных событий. Началось с того, что однажды домой не вернулся Йорки. Затем исчез Берни, еще один лабрадор. Вслед за ними такая же участь постигла Уинстона и Большого Дэна.

— С меня хватит, — объявил Кит. — Наверняка эти чертовы фермеры отравили или пристрелили их. Заведу большого, здорового пса, которого никто не рискнет трогать.

Так в доме появился Сиф, шотландская борзая, которую Кит

специально заказал из Шотландии. Пока мы везли пса с железнодорожной станции в Истоне, его стошнило прямо на заднем сиденье.

— Господи, — пробормотал Кит, — выглядит он так, словно и впрямь переболел сифилисом.

Несчастный Сиф действительно оправдывал свое имя и с каждым днем становился все безобразнее. Однако он был лучшей охотничьей собакой из всех, что я видел. Кит охотился с ним на кроликов и фазанов. Но в один прекрасный летний день он бесследно исчез, как и его предшественники.

— Если найду фермера, который их травит, я из него душу выну, — ругался Кит.

Обычно он не бросался словами. Для него человек, убивающий собак, сам заслуживал пули. Однако, прочесав окрестные фермы, мы не нашли никакого следа исчезнувших псов. И в конце концов Кит решил сообщить обо всем в местную полицию.

Дежурный сержант не удивился, составил протокол, задал несколько вопросов и записал все в большую записную книжку. Этим дело и кончилось.

Сам я думал тогда, что псы, скорее всего, просто нашли себе других хозяев. Кит часто и надолго уезжал из Редлэндса, и тогда о псах заботился старый уборщик, живший неподалеку. Вероятно, собаки решили найти себе лучших хозяев. Даже у животных в этом плане есть свои предпочтения.

Другой проблемой в Редлэндсе стали кражи. За шесть месяцев дом взламывали три раза. Кит поставил сигнализацию, оповещавшую полицейских в участке о проникновении в дом чужака, и (я над этим только посмеивался) обнес сад трехметровым забором. Сигнализация работала, но воры всегда успевали скрыться за пять минут до приезда полиции. Они предпочитали всякие мелочи вроде пластинок и часов, не обращая внимания на дорогие персидские ковры ценой в 5000 фунтов и бесценный антиквариат. Однако как-то раз воры замешкались и были пойманы.

— Эго послужит им уроком, — сказал мне Кит после того, как два молодых парня были оштрафованы на 125 фунтов. — Единственное, чего не могу понять: как им все это удавалось? Они же не профессионалы, а обычная деревенщина.

Все музыканты группы были частыми гостями Редлэндса. Я чувствовал, что между Анитой и Миком что-то происходит, и это не на шутку тревожило Кита. Впрочем, Мик почти всегда приезжал с Марианной, так что его дружеские отношения с Анитой никогда не переходили границ легкого флирта.

Мику нравилась Анита, ее тонкий ум, проницательность и вспыльчивый характер — все то, что по характеру-так отличало ее от Марианны. Постепенно Анита обрела над ним такую же сверхъестественную власть, какую имела над Китом и Брайаном. Однажды она слушала новую песню, «Stray Cat Blues», и Джаггер ждал, что она, разумеется, оценит запись и похвалит ее. «Дерьмо, — сказал она, дослушав. — Вокал выведен слишком громко, а бас почти не слышно». Мик был так ошеломлен, что отправился обратно в студию и свел композицию еще несколько раз.

Мы с Анитой оба свободно говорили по-итальянски и были достаточно близкими друзьями, но без всякой романтики, как брат и сестра. Она часто делилась со мной своими переживаниями.

— Я себя чувствую шестым членом группы, — сказала она мне как-то. — Я нужна и Мику, и Киту, и Брайану — нужна, чтобы утешать их, критиковать и подавать им новые идеи.

Брайана постоянно звали в гости, однако он не приезжал, поскольку не был уверен, что, увидев Аниту, сможет держать себя в руках. Но в какой-то момент его настолько достали полицейские рейды и шантаж, что он предложил Мику все-таки встретиться в Редлэндсе и обсудить, что можно с этим сделать и как противостоять полицейскому давлению. Тогда он как раз ждал суда после истории со злополучным клубком шерсти и думал, что его посадят в тюрьму, а Мик и Кит используют это как предлог, чтобы выгнать его из группы.

— Слушай, Брайан, — орал Мик, — на нас тоже были полицейские налеты, и все равно мы все на свободе. Не будь идиотом, чем мы от тебя отличаемся?

Тут Брайан внезапно нервно выкрикнул: «Я покончу с собой! Покончу с собой!» И прежде чем мы успели понять, что происходит, он выбежал из дома, промчался мимо нас с Китом и ласточкой прыгнул в ров, который, по словам Кита, был глубиной метров шесть. Голова Брайана как раз скрылась под водой, когда из дома выбежал Джаггер.

— Быстрее! — в отчаянии вскричал он. — Брайан тонет! Кто-нибудь… веревку!

Мы смущенно переглянулись. Никто из нас не был хорошим пловцом, и у нас не было никакого желания вылавливать Брайана со дна рва.

— Ну, кто-нибудь будет спасать этого ублюдка? — крикнул Мик.

— Да, будет. Ты! — с этими словами Кит обвязал веревку Мику вокруг пояса.

Мик сбежал по склону к берегу, пробрался сквозь кусты и прыгнул в ров. Когда он добрался до Брайана, то понял, что ров был максимум метра полтора глубиной, хотя дно устилал еще тридцатисантиметровый слой илистой грязи. Брайан, судя по всему, присел на колени, чтобы нас одурачить. Вероятно, он надеялся, что все подумают, что там глубоко. Мик был настолько взбешен тем, как его провели, что, схватив Брайана за волосы, окунул его несколько раз головой в воду.

— Говоришь, хочешь утонуть, ублюдок? — крикнул он злобно. — Ладно, я тебя утоплю!

Ослепнув от бешенства, он поволок Брайана за волосы на берег, положил на траву и отвесил ему затрещину.

— Посмотри на эти вельветовые штаны! Они стоили мне пятьдесят фунтов, а теперь что с ними делать? — кричал он. — Ты тупой ублюдок! Надеюсь, тебя все-таки посадят в тюрьму, и надолго!

Тем же вечером Брайан уехал в Лондон. Однако, кажется, после этого случая он перестал жалеть себя. Целую неделю он не принимал наркотики, а затем улетел в Северную Африку — записывать барабаны и духовые инструменты племени джуджука. Он пробыл там месяц и вернулся отощавшим, загоревшим, но на вид вполне здоровым.

— Их музыка может стать новым открытием! — возбужденно рассказывал он. — Люди устали от ритм-энд-блюза, им хочется чего-то совершенно нового. Возможно, как раз такой невероятной, пульсирующей музыки… Ну, вы услышите, я все записал. Из этого можно сделать потрясающий альбом!

«Хвала Всевышнему, — подумал я, — кажется, у Брайана наконец опять все в порядке».

11

Зарабатывать миллион фунтов в год просто за то, что поешь песни и выглядишь секс-символом, — это мечта любого подростка. Однако реальность оказывается обычно более жестокой: исполнение одних и тех же старых песен месяцами, вечер за вечером, рано или поздно может наскучить до смерти. Так случалось со всеми певцами в прошлом, независимо от талантливости и стиля, от Синатры до Стинга. И все они начинали пробовать себя в родственной, но намного больше требовательной к человеку, хотя и приносящей больше удовлетворения, актерской карьере. Мик Джаггер не был исключением. Он чувствовал, что как певец уже состоялся. Все, что ждало его впереди, — постепенный спад популярности, хотя бы просто потому, что он становился старше. Среди его друзей было много режиссеров, снимавших кино. Джаггера тянуло к ним — с ними, в отличие от большинства музыкантов, было о чем поговорить. Вместе с Жаном Люком Годаром «Роллинг Стоунз» работали над странным авангардным фильмом «1 + 1». После этого опыта Мику еще больше захотелось продолжать карьеру актера.

Когда кинопродюсер Дональд Кэммелл, друживший с Миком уже несколько лет, предложил ему роль безумного рок-музыканта («Ну как ты сам, только еще более сумасшедший», — объяснял Дональд), который оказывается втянутым в историю с лондонскими гангстерами, Джаггер сразу ухватился за эту возможность. На роль гангстера был приглашен Джеймс Фокс, и компания «Уорнер Бразерс» согласилась продюсировать фильм. Кроме того, вторым режиссером был Николас Рег, успевший заработать громкую славу (и очень мало денег) своим дебютным фильмом «Прогулка».

— Проблема в том, — сказал Мик Марианне, когда они вместе прочитали сценарий, — что у нас с Тернером, этим парнем, которого мне надо играть, совсем разные характеры. Он на меня совершенно не похож.

Они жили в огромном замке в графстве Килдэр на юге Ирландии. Мик арендовал его, чтобы Марианна могла отдохнуть во время беременности. Жизнь, которую они вели в Лондоне, как сказал ее врач, была для нее губительна. Ей нужно пожить без кокаина и барбитуратов, которые то вселяют чрезмерное вдохновение, то, напротив, вгоняют в депрессию. Если она не завяжет, то может потерять ребенка.

Марианна часами говорила с ним о его персонаже. Она была

прекрасной актрисой, играть у нее получалось даже лучше, чем петь. За спиной у нее были великолепные роли в «Трех сестрах» и «Гамлете», и она хорошо разбиралась в тонкостях и нюансах драматического искусства.

— Что бы ты ни делал, — втолковывала она ему, — не пытайся играть себя. — Ты слишком цельный человек, слишком прямой, слишком жесткий. Попробуй представить себя Брайаном: этаким противоречивым, немного женственным, запутавшимся бедолагой-наркоманом Брайаном. Можно немного добавить качеств Кита: его грубоватость, страсть к саморазрушению, стремление нарушать законы. Тебе надо играть человека с чертами характера Брайана и Кита, но не теперешних, а будущих: таких, какими они будут, если «Роллинг Стоунз» спустя годы распадутся, и они останутся в одиночестве, со своими роскошными домами-дворцами, не зная, на что потратить свои огромные состояния.

Вместе они вновь и вновь проходили сценарий — до тех пор, пока Мик, проживая каждую сцену, не стал меняться сам. Марианне казалось, что и в жизни он стал таким же, как его персонаж. И это ей не особенно нравилось.

В Лондоне Дональд Кэммелл превращал Джеймса Фокса в гангстера более прямыми и простыми методами. Джеймс был подчеркнуто элегантен и аристократичен — типичный английский джентльмен. Звездную славу ему принесло участие в таких фильмах как «Слуга», «Король-крыса» и «Воздушные приключения». Но Дональду от актера требовалось больше, нежели просто талантливая игра. Он хотел *настоящего* противостояния между лондонским уличным бандитом и изнеженным декаденствующим рок-музыкантом. Так что он специально нанял сообразительного молодчика из уличных хулиганов, чтобы тот помог Джеймсу перевоплотиться. Я знал этого парня Дэвида, еще со времен Сохо и понимал, что он так или иначе знаком почти со всеми — от Крэев до Ричардсонов.

Он взялся за дело серьезно. Джеймс заказал себе костюмы в маленьком еврейском ателье рядом с вокзалом Ватерлоо, у портного, у которого обычно одевались гангстеры. Снял квартиру в Ист-Лондоне. Три раза в неделю ходил качаться в спортзал рядом с пабом Томаса Беккета на Олд-Кент-роуд. Однажды ночью Дэвид взял Джеймса «на дело» с парой взломщиков, чтобы актер посмотрел, как они работают. Они вместе прошли по крышам и хотя не стали влезать в офис, но объяснили ему наглядно все, что бы они сделали, если бы его с ними не было.

Как и многие выдающиеся актеры, Джеймс был мастером перевоплощений. Он быстро превращался в Чеса Девлина. Он

настолько вжился в роль, что начал становиться им и в жизни. Из вежливого, обаятельного джентльмена он превратился в агрессивного, злобного и взрывного бандита. Его теперь часто пугались. И чем наглее он становился, тем счастливее был Дональд.

Он уже видел, как начнут враждовать эти двое. Сценарий был черновым. Он менялся в процессе работы, пока Джаггер и Фокс не почувствовали, что между ними действительно возникает противостояние.

Ситуацию еще более подогревало то, что в фильме участвовала Анита Палленберг, игравшая секретаршу героя Джаггера. И Кит и я знали, что она до сих пор влюблена в Мика.

Съемочная группа из шестидесяти пяти человек — операторы, звукорежиссеры, осветители — около недели вели подготовку к съемкам в доме на Лаундес-Сквер в Найтс-бридже (особняк, где по сценарию жил Тернер). Все это время в них росло недовольство.

— Этот парень даже не актер. Какое право имеет этот любитель сниматься в таком звездном фильме? — жаловался один из техников.

Джаггер прекрасно понимал, что он новичок в этом бизнесе, и жаждал учиться. Он был вежлив и любезен со всеми, включая техников, внимательно слушал все, что говорили ему Дональд и Николас, наставляя его по поводу первой сцены. Он точно следовал их советам, и его реплики в этой сцене были безукоризненны. Сцена переснималась несколько раз, но отнюдь не по вине Джаггера. Он же никогда не жаловался на то, что приходится переснимать сцену из-за других участников, и вообще вел себя как послушный актер, а не как рок-звезда, зарабатывающая миллионы. Становилось очевидным, что Джаггер хочет доказать всем: он может стать таким же революционером на актерском поприще, каким уже стал в рок-музыке.

Джаггер и Фокс быстро невзлюбили друг друга — так глубоко оба вжились в роли, которые им предстояло играть. И теперь они уже ненавидели, не играя.

Гангстер Чес вел образ жизни, характерный для его круга. Его квартира была обставлена современными произведениями искусства. Он носил строгие костюмы и читал «Плейбой». В общем, от прочих молодых людей он отличался лишь тем, что прятал пистолет в ванной. Он был гетеросексуален, хотя насилие и секс так прочно переплелись в его голове, что он получал эротическое удовольствие от того, что бил свою девушку. Но наступил день, когда один из его конкурентов ворвался к нему в дом, связал и отхлестал плетью почти до смерти. Однако Чес

сумел добраться до оружия, застрелить своих мучителей и насладиться кровавой смертью босса своего соперника. Ему пришлось бежать, и когда он прослышал о пустующей комнате в особняке Тернера, то, пересилив отвращение, перекрасил волосы в рыжий цвет и решил поселиться там.

Первым, что удивило гангстера, была ярко выраженная бисексуальность Тернера: тот носил длинные волосы, красился и одевался в женскую одежду.

Затем наступил момент, когда Анита, согласившись предоставить Чесу комнату, поднимается наверх и ложится в кровать, где уже лежат двое. Поначалу не вполне понятно, что это за пара и какого они пола. У девушки, Мишель Бретон, была короткая стрижка и мальчишеская фигура, а у парня, Тернера, — длинные волосы и косметика на лице.

Для меня было очевидно, что именно Анита оживляет всю эту сцену. Без нее она бы развалилась. Для нее это было похоже на ту странную любовную жизнь, которую она вела с Брайаном. Он сам ее подбивал снимать девочек и приводить их домой, чтобы они занимались любовью втроем.

Чес был дезориентирован. Раньше он полагал, что знает о жизни и о сексе все, однако теперь уже не был так в этом уверен. А после того как они вместе отведали галлюциногенных грибов, Тернер тоже начал сомневаться в своих жизненных устоях.

Тернер всегда отвергал общество, в котором мужчина побеждал силой и жестокостью, хотя знал, что как раз эта сила — секрет его головокружительной звездной карьеры. Теперь же он жил в своем таинственном мире, полном женщин, наркотиков и бисексуальных отношений. Однако, изменяя Чеса, он изменился и сам. Хотя молодые люди находились на разных полюсах, они узнавали себя друг в друге.

Я видел, что фильм высасывает силы из обоих: и из Джаггера и из Фокса. Они столкнулись с тем, что им приходилось разбираться: во что же они на самом деле верят. Джеймс и в жизни начал становиться таким же дезориентированным.

Да и Джаггер тоже, казалось, почти превратился в Брайана. Он начал вести более разгульный образ жизни и постепенно утрачивал прежнюю целостность личности.

Мик вместе с актерами в костюмерной курил ДМТ — так они вживались в атмосферу наркотических сцен. Этот наркотик просто взрывает сознание, но если кислотный трип занимает обычно часов двенадцать, то здесь все путешествие сжато до пятидесяти минут. Однако когда человек приходит в себя, ему трудно сориентироваться в нормальном мире, он все больше уходит от реальности. Впоследствии врачи обнаружили, что ДМТ

вызывает в мозге необратимые негативные изменения.

Анита сделала ситуацию еще более тупиковой, соблазнив Джаггера в раздевалке на третий день съемок. Она и так всегда находила его привлекательным, но теперь, когда он был так похож на Брайана и Кита, двух самых важных людей в ее жизни, он стал для нее просто неотразимым. Дональд заметил, что они стали близки, и решил это использовать в фильме.

Фокс застукал их за сексом в раздевалке во время десятиминутного перерыва. Он был поражен — и в особенности тем, что Мик поступал подло по отношению к Киту. Фокс считал их лучшими друзьями.

То, что Мик с Анитой по-любительски интересовались черной магией, тоже отразилось в фильме — в кадре мелькали многочисленные талисманы и амулеты.

Анита с Марианной были близкими подругами, и все-таки Анита пыталась увести Джаггера, в то время как Марианна, беспомощная и беременная, жила в отдаленном замке на юге Ирландии. Все это повергало Кита в глубокую депрессию, подобную той, что переживал в свое время Брайан, когда Анита бросила его. Аниту переполняла жизненная энергия, она была настолько сильной и решительной, что мужчины быстро попадали от нее в зависимость — почти так же, как героинисты начинают зависеть от дилера.

Мне казалось, что «Роллинг Стоунз» не выдержать конфликта между Миком и Китом. Я часто во время съемок пытался убедить Кита зайти в дом на Лаундес-Сквер, подождать в костюмерной Мика и Аниту.

Но Кит отказывался. Казалось, он боится вступать в прямую конфронтацию, понимая, что если застанет Мика с Анитой, то сразу потеряет обоих. Его мир стремительно рушился, как в свое время случилось с Брайаном. Вместо этого он обычно сидел в ближайшем пабе, угрюмо попивая «Баккарди». Или просто ждал Аниту, не вылезая из «бентли».

— Это просто глупо, — сказал я ему однажды. — Какой толк сидеть в машине? Пошли лучше в раздевалку, выкурим пару косяков с Миком и нашей старушкой. Ты за это время успеешь написать там новую песню, вместо того чтобы страдать фигней.

Но он, пробормотав какие-то извинения, попросил меня самого сходить в раздевалку и посмотреть, долго ли там еще Анита.

Анита, казалось, получала некоторое садистское удовольствие от того, что находилась в центре такой безумной интриги. Это было доказательством ее силы и привлекательности.

Переспать с кем-нибудь из «Роллинг Стоунз» было мечтой

многих девушек, а она сумела добиться всех троих.

— Знаешь, Тони, — как-то поделилась она со мной, — мне кажется, что любой из них даже бросит группу ради меня. Такое необычное ощущение…

Однако общая странная атмосфера фильма сказывалась и на ней. Она начала таскать вещи, реквизит, и иногда убеждала меня спереть что-то для нее. Каждый раз, когда я уходил домой, она клала мне в костюм то, что ей понравилось. Один раз это была восточная повязка с вышитой на ней свернувшейся змеей. Другой раз — маленький египетский божок. Дональд догадывался, в чем дело, и его это раздражало — не потому, что было жалко, а потому, что отсутствие реквизита сильно мешало и без того непростым съемкам. Тем более, когда исчезали предметы в процессе съемки еще незаконченной сцены… Однако он не хотел расстраивать Мика и Аниту и жаловаться. Он только шепнул мне мимоходом, что хотел бы, чтобы реквизит оставили в покое. После этого я категорически отказался помогать Аните.

Работа над фильмом заняла три с половиной месяца. Когда он был закончен, многое переменилось в жизни всех, кто в нем участвовал. Робин Фокс, отец и агент Джеймса Фокса, предупреждал, что фильм может серьезно повредить его репутации, связав в сознании зрителя его имя с пропагандой бисексуальности и наркотиков. Но Джеймс не послушался его. К концу съемок внезапно обнаружилось, что его отец умирает от рака. У Джеймса и так были расшатаны нервы — учитывая ДМТ, аморальность фильма и Джаггера в качестве партнера… Напряжение, накопившееся за съемки, привело к нервному срыву, и он решил закончить свою многообещающую карьеру. Позже он стал священником в загадочной религиозной секте «навигаторов». Спустя годы в интервью журналисту «Дейли Мэйл» он сказал. «Фильм «Представление»» заставил меня серьезно пересмотреть отношение к жизни. Прежде я терпел любые непристойности в процессе съемок. Но после этого фильма все изменилось».

Анита, как ни в чем не бывало, продолжала жить с Китом и выжидала. Она знала, что отношения Мика и Марианны дали трещину. Мик пребывал в странном, потерянном настроении, которое совсем не походило на его обычную уверенность и организованность.

— Я действительно начал думать как Тернер, — признавался он. — И пока шли съемки, у меня немного поехала крыша.

Однако Кэммелл и Рег были хоть и измотаны, но счастливы.

— Все будут поражены! Никто такого еще никогда не видел. Этот фильм станет новым образцом для подражания, — сказал мне Кэммелл, когда съемки уже подходили к концу.

Его мечтам было суждено разбиться вдребезги после того, как фильм посмотрели несколько толстых джентльменов с сигарами — продюсеров из «Уорнер Бразерс». Они были так шокированы этой яркой, развратной, упаднической картиной, абсолютно непохожей на все, что им приходилось видеть прежде, что отложили ее выпуск на два года. За это время с фильмом работало семь разных режиссеров, которые перемонтировали его в наивных и тщетных попытках сделать менее эпатажным и более простым для восприятия зрителей. В результате, из-за того что режиссеры были из разных стран, на экраны вышло пять различных версий фильма.

Та версия, которую увидели Кэммелл и Джаггер, заставила их написать в «Уорнер Бразерс» гневное письмо.

> О «Представлении»: это фильм об извращенной любви между Homo Sapience и Госпожой Жестокостью. Учитывая тематику, фильм должен быть страшным, парадоксальным и в чем-то абсурдным. Делая такой фильм, следует изначально принять то, что в нем будут нарушены многие табу.
>
> Вы же, кажется, решили выхолостить, во-первых, все жестокие сцены и, во-вторых, все любовные сцены. Если зрители не будут поражены, посмотрен фильм, значит, он становится бессмысленным. Если вас это огорчает, то альтернативой является быстро продать его кому-нибудь еще, а не лепить из него явное дерьмо. Ваша неадекватная цензура приведет к тому, что качество фильма резко ухудшится и на него придут смотреть гораздо меньше зрителей.

Однако «Уорнер Бразерс» проигнорировала это письмо, а то, что Мик пытался затеять шум, только укрепило у продюсеров со строгими пуританскими взглядами уже сложившееся у них мнение о Джаггере как о наркомане и сатанисте. Следует заметить, что после того как фильм «Представление» увидел свет, Мику надолго прекратили предлагать работу в кино.

Марианна знала о том, что Мик спит с Анитой. Мысли об этом мучили ее все время, пока она в одиночестве томилась в далеком ирландском замке. Она все чаще и чаще обращалась к кокаину, пытаясь найти в нем замену любви. Ей было очень важно сейчас чувствовать себя любимой. Мик же вернулся со съемок изменившимся — он стал более жестоким. Он не вполне понимал, что в нем осталось от Мика Джаггера, а что — добавилось от Тернера. Они говорили о том, что ей надо бросить кокаин, — Джаггер считал, что это может повредить беременности. Кроме

того, он боялся употреблять его и сам, опасаясь, что станет так же зависим от наркотика, как Кит, Анита, Эрик Клэптон и многие другие их друзья.

Тогда она практически перестала нюхать кокаин. Врач, серьезно опасаясь за здоровье ребенка, прописал ей постельный режим с шестого месяца. Марианна очень хотела родить этого ребенка — ребенка от Мика. Она была уверена, что это будет девочка и они назовут ее Кариной.

Репортеры постоянно забрасывали Джаггера вопросами по этому поводу. В конце концов он решил выступить в популярном телешоу Роберта Фроста и прояснить свою позицию:

— На мой взгляд, не следует жениться, если вам кажется, что вы разведетесь. Если вы хотите пожениться, вступить в священный союз по воле Божьей, то вам уже не развестись — вас не разведет даже Господь. Вы можете только жить с этим дальше. Вообще, я думаю, что женитьба — это действительно отличная штука.

Когда же Роберт Фрост перешел на личности и спросил, почему он не женится на Марианне, Мик ответил:

— Тут есть некоторые сложности — она уже замужем. Я, конечно, могу стать вторым мужем…

После еще нескольких вопросов на эту тему он добавил:

— Я пока не собираюсь жениться… Я не чувствую, что мне это по-настоящему нужно. Если я встречу девушку, с которой мне покажется это возможным, тогда, конечно, будет совсем другое дело. Но я еще такой не встречал.

Затем появилась миссис Уайтхаус — консервативная и чопорная дама средних лет с седой шевелюрой и в очках в роговой оправе. После основания Национальной ассоциации телезрителей и радиослушателей она сама себя назначила стражем общественной морали.

— Суть в том, — наставительно объясняла она Джаггеру, — что если Вы христианин или же просто верующий, и если Вы собираетесь венчаться в церкви и готовы дать обет верности, то перед лицом жизненных трудностей с Вами будет Ваш обет, который поможет Вам с ними в конце концов справиться. И даже если Вы не венчаетесь в церкви, законное заключение брака помогает Вам в этом.

Джаггер сцеплялся с этой суровой матроной и прежде. Он знал, что если он хочет победить, ему надо отвечать очень четко и точно.

— Ваша церковь, — резко проговорил он, — разрешает разводы и может даже разрешить аборт, так ведь? Если христианская церковь разрешает развод, то я не могу понять

тогда, о каких неразрывных связях между супругами Вы говорите?

На самом деле Вы просто не можете сказать людям: «Либо вы женитесь и не разводитесь никогда, либо вы нарушаете нормы христианской морали по отношению к браку».

Впервые миссис Уайтхаус выглядела по-настоящему ошеломленной.

Спустя четыре недели у Марианны случился выкидыш. Она рыдала, чувствуя, что у нее просто разрывается сердце. Ей казалось, что жизнь кончена. Джаггер, не стесняясь, плакал вместе с ней и утешал ее, говоря ей, что она еще молода и у нее будет еще много детей. Они, казалось, опять сблизились. Она простила ему неверность и эгоизм.

Джаггер тоже был опечален потерей ребенка. Он пытался забыться в работе, чтобы не вспоминать ни о детской кроватке, которую уже приготовила Марианна, ни о том, как он сам мечтал, что будет играть с дочкой Кариной. Мик разрабатывал детали гастролей группы по Соединенным Штатам… и размышлял о том, как ему сообщить Брайану, что тот не поедет с ними.

Моя Мадлен уехала на год танцевать в Лас-Вегас. Когда Джаггер стал работать ночи напролет, неделю за неделей, Марианна часто звонила мне с Чейн-Уолк и просила зайти. Мы вновь стали с ней любовниками, и иногда она приезжала ко мне на квартиру в Мэйда-Вэйл. Мы нюхали кокаин, и это ненадолго помогало нам вместе становиться счастливыми. Я думаю, что в глубине души она хотела бы, чтобы Джаггер узнал о нашей с ней связи. Она была сильно возмущена тем, что их пылкие поначалу сексуальные отношения сходят на нет. Его так изматывала работа, что иногда он неделями не занимался с ней сексом. Возможно, она надеялась, что ее измена хоть немного пробудит в нем ревность собственника.

Я был уверен, что у нее есть и другие любовники. И однажды мои подозрения подтвердились, хотя и достаточно неожиданным образом. Я отвез Кита с Миком на «бентли» со студии домой, на Чейн-Уолк. Как только Мик вошел в двери роскошного старинною особняка, то сразу поспешил наверх, к Марианне, порадовать ее тем, что сегодня он вернулся раньше обычного.

Обратно в просторную, красиво обставленную гостиную он влетел бледный как смерть.

— Господи всемогущий, — сказал он Киту. — Она там в постели с девкой…

Кит расхохотался.

— Не парься, приятель, — гоготал он. — Анита вытворяет подобное уже не первый год. Так что смело иди туда и покажи им, что ты настоящий мужик.

— Я не лесбиянка, — объясняла мне позже Марианна, — но мне нравится заниматься любовью с красивыми людьми. Мальчики это или девочки — особого значения не имеет.

12

В воздухе витали идеи революции. По всему миру росло недовольство молодежи, и вот оно, наконец, достигло точки кипения. Всем казалось очевидным, что за бунт молодых ответственны политики. Началось все в Париже, где молодежь (одевавшаяся как «Роллинг Стоунз» и носившая такие же прически) чуть не разнесла весь город. Затем, после убийства Мартина Лютера Кинга-младшего, по Штатам пронеслись опустошительные восстания разъяренной черной молодежи, их девизом было. «Поджигай, детка, поджигай». И даже самодовольных белых немного расшевелили песни Дилана и попытки молодых радикалов привлечь внимание к войне во Вьетнаме, к возрастающей мощи крупнейших корпорации и к коррупции в высших эшелонах власти. А по ту сторону «железного занавеса», в Праге, чешские подростки боролись за свободное общество, осмелившись бросить вызов могуществу Кремля.

Джаггер заинтересовался политикой еще в пору учебы в лондонском университете. Блестящие молодые люди и девушки горячо обсуждали то, что мир нужно менять, что старый порядок должен быть свергнут и ему на смену придет новое, более свободное общество.

Поначалу он относился к политике достаточно скептически. Ему казалось забавным, что студенты, получающие правительственные гранты, бунтуют и жаждут изменить то общество, которое дает им льготы и кормит их. Но он и сам готов был говорить ночь напролет о Марксе и Ленине. Хотя он и не разделял их взглядов, но в то же время осознавал фундаментальные недостатки капиталистического общества и соглашался с тем, что жизнь в Европе и Соединенных Штатах куда менее прекрасна и совершенна, чем говорят политики и пишут газеты.

Правда, на то, чтобы становиться активистом, у него не было времени. Гораздо больше ею влекла карьера рок-н-ролльной звезды. Получив первый миллион, а потом положив в банк следующий, он стал гораздо мягче относиться к капитализму. Однако судебные фарсы, через которые ему пришлось пройти вместе с Китом и Брайаном, вкупе с нарастающим возмущением среди своих поклонников, возродили в нем революционные взгляды.

«Есть заповедь «не убий», но тем не менее половина населения мира постоянно пытается уничтожить другую

половину», — говорил он в интервью «Сандэй Миррор».

«Никто не заставит меня одеть форму и отправиться в Аден, чтобы убивать людей, которых я никогда не видел и против которых ничего не имею. Я знаю многих, кто говорит, что он против войны, и все же идет на нее. На войне убивают миллионы чудесных молодых парней — и через пять минут все забывают об этом. Войны затевают повернутые на власти политики и патриоты… Политики? Никчемнейшие люди на свете!.. Я бы вообще жил без всяких премьер-министров.

Единственной надеждой остается анархия. Но не тот ее распространенный вариант, когда вокруг шатаются люди с бомбами, спрятанными под плащами, нет. А свобода, при которой каждый отвечает сам за себя. Нет частной собственности. И все могут идти куда хотят и делать что хотят. Политическими делами, например законодательством, занимаются старейшины. Они могут наблюдать и за религией. А судебная система… суд — вещь устаревшая. Он не может обеспечить справедливость, когда речь идет об отдельных людях».

У него был прекрасный шанс поддержать революцию, когда десять тысяч разъяренных молодых людей рвались к огромному особняку американского посольства на Гросвенор-Сквер, демонстрируя свою ненависть к американскому империализму и вьетнамской войне. Поначалу Мика не узнали, и он встал в цепь, взяв за руки еще двоих, в то время как толпа пыталась прорваться к посольству сквозь полицейский кордон. В этот момент он был действительно счастлив и ощущал себя причастным к революции.

Но тут его узнали. К нему бросились фаны за автографами, а газетчики наперебой пытались взять интервью. Защелкали вспышки фотоаппаратов. И он поспешно ушел, с горечью понимая, что его богатство и известность отгораживают его от революции. Он привлекал внимание, но не был лидером. Он чувствовал себя практически бессильным: по сравнению с революционно настроенными лидерами студентов, вроде Тарика Али, он был банален и невыразителен И тогда он написал песню об этом — «Street Fighting Man», в которой оплакивал тот факт, что солнце восходит и наступает время революции, — но что может сделать он, обычный рок-н-ролльный певец?

В июле песня вышла в виде сингла. Почти все радиостанции отказывались ее крутить, потому что боялись, что поклонники группы действительно взбунтуются. А для молодежи эта композиция стала знаменем, «походной песней», доказательством того, что намерения Джаггера изменить мир — нечто гораздо большее, чем просто желание нарушать табу, связанные с сексом и наркотиками.

— На самом деле, — сказал Мик Киту, — эта песня — просто признание, что я почти ничем не могу помочь революции. Я поражен тем, что некоторые слышат в ней и как ее вообще воспринимают.

«Street Fighting Man» тоже вошла в новый альбом «Beggars Banquet». Однако звукозаписывающая компания «Декка» тянула с его выпуском. В частности, консервативные боссы студии возражали против оформления внутреннего конверта: веселой фотографии разрисованной граффити стены туалета, сделанной Барри Файнстайном. Кстати, я был крайне заинтересован в появлении этой фотографии, потому что тогда мое имя (пусть и почти незаметное) среди прочих упоминалось бы на обложке. Когда я надолго уезжал на праздники в Валенсию, Кит написал маркером на сливной трубе: «Испанец Тони! Где же ты?».

На объемы продаж альбома то, что изображено на внутреннем конверте, никак бы не повлияло, но Джаггер воспринял претензии «Декки» в том ключе, будто власть имущие в очередной раз пытаются ущемить его свободу самовыражения. Отношения группы с компанией и так были сложными: «Роллинг Стоунз» не нравилась ортодоксальность «Декки» и то, что она участвует в финансировании военного производства. Спор по поводу фотографии с туалетом еще больше обострил противоречия между ними.

— Я не считаю, что обложка агрессивная, — демонстративно заявил Джаггер в интервью, — учитывая, например, то, что «Декка» выпустила диск Тома Джонса с изображением атомного взрыва… Мне кажется, это гораздо более агрессивная и расстраивающая человека картина.

Позднее Джаггер пытался настоять, чтобы альбом и внутренний конверт выпустили на коричневой оберточной бумаге с надписью «Детям не слушать». Менеджеры «Декки» отклонили эту идею, сказав, что об этом и речи быть не может. После нескольких попыток публично осудить консерватизм студии Джаггер все-таки вынужден был отступить, и диск вышел в обычном белом конверте.

— С меня довольно, — возмущался Мик, — больше эти ублюдки не будут диктовать свои условия. У меня есть пара прекрасных идей, как надрать им задницу.

Многие слушатели, особенно в Соединенных Штатах, прослушав одну из песен с нового альбома, пришли к выводу, что Джаггер увлекается сатанизмом. На самом же деле песня «Sympathy for the Devil» была навеяна классикой — булгаковским романом «Мастер и Маргарита». Однако бесспорно и то, что связи между вудуизмом и рок-н-роллом достаточно глубокие.

Брайан прекрасно понимал, что уже недалек тот день, когда ему придется покинуть группу. Он почти не участвовал в записи нового альбома, с Китом и Миком не виделся месяцами, да к тому же имел две судимости за наркотики, которые автоматически закрывали для него возможность въезда в США. Казалось, он с этим смирился и немного успокоился, и хотя продолжал принимать наркотики, но перестал устраивать истерики. Он купил «Котчфорд Фарм» — красивый старинный дом в Суссексе, тот самый, в котором А. А. Милн писал «Винни-Пуха». Брайан собирался только немного перестроить его и сделать чуть более современным.

— Когда закончу ремонт, — делился он со мной своими планами, — то сделаю здесь собственную студию и соберу действительно классную новую группу. И кто знает, может, мы даже станем такими же популярными.

Но в тот момент он довольствовался тем, что оставался одним из «Роллинг Стоунз». И хотя на альбоме он не играл, однако во время выступления в телепрограмме Роберта Фроста именно Брайан исполнил соло на пианино в «Sympathy for the Devil».

Он вновь оказался в центре внимания во время презентации (с кучей сладких тортов) «Beggars Banquet», происходившей в Елизаветинских Палатах отеля «Квинсгейт», в Кенсингтоне. Кит болел, и кроме Брайана больше некому было заигрывать с девушками и остроумно общаться с репортерами. Многие гости, правда, отметили, как агрессивно Брайан швырялся тортами, пытаясь попасть Джаггеру прямо в лицо.

— Но вы же знаете Брайана, — сказал один из присутствующих. — Он всегда немного перебарщивает.

Спустя несколько дней группа отправилась на телевизионную студию Би-би-си в Уэмбли для съемки «Rolling Stones Rock and Roll Circus» («Рок-н-ролльный цирк «Роллинг Стоунз»»), смелого и рискованного фильма, которым Джаггер задумал компенсировать то, что поклонники уже два с половиной года не слышали их концертов. На улице у входа в студию старый школьный учитель Мика еще из Дартфорда, Элси Смит, рассказывал фанатам байки из тех времен, когда их кумир еще носил короткие штанишки.

Однако в какой-то момент слушатели забыли о нем, ошеломленно наблюдая, как у студии останавливается гигантский белый «роллс-ройс» и появившиеся из него Джон Леннон и Йоко Оно легким шагом входят внутрь.

Джаггер обзвонил всех друзей, предлагая поучаствовать в съемках фильма, который должен затмить все предыдущие рок-фильмы. В нем должны были участвовать «Зе Ху», «Джетро Талл»,

Эрик Клэптон, настоящее живые тигры, кенгуру в клетке, пожиратели огня, клоуны, карлики и бог знает кто еще. Кроме того, возникла идея, что Джон Леннон, Кит Ричардс, Эрик Клэптон и Митч Митчелл образуют супергруппу и сыграют вместе этакий суперзвездный джем-сейшен.

Брайан знал, что Мик и Кит пытаются убедить Клэптона войти в состав «Роллинг Стоунз» вместо него, но тот все не соглашался. Эрик уже практически не торчал и активно участвовал в записи нового альбома. Он был настолько захвачен песней «Sympathy for the Devil», что даже оделся специально для шоу в «сатанинском» стиле: черный костюм, серебряные рожки на шляпе, штаны, заправленные в высокие марокканские сапоги, — в общем, он походил на сатира. В тот вечер «Роллинг Стоунз», «Зе Ху» и остальные суперзвезды объединились вместе ради общего дела, и всем казалось, что миф о том, какие все они прекрасные и хорошие люди, — вовсе не миф. На один единственный вечер и ночь все интриги рок-н-ролльного бизнеса были забыты. Мик с Марианной играли в чехарду, и их оживленно снимали фотографы. А Кит в высокой шляпе и с черной повязкой на глазу выглядел настоящим декадентом.

Мик оделся дрессировщиком, Билли и Чарли — клоунами.

«Как занятно, — подумал я, — все выбрали себе костюмы согласно роли, которую обычно играют в группе».

Закончили свое выступление «Jehtro Tull», потом появились пожиратели огня, но наконец и они оставили в покое наши брови. В центр арены вышла Марианна. Ее светлые волосы каскадами спадали на спину, и она выглядела юной прекрасной феей. Марианна спела загадочную медленную песню «Something Better» («Что-то лучшее»). Песня была о том, что ей хочется жить совсем по-другому. Но этой ночью, кажется, и у них с Миком все наладилось — по крайней мере, он постоянно тискал ее, и она радостно смеялась в ответ.

Акробаты нас утомили, и наконец на сцену поднялась супергруппа. Кит и Эрик очень четко отыграли «Yer Blues», ни на шаг не отходя от канонического варианта «Битлз». Они словно не смели импровизировать в вещах, написанных Мастерами. Так что основную выразительность песне придавал Леннон. Я никогда прежде не слышал вживую, как он поет. Звучащий так близко, его чистый проникновенный голос, в котором читались все страдания и внутренние переживания, ошеломил меня. Вся боль и горечь по поводу наркотиков и грядущего распада «Битлз», казалось, выражалась в этой песне. И когда Джон почти выкрикнул: «Я даже возненавидел теперь мой рок-н-ролл», я почувствовал, как у меня встают дыбом волосы на затылке.

Следующими вышли «Зе Ху», но в сравнении с тонким эмоциональным Ленноном они сильно проигрывали. Дальнейшая часть программы была довольно скучной, и время тянулось медленно. Был уже час ночи, а значит, мы были в студии около четырнадцати часов, когда на сцену вышли «Роллинг Стоунз». Для разогрева они сыграли «Route 66», а затем начали «Jumpin' Jack Flash». Во время ее исполнения зал наполнился вспышками света — это работали специальные устройства, с помощью которых имитируют взрывы в военных фильмах.

— Не глядите на них, ослепнете! — театрально пугал нас администратор.

Они спели много вещей из «Beggars Banquet» и вообще выступили в своих лучших традициях. Мик, прыгающий и скачущий по сцене, словно дервиш. Кит, склоняющийся со своей гитарой почти до земли и иногда игравший так, словно у него в руках был вьетконговский пулемет. Брайан тоже выглядел отлично. Большинство присутствующих даже не понимали, что его в большинстве песен заставляют тупо играть простые аккорды или даже просто потряхивать маракасами. В кульминационный момент «Sympathy for the Devil» Джаггер сорвал с себя малиновую футболку и продемонстрировал всем огромную, отталкивающего вида татуировку сатаны на груди. Я, помнится, удивился и подумал, не увлекся ли он черной магией гораздо серьезнее, чем нам всем казалось раньше.

В пять утра съемки закончились, и все, кто остался, просто сели в круг и, раскачиваясь, пели «Salt of the Earth».

— Спасибо, — я услышал, как измотанный Мик благодарит Джона Леннона. — Мы сняли рок-кино, которое превзойдет все прежние фильмы. Зрители будут просто поражены.

Однако фильм об этом шоу не вышел — Мик остался неудовлетворен тем, что получилось. И это был последний раз, когда Брайан выступал вместе с «Роллинг Стоунз».

«Цирк», «Представление», «Beggars Banquet», и все это за короткий промежуток времени. Им приходилось очень много работать, выкладываться до конца — неудивительно, что музыканты выглядели бледными, нервными и уставшими. В июне 1966 года, во время длительных и плотных гастролей по Австралии, Новой Зеландии и Соединенным Штатам, у Джаггера случился нервный срыв. Теперь он чувствовал, что это может произойти снова.

— Нам нужно взять отпуск и позагорать где-нибудь, так, чтобы до нас никто не мог добраться даже по телефону, — решил Мик.

Кит с Анитой тоже отчаянно нуждались в отдыхе. У Аниты

уже дважды был выкидыш, теперь она вынашивала третьего ребенка. На этот раз она во что бы то ни стало хотела родить. И вот они вчетвером, прихватив с собой сына Марианны, Николаса, поплыли на корабле в Бразилию. Сначала они все вместе остановились на ранчо у одного богатого скотовода. Однако вскоре напряженная атмосфера заставила Мика и Марианну с Николасом улететь в Рио-де-Жанейро и поселиться там в гостинице.

Позже они втроем переместились на тысячу миль севернее по побережью и жили там в соломенной хижине на берегу. Там их никто не знал, и они, наконец, смогли отдохнуть от вечного напряжения и бремени собственной популярности. Они еще больше сблизились; Мик стал Николасу вторым папой, да и с Марианной у него опять было все хорошо.

Тем временем Брайан полетел отдохнуть на Шри-Ланку, однако у него все шло не так гладко. Цейлонцы не могли предположить, что среди молодых длинноволосых парней, носящих кричаще розовые костюмы, могут встречаться миллионеры. В двух крупнейших гостиницах ему сразу дали от ворот поворот. В конце концов он, взбешенный таким обращением, просто шлепнул на конторку перед вздрогнувшим портье толстую пачку банкнот:

— Я не битник. Я сам зарабатываю себе на жизнь. У меня есть деньги, и я не желаю, чтобы ко мне относились как к человеку второго сорта.

13

Я всегда был против тяжелых наркотиков. Они разрушают мозг и убивают человека. Но я также считал, что имею достаточно сильную волю, чтобы контролировать себя и завязать, если что. Я вовсе не собирался становиться торчком. Какого же было мое удивление, когда однажды утром, в начале 1969 года, я понял, что плотно сижу на героине. И все вокруг меня тоже. Кит, Анита, Марианна, Эрик Клэптон — не могли обходиться без героина. «Отвязные шестидесятые», когда все только начиналось, казались временем непрекращающегося веселья, свободным от каких-либо опасностей и страшных предзнаменований. Теперь же мы расплачивались за нашу страсть к удовольствиям.

Все началось с кокаина. Когда я оценил должным образом все фантастические возможности, которые могут дать эти белые сияющие кристаллики, моя жизнь круто изменилась. Если я чувствовал усталость или упадок сил, стоило только нюхнуть — и я опять становился остроумным, общительным, энергичным человеком. Кроме того, кокаин много привносил и в занятия любовью. Под ним я становился великолепным любовником, мечтой любой женщины. Я мог заниматься любовью десять часов кряду, а моя партнерша почти сходила с ума от наслаждения.

— И что, неужели я — торчок? — спросил я как-то у моей девушки. — Нет, я не торчок. Торчки — подавленные, замкнутые люди. А я нюхаю кокаин, чтобы взбодриться и раскрепоститься. Он делает меня общительным и энергичным, а торчки такими не бывают.

Но кокаин — необычный наркотик. Хотя он и не вызывает физического привыкания, однако всегда есть желание нюхать дальше и больше. Иногда это продолжалось трое суток напролет, пока не кончались мои запасы. Ученые, исследовавшие обезьян, научили их самих вкалывать себе различные наркотики. Во время опытов они с удивлением обнаружили, что те вкалывают себе кокаин до тех пор, пока не умирают от истощения. От кокаина не возникает неприятных последствий и ломки (так же, как и от других стимуляторов вроде амфетаминов). Но он вызывает психологическую зависимость, притом удивительно незаметным и коварным путем.

Я нюхал уже так часто и помногу, что стал нервным, гиперактивным и почти не мог усидеть на одном месте. Это уже напоминало паранойю. Как-то раз я был в гостях у друга, в Челси. Я непрерывно ходил по комнате, чесался и быстро что-то бормотал себе под нос — в этом состоянии мои слова уже не

успевали за мыслями.

— Сядь-ка, — сказал мне приятель, — и нюхни вот этого. Это поможет тебе успокоиться.

Я сел на марокканскую кушетку и последовал его совету. Снаружи порошок выглядел как кокаин. Мгновение спустя нахлынуло странное чувство, словно воздух клубится у меня в голове. Комната поплыла перед глазами, и я мягко погрузился в бессознательное состояние. Через пару минут я очнулся спокойным и удовлетворенным, словно только что прекрасно пообедал, выпил бутылку хорошего вина да еще и пару часов поразвлекался с хорошенькой девушкой.

— Что это было? — спросил я. — Ощущения потрясающие!

— Это, — с насмешливой улыбкой проговорил приятель, — героин. Ты только что впервые его попробовал.

Внезапно меня охватила странная слабость, как будто я заболел.

Этот опыт меня немного напугал, и я решил не нюхать больше героин. Но согласился попробовать «спидболл» — смесь небольших доз героина и кокаина, которая вызывает героиновую эйфорию, но без обычных последствий, когда ты сначала теряешь сознание, а потом испытываешь слабость. Следующие месяцы я периодически нюхал кокс и «спидболл». Но однажды утром (после пары довольно бурных ночей) я почувствовал себя хреново. Все тело ломило, меня прошиб холодный пот. Я позвонил врачу и сказал, что у меня, кажется, грипп. Он приехал, подтвердил мой диагноз и прописал лекарства. Но ничего не помогало — болезнь, похоже, становилась хронической. Я постоянно чувствовал себя больным и уже побаивался, что подхватил какую-нибудь экзотическую хворь вроде холеры или тифа. Но однажды опять зашел тот мой друг и принес мне «спидболл», считая, что это может помочь. Я втянул в нос мелкую белую пыль сквозь тонкую золотую трубочку, которую всегда носил на шее. Спустя двадцать минут я чувствовал себя совершенно здоровым. Более того, я ощущал себя крепким и полным сил, словно только вернулся из летнего отпуска.

— Просто фантастика, — сказал я другу. — Не знал, что «спидболл» лечит грипп.

— Это не грипп, — ответил друг, — это просто героиновая ломка. Ты подсел, Тони.

Поначалу я не поверил ему. Мне казалось, подсесть можно только если ширяешься, а я в последним раз имел дело со шприцем в глубоком детстве, когда мне делали прививки. Когда же «грипп» вновь возник на следующий день, я наконец понял, что он прав. Я успокаивал себя мыслью, что могу остановиться и

слезть в любой момент. Все, чего я хочу, — вылечиться от хронического гриппа и опять прийти в нормальное состояние.

Марианна и Анита подсели очень похожим путем. Их привела в восторг героиновая эйфория, сравнимая с оргазмом, и постепенно они начинали заменять им кокаин. Пару дней они нюхали кокаин, затем становились настолько нервными и гиперактивными, что им требовалось понюхать героин, чтобы немного прийти в себя и успокоиться. Кроме того, на них, конечно, повлияло то, что они чувствовали себя очень одинокими, брошенными. Мик и Кит в тот период еженощно работали в студии (расположенной в саду, окружавшем особняк Мика в Чейн-Уолк) над альбомом «Let It Bleed».

Кит и без того был не особенно сильным любовником, а тут еще сильно уставал и постоянно думал о музыке для нового альбома, так что они с Анитой занимались любовью, кажется, так же редко, как и Мик с Марианной.

Кит тоже теперь жил в Чейн-Уолк, в огромном доме времен королевы Анны, который он приобрел за 26 000 фунтов у министра иностранных дел Энтони Наттинга. Мик был практически его соседом, и они сдружились еще больше. Кит учил Мика играть на гитаре. В то время они вместе написали много песен, включая «Gimme Shelter», «Midnight Rambler» и «Honky Tonk Women». В том, что касалось музыки, они были на самом пике своих удивительных творческих способностей, сочетавшихся с потрясающей производительностью.

Марианну и Аниту научила колоться девушка, снабжавшая их героином. Она показала, как разбодяживать героин, вводить раствор в шприц и колоть его в вену. Они решили, что это очень удобно: ведь вкалывать можно было лишь десятую долю от того, что надо было нюхать.

Я как раз завязал с героином. Все вокруг употребляли его, говорили о нем и ни о чем больше даже не думали — и это меня тревожило не на шутку.

После того как врач предупредил Аниту, что она может потерять ребенка, она тоже ничего не употребляла — разве что иногда, по случаю, нюхала немного кокаина. Желание иметь ребенка было сильнее.

Но Марианна, бедная Марианна, понимая, что теряет Мика, в двадцать один год чувствовала, что жизнь кончена. Она страшно расстраивалась, что выглядит в глазах общества падшей женщиной. Архиепископ Кентерберийский даже отлучил ее от паствы, когда она забеременела от Мика. Внешне она выглядела храброй, красивой и по-прежнему бодрой, но глубоко внутри в ней пряталась испуганная маленькая девочка, которую в восемь

лет бросили и отправили в пансион. В общем, вскоре она уже употребляла по четыре таблетки героина в день.

— Помоги мне уйти от Мика, — молила она, когда мы занимались с ней любовью у меня на Мэйда-Вэйл. — Я схожу с ума, а он даже не спит со мной, он весь ушел в работу. Когда я пытаюсь объяснить ему, что гибну от тоски, он просто дарит мне розы, сотни чертовых роз, покупает подарки и говорит, что любит.

Я чувствую себя в ловушке, и я настолько несчастна, что мне и правда нужен героин, чтобы позабыть обо всем. Наверняка он знает, что я подсела, но не хочет признаваться в этом даже себе. Есть вещи, о которых он не желает ничего слышать. Просто старается не замечать их и надеется, что я сама приду в себя, вылечусь, и все снова будет нормально. Если бы только ты забрал меня от него, Тони! Мне надоело, что на меня охотятся репортеры и осуждают все, кому не лень, а так я наконец освобожусь, смогу снова быть собой и наконец пожить собственной жизнью. Самой мне не хватает духу от него уйти.

В то время я любил Мадлен и с нетерпением ждал ее возвращения из Америки, после чего мы собирались пожениться.

— Прости, Марианна, — лаская ее, проговорил я, — я не так много зарабатываю, чтобы обеспечивать тебя. Кроме того, я живу только с богатыми девушками.

— Но я богата, — возразила она. — Мне тут улыбнулась удача, и я очень много заработала на этом ужасном фильме, «Девочка на мотоцикле».

Анита и Кит знали о наших отношениях, но вряд ли говорили Мику. А даже если и говорили, его это не беспокоило. Раз газеты не пронюхали об этом, это не представляло для него опасности.

Все музыканты группы вкладывали деньги в недвижимость. Джаггер купил елизаветинский особняк «Старгроувс» и с ним сорок акров земли в классической английской глубинке, близ Ньюберри в Йоркшире. В этом доме в семнадцатом столетии останавливался Оливер Кромвель. Джаггер начал дорогостоящий ремонт, стремясь в то же время стилизовать его под старину, чтобы, как он сказал строителям, «дом стал таким же, каким он был, когда его впервые увидел старик Кромвель». Особняк этот был для него прежде всего хорошим вложением, а ездил Джаггер туда редко.

Билл Уимэн купил в Суффолке роскошный особняк «Геддинг Холл» (такой же древний, как Хэмптон-Корт) и получил титул лорда Геддинга и Тормвуда. Чарли Уоттс приобрел у министра юстиции, лорда Шаукросса, старинное поместье с богатой историей, располагавшееся под Льюисом в Суссексе. Брайан же,

пока шел ремонт его уютного нового дома, «Котчфорд Фарм», жил в Редлэндсе у Кита.

После шоу «Рок-н-ролльный цирк» Брайан почти не виделся с остальными музыкантами. Он жил в Редлэндсе практически взаперти, под тягостной «опекой» водителя, которого к нему сплавил Кит. Брайан чувствовал себя там как в тюрьме. Водителю было строго-настрого наказано следить, чтобы Брайан ничего не употреблял. Единственные наркотики, которые были разрешены Брайану, — снотворное и транквилизаторы, которые прописал его врач.

Однако все эти меры были не так уж необходимы. Брайан настолько нервничал, опасаясь очередного полицейского налета, что даже не разрешал своей девушке, Сюки Пуатье, курить в доме марихуану. Он понимал, что больше не является участником группы. Его даже не звали на репетиции. И он никак не мог определиться с тем, что делать дальше: порвать с группой совсем и попробовать создать новую или же попытаться оставаться в ней до последнею.

Мик и Кит тоже пребывали в нерешительности, как им поступить с Брайаном. Он нависал над ними своего рода печальным призраком прошлого. С другой стороны, они боялись, что без него группа может развалиться. На концертах в Германии и Скандинавии он выглядел явным лидером, да и во всех остальных странах у него было не меньше поклонников, чем у Джаггера.

— Мы не можем просто так его выгнать, — убеждал Мик Аллена Клейна, менеджера группы. — Может, он сейчас и наркоман, но именно он помог нам стать теми, кто мы есть. Да и вряд ли группе пойдет на пользу, если Брайан начнет в интервью говорить, что мы прикарманиваем его деньги. Это может уронить наш престиж и даже вообще все разрушить.

Клейн отвечал неотразимым аргументом, что «Роллинг Стоунз» не ездили на гастроли в Соединенные Штаты и на Восток уже целых три года — и все из-за того же Брайана. И что либо они, наконец, избавятся от него, либо группа распадется. Спорить с этим было сложно.

— Я все понимаю, понимаю, — говорил Мик, — просто я хочу попытаться найти какой-то другой выход из положения.

И компромисс был найден. Брайана решили попросить оставить группу на пару лет: пусть пока придет в себя и поработает над сольными проектами. Ему будет выплачиваться 100 000 фунтов стерлингов ежегодно, в течение всего того времени, пока группа будет существовать. И если он пожелает, то в будущем сможет вернуться обратно.

— Вы с ума сошли — платить ему столько? — удивился Клейн. — Может, найти другое решение, получше? Уверен, мы можем что-нибудь придумать.

Но Мик и Кит твердо стояли на своем. Сотня тысяч фунтов в год — не так уж много для их бюджета, а Брайана на произвол судьбы они бросить не могут. И они вместе отправились к Брайану в «Котчфорд Фарм» на кремовом «бентли» Мика. Ехали быстро и по дороге почти не разговаривали.

— Мы хотим поговорить с тобой об американских гастролях. — Кит старался не глядеть Брайану в глаза.

— Ты же знаешь, что я не могу сейчас выехать из страны и не могу сейчас отправляться ни в какие путешествия, — сказал на это Брайан.

Несмотря на спокойный голос, руки у него дрожали.

Все прошло гораздо легче, чем ожидали Мик с Китом. Брайан не стал возражать и только кивнул, когда они сказали ему о назначенной ему сумме.

— Я уже давно фактически не играю с вами. Кого вы решили взять вместо меня?

— Мы пока точно не определились, — ответил Мик. — Возможно, Эрика Клэптона. Или Мика Тэйлора. Мы еще будем это решать.

— Ну, они оба прекрасно подойдут.

— Ладно, тогда свяжемся с тобой через пару недель, расскажем, как идут дела.

Затем они неловко попрощались, и Брайан заметил, что они оба стараются не встречаться с ним взглядами. Когда они уехали, было уже почти темно. Брайан прошел сквозь черный ход на кухню, сел за стол и, уронив голову на руки, горько заплакал. Как ребенок.

Анита и Марианна, услышав новость, тоже ударились в слезы.

— Они хотят прикончить его, — всхлипывала Марианна — Бедный, несчастный, запутавшийся Брайан! Что с ним теперь будет?

Она, похоже, предчувствовала его скорую смерть. Да и никто из нас не думал, что Брайан оправится после такого удара.

Когда Анита заговаривала о Брайане, Кит чувствовал свою вину и злился.

— Ради Бога, — говорил он, — он получает сотню тысяч в год просто так, на халяву, просиживая задницу. Я не понимаю, о чем тут говорить и как его вообще можно жалеть!

Полиция, казалось, разочаровалась в Брайане и решила подыскать себе новую жертву. Например, Джаггера. Однажды,

когда он ехал в «бентли» по Роял-Хоспитал-роуд в Челси, ему засигналила полицейская машина, вынуждая свернуть на обочину.

— У меня есть основания предполагать, что в вашей машине спрятаны наркотики, и я прошу позволения обыскать ее, сэр, — сказал полицейский.

Джаггер давно уже не употреблял ничего крепче мятных лепешек и подозревал, что его собираются подставить.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Я прекрасно знаю, как вы обошлись с Брайаном. Со мной этот номер не пройдет. Вы не подойдете к моей машине, пока не приедет мой адвокат, чтобы наблюдать за вами во время обыска.

Полицейский взбешенно пробормотал, что еще посчитается с ним, сел в машину и уехал.

В мае Марианне позвонил некий человек, «искавший Брайана», и мимоходом предложил дешевого героина. Она согласилась, и он зашел к ней на Чейн-Уолк. За два полиэтиленовых пакетика он взял всего 40 фунтов. Меньше чем через четыре часа в дверь постучали. За дверью стоял сержант-детектив с отрядом полицейских.

— О'кей, — сказал Мик, — вы это ищете? — И он вручил им декоративную деревянную шкатулку с четвертью унции гашиша.

— Нет, сынок, мы ищем кое-что посерьезнее, — ответил сержант и приказал полицейским обыскать дом.

Героин Марианны они обнаружили практически мгновенно. Она только разок понюхала, и оба пакетика были почти полными.

— Держался бы ты от этого подальше, — бросил ему торжествующий сержант, уходя.

Мик был в отчаянии. Прежде всего это означало, что, скорее всего, ему не дадут визу ни в Америку, ни в Восточную Азию. Это была просто катастрофа.

— Черт, Тони, я не представляю, что теперь делать, — сказал он мне по телефону тем же вечером. — Парень, который продал порошок Марианне, говорит, что у него есть связи в лаборатории и за две штуки фунтов они от меня отвяжутся. Но я ему не верю. Я думаю, он возьмет деньги и смоется. Знаешь ведь, как шантажировали Кита.

— Дай мне поговорить с Марианной, — попросил я. И когда она подошла, поинтересовался: — Девочка моя, а ты уверена, что это героин?

— Нет. Наоборот, это какая-то дрянь. Я уже пыталась объяснить Мику. Он так сильно разбавлен, что я как будто нюхала тальк.

— Тогда, скорее всего, это тальк и есть.

Парень продал Марианне тальк под видом героина. Затем навел на нее полицейских, сказав, что в нем есть героин. И теперь рассчитывал получить пару тысяч фунтов от Мика, чтобы «подкупить экспертизу». Конечно, в лаборатории скажут, что анализ отрицательный, — это же тальк, а не героин.

— Уверен, что проклятый сержант тоже замешан во всем этом, — сказал Мик. — Наверное, договорились разделить прибыль пополам.

Месяц спустя на суде Мик заявил, что полицейский предложил дать ему взятку и тогда он «будет держать рот на замке». Полицейский ответил, что Мик лжет, но в итоге Мика оштрафовали только на 250 фунтов и еще 75 ушло на судебные издержки. Марианна была оправдана. Позднее сержант пытался подать встречный иск, но ему отказали.

Скотланд-Ярд провел расследование и подтвердил его невиновность, однако навязчивого сержанта все-таки перевели в другой департамент, и травля наконец прекратилась.

Когда я рассказал Брайану о проблемах Мика, тот только рассмеялся.

— Поделом этому ублюдку. Надеюсь, теперь визу не дадут и ему, — ухмыльнулся он.

Жизнь в «Котчфорд Фарм», кажется, пошла ему на пользу. Он настоял на том, чтобы показать мне сад. Здесь стояли статуи Кристофера Робина, Винни-Пуха и остальных героев книги, вызывавшие светлые ассоциации с детством.

— В этом месте потрясающая атмосфера, — говорил Брайан. — Я легко представляю, какое вдохновение испытывал Милн, когда писал здесь. Здесь так мирно и спокойно. Куда ни глянь — лишь поля да деревья. А прошлой ночью я даже видел, как лиса пробиралась по саду.

Я предложил ему понюшку кокаина, но он отказался.

— Нет, брат, — сказал он, — я слез. Я теперь только пью. Недавно съездил на мотоцикле в деревню, пропустил пару кружек пива с местными. Вот настоящие мужики! Это тебе не торчки какие-нибудь лондонские, которые, если ты дашь им хоть полшанса, подсунут тебе стрихнин вместо кокаина.

Пару недель назад я напился в том пабе и въехал на мотоцикле в витрину магазина. Так местные выбежали, помогли мне отряхнуться и посадили опять на мотоцикл, так что я успел смотаться оттуда прежде, чем приехала полиция. Я-то думал, мне опять предстоят неприятности с законом, а тут — они всей деревней мне помогали замести следы.

Я спрятал кокаин, и мы пошли гулять по саду, попивая холодное белое вино.

— Я сказал Киту, что вообще не собираюсь возвращаться в «Роллинг Стоунз», — внезапно сказал он. — Они говорят, что я всегда могу вернуться, но я не хочу. Нет, я лучше соберу новую группу, и мы тоже станем известными — так, как никому и не снилось.

Я хотел бы возвратиться к старому доброму рок-н-роллу вместо всех этих коммерческих авантюр, в которых завязла группа. Я попрошу Алексиса Корнера помочь найти подходящих людей, и, уверен, все получится. Дайте нам только несколько месяцев, и мы соберем лучшую группу на свете.

Мы выпили еще по несколько бокалов, и тут Брайан наклонился ко мне с таинственным видом:

— Хочешь поработать на меня, Тони? — спросил он почти шепотом. — Этот ублюдок, которого Кит мне подсунул, постоянно ведет себя со мной так, будто он здесь начальник. Нет, он готовит, все делает, ездит куда надо, но ведет себя абсолютно по хамски. Несколько недель назад я отправил его купить мебель, и только недавно чисто случайно обнаружил, что он купил два комплекта — один для меня, один для себя. Но когда я заговорил с ним об этом, он ответил: «Какого черта ты мелочишься?» Все, похоже, думают, что я миллионер, но это вовсе не так Мик и Кит получают деньги за песни и, кроме того, большую часть прибыли от записей и концертов. Они не заплатят мне первую сотню до следующего года, и я уже размышляю, хватит ли мне средств. И я почти никому не доверяю. Понимаю, звучит как паранойя, но нет, со мной все в порядке. Просто я повидал уже слишком много людей, считающих, что я не понимаю, что происходит вокруг. А я не слепой. Я прекрасно вижу, кто меня обворовывает, и не собираюсь дальше держать при себе воров.

Кит был рад, когда я сказал, что Алексис Корнер, кажется, предлагал Брайану поиграть вместе.

— Он хороший парень, этот Алексис, Брайану повезло.

Однако когда я рассказал о двойном комплекте мебели, Кит только нахмурился.

— Я предупреждал его, чтобы он не вздумал дурить Брайана, — сказал он. — Со мной он тоже пытался провернуть подобный фокус. Поэтому я его и уволил.

То, что Брайан ушел из группы, стало официально известно, когда Мик стал звать на его место Эрика Клэптона. Клэптон только что ушел из «Крим», он давно дружил с музыкантами «Роллинг Стоунз» и был лучшим рок-гитаристом в мире после Хендрикса. Поэтому неудивительно, что они жаждали зазвать его в группу. Однако Клэптон был вовсе не в восторге от идеи, что его берут вместо Брайана. Кроме того, он ненавидел ту массовую

истерию, которая всегда окружала «Роллинг Стоунз». Его гораздо больше привлекала идея создать новую супергруппу, «Блайнд Фэйт». В итоге Роллинги пригласили к себе талантливого гитариста из «Джон Мэйелл Блюз Брейкерс», Мика Тэйлора, которому было всего двадцать один год.

«Блайнд Фэйт» — Эрик Клэптон, Джинджер Бэйкер, Стиви Уинвуд и Рич Греч — собирались играть дебютный концерт в Гайд-парке.

— Потрясающе, — сказал Мик Киту, когда мы собрались все вместе за сценой. — Никогда не видел столько народу в одном месте. Наверное, здесь около ста пятидесяти тысяч.

Это было больше, чем собиралось на любой их концерт. И Мик знал, что концерт здесь сделает рекламу, которая им так была нужна. Он попросил познакомить его с организатором концерта.

— Если хотите, можно устроить здесь концерт «Роллинг Стоунз», — предложил он Питеру Дженнеру, когда их представили друг другу.

— Хочу ли я?! — воскликнул Дженнер.

Спустя всего несколько часов была назначена дата концерта — пятое июля, суббота.

— Меня волнует, как мы будем выступать без Брайана, — сказал Мик позже. — Людям это может не понравиться.

— Да, — согласился Кит, — но еще меньше им понравится, если мы выйдем на сцену, а на месте Брайана без всяких объяснений будет стоять Мик Тэйлор. Нужно, чтобы газеты написали, что Брайан ушел. Хватит уже тянуть с этим.

И девятого июня в «Дейли Скетч» появилась заметка.

«Музыка «Роллинг Стоунз» меня больше не устраивает, — сказал Брайан в интервью. — Я хочу играть немного другое. Мы разошлись во взглядах».

Позже Мик так откомментировал эту статью: «Брайан хочет играть музыку, которая устраивала бы его, не обращая внимания на то, что устраивает нас. Так что мы решили, что лучше всего будет предоставить ему идти своим путем. Мы расстались на взаимовыгодных условиях. И такую дружбу, как наша, это не разрушит».

Спустя четыре дня Мик Тэйлор был представлен миру как новый гитарист «Роллинг Стоунз». Он был высок, голубоглаз и выглядел очень молодо, словно только что закончил школу. Репортеров он обрадовал сообщением, что он полный вегетарианец.

— Я хочу вести здоровый образ жизни, — улыбаясь, сказал он.

— Почему вы выбрали именно его? — спросили у Джаггера.

— Потому что он мне понравился, а как еще? — огрызнулся Мик, и все рассмеялись.

— Так ты серьезно говорил всю эту фигню, что, типа, не пьешь? — недоверчиво спросил Тэйлора Кит.

— Да, — ухмыльнулся тот. — Но если ты мне предложишь кое-что покурить, то не откажусь.

«Роллинг Стоунз» много репетировали с Тэйлором и были ошеломлены его уровнем мастерства. В чем-то он как музыкант был даже лучше Брайана. Джаггер предвкушал, какой фурор они произведут в Гайд-парке. «Роллинг Стоунз» не играли в Великобритании уже три года. Газеты предсказывали, что в субботу в Гайд-парк на концерт придет не меньше четверти миллиона поклонников. И это будет величайший концерт в мире.

Однако Джаггер до сих пор беспокоился, что поклонники группы будут возмущены тем, как обошлись с их светловолосым кумиром. Он даже пытался убедить Кита, Чарли и остальных позвонить Брайану и попросить его приехать в Гайд-парк. Он может сыграть в паре вещей, но главное — покажет, что не испытывает к остальным музыкантам неприязни за то, как с ним поступили.

— Он получал, когда играл с нами, больше двух сотен тысяч фунтов в год. Что, ему так трудно будет приехать? — жаловался Мик.

Но остальные понимали, что есть что-то очень неприятное в этой эгоистичной идее Джаггера вызвать на сцену побежденного конкурента.

Вообще, состояние Мика меня беспокоило. Полицейский налет, разрыв с Марианной, новый альбом, ситуация с Брайаном. Теперь он собирался лететь в Австралию и участвовать в съемках «Неда Келли», нового фильма Тони Ричардсона.

— Если он не побережет себя, то однажды может не выдержать такой напряженной жизни, — сказал я тем вечером Киту.

14

Старик умирал. Кровь струйкой вытекала у него изо рта и зияющей раны на лбу. Он лежал в пыли на пустынной дороге между Фецем и Марракешем и тихо стонал, иногда бессвязно бормоча что-то. Осла, который вез маленькую повозку, тоже зацепило грузовиком, и обезумевшее животное теперь тщетно пыталось подняться на ноги. По дороге, подпрыгивая и пружиня, катались апельсины, которые старик вез на рынок. Несколько свидетелей в длинных накидках оживленно спорили, по чьей вине все произошло и кому идти вызывать врача. Они были столь увлечены разговором, что не заметили, как рядом с грузовиком остановился большой черный лимузин. Когда же из машины вышла очаровательная блондинка в коротком розовом платье, они лишь бросили в ее сторону пару любопытных взглядов и вернулись к неутихающему спору.

Анита Палленберг прошла сквозь небольшую толпу людей и склонилась над умирающим стариком. Маленьким надушенным платочком она отерла кровь с рассеченной брови, и когда он стал красным от крови, положила платок в дорогую кожаную сумочку. Затем поднялась, села в машину и сделала водителю знак ехать дальше. Ночью в своей роскошно обставленной комнате она вновь вынула платок. Кровь высохла, и он из алого стал бурым.

Позднее Анита использовала этот платок, чтобы наложить проклятие на одного парня, который разозлил ее. Возможно, это было случайностью, но вскоре он умер при загадочных обстоятельствах.

О силе, которой обладает кровь убитого человека, рассказал Аните Кеннет Энгер. Она слушала его с восторгом, все запомнила и твердо решила при первой удачной возможности достать этот могущественный талисман. В истории много примеров, когда кровь умирающего использовалась для различных магических обрядов. Зрители на публичных казнях (включая казнь английского короля Карла Первого и французского Людовика Шестнадцатого) часто спешили обмакнуть платок или одежду в кровь умирающего, прежде чем тот испустит последний вздох.

Энгер был учеником и последователем Алистера Кроули, героиниста, прозванного некоторыми Великим Зверем, и одного из самых выдающихся профессионалов своего дела — магии — в двадцатом веке. Мик и Марианна, Кит и Анита, да и многие другие молодые, богатые и одаренные рок-музыканты из среды «новой аристократии» были просто очарованы, когда Энгер посвятил их в могущество и замыслы Кроули. Интересующийся

оккультными вещами Джимми Пейдж, лидер «Лед Зеппелин», был настолько восхищен этими историями, что даже купил когда-то принадлежавший Кроули старый жутковатый особняк, расположенный на берегу озера Лох-Несс в Шотландии.

Кроули родился в 1875 году. В двадцать три года он вступил в магическое братство «Орден Золотого Рассвета».

Когда он попытался стать главным в ордене вместо Сэмюэла Мезерса, разгневанный мистер Мезерс послал к нему женщину-вампира. Но Кроули победил ее, «обратив ее злую природу против самой себя», и нанес ответный удар.

Дома Мезерс вампиров не держал, поэтому стаю ищеек, натравленных на него, Кроули умертвил сам. А затем Мезерс наслал на одного из слуг Кроули безумие, так что тот попытался убить жену мага. Со слугой было справиться нелегко, но в конце концов Кроули победил его с помощью магической остроги.

Потом Кроули вызвал демона Вельзевула и сорок служивших ему дьяволов и послал их к Мезерсу в Париж. Вскоре Мезерс действительно умер. И многие оккультисты говорили, что это именно Кроули убил его с помощью черной магии. В Первую мировую Кроули жил в Штатах и писал антибританские пропагандистские статьи для немцев. В 1916 году он удостоился высшей степени посвящения и стал Магом после священной церемонии, во время которой необходимо было сначала окрестить жабу именем Иисуса Христа, а затем распять ее. После смерти Кроули (он умер в Гастингсе в 1947 году) продолжал тревожить людей: например, во время его похорон в Брайтонском крематории некоторые его последователи декламировали написанный им оргиастичный «Гимн Пану».

Кеннет, как и Кроули, объявлял себя Магом. Однако он скрывал, когда и где он принимал посвящение и распинал жабу. В любом случае, то, что Энгер обладает определенной силой, не вызывало сомнений ни у кого. С ним постоянно случались сверхъестественные вещи. Делом его жизни были съемки фильма, проникнутого почитанием дьявола, — «Возвышение Люцифера». На роль Люцифера Кеннет нашел молодого красивого Бобби Босолейля, игравшего рок в калифорнийской группе «Лав». Дальше случилась темная история: после долгих недель съемок в какой-то момент Босолейль впал в неистовую ярость и в этом состоянии совершил зверское убийство, после чего написал на стене послание кровью своей жертвы. Гораздо позже, когда, по обвинению в особо жестоких убийствах (включая убийство беременной Шэрон Тэйт), была арестована дьявольская «семья» Чарльза Мэнсона, стало ясно, что Босолейль был последователем и близким другом Мэнсона. Многие писали, что, для того чтобы

направить полицию по ложному следу, убийство Тэйт было совершено в том же стиле, как и то, за которое сел в тюрьму Бобби. Что там на самом деле было, неизвестно. Однако несомненно, что Мэнсон был такой же демонической фигурой, как и Кроули.

После того как Босолейль был приговорен к пожизненному заключению, Энгер решил, что роль Люцифера может сыграть Джаггер. Кеннета давно привлекала та почти сверхъестественная энергия, благодаря которой «Роллинг Стоунз» легко заводили толпу. И когда он встретил Джаггера на квартире у Роберта Фрейзера, то был удивлен той силой ауры, которая, казалось, исходит от него. Люди, близко общавшиеся с Миком, часто замечали, что он словно лучится мощью и бешеной энергией, заражая ею всех окружающих. Джаггер тоже был восхищен Энгером — как его разговорами о метафизических силах, так и рассказами о мощи дьявола. Мик согласился сыграть в «Возвышении Люцифера». Он написал музыку для фильма и участвовал в работе над звуком, но Энгер хотел еще большего. И в конце концов Джаггер, извинившись, отошел от работы над фильмом. В итоге в съемках в Египте вместо Джаггера участвовал его младший брат Крис и Марианна Фэйтфул, однако Кеннет был неудовлетворен тем, как они играли. Энгер настолько стремился к совершенству, что, начав работать над фильмом еще десять лет назад, никак не мог его закончить.

Тем не менее в 1969 году он выпустил фильм под названием «Призывание брата-демона». Это была страшная картина, полная ритуалов черной магии и в то же время включавшая фрагменты выступлений «Роллинг Стоунз» и кадры того, как американские солдаты десантируются с вертолетов во Вьетнаме. В фильм вошла большая часть музыки, написанной Джаггером для «Возвышения Люцифера». Люцифера играл в нем Бобби Босолейль.

Мы все немного побаивались Кеннета. С ним часто происходили необъяснимые и загадочные события. Однажды, например, Роберт Фрейзер устроил вечер, который был одновременно презентацией скульптур Джона Леннона и Йоко Оно. Скульптуры были белого цвета, и это была «маскарадная» вечеринка, на которую предлагалось приходить во всем белом. Белой была даже минеральная вода, которую мы пили. Я точно видел Кеннета на вечеринке, но когда я собрался подойти к нему, он словно исчез куда-то. Я об этом не задумывался, пока на следующий день не выяснилось, что Кеннета там видели все — Анита, Марианна, Кит, Мик, — но когда пытались найти его, чтобы поговорить, то им это никак не удавалось.

— Все это довольно странно, — сказала Анита. — Кеннет

говорил, что не сможет прийти на вечер, потому что уезжает по делам в Германию.

Кеннет не возвращался в Лондон две недели. Как мы выяснили, в тот вечер его видели на вечеринке в заполненной людьми комнате и многие другие — Джон, Йоко, Роберт, Джим Дайн. Но поговорить с ним никому не удалось. Мы опросили почти всех — и обнаружилось, что никто с ним не обменялся и парой слов.

— Так ты был там? — спросил я его как-то. Но он только рассмеялся в ответ.

В другой раз мы вместе с Кеннетом, Робертом и парой друзей заехали выпить кофе в небольшой клуб, «Коста-Бланка» на Тоттенхэм-Корт-роуд. Я привез всех туда на «Альфа-Ромео». Мы вместе зашли в бар, Кеннет стоял у стойки позади меня.

— Пять кофе, — заказал я, затем обернулся и увидел, что Кеннет исчез.

— Где он? — спросил я.

Но никто не знал. Выйдя на улицу, я огляделся, но он словно испарился. Улица была пуста на двести метров вокруг, и даже если бы он был спринтером, то явно не успел бы скрыться из вида. После этого мы не видели его около месяца.

Как-то, уже гораздо позже, Кит с Анитой говорили с ним о своем смутном желании пожениться.

— Проблема в том, что это такая волокита, — объяснял Кит. — У Аниты двойное гражданство — итальянское и немецкое. А у меня английское. И нам придется столкнуться с такой бюрократией, что, кажется, не стоит даже и начинать.

— Вы можете устроить настоящий языческий свадебный обряд, — предложил Кеннет.

— Должно быть, это очень интересно, — Анита явно была вдохновлена.

— Конечно, там тоже есть определенные формальности, — объяснил он. — Например, дверь дома, где совершается брачная церемония, должна быть раскрашена золотой волшебной краской, состоящей из определенных трав, — это символизирует солнце.

— Звучит красиво, — сказала Анита. — Это гораздо лучше, чем скучная контора, где регистрируют акты гражданского состояния. И не будет этих ужасных репортеров.

Кеннет пошел домой, а мы легли спать. Перед тем как отправиться ко сну, я лично удостоверился, что огромная, десятисантиметровой толщины дверь из красного дерева надежно заперта.

На следующее утро меня разбудили дикие вопли Аниты, зовущей Кита из прихожей. Я быстро оделся и кинулся

посмотреть, что случилось.

— Тони, гляди, — визжала она, указывая на дверь.

Та была с обеих сторон покрыта тонким золотым рисунком. Краска уже полностью высохла, и, кроме того, было очевидно, что тот, кто делал эту работу, предварительно снял ее с петель.

— Должно быть, это дело рук Кеннета, однако ума не приложу, как он это провернул, — сказал Кит. — Охранники поставили на эту дверь самый навороченный замок, который только можно найти. Сделать дубликат ключа тоже никто не мог. Если бы кто-то попытался спять дверь с петель посреди ночи, мы бы это непременно услышали. И кроме того, как человеку удалось сделать такой точный тонкий рисунок в темноте?

— Наверняка Кеннет обладает неизвестными нам возможностями, — заявила Анита. — Например, может влетать в дом в любой момент, когда захочет.

Мы переглянулись, и я заметил страх в глазах Кита и Аниты.

— В том, что касается женитьбы, я не желаю иметь никаких дел с черной магией, — отрезал Кит. — Это и так уже зашло слишком далеко.

Кит начал постепенно отходить от увлечения магией, хотя публично они с Джаггером продолжали играть в демонических личностей, заметив, что увлечение сатанизмом сильно увеличивает объем продаж. Например, перед тем как отправиться в Южную Америку, Кит вдохновенно врал корреспонденту «Сандэй Экспресс»: «Мы все интересуемся магией и поэтому очень серьезно рассчитываем на эту поездку. Мы надеемся встретить мага, который занимается и черной и белой магией. У него очень длинное и сложное имя, и мы даже не можем его выговорить. Для краткости мы зовем его Бананом».

Прочитав статью, Анита рассердилась и обозвала Кита дураком, шутящим с силами, которыми он не способен управлять. Она все больше думала о черной магии и начала носить с собой повсюду связку чеснока, чтобы отгонять вампиров. Она даже на ночь не расставалась с ней. Кроме того, у нее был необычный старинный сосуд для святой воды, который она использовала для некоторых ритуалов. Ее обряды становились все более секретными, и однажды она предупредила меня, чтобы я ни в коем случае не прерывал ее, когда она работает с заклинаниями.

Однажды я проснулся от запаха дыма, который шел со второго этажа. Ворвавшись в комнату к Аните, я обнаружил, что она спит, а на полу вокруг кровати кольцом расставлены горящие свечи. Одна из свечей уже полностью расплавилась, и от нее начал загораться ковер. Я быстро потушил огонь и задул остальные свечи. Анита, судя по всему, принявшая много

снотворного, даже не пошевельнулась. И я ушел, решив не тревожить ее сои.

В ее комнате стоял красивый инкрустированный сундук. Она охраняла его так ревностно, что я подозревал — именно там она хранит наркотики. Однажды днем, когда в доме никого не было, я открыл его и заглянул внутрь. Но там были только обломки костей, сморщенная кожа и шкуры каких-то непонятных животных. Я с отвращением захлопнул крышку и пулей вылетел из комнаты.

Анита рассказывала о своих занятиях Киту. Тот слушал неохотно, но иногда неожиданно обнаруживал, что знания, которыми она с ним делится, — отличный источник вдохновения. Например, название альбома «Роллинг Стоунз» «Get Yer Ya-Yas Out» происходит от одного из африканских вудуистских напевов.

По чем больше Кит с Анитой изучали силы тьмы, тем более скрытными они становились. Зная, что меня это все пугает, они старались услать меня куда-нибудь каждый раз, когда к ним приходил Кеннет Энгер или кто-нибудь из подобных демонических друзей. Кит был поражен, когда узнал от Кеннета, что многие из великих поэтов увлекались черной магией: Байрон, Блейк, Оскар Уайльд, Йетс, Де Квинси. В интервью Роберту Гринфилду из журнала «Роллинг Стоун» Кит сказал: «Кеннет Энгер говорил мне, что я — его правая рука. По это зависит от взгляда на вещи. Добро и зло неразделимы. Каким бы путем вы ни шли, правым или левым, как только вы начали, пути назад уже нет. Здесь множество возможностей и вариантов. Многие заигрывают с этим, но в то же время добро и зло всегда существуют внутри каждого отдельного человека. Почему люди начинают заниматься вудуизмом, хотя он считается суеверием и бабушкиными сказками? Я в этом никакой не специалист и не претендую на это. Я просто пытаюсь понять для себя кое-что. Но есть те, кому известно многое. Сейчас, с таким правительством, как наше, открыть это знание не представляется возможным. А вот лет через пятьдесят они наверняка смогут рассказать, что на самом деле происходило…

…Мы с Миком занимаемся в принципе одним и тем же. Многое в наших образах — просто результат ярлыков, которые газеты и телевидение навешивают на людей. В свое время, когда мы были еще невинными подростками и ничем таким не увлекались, эти люди говорили о нас: «Они злые, злые!» Но разве я злой? Так мы и начали размышлять о природе зла. Что есть зло? Кроме того, почему одни люди считают, что Мик — злобный человек, а другие — что он добрый парень и хороший шоумен, а третьи еще что-нибудь? Есть черные маги, которые полагают, что

мы действуем как тайные агенты Люцифера. Но есть и другие, которые считают нас просто воплощением Люцифера. Так что Люцифером может стать каждый».

Мик со своим неугомонным характером вскоре устал от сатанизма и его символики. Его просто привлекала Сила — способность управлять людьми, залом на концертах и даже обществом в целом, но он понимал, что Сатана в этом плане вряд ли ему поможет.

— Конечно, я случайно нащупал, как пробуждать первобытные инстинкты, — сказал Мик репортеру, — но, думаю, на это способны почти все. Правда, мало кто этим занимается. А я счастлив, что мне удается это проделывать с несколькими тысячами людей. На самом деле это как игра. Все эти девушки на концерте на самом деле сами заряжают себя энергией. Это просто диалог наших энергий. Они дают много — и получают столько же. Может, они хотят что-то получить от жизни, от меня. Может, они думают, что я что-то могу дать им. Не знаю.

На сцене меня охватывает странное чувство. Я заряжаюсь энергией зала. В этот момент я чувствую в себе некоторую жестокость, и мне часто хочется разбить вдребезги микрофон или что-нибудь еще. На сцене я другой, нежели в обычной жизни.

Обаяние и властность Мика вкупе с тем, что он выходец из среднего класса, неизбежно делали для него привлекательной политическую карьеру. И многие годы он лелеял тайную мечту стать членом парламента от партии лейбористов.

В этом начинании его активно поддерживал Том Драйберг, член парламента от Баркинга, Эссекс, позднее ставший лордом Брэдуэллом. Как и многие другие геи, Драйберг находил Мика привлекательным. Однако он быстро открыл в нем и ум и обаяние, необходимые для успешной политической карьеры. И вообще, как убеждал Мика Драйберг, если люди из шоу-бизнеса, вроде Рональда Рейгана, могут стать во главе американского правительства, так каких же высот может достичь такой образованный интеллигентный молодой человек, как Джаггер?

Их познакомил общий друг, американский поэт Аллен Гинзберг.

— Он классный парень, настоящий битник, — сказал Гинзберг Мику.

— Да, я уже наслышан, — ответил Мик. — Это он подал жалобу в палате общин, когда нас с Робертом в Чичестере привезли в наручниках. И еще он вроде бы выступал за легализацию наркотиков.

Впервые они встретились дома у Мика на Мэрилебон-роуд и сразу же подружились. Мик тогда еще не знал, что Драйберг гей,

но в дальнейшем это только повысило его мнение о члене парламента. Среди его близких друзей было много мужчин, которые, как он знал, хотели бы переспать с ним. И женская сторона его сложной личности даже радовалась тому восхищению, с которым они заигрывали с ним. Однако, как ни парадоксально, на любые предложения такого рода он отвечал категоричным, чисто мужским отказом.

Когда Мик с Марианной переехали в особняк на Чейн-Уолк, они стали часто приглашать Драйберга в гости и беседовать с ним о прогнившей британской политической системе. Вообще Джаггер придерживался анархистских взглядов, но Драйберг убеждал его, что анархия ни к чему не приводит, что прекрасно было доказано в прошлом. Драйберг хотел, чтобы Джаггер присоединился к партии лейбористов. Ему казалось, что из Мика получится прекрасный активист левого крыла, который сможет периодически давать всем хорошую встряску.

— Знаешь, мне и правда хочется заняться политикой, — сказал Джаггер Марианне. — По-моему, там я смогу добиться гораздо большего, чем если просто буду всю оставшуюся жизнь писать песни и играть музыку.

С другой стороны, Джаггер понимал, что не может бросить все и отказаться от карьеры музыканта ради сомнительного шанса, что ему удастся применить свои таланты в политике. Его пугал риск; кроме того, он был реалистом и прекрасно осознавал, что хотя молодежь и за него, но среди старшего поколения он не пользуется популярностью.

Так что хотя он и продолжал периодически говорить с Драйбергом о политике, но когда тот приглашал его на местное собрание, Мик всегда извинялся и ссылался на неотложные дела. И далее когда консервативное правительство Эдварда Хита показало себя не с лучшей стороны, он лишь сказал.

— Сейчас я бы и правда хотел присоединиться к лейбористам, чтобы помочь избавиться от этого идиота, но у меня столько работы, что просто не хватит времени.

Кроме него, больше никто из «Роллинг Стоунз» политикой не интересовался. Чарли Уоттс был без ума от американской Гражданской войны и тратил тысячи фунтов, собирая коллекцию ружей, медалей, шпаг и формы того времени. Когда «Роллинг Стоунз» были в Соединенных Штатах, он целую неделю провел в Геттисберге и на других полях былых сражений, пытаясь представить себе, где стояла кавалерия и как проходили смертоносные рукопашные схватки.

Самой необычной, пожалуй, была тайная страсть Брайана. Еще в детстве он воспылал любовью к британским омнибусам. В

том, что касалось омнибусов и производящих их корпораций, он обладал воистину энциклопедическими знаниями. Иногда он останавливал свои «роллс-ройс» и наблюдал, как люди садятся в омнибус. Дважды он даже пытался купить автобусы, которые ему особенно нравились. Я как раз был в офисе группы, когда там раздался звонок. Звонили из гаража и спрашивали, как доставить Брайану омнибус, который он заказывал.

— Наверное, какая-то ошибка, — сказала девушка-секретарь. — Кто-то называется Брайаном Джонсом и покупает омнибусы. Отмените, пожалуйста, заказ.

— Господи, — повесив трубку, проговорила она, — что происходит с нашим бедным, сумасшедшим, запутавшимся мальчиком?

15

Транзисторный приемник у кровати неохотно захрипел, оживая. Я покрутил настройку, чтобы послушать первую утреннюю сводку новостей. «Полиция сообщает, — монотонно пробубнил диктор, — что мертвый мужчина, обнаруженный в Хартфорде еще вчера, опознан, — это оказался лидер группы «Роллинг Стоунз»…»

Меня словно окатили ведром ледяной воды.

— Что?? — громко спросил я сам себя, в отчаянии тряся головой. Мик Джаггер мертв? Как такое могло произойти? Мик, такой крепкий, здоровый, полный энергии — мертв? Это автоматически обозначает конец «Роллинг Стоунз». Группа без него не сможет существовать и распадется. Мне срочно надо было переговорить с Китом и узнать, что же случилось.

К телефону подошла Анита.

— Это правда? — спросил я у нее по-итальянски.

— Да, — сказала она.

— На самом деле?

— Да.

— Тут не может быть какой-то ошибки? — уже в отчаянии спросил я.

— Нет. Его нашли дома в плавательном бассейне.

Это меня сбило с толку. Дома у Мика на Чейн-Уолк и в «Старгроувс» я был сотни раз, но ни там, ни там бассейна точно не было.

— Так ты уверена? — настойчиво переспросил я еще раз.

— Да. Брайан мертв, — ответила она.

— О Господи, а я думал, что Мик…

— Нет, слава богу, это был всего лишь Брайан…

Как бессердечно это прозвучало! Анита была единственной из всех людей, из всех женщин, кого он действительно любил. И вот она счастлива, что умер Брайан, а не Мик Джаггер. Я почувствовал, как к горлу подступают слезы.

— Я приеду к вам через полчаса, — с этими словами я с грохотом бросил трубку на рычаг.

Когда я приехал на Чейн-Уолк, то нашел там, помимо Аниты и Кита, еще и Мика. Они мрачно обсуждали происшедшее. Новость они узнали около полуночи — им позвонил на студию «Олимпик» водитель, который должен был, по идее, присматривать за Брайаном, и сообщил, что тот умер.

— Ничего не понимаю, — сказал Мик, — Брайан сам по себе не мог утонуть. Помните, когда мы были в Австралии, он

заплывал на милю от берега, причем в самый прибой, и мы даже не могли разглядеть его так далеко в море. Нет, он был лучшим пловцом из всех, кого я знаю. Кто угодно мог утонуть — но только не Брайан.

Однако за этими горькими рассуждениями не проглядывало эмоций. Никто из них не плакал. Никто не сказал с грустной иронией, что Брайан умер именно в тот момент, когда бросил наркотики и только было зажил нормальной жизнью.

«Вы просто холодные, бессердечные ублюдки», — подумал я.

Озадачивало еще и то, что мы никак не могли точно восстановить обстоятельства смерти Брайана, они не складывалась в единую картинку — было слишком много каких-то несоответствий и сомнительных деталей.

Водитель, сообщивший музыкантам о смерти Брайана, затем, например, утверждал, что во время этою находился у себя дома в Восточном Лондоне.

— Странно, — заметил по этому поводу Кит.

— Ну, не настолько, — возразил Мик. — Ему мог кто-нибудь позвонить домой и все рассказать.

Пытаясь прояснить ситуацию, Кит и Мик расспросили всех, кто был к этому как-то причастен, и постепенно выяснилась примерно следующая история, позже озвученная на следствии.

Вечером в среду, 2 июля 1969 года, Брайан был дома. Вместе с ним там находилось по крайней мере трое людей: его последняя девушка, шведка Анна Волин, строитель Фрэнк Торогуд, который уже три года работал на «Роллинг Стоунз», и молодая няня Джанет Лоусон, знакомая Торогуда.

Брайан выпил уже много водки, мешая ее с транквилизаторами. Торогуд тоже был порядочно пьян. Около полуночи Брайан одел плавки. Мисс Лоусон сказала ему: «Брайан, не надо купаться. Ты не в том состоянии, чтобы плавать». Но он не обратил на нее внимания и ступил в теплую воду. Анна и Торогуд тоже решили поплавать, а Джанет вернулась в дом.

Вскоре зазвонил телефон, и Анна выбралась из бассейна, оставив Торогуда и Брайана в чистой глубокой воде. Спустя несколько минут Торогуд зашел в дом взять полотенце. Затем Джанет Лоусон вернулась к бассейну. И тут все услышали ее крик: «Сюда, скорее, Брайан лежит на дне!»

Анна прыгнула в бассейн прямо в одежде и подняла Брайана на поверхность. Торогуд помог ей вытащить его из воды. Анна начала делать ему искусственное дыхание. Джанет пыталась, нажимая руками на грудную клетку, восстановить работу сердца.

— Пока мы делали это, я чувствовала, что он сжимает рукой

мою, — сказала потом Анна.

Вызвали скорую, но к тому времени, когда она приехала, Брайан был уже мертв. И тогда позвонили в полицию.

На следующее утро водитель, «присматривавший за Брайаном», проходя мимо бассейна вместе с журналистом Лесом Перрином, писавшим о «Роллинг Стоунз», обнаружил у воды ингалятор с антиастматическим лекарством, который Брайан всегда таскал с собой (хотя я никогда не наблюдал у него приступов астмы). Очень странно, но полиция, осматривавшая место происшествия, каким-то образом упустила эту крайне существенную деталь.

После вскрытия, состоявшегося неделю спустя в Ист-Гринстеде, патологоанатом Альберт Сакс сделал заявление, которое никого из нас в принципе не удивило: «Для молодого человека его возраста сердце у него было слишком жирным и вялым, а также немного увеличенным в размерах. Его печень весила вдвое больше нормальной и не могла функционировать правильно». Кроме того, он опроверг предположение, что, когда Брайан был под водой, у него случился приступ астмы: «Я исследовал тело с микроскопом и не нашел никаких очевидных доказательств, что он перенес астматический приступ».

Следователь Энгус Соммервиль написал в судебном заключении, что Брайан «захлебнулся водой, находясь под действием наркотиков и алкоголя», и выписал официальное свидетельство о смерти от несчастного случая.

Вскоре, однако, в музыкальной среде поползли странные слухи: например, кто-то записал слова техников и ассистентов по звукозаписи (которые пытались поднять свой авторитет, доказывая, что близко общались со звездами): мол, есть очевидные доказательства того, что Брайан покончил с собой, но они замалчиваются. Согласно этой зловещей, но полностью выдуманной кем-то истории, Брайан совершил самоубийство, потому что Джаггер увел у него девушку, точно так же, как Кит в свое время увел Аниту. Этот бесчестный поступок якобы окончательно добил Брайана, и он решился на самоубийство, — однако «Роллинг Стоунз» заплатили всем, кому надо, за молчание, поскольку боялись, что известие об этом заставит публику отвернуться от группы. Во всем этом не было, конечно, ни крупицы правды, однако я слышал эту версию в разных вариантах вновь и вновь.

Впрочем, даже некоторые из близких друзей Брайана не могли полностью исключать возможность суицида.

Алексис Корнер, например, сказал в интервью журналисту Тони Скадуто следующее: «Чтобы совершить самоубийство, надо

хотеть убить себя, а я более чем уверен, что Брайан не собирался умирать. Возможно, конечно, что это был просто приступ паранойи, и в какой-то момент на дне он вдруг понял, как легко ему будет сейчас умереть. Но я думаю, все было по-другому, и виной всему просто нелепая случайность. Я не верю, что это запланированное самоубийство, поскольку он совсем не собирался умирать. Если бы это было так, я печалился бы о нем больше, а о себе меньше. Но сейчас мне грустно за себя и всех нас от того, что он ушел. Больше всего мне грустно просто потому, что мне не хватает его. С другой стороны, может, и хорошо, что это произошло сейчас. В последнее время он был вполне счастлив и доволен жизнью. Если бы это случилось месяцев на шесть раньше, мне было бы намного печальнее, потому что тогда он находился в состоянии серьезной депрессии. По крайней мере, теперь он умер, испытывая какое-то удовлетворение от своей жизни».

Но были и еще кое-какие факты, о которых Алексис просто не знал. Например, то, что спустя несколько дней кто-то открыл входную дверь ключом Брайана и, погрузив на грузовик его гитары, персидские ковры, антиквариат и все прочие ценности, вывез в неизвестном направлении. Потом эти вещи были где-то спрятаны и спустя некоторое время потихоньку распроданы. Мы были почти уверены, что знаем, кто это сделал, однако никаких весомых улик и доказательств у нас не было.

Здесь было еще много маленьких несовпадений — с одной стороны, мелочей, но, собранные вместе, они вызывали ощущение, что в ночь, когда умер Брайан, на «Котчфорд Фарм» побывало еще около десятка других людей. И многие из них той ночью тоже перебрали наркотиков И еще остается загадкой, почему Брайан сначала принял так много успокоительного, а потом пошел купаться. Обычно люди принимают успокоительное, чтобы расслабиться, отправиться плавать после этого — самое нелепое, что можно придумать.

«Роллинг Стоунз» понимали, что в смерти Брайана что-то нечисто, однако предпочитали не обсуждать эту тему.

Однажды Кита подловил репортер из журнала «Роллинг Стоун» и начал расспрашивать о смерти Брайана. Кит тогда сказал, пожалуй, даже больше, чем собирался.

> В ночь смерти Брайана случилось много странного… например, там были люди, которые потом исчезли неизвестно куда. Мы сами в эту ночь записывались и, конечно, были не в курсе того, что творится у Брайана. Официально он уже не член группы. И вдруг нам звонят

и говорят: «Брайан умер». И что же, блин, дальше? У нас есть несколько водителей. Мы пытаемся найти того, кто должен был смотреть за Брайаном, — и выясняем, что он там устроил вечернику с наркотой и кучей баб… Я не знаю, чувак, понимаешь, просто не знаю, что все-таки случилось с Брайаном той ночью. Вроде бы убивать его никто не хотел Но так получилось, что никто за ним и не присматривал.

Однако водитель должен был за ним присматривать, потому что, собственно, для этого к нему и был приставлен. Все знали, что с Брайаном может случиться; особенно на вечеринке. Может, он, конечно, просто пошел плавать, и у него действительно случился приступ астмы… Мы были ошеломлены происшедшим. Я сразу же попытался выяснить, кто там был, и не смог ничего толком обнаружить. Водитель, единственный свидетель, который, как я думаю, знал, что там происходило, скрылся, прибегнув к хитрой уловке и постарался тщательно замести следы. Так что, когда приехали полицейские, все это выглядело просто как несчастный случай. Может, этот парень хотел удрать, чтобы не втягивать никого в это дело. Может, и так. Я не знаю, кто там был той ночью, и выяснить это уже не представляется возможным. У меня такое же чувство, как после убийства Кеннеди. Чувство, что до всей истины не докопаться.

А водитель, «присматривавший за Брайаном» бесследно исчез. В следующий раз, когда я его встретил (а это случилось два года спустя), он был уже продюсером рок-н-ролльных шоу на телевидении.

И я, кстати, так до сих пор и не знаю, что же случилось с первой сотней тысяч фунтов, «отступными» Брайана.

16

Бронированный автомобиль цвета хаки медленно выполз с роскошной автостоянки отеля «Лондондерри». Он ехал неторопливо и осторожно, словно дело происходило на Шанкхилл-роуд, и водитель опасался нападения террористов. Но нет, на дворе стоял 1969 год, и вокруг был Мэйфэйр. А внутри этого страшноватого на вид агрегата на куче матрацев расположились все музыканты «Роллинг Стоунз», и мы с Майклом Купером, сопровождавшие их в качестве личных фотографов. Когда мы попытались подъехать к огромной сцене, сооруженной специально для концерта в Гайд-парке, фанаты заметили бронированный автомобиль и, быстро догадавшись, кто в нем может ехать, ринулись в атаку, словно жаждущие крови уличные бандиты. По броне, словно пули, застучали кулаки, и мы почувствовали, что толпа длинноволосых юношей и девушек в мини-юбках начинает опасно раскачивать машину, так что она грозила вот-вот перевернуться.

— Господи, — пробормотал Мик Джаггер, — они совсем сдурели. Думаю, надо попросить в полиции разрешение пользоваться вертолетом.

Дорога от отеля до парка заняла у нас пять минут. А полтора километра через потную толпу в Гайд-парке мы ехали, пожалуй, минут сорок пять. Прежде чем выйти, Кит обернулся ко мне:

— Дашь понюшку, Тони?

Я протянул ему маленький коричневый пузырек, и он сквозь трубочку которая всегда висела у него на шее, втянул немного кокаина. Джаггер тоже с удовольствием присоединился к нему — хотел набраться уверенности в себе. Остальные «Роллинг Стоунз» смотрели на них неодобрительно, как смотрят в автобусе старые леди на некультурно ведущую себя молодежь.

— О'кей, — ухмыльнулся Мик, когда кокаин подействовал. — Что ж, давайте покажем этим ублюдкам самое лучшее рок-н-ролльное шоу в их жизни. Так, чтоб у них уши завяли.

Брайан Джонс умер два дня назад. Сначала Джаггер, Ричардс и все остальные сошлись на том, что нужно отменить выступление в Гайд-парке.

Но затем, когда они, подавленные, сидели в офисе, Чарли мрачно пробормотал:

— Знаете, вот что мы можем сделать: сыграть концерт, но посвятить его памяти Брайана.

— Верно, — согласился Кит. — Брайан заслуживает большего, чем просто нескольких дурацких речей на его могиле.

Мы повесим на сцене огромные постеры с его портретом и попросим слушателей о минуте молчания.

Позже репортер, бравший на улице интервью у Кита, спросил, не считает ли тот, что «Роллинг Стоунз» повели себя бестактно, устраивая такой гигантский концерт, когда тело Брайана еще не предано земле. Кит сразу врезал ему в нос.

Марианна очень переживала из-за смерти Брайана. Учитывая ее общее слабое и угнетенное состояние, она восприняла трагедию как предзнаменование собственной гибели. Часами она плакала, лежа в кровати на Чейн-Уолк. Это Мик психологически сломал Брайана — точно так же, как сломал и ее саму. Он высасывает из людей душу и силу, лишает их собственной личности. Он лишил Брайана самоуважения и уверенности в своей музыке. И то же самое он сделал с Марианной, пытаясь доказать ей, что он как актер лучше, чем она. Теперь он собирается сыграть главную роль в «Неде Келли», где будет сниматься Фэйтфул. «Я поняла, что он хочет унизить меня перед всем миром», — говорила Марианна.

От обреченности она вновь начала нюхать героин, хотя собиралась перед фильмом отказаться от наркотиков. Джаггер терял терпение. Это из-за нее его обвинили в хранении наркотиков. Ему надоело постоянно слушать обвинения и слезы. И на концерт в Гайд-парке он пригласил чернокожую актрису Маршу Хант, одну из многих девушек, с которой был не прочь развить отношения.

Марша носила африканскую прическу. Она, как прекрасная индианка, оделась с головы до пят в светлую кожаную одежду и бродила вокруг сцены, радуясь тому, что теперь, после успешного дебюта в мюзикле «Волосы», ее все узнают.

Над сценой висели гигантские фотографии Брайана, выглядевшего таким здоровым и цветущим, каким я его даже в жизни не помнил. Сэм Катлер, ведущий, терпеливо повторял полумиллионной аудитории, что «Роллинг Стоунз» хотят перед началом выступления почтить память Брайана минутой молчания. Я сидел сбоку сцены с 85-миллиметровым «Никоном» наготове, ожидая, пока начнется действие.

«Господи, — думал я, — в жизни не видал столько народу».

Когда Мик вышел на сцену, в толпе прокатился восторженный рев. Мик был в великолепном белом костюме с высоким белым воротничком.

— Нет! — выкрикнул он в ответ на рев зрителей.

Казалось, он, как и собирался, будет просить слушателей о минуте молчания в память о Брайане. Но он понимал, что если попытается заставить их замолчать, то создаст такое мрачное

настроение, что может сорваться весь концерт А здесь было так много людей, так много журналистов, поклонников и друзей, что концерт должен был обязательно пройти успешно. Кроме того, он вскоре уезжал в Австралию, и ему надо было успеть доказать, как неправы те, кто шептались, что «Роллинг Стоунз» без их чудесного белокурого соло-гитариста уже никогда не будут прежними.

— Да-а-а-а! — крикнул он тогда, возражая сам себе. — Мы здесь, чтобы хорошо провести время, правда?

— Да! — хором ответила толпа.

— Тогда успокойтесь на минутку, — театрально продолжил он. Ветер трепал полы его пиджака. — На самом деле, я хотел сказать кое-что о Брайане…

И толпа неожиданно притихла. Многие из них слышали или читали о Брайане, другие видели его на сцене и по телевизору очень часто — и в принципе могли считать, что знают его. И все они были так же искрение опечалены его безвременной смертью, как и я.

— «Мир, мир! Он не умер, но и не спит», — Мик начал декламировать начало «Адонаиса» Шелли.

Он читал его с неловкостью, бездушно и грубовато. Но тысячи слушательниц перед сценой начали плакать. И когда я смотрел, как слезы струятся по их лицам, то почувствовал, что и сам готов прослезиться, и быстро вытер платком глаза.

…Он пробудился от сна, которым была эта жизнь, —
А мы потерялись в своих бурных мечтах,
В бесплодной борьбе с призраками.
В безумном оцепенении он поразит острием нашего духа
Неуязвимое ничто. *Мы* гниём,
Словно трупы в склепе. Нас день за днем
Терзают и снедают страх и горе…

Фотографы с Флит-стрит и телевизионщики словно обезумели, бегая вокруг сцены и снимая этот исторический момент. Джаггер вновь инстинктивно играл и со слушателями и с масс-медиа.

Слушатели застыли неподвижно, словно под действием некоего заклинания, не догадываясь, что это просто пафосные строки Шелли.

И холодные надежды толпятся,
Как черви, внутри нашей плоти.
Он останется, другие изменятся и уйдут.

Свет с небес будет идти всегда,
Призраки земного преходящи.
Жизнь, как многоцветный витражный купол,
Пачкает белое сияние Вечности
До тех пор, пока Смерть не растопчет его, — умри,
Если ты нашел, что искал!
Следуй туда, куда все ушли! —
Лазурное небо Рима,
Цветы, руины, статуи, музыка, слова — все блекнет
По сравнению с блаженством, о котором они говорят
Невыразимыми истинами.

Дочитав, Джаггер, казалось, почувствовал облегчение. Когда он закончил, администраторы открыли огромные картонные ящики (из-под вареных бобов «Кросс энд Блэкуэлл», согласно надписям на них), стоявшие по бокам сцены, и выпустили в голубое небо несколько сотен порхающих белых бабочек. Предполагалось, что это будет символизировать, как душа Брайана отправляется на Небеса.

К несчастью, ящики слишком долго стояли на жаре под солнцем, и многие бабочки, пролетев всего несколько метров, умирали, падая крылатым конфетти на головы прослезившимся поклонникам. Но Кит уже играл вступительные аккорды «Lemon Squeezer».

Перед сценой стояло человек тридцать «Ангелов Ада» — молодых людей, затянутых в кожу и с интеллектом явно ниже среднего. Они отталкивали зрителей назад и, в общем, вели себя по-хамски. Поклонники были возмущены и расстроены, не понимая, что это делается по приказу Джаггера. К девушке, которая стучала по двум пустым жестянкам из-под пепси-колы во время исполнения «Honky Tonk Women», подошел один такой слабоумный в черной коже и грубо отобрал их.

Когда заиграли «Sympathy for the Devil», девушки, рыдая и плача, полезли вперед к сцене, поближе к Мику. «Ангелы» спихивали их с краев сцены, словно крыс с палубы корабля, а Мик старательно смотрел в противоположную сторону.

— Ну, все нормально, только звук был, конечно, мерзкий, — сказал он вечером, когда мы все вместе пошли на концерт Чака Берри в Альберт-холле. — По-моему, еще никто никогда не собирал такой огромной толпы. И мне понравилось смотреть, как «Ангелы» всех толкали.

Мик заявил, что слишком занят, чтобы прийти к Брайану на похороны. На следующее утро они с Марианной улетали в

Австралию. Но он согласился дать интервью, чтобы объяснить, как воспринимает смерть Брайана, благодаря чему, кстати, немедленно оказался в центре внимания средств массовой информации. Перед концертом в Гайд-парке он говорил журналисту «Гранада Телевижн»: «Брайан сам будет на концерте. Будет здесь! Мы делаем все, во что он верил. По учению агностиков, он не умер. Когда днем мы начнем концерт, он будет там с нами. Я не верю, как принято на Западе, в то, что следует скорбеть о тяжелой утрате. Понимаете, я не собираюсь носить траур и скорбеть. Мы, конечно, расстроены. Но я хочу, чтобы Брайан, прощаясь с этим миром, унес отсюда как можно больше счастья и радости».

С репортером радиостанции Би-би-си он был более откровенен и объективен: «Нас всегда преследовало предчувствие, что первым из нас умрет Брайан. Мы все знали, что он не протянет долго. Он прожил свою жизнь очень быстро, как бабочка. В какой-то момент мы были с ним очень близки… Но на самом деле я даже не до конца понимаю, чем Брайан хотел заниматься, по крайней мере, в том, что касается его песен. Это, как и многое другое, он делал исключительно для себя. Он никогда не играл мне песен, которые писал, так что сложно было сказать, что именно он хочет играть и делать дальше. Если он и писал. — а я уверен, он писал песни, — то обычно не признавался, что это его песня, а просто говорил: «Ну вот песня в стиле того-то». И поскольку дальше этого дело не шло, то говорить, что мы его оттесняли или пытались задавить, просто не имеет смысла».

Услышав эти слова, я поначалу разозлился, но затем, поразмыслив немного, понял, что Мик на самом деле говорил правду — так, как он ее воспринимал. Брайан стремился стать одним из величайших рок-музыкантов. Но если он не сумел удержаться на вершине, то нельзя осуждать Джаггера, за то, что тот столкнул его оттуда, вместо того чтобы протянуть руку помощи.

После трагедии Марианна опять начала употреблять героин; ей было тяжело, она понимала, что должна завязать, чтобы сниматься с Джаггером в фильме. С другой стороны, все ее убеждали, что легче найти золото в пустыне, чем героин в Сиднее. Когда она полетела в Австралию, доктор прописал ей перед отъездом в качестве снотворного амитал-натрий, чтобы помочь преодолеть ломку. Когда самолет приземлился, ее уже начинало трясти. Она не обращала внимания ни на великолепный рассвет, ни на десятки толкающихся фотографов и репортеров, которые забрасывали их обычными вопросами вроде:

«Вы уже слышали, что для съемок Мику придется остричь волосы?» Вспышки фотоаппаратов слепили ее. Когда они добрались до своего номера, Марианна чувствовала, что у нее кружится голова и ее начинает тошнить. Она вся покрылась гусиной кожей. Джаггер был настолько утомлен долгим перелетом и атакой репортеров, что, стянув одежду, рухнул на большую мягкую двуспальную кровать и спустя мгновение спал крепчайшим сном. Они никогда друг с другом не говорили о том, что она торчит. Он, как настоящий англичанин, предпочитал этого просто не замечать. Что она делает со своим телом — ее личное дело.

Но теперь у Марианны начались галлюцинации. Прекратив принимать наркотики, она испытала страшную ломку, по симптомам это было похоже на малярию. Она ощущала присутствие смерти у себя в комнате. Присев на табурет в ванной и заглядывая в зеркало, она видела там вместо своего отражения лицо Брайана. Как раз перед его гибелью она постриглась покороче, и у них были похожие прически. Теперь ей было все ясно: она стала Брайаном. Чтобы облегчить ломку, она съела горсть таблеток мандракса.

Следующие месяцы она не вполне понимала, кто она. Постепенно она становилась просто придатком Мика Джаггера.

Она, казалось, потеряла сама себя, потеряла свою личность — Джаггер забрал ее у нее. Она видела, что он точно так же поступил с Брайаном: крал его идеи, силу, характер, пока у Брайана ничего больше не осталось. Вот и от нее теперь осталась лишь оболочка, как от съеденного омара.

Мертвый, пустой взгляд из под длинной светлой челки — это глаза Брайана. И тут ей показалось, что он внезапно кивнул ей, словно просто отключался, приняв героин, а тут вдруг очнулся.

— Где мой валиум? — произнес он. — Господи, как мне плохо.

Казалось, он говорит из зеркала, с другой его стороны. Марианна могла уловить только обрывки слов, будто он пытался говорить из-под воды. Она поняла, что Брайан пытается рассказать ей: это все судороги и астма. Он на самом деле не собирался умирать, и теперь ему никто не сможет помочь. Стало очень холодно, Марианна начала дрожать, у нее застучали зубы. Тогда она выпила 150 таблеток амитал-нитрия (все, что у нее было), и дрожь вроде бы прошла. Она скользнула на хрустящие хлопковые простыни рядом с Миком, Брайан нежно взял ее за руку, и она почувствовала, что проходит сквозь зеркало.

Перед смертью Брайану было двадцать шесть.

— Он умер одним из кумиров своего поколения, — сказал его

друг. — Своей жизнью он как бы воздвиг себе величайший памятник, который потом рассыпался в пыль. Пусть его слава была недолгой. Но он умер, словно один за всех понеся наказание — за всех англичан, употребляющих наркотики.

Преподобный Хью Хопкинс, отпевавший Брайана, похоже, был одним из тех, кто считал, что Брайан понес это наказание вполне заслуженно.

Помолившись за выздоровление Марианны (она уже два дня пребывала в коме), он прочитал Аните, Киту, Мику Тэйлору, Биллу, Чарли и поклонникам, принадлежавшим к его религии, небольшую лекцию-наставление о пороках современной молодежи:

— Брайан был бунтарем, он презирал власть, традиции, условности, принятые в этом обществе… К сожалению, такое отношение к жизни перенимают и многие из тех, кто ходит на концерты «Роллинг Стоунз». И отрицают древнейшие традиции церкви, сформированные в течение девяти столетий, считая их устаревшими и неправильными…

— Вот идиот, — прошептал Кит.

17

Эта картина затмевала все обвинения в декадентстве, которыми осыпали «Роллинг Стоунз». Самый шикарный и дорогой номер в «Риц», лучшем отеле мира. С потолка, словно ожерелье с шеи герцогини, свешивались хрустальные люстры. Мы с Китом и Анитой сидели по-турецки вокруг покрытого орнаментом кальяна. Кит был босиком и в огненно-оранжевых штанах, сшитых на заказ из ткани для занавесок, которую он купил в Марракеше. Анита — в африканской накидке, но широкие складки одежды не могли скрыть ее округлившегося живота Она была на пятом месяце беременности. Этим ранним утром мы курили чистый китайский опиум, занимавший среди других наркотиков примерно такое же место, какое занимает коньяк «Реми-Мартен» среди выпивки. Мы уже поймали кайф, и разговор тек неспешно и легко. Мир вокруг казался прекрасным, комната немного кружилась перед глазами, словно когда смотришь в водоворот. Тут в дверь постучали, и мы было вздрогнули, но затем расслабились, услышав голос водителя:

— Кит, это я, принес тебе хорошие новости.

— Пошел в задницу, — с присущим ему тактом и обаянием откликнулся Кит.

Но парень был настойчив, и после недолгого спора Анита открыла тяжелую дверь из красного дерева.

— Твой автомобиль полностью отремонтирован, — сказал водитель, войдя в комнату. — Ты же помнишь тот большой «мерседес»?

— О! — воскликнула Анита. — А можешь съездить за ним и пригнать его сюда — прямо сейчас?

Затем она повернулась к Киту и предложила на некоторое время переехать в Редлэндс.

— Я не хочу оставаться здесь просто потому, что квартира на Чейн-Уолк ремонтируется, — пояснила она. — Мне здесь страшно. Персонал относится к нам с неприязнью, и мне кажется, что скоро кто-нибудь из них настучит в полицию и нас здесь накроют.

Они начали собирать вещи. Это заняло около четырех часов — частично из-за того, что они были слегка накурены, частично из-за того, что Кит с Анитой были, пожалуй, самыми жадными скопидомами из всех моих знакомых. Гуляя по Регент-стрит, они запросто могли потратить пару тысяч фунтов на фотоаппарат, магнитофон или портативную телекамеру — на любую блестящую ерунду, которая им понравилась. Они были так

фантастически богаты, что любая их минутная прихоть в отношении того, что можно купить, мгновенно осуществлялась.

Наконец они все-таки собрались и вышли на Пиккадилли. Поглазеть на огромный блестящий автомобиль сбежалась целая толпа. С помощью множества швейцаров их вещи кое-как удалось загрузить в багажник и на заднее сиденье. Автомобиль двинулся с места и величественно скрылся в ночи.

К несчастью, Кит до сих пор не умел толком обращаться с ручной коробкой передач и, повторяя прошлые ошибки, попытался вести машину так, словно имеет дело с автоматикой своей старого «бентли». Когда он с ревом, на скорости 90 км/ч, взял очередной поворот на Вест-Виттеринг-роуд неподалеку от Редлэндса, машина задела ограждение, рикошетом отлетела к обочине, съехала с откоса и словно по волшебству замерла, чуть-чуть не доехав до небольшой дубовой рощицы. Проезжавший мимо автомобилист остановился и помог им с Анитой выбраться из гигантской машины. Они оба были в крови от осколков разбившегося ветрового стекла. Анита простонала, что, кажется, вывихнула плечо.

— Ждите здесь, — сказал водитель, — я вызову скорую помощь.

— Быстрей! — нетерпеливо бросил Кит, как только мужчина отошел. — Нам надо срочно все спрятать.

Они торопливо достали из сумок весь кокаин, героин, марихуану и опиум, покидали в полиэтиленовый пакет и спрятали в кроне ближайшего дерева. Меньше чем через минуту к ним подъехала полиция, и один из их старых знакомых, навязчивый офицер, участвовавший в годичной давности налете в Редлэндсе, сразу же настоял на обыске. Он подозревал, что Кит попал в аварию из-за наркотиков. В кожаном рюкзачке у Кита ничего не обнаружили. Тогда он открыл большую сумку Аниты и первым делом с явным отвращением достал оттуда связку чеснока.

— Это для защиты, — ответила девушка на его вопросительный взгляд.

Кеннет Энгер предупреждал ее, что враги могут наслать на нее вампиров и чеснок должен помочь отогнать эту нечисть.

Полицейский покопался в сумке и выудил оттуда три одноразовых шприца и десяток пузырьков с неизвестной жидкостью.

— Я вынужден отвезти вас в участок в Чичестере, — сказал он удовлетворенно и усадил их в полицейскую машину, прежде чем врач успел сказать, что в таком состоянии их вряд ли можно допрашивать.

В участке Анита объяснила, что в пузырьках содержится витамин B12, который она колет себе с помощью пресловутых одноразовых шприцов. Был срочно вызван полицейский медик, подтвердивший, что ее рассказ вполне правдоподобен, а в склянках действительно находится витаминный раствор. Он также с раздражением добавил, что Анита повредила плечо и нуждается в немедленной госпитализации. Тогда полицейский, раскаявшись в содеянном, быстро отвез ее в находившуюся поблизости больницу св. Ричардса («Прекрасное имечко для больницы», — пошутил Кит). Там ей вправили плечо и дали успокоительное.

Наутро эту историю на все лады склоняли репортеры. Кит на «бентли» заехал за Анитой и отвез ее в лондонскую больницу. Сам он неделю прожил у меня на Мэйда-Вэйл, каждый день навещая Аниту. Спустя неделю она поправилась, ее можно было забрать из больницы и ехать домой. От травмы осталась небольшая шишка спереди на плече. «Теперь я больше не смогу носить платьев с низким вырезом», — вздыхала она.

Затем мы поехали в Редлэндс. Там мы в ожидании, пока Анита родит, охотились, гуляли и катались на машине по окрестностям. Ребенок родился восемнадцатого августа в больнице «Кингс Колледж». Меня удивило, как Кит отнесся к сыну («Он прекрасен, прекрасен!» — восхищался Ричардс). Они решили назвать его Марлоном. Кит часто бра и его из кроватки на руки и шептал ему, что они будут делать, когда тот немного подрастет.

— Мы все это сделаем вместе, ты и я, — говорил он. — И больше нам никого не надо.

Анита тоже была страшно довольна — после нескольких абортов она уже начинала сомневаться, что сможет родить.

— Он такой замечательный. И у нас будет еще много детей! — открыто радовалась она.

Позже, наедине, она сказала мне:

— Это хорошо, что Кит так сходит по нему с ума. Но иногда… иногда мне кажется, что он любит его больше, чем меня.

Далеко в Австралии Марианне снилось, что она умерла и идет по небу сквозь плывущие белые облака, приближаясь все ближе и ближе к Брайану. Она хотела быть с Брайаном, но когда добралась до него и попыталась взять его за руку, он отлетел немного назад, оставаясь в недосягаемости. «Возвращайся, Марианна, возвращайся, — прошептал он, и она поняла, что на самом деле она жива. — Тебе нельзя уходить со мной. Возвращайся». Постепенно сон ушел, словно сменилась сцена в фильме, и она обнаружила, что лежит на кровати под белым

потолком, а рядом сидит Мик и держит ее за руку — точно так же, как только что держал Брайан.

— Все хорошо, милая, — нежно говорил он, — не волнуйся.

— Дикие лошади не прогонят меня, — проговорила она фразу из своего сна и внезапно ощутила, что любит Мика и хочет быть с ним больше всего на свете.

Мик не сказал, что пока она была на грани смерти, он летал в Мельбурн сниматься в одной из сцен «Неда Келли». Карьера оставалась у Джаггера всегда на первом месте. А волноваться Марианне стоило вот о чем: подозрительные детективы и таможенники пытались обвинить ее в провозе и хранении натрий-амитала. К счастью, ее лондонский врач смог письменно подтвердить, что сам прописал ей это лекарство. К ней прилетела мать, и они целыми днями говорили друг с другом, а Мик работал над «Недом Келли».

Фильм казался ему неудачным. Джаггер не мог найти общий язык ни с директором Тони Ричардсоном, ни с Дианой Крэг, актрисой, взятой вместо Марианны и не утруждавшей себя даже тем, чтобы толком выучить свой текст. Сценарий был хуже некуда.

«Люди так не говорят», — доказывал Мик Ричардсону.

Нед Келли — австралийский преступник, приобретший в местном бедняцком фольклоре славу Робин Гуда. Рассказ о нем начинается с того, как его вместе с семьей увезли из Ирландии в страну кенгуру и аборигенов во второй половине девятнадцатого века. Потом его по несправедливому обвинению посадили в тюрьму. Когда через год он освободился, то обнаружил, что сестра неудачно вышла замуж, мать втянута в аферы с конокрадством, а брат сидит в тюрьме. Преследование со стороны полиции и местного землевладельца вынуждают его на преступление, а затем члены его шайки убивают троих полицейских. Полицейские устраивают на Келли облаву. Он достает оружие и самодельные доспехи для своей шайки и атакует поезд с полицейскими, едущими в Гленроуэн. В результате перестрелки из всех выживает только Келли. Его берут в плен, потом судят и вешают.

Приходя к Марианне, Джаггер избегал говорить о фильме.

— Это скучно и вряд ли будет иметь успех, — вот все, что он мог ей сказать.

Он не рассказывал ей, что чуть не лишился руки — в сцене перестрелки с полицейскими у него в старинном ружье взорвался патрон. На обожженную раненую руку ему наложили шестнадцать швов, однако Марианне Мик сказал, что повязка — просто часть его сценического костюма.

Джаггер предвидел, что фильм провалится. Так и случилось. Хотя он снимался уже после «Представления», но на экраны вышел раньше, и зрители восприняли его как актерский дебют Джаггера. Критики были единодушны в том, что Джаггеру лучше петь, чем сниматься.

«Облаченный в эти самодельные доспехи… он напоминает сардину в банке, — писал один журналист и радостно заключал: — А смертоносен он не больше, чем увядший салат…» Другой, более тактичный, отзывался мягче: «Он пытается выглядеть жестким парнем… но эти ужасные слова и сценарий…» А вот третья цитата: «Джаггер произносит слова, как кататоник, абсолютно без всякого выражения, пытаясь имитировать ирландский акцент, но не обращая внимания на смысл того, что говорит…»

— Да, они правы, — признавал Мик. — Но это не моя вина. Актер не может контролировать качество сценария и фильма. Музыку делать гораздо проще: здесь я могу изменять любые нюансы и детали. А если запись — дрянь, то я просто сотру и перепишу ее.

Марианна очень ослабела после передозировки таблетками.

Она отравилась так сильно, что никогда уже к ней полностью не возвращались прежние сила и жизнерадостность. Они с Миком полетели на выходные в Индонезию, пытаясь воскресить в памяти чудесное время, проведенное ими в домике на пляже в Южной Америке. Но было слишком поздно. Марианна считала, что именно Мик был повинен в смерти Брайана и почти довел до смерти ее саму. Она разлюбила его. Ее упреки раздражали его, вызывали у него чувство вины, и он видел, что их «браку» приходит конец. Однако, как случается со многими, он не был способен разорвать любовные отношения. Его отношения с Крисси Шримптон тянулись годы даже после того, как они вроде бы разошлись. Точно так же получилось и с Марианной.

Когда они вернулись на Чейн-Уолк, Марианна проводила одна почти каждый вечер, в то время как Мик уходил «работать». Пожалуй, Марианна была единственной из лондонской рок-тусовки, кто не знал, что Мик влюбился в Маршу Хант. Ему нравилась в ней мягкость, доброта и проницательный ум, которыми она так напоминала ему Марианну. Но вдобавок Марша любила его, поддерживала во всем и не винила в смерти Брайана. Брайан, господи… Черт, ну и что же ему теперь делать с этой смертью Брайана?

За африканскую прическу он прозвал Маршу Фуззи-Вуззи. Он часто проводил ночи у нее на квартире в Сенг-Джон-Вуд. Они слушали музыку, курили траву и занимались любовью. Он не мог

заставить себя окончательно порвать с Марианной. Собственно, он и сам не знал в тот момент, чего хочет.

Марианна не спрашивала его, где он был, точно так же как и он ни о чем не спрашивал ее, когда она снова села на героин. Они никогда ни в чем не отчитывались друг перед другом. Но Марианна понимала: если она хочет жить дальше по-другому, ей надо уйти от него.

— Понимаешь, Тони, — говорила она мне, — я потратила огромную часть своей жизни на то, чтобы быть при Мике, — вместо того, чтобы заниматься самой собой. И теперь мне надо уйти и показать всем, на что я способна. Доказать, что я не шлюха и не блудливая падшая женщина.

Наконец «Роллинг Стоунз» отправились в первое за три года американское турне. Марианна, взяв с собой маленького Николаса, переехала жить к матери, в домик с соломенной крышей в глуши Беркшира.

Когда Джаггер улетел, Марианна решила, что участь средневековой женщины, проводившей супруга в крестовый поход и терпеливо ожидающей дома его возвращения, ее не устраивает. Она хотела отдохнуть душой и пожить своей жизнью. Она начала общаться со старыми друзьями, и у Роберта Фрейзера встретила Марио Шифано, кинопродюсера-миллионера. Она встречала его и прежде, и он ей нравился, но тогда рядом был Мик, и ни о каких отношениях не могло быть и речи. А теперь Мик был далеко; кроме того, Марианна в конце концов узнала о его отношениях с Маршей. Так что когда Марио предложил переспать с ним, она с радостью согласилась.

Он подарил ей норковую шубу, постоянно говорил, что любит ее, и наконец улетел с ней в Рим. Джаггер, когда до него в Америке дошли слухи об уходе Марианны, был взбешен: глупая дура наставляет ему рога, подрывает его авторитет, и над ним теперь смеются! Что ж, ладно, так легко он ей этого не простит.

А она радовалась возможности отплатить Мику за все те унижения, которым он подвергал ее. Она давала интервью и рассказывала о своем новом мужчине.

— Марио, — говорила она, — это моя истинная любовь, мой Прекрасный Принц.

«Роллинг Стоунз» были уже настолько знамениты, что даже слухи об их приезде в Германию могли спровоцировать беспорядки. Когда «Honky Tonk Women» блистала на первых местах всех хит-парадов, в Восточном Берлине прошел слух, что «Роллинг Стоунз» приедут в Западный Берлин и отыграют концерт на крыше дома, принадлежащего издателю Акселю Шпрингеру. Западные берлинцы решили, что смогут посмотреть

на «Роллинг Стоунз» в бинокли и послушать издали их музыку. В итоге около десяти тысяч фанов, словно молодые бойцы Красной армии, собрались у Берлинской стены. Пограничники набросились на толпу молодежи, в ход пошли дубинки, сапоги и кулаки. Наконец их разогнали — с помощью бронированных автомобилей — и больше сотни человек упрятали за решетку. Между тем самих музыкантов в то время в Германии не было, и никакого концерта ни у кого на крыше они давать не собирались.

18

Подростки были в ярости. «Роллинг Стоунз» обещали, что выйдут на сцену в полночь, но вот уже четыре утра, а их нет и в помине. «Что вы вообще о себе возомнили»?» — кричал молодой парень с куполообразной прической, одетый в футболку цвета хаки, обращаясь к огромной пустой сцене «Инглвуд Форум» в Лос-Анджелесе. Его крик подхватили другие, и скоро в зале началось настоящее столпотворение. Гнев зрителей подогревало то, что многие знали из газет о завышенной цене билетов. Джаггер же заявил, что цена билетов назначена владельцем площадки. В других статьях обсасывались слова «Роллинг Стоунз», что их выступления — самые дорогие в мире. Вся эта шумиха вокруг билетов и группы настолько разозлила одного из самых уважаемых промоутеров в Америке, Билла Грэхэма, что он сказал репортеру: «Может быть, Мик Джаггер и хороший исполнитель, однако как человек он — эгоистичный болван».

Казалось, впервые за свою карьеру Мик и Кит так сильно оторвались от реальной жизни. Они настолько одурели от лести поклонников, что уже почти поверили в то, что они для многих и Сатана и Господь Всемогущий в одном лице.

Поначалу, когда они только приехали, поклонники действительно были в восторге. Столь любимые Америкой «Битлз» не появлялись в Штатах уже три года, и молодежь начинала потихоньку понимать, что Джон, Пол, Джордж и Ринго близки к тому, чтобы возненавидеть друг друга. Боб Дилан не давал концертов. «Роллинг Стоунз» оставались последними рок-гуру шестидесятых, которые до сих продолжали концертную деятельность.

С того момента, как они прибыли в Лос-Анджелес, их просто осаждали молодые девицы, жаждущие удовлетворить в постели любые их желания, и дилеры, почтительно предлагавшие им фармацевтический кокаин, чистейший героин и крепчайший гашиш. Стоило Мику, Киту или даже Биллу Уимэну зайти в лос-анджелесский клуб «Виски Гоу-Гоу», как их сразу же усаживали на лучшие места и делали все, чтобы «Роллингам Всемогущим» было удобно и комфортно. И всегда рядом было много девушек — красивых, стройных, смотрящих на них широко раскрытыми глазами, блондинок, брюнеток и рыжих, шепчущих на ухо привлекательные обещания касательно оргий, оральных ласк и бог знает чего еще.

Поначалу Мик с удовольствием осуществлял свои давние фантазии — например, позабавиться с тремя девушками

одновременно, однако вскоре это ему приелось, и он обратился к более простым удовольствиям. Как и Кит, он начал предпочитать понюшку кокаина, требующую гораздо меньше эмоциональных затрат. Иногда к ним присоединялся Мик Тэйлор или кто-нибудь другой из музыкантов. Репортеры радио, газет и телевидения следили за каждым их шагом, подобострастно рассказывая миру о том, кто из них простудился, где они покупают гитарные струны и кто поцеловал красивую девушку.

Первый гастрольный концерт в Форт Коллинзе, штат Колорадо, музыканты отыграли с очевидным легким высокомерием — как генеральную репетицию. На следующий, в «Инглвуд Форум», они опоздали на четыре часа. Однако слушатели забыли о своих обидах и возмущении, как только Мик Джаггер вышел и затанцевал по сцене, одетый во все черное, словно сам Вельзевул, а Кит наклонил голову и извлек первые волнительные аккорды «Jumpin'Jack Flash».

И тут уставшие, одурманенные кислотой слушатели вскочили на ноги и все как один бросились в проходы танцевать. Джаггер прекрасно чувствовал пульсирующую энергию зала, и все усиливал звук, ускорял свой танец, двигаясь все энергичнее, пока музыка «Роллинг Стоунз» не заполнила все здание. Когда группа заиграла гипнотизирующий вудуистский ритм «Gimme Shelter», подростки начали просто сходить с ума и рванулись к сцене сквозь ряды изнуренных охранников. Потом все немного успокоилось, и Джаггер сказал несколько слов, объявляя, что сейчас споет «Midnight Rambler». Эта песня была еще неизвестна местной молодежи, и аудитория немного расслабилась, приготовившись внимательно слушать. Но Джаггер вовсе не намерен был отпускать их. Начался панегирик Мика бостонскому душителю — и это была, наверное, одна из самых страшных вещей «Роллинг Стоунз». Мик вошел в роль, разыгрывая пантомиму, делал выпады в сторону слушателей, хлестал по сцене своим большим, усеянным тяжелыми заклепками поясом (и всем в зале казалось, что он хлещет не сцену, а их самих). Затем «Роллинг Стоунз» вновь обратились к теме сатанизма и заиграли «Sympathy for the Devil» с первобытными вскриками и ритуальным ритмом барабанов.

Это стало кульминацией. Энергия закрутила зал, и внезапно слушатели пришли в неистовство. Человек в черной кожаной куртке попытался вскочить на сцепу, отбиваясь от охранников, стоявших между ним и «Роллинг Стоунз». В зале началась потасовка, все стремились пробраться к сцене. Первые десять рядов были наполнены обезумевшими, кричащими и дерущимися людьми. Джаггер встревожился и попросил включить свет. Но от

этого стало только хуже. Тогда позвали полицию, которая навела порядок. Многих арестовали.

За эти два ночных концерта «Роллинг Стоунз» получили 150 тысяч фунтов. Это была рекордная сумма, которую ни одна из групп прежде не зарабатывала за один вечер.

Пока шли гастроли, Джаггер, казалось, наслаждался своей способностью управлять толпами слушателей и их настроением, то приводя их восторг, то пугая.

За сценой он тоже казался всемогущим. Постепенно забирая себе полномочия Аллена Клейна, Мик получил возможность управлять многомиллионными заработками группы.

Он нанял принца Руперта Левенстайна в качестве личного финансового консультанта.

Требования «Роллинг Стоунз» становились все скандальнее. Всем промоутерам выдавался длинный список с дюжиной наименований различной еды и выпивки, которые надлежало доставлять им прямо в комнату, где они переодевались перед концертом. В списке, например, присутствовало охлажденное вино «Блю Нан», шесть бутылок текилы, свежее холодное мясо, персики и хлеб. Цены на билеты взлетели до невообразимых высот. Почти каждый концерт «Роллинг Стоунз» начинали с опозданием. Но даже те журналисты, которые осуждали Роллингов, признавали: группа теперь настолько известна и сильна, что даже отрицательное общественное мнение не может ей серьезно повредить. На пресс-конференции в гриль-баре «Рэйнбоу» в Нью-Йорке репортера, вставшего на стул, чтобы задать вопрос Мику, грубо сдернули на пол официанты, после чего даже произошла небольшая потасовка.

А следом нарастала неизбежная отрицательная реакция, которая спустя несколько недель увенчалась кровью и смертью. В «Нью-Йорк Таймс» Альберт Голдман сравнивал Мика Джаггера с Адольфом Гитлером. Другие журналисты также осуждали «Роллинг Стоунз» за постоянные опоздания, грубость и жадность.

Кит, как мог, старался избегать конфликтов. Сейчас для него самым важным был кокаин. Иногда он нюхал его трое суток подряд и все это время не спал ни минуты. После этого наступала ломка, и он двадцать часов мог рвать на себе одежду, включая даже ботинки.

Контрастом к их буйным гастролям служил Вудсток — трехдневный фестиваль мира и любви, собравший во второй половине августа около 450 000 подростков недалеко от деревеньки Вудсток на севере штата Нью-Йорк. Лучшие рок-музыканты приехали поиграть там бесплатно. Фестиваль, как объявлялось, знаменовал собой начало нового золотого века,

времени, когда хиппи смогут побороть фальшь и лицемерие своих родителей. Те, кто рекламировал фестиваль, прекрасно понимали, что хиппи тоже едят и пьют, и льстиво называли их «Нацией Вудстока» или «Поколением Вудстока», надеясь распродать на мероприятии огромное количество фильмов, записей и кока-колы.

На самом же деле Вудсток, как и большинство событий в музыкальном бизнесе, не был таким уж спонтанным и таким уж прекрасным, как хотелось верить большинству подростков. «Уорнер Бразерс» (те самые, что отвергли «Представление»), пользуясь случаем, решили снять фильм об этом фестивале, надеясь, что он станет сенсацией.

Джаггер был задет тем, что его старые знакомые «Зе Ху» объявляются чуть ли не звездами этого будущего блокбастера. Это казалось ему страшно несправедливым. На концерт «Роллинг Стоунз» в Гайд-парке тоже собралось огромнейшее количество «детей цветов», но, к сожалению, никто его не заснял, хотя концерт и показывали по телевидению. Тогда он нанял двух собственных кинорежиссеров, Альберта и Дэвида Мэйслесов, чтобы они сняли полнометражный фильм о турне «Роллинг Стоунз».

— А почему бы вам не устроить бесплатный концерт в Сан-Франциско по окончании гастролей? — предложил Мику Джерри Гарсиа, лидер «Грейтфул Дэд». — На него может собраться и миллион зрителей, и это может стать венцом вашего фильма.

Джаггер ухватился за эту идею. Для него это был еще один шанс доказать, что он величайшая рок-звезда в мире.

— Вудсток по сравнению с нашим концертом будет выглядеть мелким событием, — хвастал он.

Он попросил братьев Мэйслес закончить фильм о группе до Вудстока.

— Конечно, — говорил он, — мы закончим его до середины марта, за целый месяц до Вудстока. Мы поразим всех этим фильмом!

Некоторые беспокоились о том, как поддерживать порядок в такой огромной толпе.

— Не стоит беспокоиться, — отмахивался Мик, — Джерри Гарсия нанял для этого «Ангелов Ада». Разве вы не помните, как прекрасно работали английские «Ангелы Ада», когда «Роллинг Стоунз» играли в Гайд-парке?

После беспорядков в Лос-Анджелесе Джаггер стал вести себя немного сдержаннее — так, чтобы аудитория достигала грани истерики, но грань эту не переходила. Он наслаждался своей властью, способностью манипулировать огромными залами,

полными людей, словно марионетками. Он мог по желанию заставить их плакать, кричать от восторга или смеяться. Впервые «Роллинг Стоунз» действительно зарабатывали огромные деньги на гастролях. В прошлом дорожные расходы съедали почти всю сумму гонорара, и домой группа возвращалась ни с чем. В этот же раз у них было больше миллиона долларов на всех — уже за вычетом всех расходов.

Астрологи, экстрасенсы, колдуны — все давали негативный прогноз относительно бесплатного шоу в Сан-Франциско, а в этом, самом духовном и мистическом городе в мире такие прогнозы воспринимались серьезно.

— Это будет очень тяжелый день, — предупреждал один астролог. — Солнце, Венера и Меркурий в Стрельце, а Луна на куспиде Весов и Скорпиона.

Другой предсказывал опасность:

— Странно, перед тем как назначить дату Вудстока, с астрологами проконсультировались, а сейчас нет. Любому понятно, что с Луной в Скорпионе это будет ужасный день для концерта. Велика вероятность насилия и хаоса, это скажет вам любой астролог. Конечно, может быть, «Роллинг Стоунз» знают что-то, чего я не знаю.

«Роллинг Стоунз» слышали такие предупреждения и раньше, однако концерты проходили нормально. Отложить же этот концерт означало отложить фильм и потерять надежду превзойти Вудсток.

Кроме того, Мика смущало содержание одной театральной пьесы, которая пользовалась успехом среди калифорнийского андеграунда. Это была история рок-музыканта, суперзвезды, добившегося популярности, сравнимой с популярностью мессии, который чувствует, что на пике успеха его должны убить, как Христа, после чего его ждет бессмертие. Имя певца не упоминается до самой кульминации, когда в середине концерта юнец закалывает его ножом на сцене, а фаны кричат: «Мика убили… Мик убит…»

— О нет, — произнес Джаггер, когда ему об этом рассказали. — Стоит одному психу посмотреть пьесу — и может произойти что угодно.

А в Калифорнии было примерно 10 миллионов таких психов.

Организовать бесплатный концерт оказалось действительно нелегко. Выступление должно было происходить в Голден-Гейт-парк, сан-францисском аналоге Гайд-парка, но в последний момент городские власти отказались выдать разрешение. За четыре дня до концерта группе предложили перенести ею на гоночную трассу Сирс-Пойнт-Рэйсвэй, находившуюся за городом.

Грузовик группы торжественно вкатился на трассу, и Чип Монк, лучший в мире осветитель рок-концертов, приступил к возведению прожекторных вышек и установке громоздкого, с кучей проводов, сценического оборудования. Все шло нормально до следующего дня, когда Джаггера все же нагнала его карма. Его резко осудили за бесцеремонное обращение с промоутерами во время гастролей. Обиженные организаторы из компании «Консерт Ассошиэйтс», которые продюсировали гигантские дорогостоящие шоу в Лос-Анджелесе, прослышали про бесплатное мероприятие и с радостью поняли, что их головная компания «Филмвэйз» является совладельцем Сирс-Пойнт-Рэйсвэй. На спешно созванном совещании группе вскоре сообщили, что «Филмвэйз» пересмотрела свое решение о бесплатном предоставлении трассы группе и теперь хочет получить 75 000 фунтов наличными или права на реализацию фильма о туре. Кроме того, компания требовала залог в 75 000 фунтов за возможный ущерб трассе.

— Мы не допустим, чтобы нас так кидали, — протестовал Джаггер. — Мы будем выступать посреди улицы, если понадобится. Субботнее шоу состоится и будет бесплатным.

Был четверг.

Радиостанции каждый час передавали сводки о том, как продвигается подготовка к концерту. Неожиданно бизнесмен по имени Дик Картер, владевший гоночной трассой под названием Альтамонт в пятнадцати милях от города, заявил, что бесплатно предоставит эту трассу группе. Шум вокруг мероприятия должен помочь бизнесу, считал он. Сделка была совершена всего за двадцать часов до запланированного начала шоу, и все промоутеры, бизнесмены и музыканты качали головами и говорили, что начать в срок не удастся. Даже если прибудет всего половина от ожидаемого миллиона людей, совершенно невозможно подготовить достаточное количество туалетов, мест для отдыха, медпунктов и охраны всего за один день. Но это были Шестидесятые, и это были «Роллинг Стоунз», боги современного поколения, поколения, для которого удовольствия и гедонизм были всем, а счастье, энергия, ясность и богатое воображение достигались посредством нужного вида наркотиков. Это старики говорили, что подобные вещи сделать невозможно; сами же мы знали, что завоевали мир и можем все, что слова «не могу», «не должен», «не будет» искоренены из нашего лексикона насовсем, так же как идея об аморальности секса с незнакомцами выброшена из нашего мировоззрения.

Только самые фанатичные хиппи были недовольны. «Роллинги используют место, предназначенное для разрушения посредством движения, и, кроме того, положение звезд

неблагоприятное. Вдобавок, они пригласили для охраны «Ангелов Ада», самых злобных людей на земле, — предупреждали они. — Все предвещает недоброе в этот день».

— Чушь, — сказал на это Джаггер.

Он приказал Чипу Монку переместить сцену и освещение в Альтамонт, пока другие работники обрисовывали прессе детали будущего выступления. В два ночи Мик и Кит вылетели на место, чтобы посмотреть, как там дела. Сцена была уже наполовину установлена, а грузчики подвозили огромные колонки мощностью в 10 000 ватт. Между жужжащих, как осы, генераторов и прожекторов у костров лежало в спальниках великое множество людей, словно армия короля Генриха перед битвой при Азенкуре. Джаггер был одет в темно-красный бархат и, как многие считали, походил на Люцифера. Подбежала девушка и крепко поцеловала его в щеку; парень с волосами до пояса предложил косяк; еще одна девушка повязала ему на шею шарф.

Мир и любовь царили повсюду.

— Это будет последний и самый большой концерт Шестидесятых, — объявил Джаггер.

Многие полагали, что это выступление станет подтверждением идеи Вудстока: Эра Водолея наконец началась.

Кит, как и всегда во время этого тура, так обдолбался кокаином, что не мог спать и проводил ночь, слоняясь по лагерю и разговаривая с хиппи.

— Иди домой без меня, — сказал он Джаггеру. Журналистам же он объяснял: — Я тут тусуюсь, чтобы почувствовать вибрации. Это круто. Куда бы я ни пошел — везде оттяг. Люди сидят вокруг своих костров, все классные, ловят кайф. Всё очень здорово.

Да, это было здорово. Сначала. К середине утра в окрестностях уже находилось больше четверти миллиона человек, начался хаос; еду и питье стало купить почти невозможно. Очереди за водой к кранам были в сотни метров длиной, а посетить один из немногочисленных туалетов означало простоять в очереди по крайней мере полчаса. Мест для парковки не было — машины оставляли на обочине дороги на протяжении 16 километров от места. На месте же было полно плохой кислоты, и везде ходили люди, наевшиеся ее. Народ убивался в хлам, чтобы скоротать долгие часы ожидания, пока начнется музыка, — мексиканская трава, дешевое калифорнийское вино, амфетамины; было все равно, какие наркотики употреблять, если другие кончались.

К середине дня практически все были под кайфом. Мощное истерическое эмоциональное состояние тысяч людей, которые были под ЛСД, заражало. Все присутствующие чувствовали себя

так, будто тоже закинулись хорошей дозой кислоты. «Ангелы Ада» были уже пьяны.

«Роллинг Стоунз» выдали им огромное количество выпивки в уплату за охрану места, а теперь они начали закидываться кислотой, грозя фанам бильярдными киями, словно гвардейцы, теснящие студентов назад дубинками.

Все пошло наперекосяк — фестиваль любви на глазах превращался в катастрофу. Один человек почти насмерть разбился, пытаясь взлететь с автомоста, — он был под кислотой. На другом конце лагеря звал на помощь парень, упавший в глубокую дренажную канаву. Обдолбаные хиппи ошеломленно смотрели, как он тонет. Кажется, никто не понимал, настоящий он или галлюцинация. Но было уже все равно; он утонул. Еще где-то суетились врачи, принимая преждевременные роды у истеричных девиц.

Спонтанно возникали драки. Люди резали друг друга ножами и въезжали в толпу на машинах — началась ужасающая массовая истерия и паранойя. В то же время в самой гуще этого безумия танцевали голые «дети цветов» с маргаритками в волосах, как херувимы, которых вдруг сослали в Ад и которые еще не поняли, где они находятся. Многие думали, что, как только начнется музыка, наступит мир, все успокоятся, вернутся прекрасные вибрации раннего утра, но этому не суждено было случиться. Начал играть Сантана — очень поздно, на установку его оборудования потребовалось много времени. Когда молодежь принялась проталкиваться к сцене, чтобы лучше видеть музыкантов, «Ангелы Ада» слегка испугались огромной толпы слабых и мирных хиппи, ломящейся в их направлении. Они набросились на них со своими киями, проламывая головы, ломая носы, зверствуя, словно гестаповцы. Девушки визжали, плакали; парни с длинными волосами отходили назад, шатаясь, истекая кровью, слишком удолбанные, слишком сбитые с толку, чтобы понять, что происходит.

— Драки начались, потому что «Ангелы Ада» начали избивать народ, — сказал позже Карлос Сантана. — Все произошло так быстро, что мы не поняли, что происходит. Там было дофига народу под кислотой. Когда я играл, то видел со сцены одного парня с ножом, который искал, с кем бы подраться. Постоянно кого-то резали и разбивали кому-то головы.

Ко времени выхода «Джефферсон Эйрплэйн» пространство перед сценой напоминало сюрреалистическую преисподнюю. Один из «Ангелов Ада» в шутку сделал вид, что хочет нанести другому каратистский удар, за что тут же получил ботинком в пах.

— Даже не думай со мной такую херню делать, урод, — пробормотал, отходя, Ангел в ботинках со стальными носами. Пятнадцатилетний мальчик слепо бродил в толпе, шатаясь и не видя ничего вокруг, потому что глаза ему заливала кровь, текшая из раны на голове. На сцене было больше «Ангелов Ада», чем музыкантов, и они сидели, словно страшные горгульи, качая своими окованными железом ботинками точно на уровне лиц зрителей под сценой.

Вокалист «Джефферсон Эйрплэйн» Марти Бэйлин уже почти начал «We Can Be Together», когда вдруг на сцену прыгнул испуганный чернокожий, за которым гналась толпа Ангелов. Он был забит киями почти до потери сознания, а группа и полмиллиона зрителей наблюдали за сценой в бессильном ужасе. Затем его, кашляющего кровью и осколками зубов, сбросили на землю. Он побрел, шатаясь, прочь от сцены походкой оглушенного животного, но Ангелы его снова догнали. В этот раз по граду ударов было понятно, что человека забьют до смерти, если никто не вмешается. Бэйлин был так поражен, что спрыгнул со сцены и бросился к месту драки, крича, чтобы Ангелы остановились. Один из амбалов обернулся, спокойно посмотрел на Бэйлина, поднял свой кий и ударил его в лицо. Вокалист упал без сознания. На сцене Пол Кантер начал неистово ругаться на Ангелов, но у него из рук вырвали микрофон. У другого микрофона стояла Грэйс Слик и, не веря своим глазам, яростно кричала: «Да что, вашу мать, тут творится?» Ситуация полностью вышла из-под контроля, но «Джефферсон Эйрплэйн» все еще не могли смириться с тем, что ничего не могут сделать. Они нерешительно отыграли еще одну композицию, но все было бесполезно — толпа у сцены представляла собой сплошное побоище, первобытное и жестокое; мелькали ножи, были слышны удары киев и повсюду лилась кровь.

Именно здесь утопический миф поколения мюзикла «Волосы» и «Роллинг Стоунз» лопнул, обнажив внутреннюю гниль. Анархия, которую проповедовали эти ребята, существовала лишь при поддержке цивилизованного общества, которое они презирали. Но в Альтамонте не было ни военных, ни бизнесменов, ни взрослых — только чистая, кровавая реальность этой самой анархии. Там царила вседозволенность, которой так долго хвастались «Роллинг Стоунз», та самая свобода для всех, которой они соблазняли нас с экранов телевизоров и строчек газет Она выглядела уродливо, безумно, слепо, черно и ужасающе.

А на юге Калифорнии другой фанат «Роллинг Стоунз» учил своих учеников тому образу жизни, который отражал его

понимание идеала свободы. Имя его было Чарлз Мэнсон.

Джаггер удовлетворенно улыбался, когда его вертолет низко пролетел над стадионом.

— Боже, — сказал он Мику Тэйлору, — ты когда-нибудь в жизни видел столько народу в одном месте?

Сверху им были видны дети, танцующие обнаженными, люди, одетые в атлас и бархат, а вокруг расстилались безводные пространства пустыни. Это было красиво.

«Ангелы Ада» только было расчистили проход от вертолета, как вдруг длинноволосый человек с безумными глазами пробился сквозь толпу и дал пощечину Люциферу, ответственному за этот бардак.

— Ненавижу тебя, ненавижу тебя, — кричал он, пока Ангелы не заставили его замолчать.

Джаггер был явно потрясен, но его быстро отвели к трейлеру за сценой, который служил гримеркой для группы. Кто-то быстро сказал, что был избит Марти Бэйлин, но музыкантов, казалось, больше интересовал яркий диск размером с ноготь большого пальца, весь день висевший над стадионом.

— Похоже, даже марсиане прилетели посмотреть шоу, — сказал кто-то, смеясь, Джаггеру. Мик и Кит потягивали вино, закусывали сэндвичами с копченой лососиной и иногда высовывали головы и руки из трейлера, чтобы дать пару автографов.

Спокойная фолк-музыка «Флаин Буррито Бразерс», кажется, успокоила толпу. Когда Джаггер незаметно вышел на заднюю часть сцены, не было видно никакого насилия. Похоже, буря улеглась. Он пошел назад в трейлер дальше пить вино и слушать новые шутки. Затем на сцену вышли «Кросби, Стилз, Нэш энд Янг» и заиграли так красиво, что толпа вновь заволновалась. «Ангелы Ада» предприняли небольшой блицкриг, и дюжины ничего не понимающих, сбитых с толку молодых людей были жестоко избиты киями.

Музыканты в трейлере были слегка озабочены, но нельзя сказать, чтобы они сильно беспокоились; всем их концертам за последние пять лет сопутствовала атмосфера насилия и анархии. Часто тысячи людей арестовывали еще до того, как Роллинги выходили на сцену. Но в своем деле они были профессионалами и знали все, что было нужно знать о бунтующей молодежи и том, как контролировать аудиторию. Так что они привыкли к такой атмосфере и были гораздо опытнее по сравнению с такими довольно безобидными группами Западного побережья, как «Джефферсон Эйрплэйн».

Они вели себя абсолютно так же, как и всегда, сидя в

гримерке, заставляя аудиторию ждать, давая ей время забыть о предыдущей группе, возбуждая у фанов голод по ядерной мощи музыки величайшей рок-группы в мире. Однако в этот раз музыканты медлили даже дольше, чем обычно; это шоу должно было стать кульминацией их фильма, и они ждали ночи, чтобы головокружительный костюм Джаггера и сверкающие разноцветные огни смогли создать потрясающую волшебную атмосферу на выступлении «Роллинг Стоунз».

Толпа стала еще злее. Сумерки принесли жгучий холод ночной пустыни, и слушатели, многие из которых ничего не ели весь день, начали дрожать, одетые в летнюю одежду.

«Ангелы Ада» тоже были злы; фестиваль стал их фестивалем, а сейчас эти английские педики проверяли их на прочность, заставляя ждать на этом гребаном холоде, твою мать. Наступил предел их терпению.

Даже внутри трейлера Ангелы, которые охраняли музыкантов, начали торопить Мика.

— Джаггер так кичится всем происходящим, — сказал один Ангел репортеру. — Мы им говорим: «Эй вы, знаете чего? Там, мать вашу, полмиллиона народу ждет, а вы тут тормозите». А он в ответ: «У меня грим ночью лучше смотрится».

«Роллинг Стоунз» тянули полтора часа, прежде чем выйти на сцену. Джаггер был окружен стаей демонических «Ангелов Ада», его атласная накидка сияла красным в свете прожекторов. Для многих он был Люцифером; разрешая Ангелам присутствовать рядом с собой, он одобрял ту жестокость, которую они несли. На сцене было полно шкафообразных фигур, они равнодушно слонялись по ней, пока группа начинала «Jumpin' Jack Flash». Они стояли так плотно, что Джаггер не мог танцевать и прервал песню, чтобы как-нибудь отодвинуть 150 человек хоть немного назад. Тут Ангелы заметили полуголого парнишку, пытавшегося забраться на сцену, и кто-то из них пнул его в лицо ботинком — достаточно сильно, чтобы сломать челюсть. Он вернулся снова, чтобы получить еще, обдолбаный настолько, что, похоже, был готов быть забитым до смерти. Внизу, среди зрителем, один из Ангелов ехал сквозь толпу на своем огромном «Харлей Дэвидсоне», сбивая всех, кто не спешил убраться с его пути. Он делал это на спор, как потом выяснилось.

Следующей композицией была «Carol», старая добрая рок-баллада. Как ни странно, несколько зрителей во время песни сбросили одежду и начали пробираться к сцене, как будто она была алтарем, чтобы сделаться там жертвами ботинок и киев «Ангелов Ада». Чем больше их били, тем больше они стремились принести себя в жертву этим прислужникам сатаны, будто бы

подталкиваемые какой-то сверхъестественной силой. Насилие перешло все мыслимые границы. Это походило на какой-то первобытный ритуал: жертвы не только терпели боль и зверства, но и активно им содействовали. А затем монотонные вудуистские удары барабана и первобытные крики начали вторить друг другу — это «Роллинг Стоунз» играли свою песню, воспевающую Антихриста. Еще одна жертва — обнаженная девушка — забралась на сцену, и сразу шесть Ангелов набросились на нее, чтобы скинуть вниз, как какой-то человеческий мусор.

Джаггер не мог больше игнорировать происходящее. Он прервался на полуслове и тихо пробормотал:

— Всегда что-нибудь происходит, когда мы начинаем эту песню… — Ангелы пропустили его слова мимо ушей и продолжали избиение маленькой беззащитной девочки. — Парни, я уверен, что все вы не нужны, чтобы с этим справиться, — сказал он, прервав песню во второй раз. — Достаточно одного.

Ангелов взбесил его сарказм, но пятеро все-таки отошли назад, оставив одного добивать ребенка кием.

«Sympathy for the Devil» вызвала пик негативной энергии, бушевавшей в толпе.

Джаггер еще потанцевал, спел еще несколько строк, затем в панике повернулся к Мику Тэйлору и заорал:

— Мать твою, там кто-то… там чувак целится в нас из пистолета!

Ангел упал на пол, чтобы в него не попала пуля, предназначенная Мику Джаггеру. Телохранитель хренов! Кит и Мик Тэйлор, оба заметившие чернокожего парня в зеленом костюме, который целился в Джаггера, прекратили играть.

Да, кто может быть в безопасности в стране, где псих может убить самого популярного президента страны?

Джаггер недоверчиво пригляделся, потом отошел на заднюю часть сцены. Он больше не видел человека с пистолетом. Тот исчез за толпой «Ангелов Ада». С музыкантов «Роллинг Стоунз» вдруг слетела вся харизма и величие. Они выглядели маленькими и испуганными. Джаггер, в частности, был похож на обреченную, тонкую прозрачную фигурку, на принца фей, который больше не может сопротивляться гоблинам. Калифорнийская пьеса, в которой Джаггера убивают на сцене, вот-вот могла стать реальностью. Он никогда еще не был так подавлен и испуган, как сейчас. Впрочем, ничего подобного прежде и не происходило.

— Братья и сестры, успокойтесь… — произнес он слабо и неуверенно. — Давайте все успокоимся, и нам станет клево! Мы все хотим, чтобы нам было клево! — Но в этот момент даже его сленг прозвучал глупо и неубедительно.

В этот день с романтикой хиппового сленга, Эры Водолея и «власти цветов» было покончено. Великая мечта Шестидесятых развеялась. Этот день стал переломным, нужно было только немного времени, чтобы новость распространилась по миру. 6 декабря в Альтамонте, штат Калифорния, все прекрасные идеалы и фантазии Шестидесятых увяли и умерли, как цветы под гербицидным дождем.

— О'кей, я думаю, все остыли, и мы можем сыграть одну классную вещь. Всегда, когда мы ее играем, случается что-нибудь странное, — добавил Джаггер.

Но с духом он так и не собрался. Кровавая драка перед сценой не прекращалась. Ангелы почувствовали кровь; в воздухе витала смерть. Мелькали настоящие ножи, — «Роллинг Стоунз» всегда заигрывали с насилием, хаосом и силами тьмы, но теперь все далеко вышло за рамки игры — Ангелы вели себя словно собаки, сорвавшиеся с цепи, а ошеломленные музыканты в беспомощном ужасе наблюдали за происходящим.

— Если ты не остановишься, то… — пропищал Джаггер одному особенно кровожадному Ангелу. На Ангела это не произвело никакого впечатления. Теперь вся надежда была на Кита. Он был самым сильным, единственным из группы, кто никогда не бежал от драки.

— Кончайте дурить! — закричал он. — Эй, без глупостей, а то мы больше не будем играть!

«Ангел Ада» протопал по сцене, вырвал микрофон у Кита и проорал:

— Пошел ты на…!

— Кого-то убили, — прошептал на ухо Джаггеру какой-то человек, и они прекратили играть. Внизу сквозь толпу зрителей пробирался врач — посмотреть, нужна ли помощь. Он нагнулся над человеком, истекающим кровью, которая шла из колотых ран по всему телу и лицу. Тот еще дышал. Люди с носилками побежали в медпункт. Но было поздно, слишком поздно. Парень умер через несколько минут.

Это был тот самый человек, который целился в Джаггера. Его звали Мередит Хантер, и ему было всего 18 лет.

Никто точно не знал, зачем он целился заряженным пистолетом в Джаггера, но, скорее всего, он был еще одной жертвой, пытавшейся отпугнуть Ангелов. Более чем вероятно, что пистолет был направлен в сторону сцены по чистой случайности.

Мередит пришел на концерт со своей красивой подругой-блондинкой, это не понравилось «Ангелам Ада», чьи политические убеждения были сродни фашистским: они не любили видеть чернокожих с белыми девушками. Особенно с

красивыми белыми девушками.

Огромный шкафоподобный Ангел подошел к Мередиту и схватил его за волосы, желая спровоцировать драку, победить в которой у черного парня не было никаких шансов. Мередит смог вырваться, разозленный унижением на глазах своей девушки, на которую он пытался произвести впечатление. Началась драка; на помощь своему товарищу подбежали еще пять Ангелов, и Мередит попытался скрыться в толпе. Один Ангел догнал его, схватил за руку и ударил ножом в спину. Нож глубоко не проник, но Мередит уже понял, что ему придется спасать свою жизнь. Он выхватил из кармана пистолет и направил его на Ангела.

— Ради бога, не застрели никого! — закричал кто-то. Мередит был всего в нескольких ярдах от сцены и видел, как музыканты в ужасе глядят на него, продолжая играть «Sympathy for the Devil».

Затем «Ангелы Ада» навалились на него, словно стая волков. Один вырвал пистолет у него из рук, другой ударил его ножом в лицо, затем начал исступленно колоть в спину, пока у парня не подогнулись колени.

Когда он уже был на земле, Ангелы набросились на него и стали избивать ногами, били ботинками в лицо, сломав ему челюсть и нос. Везде была кровь. Другой Ангел ударил его по глазам стальным ведром.

Оглушенная жестокостью дня, боящаяся теперь за свои жизни аудитория и не пыталась помочь Мередиту Хантеру — поразительно, если учитывать, что их было больше, чем «Ангелов Ада», в 10 000 раз. Когда Ангелы закончили с Хантером, несколько человек попытались оказать ему помощь, но один из Ангелов охранял его неподвижное тело.

— Не трогай его, — угрожающе сказал он. — Он по-любому умрет, так дай ему умереть.

В конце концов охраннику надоело так стоять, и он ушел в сторону сцены. Двое человек сорвали рубашку с Мередита, но на нем было столько ран, что было просто непонятно, с чего начинать первую помощь. Они стали истошно звать врача; «Роллинг Стоунз» в этот момент перестали играть, и их крики стало слышно. Начинались мрачные семидесятые.

Ответственными за происшедшее в Альтамонте были, без сомнения, «Ангелы Ада» — именно так «Роллинг Стоунз» пытались преподнести ситуацию. Сначала им верили. Кит говорил:

— Теперь, оглядываясь назад, я не думаю, что звать туда Ангелов было хорошей идеей. Но мы согласились на это с подачи «Грейтфул Дэд», которые имели опыт в организации подобных

концертов. Они говорили, что Ангелы — лучшие ребята для таких мероприятий. Беда в том, что для нас они в любом случае были бы проблемой. Если их не нанимаешь в качестве работников, то они все равно приезжают и причиняют неприятности. Это была моя первая встреча с американскими «Ангелами Ада». Думаю, хорошей альтернативой были бы «Черные Пантеры». Я не хотел бы рассуждать, хуже они или лучше. По правде говоря, из всех трехсот нанятых Ангелов большая часть делала то, что должна была делать, то есть сдерживала толпу по мере возможности, не устраивая никаких беспорядков. Но было десять или двадцать абсолютных психов, которые разъезжали на мотоциклах в толпе. Разница между этим шоу и тем, что проходило в Гайд-парке, колоссальная. Я считаю, что это демонстрирует различие между двумя странами. В Гайд-парке все веселились, и никакого бардака не было. Можно собрать полмиллиона молодых англичан, и они не начнут убивать друг друга. В этом вся разница.

Другие, однако, считали, что причиной насилия было маниакальное желание «Роллинг Стоунз» любой ценой устроить грандиозный концерт для своего фильма.

Если бы технической команде дали больше двадцати часов на подготовку, была бы построена сцена повыше, возведены заграждения, привезена приличная пища, напитки, устроены туалеты, парковка и нормальные медпункты. Может быть, тогда день обошелся бы без четырех смертей и бог знает скольких раненых. Дейв Кросби, чья группа играла перед «Роллинг Стоунз», первым выразил растущее возмущение: ««Роллинг Стоунз» до сих пор немножко зависли в 1965 году. Они не понимают, что охрана не является необходимой на концерте и вообще не обязательна. Нам не нужны Ангелы… Я не обвиняю «Ангелов Ада», потому что это бесполезно и потому что они вели себя именно так, как от них и ожидали… «Роллинг Стоунз» вообще мало что знают об Ангелах. Для них средний «Ангел Ада» — это нечто среднее между Питером Фонда и Деннисом Хоппером. Но это далеко не так… Впрочем, я не думаю, что участие Ангелов было самой главной ошибкой и неудачей. Скорее, самой заметной и очевидной.

А главной ошибкой было, пожалуй, непонимание того, что такое на самом деле концерт, и использование его в своей эгоистичной манере, в очередной раз доказывая свою звездность. Под эгоистичной манерой я имею в виду поведение типа «посмотрите, какие мы крутые». Что касается звездной болезни, то, мне кажется, «Роллинг Стоунз» ею действительно болеют, и в своей книге я не зря называю их снобами. Я уверен, они не понимают, что наделали в субботу… Они сильно преувеличивают

свою собственную значимость. Думаю, у них звездная болезнь грандиозных масштабов… и мне кажется, что эта злокачественная болезнь особенно поразила двух их лидеров».

Билл Грэхэм, наиболее уважаемый промоутер Соединенных Штатов, присоединился к множащемуся хору возмущенных голосов: «Я спрашиваю вас, какое право имели вы, мистер Джаггер… устраивать этот бесплатный фестиваль? И не смейте говорить, что не знали, чем все это кончится… Какое вы имели право уйти, как ушли, благодаря всех за отлично проведенное время, а Ангелов — за оказанную помощь? Что вообще Джаггер оставил после себя в стране? На каждый концерт он опаздывал. На каждом его гребаном концерте лилась кровь. Какое право этот божок имел спускаться на нашу землю вот так? И теперь я очень рад сообщить всей стране, что Мик Джаггер действительно вовсе не Бог-Сын… Но знаете, что меня больше всего во всем этом огорчает? То, что этот козел — великий артист».

Хиппи тоже имели что сказать. Вот одно из их типичных писем в журнал «Роллинг Стоун»:

> Для тех, кто понимает в этом, очевидно, что «Роллинг Стоунз» или, по крайней мере, некоторые из них практикуют магию со времен альбома «Satanic Majesties Request». Но там ее цвет еще скорее белый, чем черный. С тех нор оттенок неизменно становился все темнее и темнее. В Альтамонте он явил себя в полном величии со всей свитой демонов, то есть «Ангелов Ада». За несколько дней до зимнего солнцестояния силы тьмы наиболее могущественны. Луна была в Скорпионе, а в это время вибрации Вселенной наиболее неустойчивы. Все проводилось в месте, предназначенном для разрушения посредством движения. Затем является Мик — причем только тогда, когда стало уже достаточно темно, чтобы красные огни творили свою магию. Я не знаю, понимали ли они, что делают. Я чувствую, что с опытом они становятся все печальнее и мудрее. Но слишком дорогая цена заплачена за урок. И мы все тоже виноваты, потому что проглотили пирог, который испекли «Роллинг Стоунз».

Альтамонтская трагедия завершилась в залах суда — последнее символическое доказательство, что Мик Джаггер больше не бунтующий хиппи, а настоящий бизнесмен-миллионер, который заботится лишь о прибылях «Роллинг Стоунз», Он предъявил хозяевам Сирс-Пойнт-Интернэшнл-Рэйсвэй иск на более чем 25 миллионов, обвинив их в нарушении условий

контракта и мошенничестве. Калифорнийские землевладельцы, которым принадлежала земля под Альтамонтом, выставили группе встречный иск в размере 2 450 000 фунтов.

Как бы то ни было, из неудачного концерта получился эффектный фильм. Он был назван «Gimme Shelter», и верные своему обещанию братья Мэйслес выпустили его еще до Вудстока.

Я смотрел его в маленьком кинотеатре в Сохо вместе со всеми Роллингами. После спора о том, кого конкретно собирался убить Мередит, Мик повернулся к Киту и сказал:

— Власть цветов оказалась кучей дерьма, так? В нашей «Jumpin' Jack Flash» ведь не было ничего о любви, мире и цветах, верно?

19

Дождь со снегом барабанил в окна старинного дома с соломенной крышей, словно пальцы миллионов усопших душ. Внутри в открытом очаге пылали огромные дрова. Маленькая ярко освещенная гостиная казалась уютнейшим местом на земле. Из стереосистемы мягко звучал успокоительный голос Лидбелли. Марианна, блаженствуя, грелась на ковре у камина, а Марио бегал вокруг нее. Наверху ее мама рассказывала маленькому Николасу одну из своих чудесных сказок. Шли святки, и весь мир казался необыкновенно спокойным.

Но тут зазвонил телефон. Марианна пошла в столовую и сняла трубку.

— Счастливого Рождества, — сказал Мик. — Мы тут с Китом в Редлэндсе, и я хочу заехать к тебе с небольшим подарком.

Ей показалось глупым, что он поедет в такую даль ради какой-то ерунды. Однако Мик настаивал, и она в конце концов согласилась. Детей у них общих нет, они могут остаться друзьями и, кроме того, надо же ему познакомиться с Марио.

После Альтамонта Мик слетал в Швейцарию повидаться со своими банкирами и вернулся обратно в Лондон, где ему нужно было быстро отыграть несколько концертов. Билеты по 650 фунтов на все четыре концерта (два в «Лицеуме» и два в «Севилье») разошлись за полчаса. Он позвонил Марианне в Рим, чтобы напомнить, что им вдвоем надо быть 19 декабря в суде на Мальборо-стрит, на итоговом слушании дела, касавшегося полицейского налета, случившегося в начале года. В аэропорту Хитроу он встретил ее на лимузине с водителем. Однако она была тверда. Между ними все кончено. Она его больше не любит, она любит Марио и будет жить с ним. Мик казался погруженным в мысли об Альтамонте и предстоящих концертах и вроде бы согласился с ее решением.

«Так чего же ему надо?» — удивленно размышляла она. В десять вечера он подъехал к воротам дома на «бентли» и вручил ей подарок — маленькую грузинскую серебряную табакерку, наполненную чистым медицинским кокаином. Марианна была в восторге. Марио дарил ей драгоценности и одежду, но она не обращала на это внимания. Материальные ценности почти ничего не значили для нее. Но вот кокаин… это совсем другое дело.

Она понюхала немного и быстро ощутила знакомый прилив счастья. В памяти ожили события добрых старых времен. Джаггер был красив, его волосы блестели, и вообще он выглядел так, будто ему лет восемнадцать. Он тоже понюхал кокаин, и вскоре

они уже вместе шутили и смеялись. У них было так много общего, они так хорошо знали друг друга, что сейчас Марианне не хотелось ничего иного, кроме как быть с ним. Она жаждала, чтобы он ее обнял и они занялись сексом так же страстно, как в прошлом. Когда она находилась рядом с ним, то не могла ему противиться, и знала, что может порвать с ним только если он будет далеко. Но вот Николас и мать Марианны легли спать. Мик пошел в гостиную, где Марио сидел у огня. Они не понравились друг другу с первого взгляда. Джаггер считал, что Марио увел его «жену», пока сам он отлучался по делам. Марио же прекрасно знал о многочисленных любовных похождениях Джаггера и о том, как жестоко он относился к Марианне. Они начали спорить — Джаггер говорил холодно, с жесткой логикой, а Марио — страстно жестикулируя и повышая голос так, что разбудил Николаса.

— Ладно, итальяшка, — взорвался наконец Джаггер, — выйдем и поговорим по-мужски.

Однако спор все равно продолжился, и ни один из них не хотел отступать.

«Как все интересно складывается, — подумала Марианна. — Они оба, кажется, решительно настроены остаться здесь на ночь. Но другой кровати нет. Я в любой момент могу прекратить их спор и прогнать одного из них. Все, что мне надо сделать, — выбрать. Но я не понимаю, кого из них мне хочется больше. Я думала, что люблю Марио, но если Мик будет обо мне так заботиться, то лучше я буду с ним… В любом случае я слишком устала. Пусть сами разбираются…»

Она, как обычно, выпила немного снотворного, залезла в свою уютную старинную двуспальную кровать и забылась глубоким сном без сновидений.

Когда она проснулась, рядом с ней, безмятежно похрапывая с улыбкой на губах, лежал Джаггер. Марио спал на ковре перед камином и ушел на рассвете, проклиная Мика, Марианну и все вокруг самыми изощренными итальянскими ругательствами. «Прекрасный принц» покинул Марианну навсегда.

Мик проснулся и заговорил, имитируя чувственную жестикуляцию Марио, что сразу насмешило Марианну:

— Проснулась, девочка? И что ты теперь думаешь об этом долбаном итальяшке?

Когда Кит прилетел из Соединенных Штатов, Анита была просто вне себя.

— Они хотят вышвырнуть нас с Марлоном из Англии, — говорила она. — В министерстве внутренних дел утверждают, что я больше не могу оставаться в стране!

Он успокоил ее и позвонил юристам, чтобы прояснить ситуацию. Выяснилось, что у нее неожиданно конфисковали ее итальянский паспорт и сообщили, что она должна покинуть страну, если только не выйдет замуж за британского гражданина.

— Такое впечатление, что мы живем в полицейском государстве! — кричала Анита. — Это отвратительно. Я не собираюсь выходить замуж просто так ради того чтобы угодить им!

Но все окружающие знали, что она отказывалась выйти замуж за Кита потому, что до сих пор надеялась на Мика. Они стали любовниками, пока Марианна была в далекой Италии.

— Это бред — жениться из-за какой-то бюрократии, — говорил Кит репортерам. — Я уж лучше уеду из Великобритании и буду жить где-нибудь за границей. Но если я все-таки захочу продолжать жить в Англии и это будет единственный путь, чтобы Анита тоже осталась, то мы поженимся. Хотя я не знаю, когда это будет, и не желаю сейчас суетиться и торопить события. Я ничего не имею против брака, но, как и раньше, не вижу в нем особого смысла.

В конце концов юристам удалось все уладить Впрочем, в то время вынужденный брак и подчинение этикету были для Кита лишь одной из самых маленьких проблем. Пока «Роллинг Стоунз» были на гастролях, Анита за долгие недели одиночества пристрастилась к огромным дозам наркотиков, так что теперь ей, чтобы избежать ломки, приходилось ежедневно употреблять героин с сахарином. При этом она кололась героином, а не просто смешивала его с кокаином и нюхала, хотя ей, разумеется, не нравились ни тошнота, ни временная потеря сознания, сопутствующие уколам чистого героина.

Во время гастролей в Штатах Кит часто нюхал кокаин и пару раз — героин, чтобы прийти в себя и успокоиться после того, как три дня кряду обдалбывался кокаином. Но он никогда не колол его и надеялся, что, вернувшись, слезет с наркотиков. Дома, на Чейн-Уолк он, как и раньше, снимал ломку с помощью нескольких таблеток снотворного. Обычно это срабатывало, и спустя некоторое время он полностью приходил в себя. Но на этот раз из-за Аниты у него ничего не получилось. Довольно распространенная среди рок-музыкантов история: богатая скучающая жена, обратившаяся к наркотикам, пока муж в отъезде, подсаживается, а потом подсаживает и его, когда он приезжает, потому что уже не может торчать одна. Жить вместе, когда один партнер торчит, а другой слез, невозможно. Слишком сильно это влияет на отношения. Героин приносит настолько всеобъемлющее удовлетворение, что меркнут все другие

привязанности и интересы. Даже секс. И обычно либо второй партнер присоединяется и тоже начинает торчать — либо они расходятся. Кит остался с Анитой и подсел.

Я тогда жил вместе с ними на Чейн-Уолк. Но я только нюхал кокаин и героин и никогда не ширялся. В этом меня спасал мой патологический страх, возникавший при виде иглы.

Доставать достаточно наркотиков на троих было не так уж легко. Я через друзей в Сохо покупал героин и кокаин у зарегистрированных наркоманов. Зарегистрироваться было очень просто. Делаете себе укол, приходите к одному из пяти или шести лондонских врачей, работающих с наркоманами, и говорите ему, что вы сидите на игле. Они без всякой проверки и по очень дешевой цене выписывают вам героин и кокаин (это было еще задолго до того, как выяснили, что подсесть на кокаин физически невозможно). После этого наркоман идет на улицу и продает все, что получил, с солидной прибылью. Единственной проблемой было то, что эти подростки-продавцы были достаточно ненадежны и продавали товар нерегулярно, так что иногда у Кита с Анитой не выдерживали нервы или начиналась ломка прежде, чем я успевал найти наркотики.

Кит с Анитой сильно изменились, и я понимал, что их меняет именно героин, исподволь постепенно разрушая их личности. Кит иногда прятал немного порошка про запас, втайне от нас с Анитой, и тогда я становился свидетелем семейных скандалов, обостренных тем фактом, что Кит, употребляя героин, терял всякий интерес к сексу. Это еще больше убеждало меня в том, что ширяться не стоит, да и нюхать я старался поменьше. Я не имел никакого желания проводить каждый день от укола до укола.

У них обоих было множество друзей, однако теперь в основном нашими гостями были те из них, что стали наркоманами, или те, кто мог достать очередную дозу. Однажды к нам заехал один известный гитарист и сказал Киту, что знает хорошего дилера, который может продать сразу большую партию. Мне поручили встретиться с ним и проверить, что за дурь он предлагает. Дело в том, что продавцы наркотиков часто ведут себя довольно подло. Они с радостью подсунут вам стрихнин вместо героина, если вы такой идиот, что этого не заметите. Однако у этого парня действительно был первосортный фармацевтический героин и кокаин, и Кит согласился заплатить за все полторы тысячи фунтов.

— Может быть, у меня появится еще. — Дилер подмигнул мне. — Если что, я позвоню. А если вам что-нибудь будет нужно, то тоже свяжитесь со мной.

— Знаете, что он сделал? — рассказал друг, который нас на

него вывел. — Взломал на севере одну из химических лабораторий и украл все, что там было.

— Практичный чувак, — сказал Кит.

Спустя дней десять дилер позвонил и сказал, что у него есть новая партия кокаина и героина. Я быстро перебросился парой фраз с Китом и предложил парню встретиться у выхода из станции метро «Лэдброк Гроув». Я прождал его тем холодным мартовским вечером полтора часа. Он так и не появился, и, разочарованный, я вернулся домой.

— Он не приехал, — печально сказал я Киту.

Но тот только хихикнул и сказал, что это не важно. Он был сильно под кайфом, таким я уже давно его не видел. Анита тоже была в таком состоянии, что не могла подняться по лестнице. Я промолчал. Если они нашли новый источник, через который могут доставать наркотики, — что ж, удачи им в этом. Гораздо позже я абсолютно случайно выяснил, что Кит в тот раз перезвонил дилеру и попросил встретиться с ним в другом месте. И хотя я был одним из самых близких его друзей, торчковая паранойя и жадность у Кита дошли до того, что он заподозрил, что я могу украсть часть его драгоценного героина.

Тем временем дилер продолжал раз в месяц приезжать в Лондон. Он встречался с Китом на студии «Олимпик» и передавал ему очередные пакеты с наркотиками стоимостью в среднем около 2300 – 2400 фунтов. Порошок был прекрасного качества, и Кит старался поддерживать дружеские отношения с этим дилером; тот продавал примерно одну пятую часть того, что нужно было Киту. И когда дилер неожиданно появлялся на Чейн-Уолк с внеочередной партией товара, Кит всегда быстро выписывал ему чек на 2300 фунтов.

Затем парень внезапно исчез, и в следующий раз его имя уже упомянул молодой полицейский сыщик, обратившийся к Киту. Он немного благоговел перед одним из «Роллинг Стоунз», но все же пришел спросить, на что выписывал Кит чек тому парню.

— А, этот, — ответил Кит, — да, какой-то друг моих друзей, гитару мне доставал.

— О, спасибо, сэр, — ответил полицейский, — я так и думал, что есть какое-то рациональное объяснение.

Дилера задержали после облавы на автостоянку. В его «Мини-Купере» был стальной сейф, а в нем — наркотики и записи обо всех покупателях: как много они покупали и когда. Конечно, среди них лидировал Кит. Поначалу полицейские решили, что им сказочно повезло, и пообещали дилеру райские условия — избавить его от срока, если он поможет им подобраться к Киту Ричардсу и прижать его. Дилеру ничего не оставалось делать, как

расколоться, и он написал полицейским длинное и подробное признание: «Все началось в феврале, когда у меня было с собой три унции кокаина и несколько граммов героина. Я поехал в Лондон. Там через друзей познакомился с Китом Ричардсом и продал ему наркотики за 1500 фунтов. С тех пор я каждый месяц продавал ему понемногу. Если его не было, я передавал ему наркотики через его знакомых».

Кроме того, дилер предоставил полиции детальные отчеты, что и сколько покупал у него Кит, вроде такого: «Я позвонил Киту, мы договорились встретиться на студии «Олимпик» в Барнсе около полуночи. Он опаздывал, и я позвонил ему домой. В итоге мы встретились только в 1.30 ночи в коридоре студии, где я передал ему унцию кокаина и грамм героина».

Однако в итоге все сложилось неожиданно: дилер, к большому его неудовольствию, был обвинен в двух кражах из химических лабораторий и в четырех случаях хранения. Он получил шесть лет, и полиция больше никогда не трогала Кита. До сих пор не знаю, с чем это было связано.

Тем временем Джаггер все больше увлекался деловой стороной существования группы. Имея экономическое образование, он быстро понял, в какую каббалу они попали с контрактами, которые подписывали когда-то на скорую руку, иногда даже толком не прочитав.

То, что он обнаружил, его вовсе не обрадовало. Спустя некоторое время он решил порвать с менеджером Алленом Клейном и со студией «Декка». Он поговорил с остальными членами группы, и все согласились с ним.

«Декка» им не нравилась, во-первых, потому, что состояла в основном из людей старшего поколения, строгих и, кажется, абсолютно лишенных воображения. А во-вторых, платила им мизерную долю прибыли.

Звукозаписывающая компания, однако, была вовсе не в восторге от того, что группа, приносящая им огромные деньги, собирается порвать с ними. По одному из пунктов контракта, на который «Роллинг Стоунз» не обращали до этого внимания, студия принудила группу передать им запись еще ни разу не выходившей песни.

— Вот, послушайте, и пусть это ускорит наш развод, — с этими словами Мик вручил запись одному из самых напыщенных боссов студии.

— Подождите минутку, — сказал человек в костюме, — вы не сообщили, как называется песня, которую вы принесли.

— «Cocksuckers Blues» («Отсоси-Блюз»), — ответил Мик, и босс чуть не подавился сигарой.

Затем он с ужасом прослушал жуткую песню, где полусонный Джаггер низким блюзовым голосом плачется о том, что он — школьник, который сыт по горло тем, что ему приходится зарабатывать на жизнь, выполняя капризы всяких незнакомцев, водящих его в свои гостиничные номера в лондонском Уэст-Энде.

Но и это не помогло. Формально «Роллинг Стоунз» были связаны контрактом. А «Декка» могла вновь и вновь выпускать в разном порядке и под разными обложками их песни. Так она и делала.

Беготня по вопросам бизнеса занимала у Джаггера почти все время. Когда у него выдавалась свободная минутка, он отправлялся к Фуззи-Вуззи — Марше Хант в Сент-Джонс-Вуд. Марианна страдала. Она почти все время плакала и жаловалась, вновь села на героин и проводила вечера в разговорах со мной и Анитой. Становилось очевидным, что Джаггер отбил ее у Марио не потому, что любил, а просто чтобы потешить свое самолюбие. Мик Джаггер, Люцифер, коронованный Принц Тьмы, не мог позволить, чтобы ему наставляли рога.

Они никогда не говорили друг с другом об этих проблемах. Вместо того чтобы помочь ей, Джаггер, казалось, пытался уверить себя, что она никогда не заторчит снова. Иногда они ругались — в основном когда он был страшно занят работой, а она звонила ему в слезах. Бизнес отнимал кучу времени и нервов, и последнее, что ему хотелось слышать, так это жалобы Марианны по поводу того, какой одинокой она себя чувствует. Чертова истеричка, неужели она не может понять, что ему нужна помощь, а не девчонка, висящая камнем на шее?

После одной из перебранок он сказал, что есть песня, которую он хочет дать ей послушать. Он поставил кассету в магнитофон, и она услышала его хриплый голос, однако, как обычно, ей поначалу было трудно разобрать слова. Она сумела понять только что-то о диких лошадях, которые не способны прогнать его.

Тут она зарыдала. «Дикие лошади не прогонят меня» — именно эти слова она произнесла, когда вышла из комы. Это была любовная песня, и в ней говорилось о том, какую огромную радость он испытал, когда Марианна выжила. Песня казалась оазисом в пустыне обреченности. Но прошлого уже было не вернуть. Он не любит ее, а она не любит его, так что же им делать?

В довершение ко всему Джон Данбар развелся с ней. Все, кого она любила, казалось, одновременно отвернулись от нее. Оставался только героин, чудесный, заменяющий и отрицающий все героин. Очень скоро ей требовалось уже три грамма в день.

Мик был очень обеспокоен тем, что в любой момент к ним могут прийти с обыском, однако ее это теперь абсолютно не волновало.

Разрыв, к которому дело шло давно, произошел в мае 1970 года. Джаггер сообщил, что из-за проблем с налогами собирается эмигрировать во Францию. Она сказала, что не поедет с ним, и в тот же вечер, собрав вещи, уехала к матери.

Это был конец. Опустошенная, брошенная всеми и абсолютно запутавшаяся, Марианна осталась одна.

20

Как ни странно, именно мировая слава и фантастическое богатство сделали музыкантов «Роллинг Стоунз» одними из самых одиноких людей в мире. Один из жизненных парадоксов состоит в том, что, когда все вокруг хотят стать вашими друзьями, вы перестаете доверять кому бы то ни было. Мик и Кит так безоглядно шли к своему успеху, что всех своих настоящих друзей по пути растеряли. Да, они достигли многого, особенно учитывая их происхождение. Мать Кита работала демонстратором посудомоечных машин. Отец Мика — учителем физики. Все их сверстники обзавелись семьями и беспокоились лишь о том, чтобы внести очередной взнос за кредит, а пределом мечтаний для них являлся новый «Форд Капри».

Новые друзья «Роллинг Стоунз» происходили из иного круга.

Это были богатые прожигатели жизни — такие, как Роберт Фрейзер, Пол Гетти Второй, Кристофер Гиббс. Все они были рождены в состоятельных семьях, учились в частных школах и университетах, и единственное, что у них было общего с этими двумя забавными поп-звездами, говорящими с акцентом кокни, — деньги, масса свободного времени, чтобы их тратить, и роскошные апартаменты, в которых они обитали.

Музыкантам «Роллинг Стоунз» теперь было легче нанимать компаньонов, чем дружить с кем-то. Они им платили деньги, и больше их ничего не связывало. Компаньоны всегда оказывались под рукой, когда хотелось поговорить, поплакаться или просто хорошо провести время. Компаньоны были простыми людьми, в Итоне не учились, так что с ними можно было расслабиться и быть самим собой. Думаю, в этом заключалась основная причина, по которой Кит так упорно платил мне 150 фунтов в неделю, хотя все мои обязанности заключались в том, чтобы принимать с ним наркотики, болтать и слушать его жалобы на Аниту. Кит любил выпить и был, что называется, «настоящим мужиком». Ему нравились мужские компании, но я вовсе не имею в виду, что он был геем — скорее, наоборот, он был далек от этого.

Джаггер, в противоположность ему, всегда предпочитал женское общество. После того как они втроем с Брайаном и Китом снимали квартиру в Челси, он переселился к Крисси Шримптон, а затем, понятное дело, жил с Марианной. Правда, теперь впервые в жизни он был одинок и жил один.

Марша Хант была беременна от него и собиралась рожать. Он подумывал даже жениться на ней. Ему было двадцать шесть — подходящий возраст для создания семьи, — однако он понимал,

что не любит ее настолько, чтобы связать с ней жизнь. Марша была красива, с ней всегда было очень комфортно, но она не отвечала его романтическим идеалам. Он всегда мечтал о том, что однажды встретит загадочную, мистическую женщину, которая будет к тому же потрясающе обаятельна и элегантна. Их великой любовью будет восхищаться весь мир, и они поплывут в свадебное путешествие на большой белой яхте, а остаток жизни будут любить друг друга и растить детей. К сожалению, Марша под этот идеал совсем не подходила, и Мик оставался холостяком. Оба дома — особняк в Чейн-Уолк и поместье «Старгроув» — нуждались в присмотре хорошей хозяйки. И если он вскоре ее не найдет, то ему придется умолять Марианну вернуться, а это было как раз то, чего он всем сердцем желал бы избежать.

Однажды июньским вечером, приехав на студию «Олимпик», звукорежиссер «Роллинг Стоунз» Глин Джонс спросил, нет ли у кого работки для одной страшно сексуальной девчонки из Калифорнии.

— Может, у меня. — Мик подмигнул мне. — В принципе мне нужна экономка. Но сначала надо на нее посмотреть.

И вскоре Глин привел в студию Джейн. Это было как раз после просмотра «Неда Келли». Увидев рекламный ролик фильма, Джаггер был в ужасе. Он даже в знак протеста отказался идти на премьеру. «Не фильм, а дерьмо какое-то, — высказался он в интервью. — Я участвовал в съемках только потому, что больше в тот момент ничего подходящего не нашлось. Тони Ричардсон показался мне разумным человеком, и я думал, он сделает нормальный фильм. К сожалению, в процессе съемок никогда не знаешь, что выйдет в итоге. И когда получается дерьмо, ничего не остается, кроме как сказать — «Да, и вправду отстойный фильм» — дать себе обещание, что больше в такой ерунде участвовать никогда не будешь».

«Роллинг Стоунз» записывали новый альбом «Sticky Fingers». Впервые они писались на собственной студии, и в случае успеха этот альбом должен был принести им гораздо больше денег, чем все предыдущие записи, вместе взятые. Они работали всю ночь, записывая новую песню «Bitch». Когда незадолго до рассвета они наконец закончили, Глин представил Джейн Мику. Она устала после бессонной ночи, однако пришла в восторг, когда Мик начал сладострастно танцевать перед ней под ревущую из огромных колонок запись только что законченной «Bitch».

После этого она появлялась на студии еще пару раз, но я считал, что Мик относится к ней достаточно спокойно. Однако вскоре после долгой и сложной записи Глин спросил, кто может

подбросить Джейн в Лондон. Мик сказал, что отвезет ее, и после этого мы не видели их обоих с неделю.

Джейн на несколько месяцев стала играть в жизни Мика примерно такую же роль, как я для Кита. Она общалась с ним и всегда была поблизости, если что-то было нужно. И если меня Кит посылал покупать наркотики, то Джейн по первому слову Мика ложилась с ним в постель — когда ему лень было звать к себе домой кого-нибудь из его многочисленных девушек. Их отношения с Маршей после того, как та забеременела, разладились. Она хотела остаться независимой и сказала Мику, чтобы тот не беспокоился о ней.

Затем появилась Кэтрин. Она тоже была из Калифорнии (да и выглядела иностранкой), и у нее был короткий роман с Эриком Клэптоном. Эрик представил ее Мику на вечеринке, и спустя несколько часов Кэтрин уже лежала в огромной трехсотлетней кровати у Мика на Чейн-Уолк. Там они провели и следующие сутки, после чего Кэтрин поселилась у Мика.

Джейн была задета. Кажется, она полюбила Мика. По сравнению с ним другим мужчинам не хватало энергичности и находчивости. Я часто замечал, что девушкам нравилось в нем именно это. Некоторые качества Мика — в частности, присутствовавший в нем легкий налет женственности — давали ему необычайную проницательность и понимание женской натуры. И он всячески использовал это, чтобы обрести власть над противоположным полом.

Джейн молчала, потому что Джаггер ненавидел, когда женщины устраивают сцены. Кроме того, он ей платил как экономке, и никакие чувства его с ней не связывали.

Они пикировались почти ежедневно. Джейн ненавидела Кэтрин, потому что та спала с Джаггером, а Кэтрин ненавидела Джейн, потому что тот с ней много общался. Ситуация была напряженная, и если Мика поблизости не было, девушки постоянно осыпали друг друга криками и бранью. Однако в его присутствии они делали вид, что дружат, и всячески к нему подлизывались. Мика ситуация полностью устраивала: у него был и секс и общение, и ему даже не надо было для этого прикладывать никаких особых усилий. Ни одна из них не чувствовала себя в безопасности настолько, чтобы сердить его жалобами на свое положение. Брайан был прав: лучше иметь под рукой сразу несколько телок.

Мик любил стравить их друг с другом, пока они не срывались на крик. В такие моменты он чувствовал себя как на сцене: ему нужно было, чтобы поклонники боролись за него даже у него дома. Сам же он был таким эгоистом, что не любил никого, кроме

самого себя. Он притворялся безумным, распущенным и гиперсексуальным Тернером, которого играл в «Представлении». После разрыва с Марианной Мик потерял последнюю связь со своими корнями и его сценический образ стал образом жизни. Майкл Филип Джаггер прекратил свое существование. Теперь он двадцать четыре часа в сутки был только Миком Джаггером — Суперзвездой.

Однако такая пикантная ситуация на Чейн-Уолк не могла продолжаться вечно. В августе «жизнь втроем» бурно завершилась. Мик объявил, что «Роллинг Стоунз» едут на гастроли в Европу и он не может взять с собой Кэтрин:

— Прости, дорогая, таковы правила в нашей группе: мы не берем с собой девушек.

Кит тем не менее, конечно, взял с собой Аниту. Пытаясь как-то разрулить ситуацию, Анита попросила Джейн поехать с ними и помочь присматривать за Марлоном. Кэтрин плакала целыми днями. Она понимала, что ее бросают. Все ее мечты стать новой Марианной Фэйтфул разбились в прах. В конце концов, осознав, что отвергнута, она набросилась на Джаггера, пиная его, колотя, царапаясь и пытаясь выдрать ему волосы. Это было не лучшим выходом из ситуации. Джаггер, как уже упоминалось, не любил сцен, и Кэтрин съехала от него тем же вечером.

События в Альтамонте заставили Мика призадуматься, чем же он хочет заниматься в жизни. Поначалу он думал завязать с роком и заняться политикой. Его всегда привлекали новые высоты, и он полагал, что не сможет вечно устраивать на сцене рок-н-ролльные шоу. Он ломал границы, нарушал табу, но теперь чувствовал себя словно постаревший боксер, обреченный все чаще проигрывать.

— Но это же моя жизнь. Я больше ничем другим на самом деле не хочу заниматься, — сказал он мне.

В конце концов он решил постараться укрепить свои позиции и оставаться величайшей рок-звездой в мире так долго, насколько сможет. Он прекрасно понимал, что для этого нужно хорошее здоровье, и, завязав с наркотиками и алкоголем, стал заниматься бегом, теннисом и ездить на велосипеде. Он не хотел закончить жизнь подобно Элвису.

Европейские гастроли доказали, что «Роллинг Стоунз» не потеряли популярности. На первом концерте в Хельсинки было настоящее столпотворение. Спустя десять дней они играли в Гамбурге, где тоже все прошло великолепно. Энергию группы можно было сравнить с несущимся поездом. И вновь полиция столкнулась с тысячными толпами фанатов, бьющих стекла.

В Берлине поклонники полностью вышли из-под контроля;

было арестовано пятьдесят человек. 20 сентября 1970 года «Роллинг Стоунз» играли первый из двух запланированных концертов в зале «Олимпия» в Париже. Парижские подростки, зная, что Джаггер продолжает играть в революцию, использовали концерт как повод для того, чтобы выйти против жандармов с кирпичами и железными прутьями. После этого многих арестовали.

Джаггер устал и не хотел идти после концерта на вечеринку, устраиваемую в его честь. Однако он понимал, что боссы французских звукозаписывающих компаний будут оскорблены, если он не пообщается с ними. Так что он все-таки явился туда, выпил несколько бокалов шампанского, вел светские беседы, а в мыслях лелеял надежду, что часа через полтора сможет незаметно уйти. И тут он неожиданно увидел ее.

— Привет, Мик, — обратился к нему Эдди Беркли, президент звукозаписывающей компании и старый друг музыкантов «Роллинг Стоунз». — Я хочу представить тебе Бьянку, она скоро станет моей женой.

Посмотрев на девушку, Мик не поверил своим глазам. От взгляда ее карих ясных глаз у него просто дух перехватило. Она был очень похожа на него самого — полные губы, острые скулы, легкий налет искушенности и изнеженности, такое же стройное тело… Она была совершенна, и он желал ее.

Бьянка была польщена вниманием Джаггера. Когда они танцевали, на них смотрели все присутствующие. Точно так же было, когда она встречалась с актером Майклом Кэйном. Люди восхищались ею и уважали — она была девушкой богатого, сильного и известного человека. Джаггер был внимателен, учтив и вел себя с ней, словно восхищенный подросток, танцующий с принцессой. Он предложил ей чуть позже встретиться в клубе неподалеку, и вскоре она, ничего не сказав Эдди Беркли, покинула вечеринку. Спустя полчаса Джаггер, страшно польщенный тем, что она ради него бросила жениха, последовал за ней. Лишь гораздо позднее Мик понял, что Бьянка неуверена в себе и нуждается в постоянном подтверждении своего обаяния и силы. Для этого ей требовалось восхищение посторонних мужчин, и она нередко унижала Мика, поступая с ним так, как в этот раз поступила с Эдди Беркли.

— Иногда я веду себя жестоко, — признавалась она позднее в интервью, — особенно в отношениях, потому что боюсь, что ситуация может выйти из-под моего контроля. На самом деле я не стремлюсь никому причинить вреда, а просто защищаюсь.

Но в тот нежный сентябрьский вечер Мику казалось, что он встретил девушку своей мечты. Она была настоящей леди.

Поначалу она отказывалась с ним спать, хотя и призналась, что тоже не вполне счастлива в личной жизни.

У него было несколько свободных дней до следующего концерта в Вене, и они наслаждались ими, обедая в ресторане при свечах, гуляя вместе по волшебным, словно из сказки, Версальским паркам, держась за руки, словно дети. Мик предложил ей кокаина. Она нюхала его так неловко, что он решил, что она, вероятно, никогда в жизни еще не пробовала наркотиков. Однако, понимая, насколько она отличается от всех остальных девушек, которых он встречал прежде, он промолчал и ничего не сказал.

У них пока так и не доходило до постели, и Джаггеру это даже нравилось. Бьянка удерживала его на небольшом расстоянии, давая понять, что он еще не до конца завоевал ее. Это только разжигало в нем чувства и интриговало — так же, как в свое время было с Марианной.

И вот «Роллинг Стоунз» отправились в Вену, а Бьянке он предложил встретиться через несколько дней уже в Риме, где они собирались отыграть следующий концерт. Там он прислал за ней такси в аэропорт и заказал ей в гостинице, где они остановились, отдельный номер.

— Похоже, у них все серьезно, — заметил Кит.

И он был прав. Впервые Мик с Бьянкой любили друг друга той ночью в отеле, и оба были в восторге. Оставшиеся десять дней Бьянка путешествовала уже с «Роллинг Стоунз», спала в кровати Джаггера и присутствовала на всех их шоу. Они были вместе каждую свободную секунду, и Джаггер почти ни с кем, кроме нее, не общался.

Журналисты, освещавшие в прессе их гастроли, стремились узнать любую деталь о женщине, которая, казалось, заменила Джаггеру Марианну За ними охотились фотографы. Когда один из них попытался сфотографировать их в Риме, Джаггер подошел к нему и дал по морде. Тот вызвал полицию, и Джаггера оштрафовали на 800 фунтов. Во Франкфурте их телохранитель разбил фотоаппарат другому папарацци, который пытался заснять их, когда они перелезали через стену, веселясь, словно дети после очередного удачного озорства. Когда они вернулись в Лондон, все репортеры стремились расспросить Джаггера о его новой любви. Совсем незадолго перед этим Джон Данбар развелся с Марианной — из-за ее отношений с Джаггером. И теперь газетчики с нетерпением поджидали Мика с его спутницей в Хитроу.

— У меня нет имени. Я не говорю по-английски, — вот и все, что сказала загадочная Бьянка.

Джаггер тоже не удержался от своего любимого

романтического эвфемизма:

— Мы просто хорошие друзья.

Бьянка Перес Морено де Мациас родилась в Никарагуа. Хотя она часто рассказывала, что ее отец был крупным плантатором или дипломатом, на самом деле он был мелким бизнесменом. Родители развелись, и мать держала магазинчик безалкогольных напитков в Манагуа. Бьянка выросла очень образованной и крайне амбициозной, она с отличием сдала выпускные экзамены и полетела в Париж — изучать политологию в Сорбонне. Ей было восемнадцать, и она до сих пор была девственницей.

— Меня воспитывали ужасно строго, — признавалась она. — В католическом Никарагуа о сексе почти не говорили. Меня учили, что девственность — величайшая ценность, и я верила в это.

В Париже она быстро распрощалась с девственностью, и это настолько ей понравилось, что она начала проверять на прочность и все прочие истины и табу, которые ей внушались консервативными родителями. Как и Джаггер, в политике она увлекалась левыми взглядами и интересовалась революционными идеями. Со временем она начала писать для крайне радикального студенческого журнала.

Однако, хоть и увлекаясь революционной романтикой, она в то же время работала на совершенно нерадикальной работе — в посольстве Никарагуа во Франции, где очень пригодилось ее владение четырьмя языками: французским, английским, испанским и итальянским.

Красота и стильность быстро сделали ее известной в радикальных парижских кругах Ее часто стали приглашать на модные вечеринки. Затем она переехала в Лондон, в Челси, и здесь встретила Майкла Кэйна. Когда же их отношения изжили себя, она вернулась в Париж и стала работать у Эдди Беркли, который через некоторое время предложил ей выйти за него замуж.

Вскоре после того как Мик с Бьянкой прилетели в Лондон, Джаггер позвонил и сказал, что хочет зайти в гости. Я был слегка удивлен, потому что он всегда относился ко мне с прохладцей — скорее всего, из-за моего недолгого романа с Марианной. «Наверняка опять не может достать кокаина», — цинично подумал я. Но когда они приехали, мне стало ясно, что Бьянке просто хочется поболтать с кем-нибудь, кто говорит на ее родном испанском.

— Так обидно, находясь среди столь приятных и интересных людей, быть вынужденной общаться на чужом языке, — сказала она.

И я понял, почему Мик запал на нее. Она действительно сильно отличалась от необразованных, часто бестактных женщин, вившихся вокруг «Роллинг Стоунз».

Когда я предложил немного кокаина, Бьянка, казалось, была заинтригована.

— Ох, — проговорила она, когда я открыл мою украшенную орнаментом коробочку, где хранил порошок, — но он белый!

— Конечно, — ответил я. — А ты думала, какого он должен быть цвета?

— Конечно, розовый, — сказала она, словно дегустатор, которому по ошибке предложили не то вино. — Самый лучший кокаин — розовый.

Она, конечно, ошибалась. Но я только улыбнулся и кивнул.

Я высыпал мелкие кристаллики на зеркальце и разделил их на две тонкие линейки. Мик свернул пятифунтовую банкноту трубочкой и втянул каждой ноздрей по дорожке.

— Амброзия, — наконец выдохнул он. А затем широко улыбнулся и скорчил гримасу. Бьянка рассмеялась, я посмотрел на них обоих, и тут до меня дошло: они практически близнецы! Мик сумел полюбить эту женщину, потому что она была очень на него похожа — и внешне, и образом мыслей. Жизнь с ней представлялась ему близкой к идеалу: заниматься любовью с самим собой.

Анита возненавидела Бьянку с первого взгляда. Она до сих пор лелеяла планы насчет Мика; кроме того, присутствие новой женщины в их компании могло угрожать их и без того уже сложным отношениям с Китом. Жены часто тревожатся, когда близкие друзья мужа находят новую женщину: это может заставить мужа тоже захотеть новых отношений. Аниту сильно беспокоило, что они с Марианной уже не имеют прежнего влияния в группе. У них с Фэйтфул было много общего: обе были блондинками, познакомились с музыкантами почти одновременно, обе любили Брайана и обе стали наркоманками. Она серьезно опасалась, что после того как Мик нашел Бьянку, Кит тоже захочет подыскать себе кого-нибудь другого.

Во время гастролей она несколько раз брала у Бьянки одежду и «забывала» ее отдать или просто бросала уже грязные вещи в ее комнате. Анита, как и большинство наркоманов, не заботилась о том, чтобы часто мыться, и зачастую вещи оказывались в таком жутком состоянии, что Бьянке оставалось их только выбросить.

Однако Мик предупредил, что не хочет ее открытой конфронтации с Анитой.

— Все дела решайте сами, друг с другом, — сказал он. — И учти, Анита — одна из нас, так что постарайся вести себя с ней

настолько вежливо, насколько это возможно.

Когда они собрались в Лондоне, Анита начала легкий флирт с Миком, пыталась ущипнуть его за задницу и пощекотать. Мик взял с собой Бьянку, рассчитывая совсем на другое — он хотел поговорить с Китом о песне, которую они написали прошлым вечером, а девушек собирался оставить вдвоем, надеясь, что они просто поболтают, как обычно происходило, когда встречались Анита с Марианной. Но Анита не захотела оставаться с Бьянкой и, не глядя на нее, вышла из комнаты.

— Почему Анита так относится к Бьянке? — спросил Мик у Кита. — Бьянка расстроена и не понимает, в чем дело.

— Ерунда, — отмахнулся Кит. — Ты же знаешь, у Аниты все зависит от настроения. Это пройдет.

Когда Кит начал попрекать Аниту за неприязнь к Бьянке, та ее еще больше возненавидела.

— Нам надо избавиться от нее, Тони, — сказала она мне. — Эта девка разрушит «Роллинг Стоунз», точно так же как другие девки разрушили «Битлз». Нужно предпринять что-нибудь ради того, чтобы сохранить группу.

— А я тут при чем? — раздраженно поинтересовался я.

— Ты с ней общаешься, и она доверяет тебе. Пусть Мик узнает, что она врет про свой возраст. Она говорит, что ей двадцать пять, но я готова поставить тысячу фунтов, что ей под тридцать пять. Она просто старая курица, пытающаяся притвориться юной красоткой. Держу пари, у нее обвисшие груди и она точно что-то скрывает, боясь опозориться, — никто ведь еще не видел ее без одежды.

Анитины предположения были, мягко говоря, фантастичными.

Бьянка — бывший мужчина, который сделал операцию по изменению пола. Анита предлагала мне хорошо заплатить, если я раскопаю какие-нибудь свидетельства об этом из газет или полицейских протоколов.

— Какая чушь! — возмутился я. — Бьянка не может быть мужиком.

— Просто раскопай что-нибудь, черт побери! — взвизгнула Анита. — Раздобудь у полицейских или в газетах какие-нибудь свидетельства об этом, чтобы Мик понял, кто на самом деле эта сопливая, высокомерная, грудастая дура! Если ты этого не сделаешь, он и правда, на хрен, женится на ней, и это будет конец «Роллинг Стоунз», а значит, и тебе тоже конец!

— Извини, Анита, — сказал я ей в конце концов, — но мне Бьянка нравится. Может, она и немного высокомерна, но в любом случае это не мое дело, и я не собираюсь лезть в их отношения и

причинять ей неприятности.

— Ладно, неважно. Тогда я прокляну ее, и скоро она перестанет нас беспокоить.

Но наверное, Анита слишком обдолбалась, чтобы правильно произнести заклинание. Во всяком случае, Бьянка осталась с нами и прекрасно себя чувствовала. И вскоре Мик сказал Киту, что собирается жениться на ней.

— Удачи тебе, чувак, — ответил Кит. — Ты ее любишь, а это самое главное.

Впервые я услышал, как он относится к отношениям Мика и Бьянки.

Поскольку Мик и Кит часто стремились пообщаться вдвоем, Аните с Бьянкой тоже приходилось волей-неволей встречаться. Они притворялись, что дружат. Анита же использовала разговоры с ней, чтобы как можно сильнее расстроить Бьянку, подпитать ее неуверенность в себе. Например, когда Бьянка пожаловалась, что после кокаина почувствовала себя плохо, Анита сказала ей с жестокой улыбкой:

— О, наверняка я знаю почему. У Тони всегда с собой две разные дозы — одна хорошая, для друзей, а другая дерьмовая — для тех, кто ему не нравится.

— Грязный ублюдок, — выругалась Бьянка.

И в следующий раз, когда я предложил ей кокаин, она резко проговорила по-испански:

— Я хочу либо нормального кокаина, либо не хочу его вообще! Анита рассказала мне о том дерьме, которое ты подсовываешь тем, кто тебе не нравится.

Конечно, все это были выдумки Аниты Я всегда делился с друзьями тем, что у меня было. А тем, кто был мне несимпатичен, просто не давал ничего вообще.

Однако за все это время я ни разу не видел, чтобы Бьянка вышла из себя. Я начал понимать, что в ней как бы уживаются два совершенно разных человека. Внешне она была прекрасной, тонкой девушкой, стремящейся хорошо выглядеть и быть любимой. Внутри же — жесткой и решительной личностью. У нее была сильная воля, и она не обращала внимания на происки Аниты. Постепенно до Аниты дошло, что она проигрывает. И тогда она, скрывая досаду, вновь попыталась забыться в героине. Поражение ее сильно задело. Раньше она сама всегда старалась выглядеть привлекательной и остроумной, потому что знала, что именно так может завоевать сердце Джаггера. Теперь же она впала в депрессию, неделями сидела дома в унынии, никуда не выходила и ни с кем не общалась, кроме Кита, меня и еще пары друзей. Она ушла в себя, как будто все ее планы в жизни

неожиданно рухнули.

Как это ни забавно, но интриги Аниты только сблизили Мика и Бьянку. Они часто бывали на различных светских мероприятиях и всегда держались вдвоем, светясь от счастья. Я постоянно встречал в газетах последние новости и слухи о них, сопровождавшиеся их фотографиями.

Часто они гуляли по Чейн-Уолк вместе с Полом и Талитой Гетти. Гетти тоже были кокаинистами, и часто они вчетвером, унюхавшись, взвинчивали себя до такого состояния, что мне приходилось давать им героин («грешный порошок», как они его теперь называли), чтобы они успокоились и пришли в себя. Пол достал где-то мой домашний помер телефона и начал меня донимать почти так же, как Джон Леннон в свое время. Я все еще отказывался сам продавать наркотики, вовсе не желая становиться дилером для аристократов. Однако я иногда угощал Пола чем-нибудь из моих запасов, а он, когда покупал очередную порцию, возвращал мне.

Несмотря на то что теперь Мик вращался в высших кругах общества, он сохранил свое неподражаемое чувство юмора. Их с Бьянкой пригласили на вечер в честь Дня благодарения, который устраивал в Нассау президент «Атлантик Рекордс», миллионер Ахмет Эртеган. По пути они остановились пообедать в отеле в Майами. Джаггер в компании гитариста Джима Дикинсона беспокойно ходил по вестибюлю (он так часто делал). Наконец он заметил двух толстых дам почтенного возраста с волосами нежно-голубого оттенка. Одна из них с отвращением вздернула подбородок, глядя на них. Мику она напомнила миссис Уайтхаус.

— По-моему, они похожи на проституток, — объявил он громко и, когда все ошеломленно замерли, обратился к Джиму: — Скажи, Дикинсон, тебе нужна пара проституток?

Тот засмеялся и кивнул головой на дверь, давая знак, что пора отсюда ехать. Джаггер элегантно взял Бьянку под руку и направился к дверям. Дамы в бешенстве смотрели на него. Джаггер же, проходя мимо, только слегка поклонился им.

Мик все время пытался произвести на Бьянку впечатление.

Иногда ему казалось, что он слишком простой парень для такой необычной девушки. Он даже свозил ее в Марракеш, и они жили в том же доме, где Мик давным-давно останавливался с Марианной. Бьянке там не особенно понравилось.

Она не смогла скрыть своего удивления, когда Мик уже в Лондоне мимоходом упомянул, что у Марши Хант в ноябре 1970 года родился от него ребенок. Девочка появилась на свет в Пэддингтоне, в больнице св. Марии. Дочка была очень похожа на Мика. Марша назвала ее Кэрис. Джаггер забрал их из больницы

на машине и отвез на квартиру Марши. Там он провел с ними несколько часов.

Позднее Марша в интервью журналисту Фрэнку Макгауэну признавалась: «Я полюбила Мика за его сложный и непредсказуемый характер. Однако я очень мало общалась с людьми его круга и его друзьями, у нас разные интересы. Просто иногда он приезжал ко мне — или я к нему. Порой мы проводили вдвоем столько времени, что я советовала Мику отослать водителя. Когда мы зачали Кэрис, то знали, на что идем. Он хотел ребенка. Он чувствовал себя немного неуверенно, и ребенок помог бы ему обрести почву под ногами.

Потом мы стали друзьями. Я, если хотите, была для него чем-то вроде наперсницы. Если ему было тяжело с Бьянкой, он приезжал ко мне и все рассказывал. И когда мне надо было съездить на прослушивание в новом мюзикле, именно Бьянка или Мик сидели с ребенком. Я никогда не хотела выйти замуж за Мика, потому что понимала — ничего хорошего из этого не получится Я не могу выйти замуж за человека, который спит до двух дня.

Печально, конечно, что сейчас мы почти не общаемся. Однако я не думаю, что Кэрис очень плохо из-за того, что Мик с ней не видится. Скорее, от этого хуже как раз ему. Позднее, когда его популярность пойдет на убыль и он постареет, наверное, к нему вернется желание общаться с ней. Многие думают, что Мик бросил нас с Кэрис. Но это, конечно, неправда. Мало кому известно, что было между нами на самом деле. Но и я и Мик — мы-то прекрасно знаем, какие у нас были отношения».

Когда Кэрис исполнилось два года, Марша попросила в судебном порядке установить отцовство Мика. От адвокатов Мика потребовали представить его пробу крови. В итоге взбешенный Мик сам явился в суд.

— Я крайне огорчен, причем не из-за себя, — сказал он — Дело в том, что моя мать не знала обо всем этом, а она очень расстраивается, когда подобные вещи выставляются на публичное обозрение. Почему Марша такая дура?! Она преподнесла все так, словно я собираюсь бросить их с Кэрис умирать с голоду.

21

Казалось, все вокруг подсели на героин. Мы пристрастились к героину одинаковым образом — через кокаин. И были потрясены, когда поняли, что если не закинуться несколько раз за день героином, то вскоре приходят довольно болезненные ломки. Ни один кокаинист поначалу не осознает один простой факт: с каждой дозой этого чудесного, поднимающего дух наркотика он делает еще один шаг в сторону героиновой зависимости. Связь между кокаином и героином, можно сказать, мистическая: они имеют диаметрально противоположный эффект. Кокаин делает восприятие более острым и ясным; героин приносит забвение и эйфорию. Большинство говорят, что употребляют кокаин, чтобы стать как можно более коммуникабельными и бодрыми, и что никогда и ни за что не прикоснутся к героину. Но чем больше ты употребляешь кокса, тем больше изнашиваешься, превращаясь в суперэнергичного параноика, и тем больше твое тело и разум жаждут мира и покоя. Потом в конце концов кто-то дает тебе героину, и ты расслабляешься, будто попал на тихий солнечный пляж после недельных скитаний по ревущему океану.

Я хорошо знал об этой опасности, потому что в какой-то момент почти подсел. Но работать в мире рок-музыки и отказываться употреблять кокаин — то же самое, что быть членом регби-клуба и не пить. Если ты не принимаешь предложенную кем-то дозу и потом в ответ не предлагаешь свою — тебя в этой среде не примут. И хотя я все еще не кололся, но мало-помалу снова сел на героин. Кит с Анитой завязли в этом болоте гораздо глубже, чем я, и каждый день вкалывали себе по трети грамма порошка.

Наркотики были только одной из проблем группы. Принц Руперт Левенстайн, финансовый консультант «Роллинг Стоунз», провел месяцы над их бухгалтерией и обнаружил: группа заработала за последние семь лет почти 100 000 000 фунтов, и с этой огромной суммы не платилось никаких налогов, так что Управление по налоговым сборам могло в любой момент в принудительном порядке объявить их банкротами.

— Для вас существует только один легальный способ избежать банкротства, — сказал он им. — Вы должны официально считаться проживающими за границей, пока не начался 1971–1972 налоговый год.

Билл и Чарли очень расстроились. По складу характера они были скорее сельскими джентльменами, чем рок музыкантами, и бурная жизнь с «Роллинг Стоунз» грозила им преждевременной

старостью. Кит же и Мик были очарованы романтикой своего положения — в конце концов, им же приходится бежать с родины. Наконец они решили, что поедут на юг Франции, элегантно последовав, так сказать, по стопам Сомерсета Моэма. Там не будет проблем с полицией, не будет репортеров, днюющих и ночующих под дверьми, не будет вечной лондонской сырости. Их ждет совершенно новая жизнь. Но для начала им надо устроить кратковременные прощальные гастроли по Англии, выступить на телевидении и еще попытаться полностью завязать с наркотиками. Начинать жизнь заново кажется гораздо веселее, если ты не торчишь на героине.

На гастроли с ними поехал Маршал Чесс. Маршал, сын удачливого еврейского бизнесмена, основавшего в Соединенных Штатах «Чесс Рекордс», должен был исполнять обязанности директора собственной звукозаписывающей компании группы. Кроме того, он, как летящий на огонь мотылек, был увлечен экзотическим образом жизни «Роллинг Стоунз». Попутно он понял, что Бьянка гораздо умнее, чем он раньше думал. Она обыграла его почти на 6000 фунтов в карты, с помощью которых убивали время во время десятидневных разъездов с группой по стране. Конечно, он без колебаний заплатил. Проиграть подружке Мика было для него честью.

Девушка Мика Тэйлора, Рози Миллер, тоже ездила с ними. Три месяца назад она родила Мику дочь Хлою. Газеты как-то упустили это событие.

Кит с Анитой так плотно сидели на героине, что стали большой помехой для группы: они опаздывали на самолеты и поезда, задерживали почти все выступления. В довершение ко всему они повсюду таскали с собой Марлона и пса Буги.

Джаггер сейчас был из них самым крутым и элегантным. Он очень коротко постригся, носил облегающие свитера и длинные пальто и был больше похож на французского аристократа, чем на рок-звезду. Они с Бьянкой разговаривали почти исключительно по-французски и, несмотря на то что путешествовали с группой, общались в основном только друг с другом. Всем было ясно, что у них большая любовь.

Пиком турне стали два выступления в «Раундхаус» в Лондоне 14 марта. В гримерке тусовалось множество рок-звезд и их подруг, но Бьянка, в боа из человеческих волос и шляпе-колоколе, украшенной павлиньими перьями, несомненно, выглядела королевой бала, чего никогда нельзя было сказать про Марианну или Крисси Шримптон. Она была очень красивой, но лицо ее казалось иногда почти жестоким, как лицо Джаггера; казалось даже, что у нее нет обычной человеческой потребности кому-либо

нравиться.

Люди ее немного побаивались.

Как писал репортер Роберт Гринфилд, Бьянки не испугалась только одна болтливая поклонница группы по прозвищу Громкая Джойс, которая как-то умудрилась просочиться в гримерку.

— Прости, милая, — обратилась она к Бьянке, — не ты ли это была с группой «Осибиса» в их гримерке на прошлой неделе?

Рядом послышались смешки. Бедная Джойс действительно не знала, что Бьянка — женщина Мика. Она приняла ее за еще одну поклонницу.

— Кто это — «Осибиса»? — холодно спросила Бьянка.

— О, вау! — щебетала дальше Джойс. — Значит, есть кто-то с такими же вибрациями, как у тебя. В смысле, она как твоя сестра близнец. У нее лицо один в один как твое.

Бьянка закатила глаза. Джойс плавно оттеснили от нее.

Выступление в «Раундхаус» было удачным и получило восторженные отзывы. Джаггер всегда читал рецензии в прессе, и на этот раз он вздохнул с облегчением. Успех в Лондоне не имел решающего значения в плане денег, но Лондон всегда был самым искушенным в рок-музыке городом, и вести об успехе или провале здесь быстро облетали весь мир.

«Декка» взялась даже за приснопамятный «Cocksucker Blues», выпустив без разрешения группы альбом под названием «Stone Age». Диск состоял из двенадцати песен, из них четыре были взяты из уже вышедших альбомов. Джаггер был так разгневан, что оплатил рекламное объявление с траурной черной рамкой на целую страницу во всех британских музыкальных изданиях, которое гласило: «Осторожно! Сообщение от «Роллинг Стоунз» по поводу «Stone Age». Эта запись выпущена без нашего позволения. По нашему мнению, она гораздо ниже стандартов, которых мы стараемся придерживаться, — и в отношении содержания, и в отношении дизайна обложки». Все музыканты подписались под этим.

Сразу после английских концертов тура я отвез Кита в Редлэндс, где он собирался слезать с героина. Анита тоже хотела слезть, но они договорились, что будут завязывать по очереди, чтобы кто-то мог присматривать за Марионом.

Он лечился так называемым морфиевым курсом у Смити. Эта жесткая, без чувства юмора шестидесятилетняя матрона была такой грозной, что отучила Роберта Фрейзера и многих других модных тусовщиков Челси от героина. За ней закрепилась репутация человека, который может снять с наркотиков любого меньше чем за две недели. Ее метод заключался в запихивании Киту под язык таблеток с заменителем морфия, постепенно, день

за днем, снижая дозу. Поначалу он нервно смеялся, как мальчик, возбужденный тем, что курит свою первую сигарету, но потом по его телу побежали мурашки, из носа потекло, а мышцы живота начало сводить ужасными судорогами. Когда он уже не мог больше терпеть, Смити давала ему еще пару своих таблеток, и он хватал их с отчаянием тонущего человека, цепляющегося за кусок дерева.

Когда я через десять дней поехал в Редлэндс, чтобы забрать его, он выглядел измученным и бледным, но излучал радость, словно его только что выпустили из тюрьмы. Когда мы неслись ночью в направлении Лондона в его «бентли» с затемненными стеклами, Кит вставил в магнитолу кассету Бо Дидли. Зазвучала «Мона», и Кит включил два маленьких высокочастотных динамика, которые приделал снаружи машины. Музыка понеслась по узким деревенским улочкам. В зеркало заднею обзора я видел череду деревенских жителей, которые провожали удивленным взглядом полуночных сумасшедших в синем «бентли».

— Иппиии… круто, мать твою! — закричал Кит. — Есть кокаин?

И тут я понял, что его выздоровление кратковременно.

Следующим вечером группа должна была присутствовать в «Марки», клубе на Уордор-стрит в Сохо, чтобы там записать прощальное телевизионное шоу для своих британских фанов. Анита в тот вечер согласилась начать лечение. Ее поместили в отдельную палату в частной лечебнице «Боуден Хауз» в Хэрроу-он-зэ-Хилл, которая специализировалась на лечении алкогольной и наркотической зависимости.

Врач в больнице сразу сказал Аните, что они разработали такой метод лечения, в котором проблема ломок полностью преодолена.

— Мы успокаиваем вас снотворным и в то же время постоянно даем сниженные дозы метадона, заменителя героина, — сказал он. — Вы не будете чувствовать абсолютно никакой боли.

Когда приехала машина, чтобы забрать Аниту в больницу, она была почти спокойна, но умоляла всех нас дать ей немного героина.

— Я же с ума сойду, — в панике говорила она.

Но Кит был непреклонен.

— Ты ненормальная? — спросил он ее. — Как ты собираешься слезать, если в первый же день хочешь пронести его в больницу?

Телевизионное шоу в «Марки» закончилось катастрофой. Владелец клуба, Харольд Пендлтон, поставил огромный стенд с рекламой своего клуба прямо поперек сцены, совершенно

игнорируя инструкции Мика.

Поначалу музыканты пытались просто не замечать стенда. Но затем телевизионный режиссер начал жаловаться, что этот чертов стенд мешает операторам снимать. Кит приказал Пендлтону убрать его.

— Нет, — заявил Пендлтон. Тогда Кит попытался ударить своим тяжелым красным «Гибсоном» Пендлтона в лицо, промахнувшись лишь на волосок. Вмешались администраторы и разняли дерущихся. В общем, все кончилось тем, что им пришлось покинуть клуб.

Мику понадобилось часа два, чтобы убедить Кита в необходимости этого шоу, и группа все-таки записала совершенно ужасное часовое выступление. Этот фильм никогда не показывали в Британии, но он хорошо расходился в Европе, где рок-фанаты были менее разборчивы.

В полночь Кит, Майкл Купер, моя подруга Мадлен и я подошли к «бентли» Кита. Кит пошарил по карманам, а потом жалобно спросил:

— Тони, ключи от машины у тебя?

— Разумеется, нет, — ответил я. — Когда ты их в последний раз видел?

Кит, как оказалось, по прибытии в «Марки» дал ключи приятелю по имени Джин и попросил его припарковать машину. Джин, к сожалению, возвращением ключей пренебрег, и, поскольку никто из нас не знал, где он живет, мы были вынуждены звонить в полицию, чтобы выяснить, не могут ли они помочь нам завести машину. Два прибывших офицера были сама вежливость и быстро завели машину, замкнув зажигание куском проволоки.

Мы с Майклом Купером на это время отошли в сторону и молились, чтобы полицейским не пришло в голову обыскать нас на предмет наркотиков.

Затем мы поехали ко мне и загнали машину в гараж.

— Пусть двигатель работает, — сказал Кит, — чтобы мне не пришлось утром опять звонить в полицию и просить завести.

И мы оставили глухо урчащую машину одну.

Дома Майкл Купер вынул некоторое количество героина — он плотно сидел — и предложил народу вокруг.

— Полагаю, ты не хочешь, Кит? — спросил он.

— Само собой, хочу, — ответил тот. И все лечение пошло насмарку.

Утром мы проснулись около девяти. Была суббота, и, выпив по чашке кофе и нюхнув кокаину, Кит, Майкл и я спустились вниз посмотреть, что с машиной. Двигатель все еще работал, но в

бензобаке осталось мало бензина, а сам он был закрыт крышкой с замком.

— Надо срочно ехать к Х.-Р. Оуэну в Кенсингтон, — сказал Кит. — Они продали мне машину, к ним и надо обратиться.

Я попрощался с Китом и Майклом и отправился домой. Почти сразу после того, как я пришел, зазвонил телефон. Это была Анита, и, судя по всему, у нее была истерика.

— Тони, забери меня отсюда!

— Какого дьявола, что там с гобой?

— Я не могу заснуть! Мне дают таблетки, но это дерьмо, а не снотворное. Они кормят меня метадоном, а я от него и дома-то заснуть не могу. Я ужасно себя чувствую… просто отвратительно! Где там Кита черти носят?

— Поехал чинить машину.

— Ладно, найди его и скажи, чтобы забрал меня отсюда. Скажи, чтобы немедленно приезжал и увозил меня из этой долбаной психушки.

— Как я его найду? Он на машине.

— Если ты его не отыщешь, я сама отсюда выпишусь!

Я прекрасно понимал ее и искренне сочувствовал, потому что по себе знал, что такое героиновая ломка. Чем дальше, тем больше боли и мучений. И осознание, что одна понюшка мгновенно прекратит все страдания. Ломка — это как будто катаешься по колючей проволоке, выпив предварительно бутылку моющего средства. Это дикая пытка.

Я позвонил в офис «Роллинг Стоунз» и попросил передать, чтобы Кит, как только объявится, перезвонил мне. В обед он позвонил из бара на крыше отеля «Хилтон». Он был так пьян, что я почти не разбирал, что он говорит. С трудом я понял, что дубликата ключей у Х.-Р. Оуэна не оказалось, однако они вскрыли бак «бентли» и теперь у Кита хватит топлива на несколько дней.

Они с Майклом, не заглушая двигатель, припарковали машину в подземном гараже «Хилтона». Затем поднялись на лифте в бар и последние три часа пили коктейль «Маргарита».

— Дддолжен сказззать, — промычал он, хихикнув, — пхоже, я нмного ннажрался…

— Не беда. Анита собирается удрать из «Боуден Хаус», если ты не заедешь туда за ней. Она в ярости и, похоже, способна на все.

— Господи! — тут он, казалось, слегка протрезвел. — Да смогу ли я когда-нибудь пожить спокойно, не парясь из-за этой долбаной бабы? Врачи сказали, что она три дня будет спать под снотворным и поэтому меня пока к ней не пустят. Ладно, съезжу туда.

Кит с Майклом сели в машину и для затравки понюхали кокаину. Кит и в лучшие времена водил не очень. Но сейчас, переломавшись, нажравшись и понюхав кокаин, он вел так, что машину постоянно бросало из стороны в сторону. Из магнитофона ревел их новый альбом «Sticky Fingers». Майкл Купер просто закрыл глаза и приготовился к смерти. Вскоре Кит вырулил на встречную полосу, слегка задел ограждение и помчался уже по ней, распугивая гудком тех, кто осмеливался ехать ему навстречу. Так они проехали Пэддингтон и выехали на Уэмбли, а там, когда они уже готовились повернуть на Хэрроу, Кит заметил, что вот-вот врежется в грузовик. Он резко рванул руль, и машина, повернувшись, врезалась в железный барьер. Из пробитого радиатора сразу повалили клубы дыма, словно туда кинули ручную гранату. При этом из магнитофона продолжали доноситься звуки «Brown Sugar», а двигатель все еще работал.

— Быстрей, — сказал Майкл, — валим отсюда, пока копы не приехали. У меня один знакомый живет поблизости.

Они выскочили из машины и под взглядами случайных зрителей, открывших рты от изумления, помчались вниз по улице. Вскоре они уже стучали в дверь небольшого дома.

— Здесь живет Ники Хопкинс, — пояснил Майкл, и Кит вздохнул с облегчением. Ники был музыкантом и иногда играл с «Роллинг Стоунз». Кит знал, что ему можно доверять.

Пока они смывали с себя кровь в ванной, Ники вызвал лимузин, чтобы их отвезли в «Боуден Хаус». Кит быстро позвонил Аните и рассказал о происшедшем. Та закричала на него:

— Привези мне героина или я сию минуту свалю отсюда!

— Все, все, — успокаивал ее Кит, — сейчас приеду и привезу. Но немного.

Спрятав наркотики у Ники в туалете, Кит с Майклом поехали к Аните.

Спустя пару часов Кит приехал ко мне и поведал обо всем случившемся. Удивительно, но он до сих пор был пьян в стельку.

— Так что с машиной? — спросил я. — Кто вам ее отбуксировал?

— Черт с ней, с машиной! Наверное, больше никогда ее не увижу, но это меня уже не особенно волнует. Если я поеду туда, меня потащат в участок и начнется вся эта кутерьма с лишением прав и так далее.

На следующий день, в воскресенье, меня в десять утра разбудил бешеный стук в дверь.

— Скорее! — крикнул я Мадлен. — Наверняка полицейские. Спусти все, что есть, в унитаз.

Спустя пять минут в дверь уже колотили так, что я всерьез

опасался, как бы ее не выбили. Наконец все наркотики были смыты в канализацию, и я открыл. За дверью стояла Анита.

— Ради бога! — выкрикнула она по-итальянски. — Почему ты так долго не открывал?

Я объяснил, и тут она в отчаянии схватилась за голову.

— А я за этим и приехала. Тони, мне плохо, лекарства не помогают. Найди мне где-нибудь героин, срочно.

— Жди меня здесь, — сказал я и поехал на поиски. Вернулся я пару часов спустя. Ей было уже по-настоящему плохо. Руки дрожали, а тело сотрясали конвульсии, словно ее било током. Она понюхала и буквально через секунду забылась глубоким сном, как обычно засыпают дети.

Вечером она вернулась в «Боуден Хаус», но наутро вновь пришла ко мне, моля об очередной дозе героина. Так продолжалось четыре дня. В конце концов рассерженный доктор Морис позвонил Киту и объяснил, что у его жены теперь героина в крови гораздо больше, чем в начале лечения. Если она не может проводить в лечебнице целый день, дальнейшее пребывание ее там становится бессмысленным.

Кит долго выговаривал Аните, и в конце концов она согласилась остаться и пройти весь курс лечения. Однако врачи настаивали, чтобы Кит не приезжал к ней. Они осуждали его за то, что он ругается с ней и привозит ей наркотики.

Трудное задание посещать Аниту легло на мои плечи. Я поехал к ней на лимузине с огромным букетом цветов, сердечно обнял, поцеловал и незаметно передал немного кокаина.

— Вот тебе в качестве утешения. Кит взял с меня обещание, что я не буду возить тебе героин, так что придется тебе обходиться кокаином.

Она настояла, чтобы я приехал попозже и привез еще. Так я и ездил в «Боуден Хаус» — дважды в день целую неделю.

В конце концов она не выдержала напряжения и выписалась в гораздо худшем состоянии, чем ложилась туда. Врач прописал ей таблетки, заменяющие героин и облегчавшие ломку. Но конечно, надежда на то, что с их помощью она завяжет, была очень слабая.

Наступил апрель, и «Роллинг Стоунз», взяв с собой женщин, детей, драгоценности и видеокамеры, решили искать убежища на южном побережье Франции. Они спасались от английских налогов, от постоянного навязчивого внимания со стороны полиции, от враждебных нападок газет. Они отступали и спасались бегством. Уличные хулиганы, жаждавшие изменить мир, оказались побеждены своим богатством и властью денег. Они бежали, покидая подростков, которых совсем недавно призывали к бунту. Теперь их манил достаток и праздность.

22

С холма в Сен-Тропе, где стояла крошечная белая церковь св. Анны, открывался потрясающий вид на лазурные просторы Средиземного моря. То здесь, то там белели паруса яхт. На севере же вздымались горы с прохладными сосновыми лесами и журчащими ручьями.

Мик и Бьянка наткнулись на это местечко случайно, когда, держась за руки, просто прогуливались, знакомясь с городом.

— Выходи за меня замуж, и мы уплывем отсюда на большой белой яхте и всю оставшуюся жизнь будем любить друг друга и любоваться нашими прекрасными детьми.

— Я люблю тебя, — отвечала она и целовала его в губы с сестринской нежностью.

Звоня в Дартфорд, чтобы пригласить родителей на свадьбу, Мик даже заикался немного от переполнявшего его возбуждения.

— Приезжай обязательно, — сказал он матери, — я уже забронировал для тебя номер в нашем отеле в Сен-Тропе. На другом конце провода Эва Джаггер всхлипывала от радости при мысли о том, что Мик наконец-то остепенится, женится и осядет на одном месте.

— Я так счастлива, Мик, — повторяла она. — Как же я счастлива!

— Да, только не говори пока никому о нашей свадьбе, — добавил Мик. — Мы хотим провести ее тихо и спокойно.

Однако обвенчаться в маленькой церквушке оказалось немного сложнее, чем они ожидали. Церковь была римско-католической, а Мик воспитывался в англиканской традиции. Несколько недель он под руководством пастора, преподобного Люсьена Бода, вникал в католицизм. Наконец отец Бод сказал: «Из него, без сомнения, получится хороший католик. Он все больше проникается нашей верой. Он очень серьезный и умный молодой человек. Да, он крещен в англиканской церкви, но мне кажется, что он не такой уж ревностный ее прихожанин. Хотя у него явно есть сильные религиозные чувства. Он верит по-настоящему, всем сердцем».

Слухи о грядущей свадьбе неуклонно распространялись.

Венчание было назначено на 12 мая.

Мик хотел, чтобы на церемонии присутствовали только самые близкие люди: Кит, его брат Крис, Роже Вадим и Натали Делон. Бьянка тем не менее настояла на том, что это важное событие и на нем должно быть много людей. Они заказали чартерный самолет из Лондона на семьдесят пять друзей.

Мик позвонил и, пригласив, сразу взял с меня клятвенное обещание: никому ни слова. «Мы не хотим, чтобы об этом прознали репортеры, — пояснил он. — Это может все испортить». Я, однако, поражался его наивности. Неужто он действительно думает, что если он пригласил все сливки британского общества лететь к нему чартерным рейсом, то пресса не прознает про это?

В ночь перед свадьбой Мик снова позвонил мне.

— Как ты там, Тони? Летишь к нам завтра?

— Конечно. С нетерпением жду этого момента. Я возьму с собой Мадлен. Да, может, уже поздновато, но я хотел спросить о подарке. В принципе у меня есть небольшой сюрприз для тебя. Но если ты хочешь какой-нибудь особенный, конкретный подарок, говори, не стесняйся.

— Ну, — сказал он, — ты ведь знаешь, что я очень-очень люблю, не так ли, Тони?

И я понял, что он имеет в виду кокаин.

— Это может оказаться сложновато, Мик, — ответил я, — однако постараюсь что-нибудь придумать.

— Был бы тебе чрезвычайно благодарен. Тони. Жениху в брачную ночь очень нужен к-о-к[8].

Я, честно говоря, не знал, как выкрутиться. С тех пор как полицейские посадили трех крупнейших дилеров, этот наркотик в Лондоне достать стало крайне проблематично. Но у меня был один друг в Мидлэнде, стоматолог. В прошлом он иногда снабжал меня кокаином — в обмен на альбомы «Роллинг Стоунз». Он должен был отчитываться за него, однако делал пациентам анестезию другими лекарствами, а в отчете записывал, что давал им кокаин. Таким образом он экономил около грамма кокаина в неделю.

Я позвонил ему и поделился своими проблемами. Он был рад мне помочь.

— Конечно, — сказал он. — У меня тут есть около трех граммов. Если хочешь, можешь заехать. Но на этот раз мне не нужны альбомы, лучше заплати деньгами.

— Без проблем, — согласился я, — с радостью заплачу.

Я тут же перезвонил Мику в Сен-Тропе, и он пришел в восторг:

— Потрясающе! Слушай, я пошлю частный самолет в Хитроу сегодня же вечером. И тогда твой подарок будет у меня уже в эту ночь.

— Шутишь? — спросил я. — Не надо испытывать судьбу. Это просто смешно.

— Я не шучу, — ответил он, — и никаких отговорок не принимаю.

— Ладно, будь на телефоне. Мне нужно удостовериться, что это действительно можно будет сделать сегодня.

Однако когда я перезвонил стоматологу и спросил, можно ли мне послать в Мидлэнд парня, чтобы купить порошок прямо сейчас, тот запаниковал и категорически отказался.

— Нет, ничего не получится, — говорил он, — у меня все на работе. Я завтра утром в любом случае поеду в Лондон, так что заходи, скажем, в 10 утра. По никак не раньше.

— Черт! — только и выругался Мик, когда я опять перезвонил ему.

На борту самолета в Гэтвике собрались суперзвезды современного мира: Пол Маккартни с Линдой, которая уже стала его женой, Ринго Стар, Эрик Клэптон с аристократичной Элис Ормсби-Гор, Кит Мун, Питер Фрэмптон, Доньель Луна и даже Роберт Фрейзер. В аэропорту было множество репортеров, которые брали интервью у всех, до кого успевали добраться (у меня, например, взял интервью репортер Си-би-эс).

По пути в Ниццу мы пили шампанское. Когда мы приземлились, нас уже поджидал автобус, который должен был отвезти всех прямо на свадебную церемонию. Я, как наркокурьер, удостоился личного транспорта. Около роскошного длиннющего «кадиллака» стоял водитель и держал в руках плакат с моим именем. Когда я подошел к нему, он проговорил:

— Сэр, мистер Джаггер послал меня сюда сопровождать вас. Он просил меня привезти вас к нему как можно скорее.

Тут возникла небольшая проблема, ибо я заплатил другу, чтобы он съездил за кокаином, и теперь этот друг уже сидел в автобусе. Наконец я докричался до него, и он выбросил пакет через окно прямо на проезжую часть. Когда я, схватив свою контрабанду, скрылся внутри лимузина, Пол Маккартни с Линдой отпустили несколько язвительных замечаний.

Мы приехали к отелю «Библос», где остановились все музыканты группы. Отель располагался посреди леса на берегу океана. Гости поселились в небольших коттеджах вокруг огромного бассейна с прозрачной голубой водой.

Как только я вылез из автомобиля, ко мне подбежал Кит:

— Слава богу, ты приехал! Я тут сижу без кокса уже несколько дней. А Анита ест метадон и дуреет от него.

Он чуть ли не силой потащил меня к себе в коттедж. Там я дал ему немного кокаина, который берег для себя. Они с Анитой неслабо вынюхали из моего пузырька, после чего Кит откинулся на кровать.

— Но ты, наверное, привез гораздо больше? — спросил он. — Прячешь? Где порошок?

— Ты меня об этом не просил, — отрезал я. — Но если вам так хреново, можешь взять то, что осталось в этом пузырьке. А мне надо на минутку отлучиться.

Я прекрасно знал, что Анита и Кит не испытают ни малейших угрызений совести, отобрав силой кокаин стоимостью в 1500 фунтов, который я купил для Мика и спрятал в брюках, если не смогут уговорить меня отдать его добровольно.

Мик был у себя в комнате один. Мы поговорили с ним о предстоящей церемонии. Он казался опечаленным.

— Похоже, в женитьбе больше всякой долбаной суеты, чем чего-то действительно стоящего, — сказал он.

Вместе мы употребили несколько дорожек кокаина, и он рассказал, что они с Бьянкой жутко поссорились. Они не сошлись во взглядах относительно французского добрачного контракта. Бьянка была так упряма, по словам Мика, что ему пришлось поставить условие: если она не согласится подписать контракт, он отменит свадьбу.

Кроме того, выяснилось, что они не могут просто обвенчаться в церкви св. Анны. Для того чтобы церковь благословила их союз, прежде надо сочетаться законным браком в адвокатской конторе.

Мик с Бьянкой медлили, а на месте уже собралась толпа репортеров, фотографов и просто поклонников. Все они недовольно шумели, ожидая начала. Мэр Мариус Эстесан, который должен был вести гражданскую часть церемонии, расхаживал, надувшись от гордости, и позировал фотографам. Когда Лес Перрин, отвечавший у Джаггера за связи с прессой, позвонил Мику в гостиницу сообщить, что его ожидает целая толпа, тот крикнул в трубку:

— Избавься от них как-нибудь! Если там будет столько народу, мы просто все отменим!

Было уже двадцать минут пятого, хотя свадьба была назначена на четыре. Перрин попытался очистить зал от посторонних, но безуспешно. По французским законам на церемонию бракосочетания могут приходить все, кому захочется.

— Если невеста с женихом не прибудут в четыре тридцать, свадьбы не будет, — объявил мсье Эстезан.

Перрин перезвонил Мику и объяснил ситуацию.

— Вот черт, — выругался Мик, — как бы я хотел, чтобы эта женитьба не стояла у меня в планах на первом месте!

Наконец они все-таки решили ехать. Перрин сумел убедить мэра подождать. Начали приезжать гости. Кит был взбешен и расталкивал всех на своем пути. Он разбил папарацци фотоаппарат, а когда какой-то коллекционер автографов протянул ему записную книжку, Кит вырвал ее и швырнул на пол.

Пока он бушевал, прибыли родители Мика, Эва и Джо Джаггер. Они выглядели немного испуганными и жались между лордом Литчфилдом и Ронни Вудом, всячески старавшимся не привлекать к себе внимания.

Наконец Мик с Бьянкой приехали. Они опоздали почти на час. Как только они вышли из машины, их ослепили вспышки фотоаппаратов и оглушили вопросы репортеров.

— Да пошли вы, — пробормотал Мик. — Нет, на такое я не согласен.

Бьянка, наряженная в свадебное платье с глубоким, почти до сосков, вырезом, начала визжать — к вящей радости репортеров. Перрин шепнул Мику на ухо:

— Надо быстро покончить с этим, и они отстанут.

Мик сдался и предложил представителям прессы сфотографировать их и оставить наконец в покое. Снимки в результате вышли неудачные, как в Альтамонте, но журналюги наконец отвязались от новобрачных.

Церемония заняла считанные минуты. Мик с Бьянкой поставили на брачных документах свои подписи. За ними расписались свидетели — Роже Вадим и Натали Делон.

Когда они вышли и, сев в «бентли», поехали в церковь, за ними вновь начали охотиться фотографы. Кроме того, появилась небольшая группа революционно настроенных студентов, митинговавших против экстравагантности брачной церемонии. Их возмущало, что человек, обещавший покончить со старым порядком, сделал из своей свадьбы праздник для избранных и богатых. Подростки обступили его машину и осыпали его бранью. Джаггер не стал их слушать и быстро ретировался.

Когда они приехали в церковь, Лес Перрин наотрез отказался пускать представителей прессы внутрь. Он был настроен настолько серьезно, что в конце концов случайно захлопнул двери. И когда Мик приехал, ему пришлось стучать в тяжелую дубовую дверь, крича: «Лес, Лес, открой, это я!» Все это время на нем почти висели поклонники, жаждущие автографа. Наконец дверь распахнулась, и жениха с невестой впустили.

Церковь выглядела необычно — толпы девушек в прозрачных платьях и мини-юбках и отец Бод, явно шокированный происходящим. Когда он начал службу, органист заиграл сентиментальные мелодии из «Истории любви». Музыку выбирала Бьянка.

Лорд Патрик Литчфилд подвел Бьянку к алтарю. Священнику Джаггер явно нравился, и он, отечески улыбаясь, сказал Мику:

— Ты говорил мне, что молодежь ищет счастья, идеалов и веры. Я думаю, ты тоже. И надеюсь, женитьба поможет тебе

обрести их. Однако когда ты человек настолько известный, к сожалению, о тихой, уединенной свадьбе остается только мечтать.

После свадьбы в знаменитом «Кафе Искусств» (Cafe des Arts) была устроена праздничная вечеринка, на которую собралось около тысячи человек. Я там глазел на Брижит Бардо, пробиравшуюся сквозь толпу. Вообще, я привык к женской красоте, но, увидев ее, просто онемел на некоторое время.

Бьянка была в белом тюрбане и просвечивающей бесплотной тунике, которая не скрывала ничего. В этом сезоне в Сен-Тропе было модно ходить с почти обнаженной грудью.

Вечеринка была декадентской и экстравагантной: омары, икра, шампанское — все, что пожелаете. Играл тут, к сожалению, местный ансамбль, однако они сумели выдать рэгги из репертуара «Рудис» и несколько песен Терри Рейда. Затем на сцену поднялся Мик и спел вместе с Дорис Трой, П.-П. Арнольдом, Стивом Стиллсом и другими звездами. Они были великолепны.

Бьянка была оскорблена тем, что Мик не обращает на нее внимания, и незаметно ускользнула в отель. Одна. Джо и Эва Джаггер также столкнулись с тем, как им трудно добраться до сына, думающего, похоже, только о себе. Весь день они пытались протиснуться к нему, чтобы вручить подарок, но им так до вечера это и не удалось. И миссис Джаггер сказала репортеру: «Надеюсь, что другой мой сын суперзвездой не будет».

В четыре утра вновь подъехал автобус, чтобы забрать лондонских гостей, которые с рассветом должны были вылететь обратно. Остаться решили только Эрик Клэптон с дочерью лорда Харлеча, Элис Ормсби-Гор. Они сидели на героине, и у них начиналась ломка. Они были довольны тем, что приехали, но свадьба слишком затянулась, и им теперь было плохо без героина, который они побоялись везти с собой из Лондона. Я отвел их обратно в отель и убедил Аниту поделиться с ними небольшим количеством метадона, лекарства, снимающего эффект ломки.

Мы говорили с ними всю ночь, и они рассказали, как начали торчать.

— Парень, у которого я покупал кокс, послал мне немного героина, попробовать, — говорил Эрик, — но мне не понравилось, и я засунул его куда-то в ящик. Мне вообще не хотелось с ним связываться. Но как-то раз кокаин нельзя было нигде достать, и я нюхнул героин. Сначала он не показался мне чем-то из ряда вон выходящим. «Так, много шума из ничего», — думал я. Однако постепенно мы с Элис начали употреблять все больше и больше.

И теперь сам видишь, в каком мы состоянии, — тут он рассмеялся.

У Эрика была даже своя теория почему музыканты часто садятся на героин:

— Музыканты живут так, что им постоянно нужна эмоциональная подпитка. А героин — вероятно, лучшее болеутоляющее в мире.

Когда наступил рассвет и сверчки заиграли свой струнный концерт, нас охватила внезапная радость от собственного существования. Мы с Эриком повернулись друг к другу и сказали, что да, чувак, вот это был праздник.

И потом вдруг на меня снизошло прозрение. Я уверен, никто из приглашенных не обратил на это внимание, но… миссис Бьянка Перес Морено де Мациос Джаггер была на четвертом месяце.

23

Уильям Берроуз был героинистом с серьезным стажем. Его жена Джоан съедала ежедневно столько бензедрина, что если накормить им гиппопотама, тот бы наверняка пробежал милю за четыре минуты. Однажды на вечеринке у них дома, когда все уже были изрядно под кайфом, она положила на голову яблоко — или абрикос, не помню уже — и предложила мужу сбить его выстрелом. Вообще-то Билл был великолепным стрелком. Но в тот раз он вытащил свой кольт сорок пятого калибра и проделал ей маленькую аккуратную дырку во лбу. Суд присяжных решил, что убийство было случайным и непредумышленным. Билл начал писать «Голый завтрак», который одни признают венцом творения, а другие при упоминании о нем морщатся от отвращения. Ему было уже за пятьдесят, и тридцать из них он торчал на героине.

Когда мы встретились с ним в Виллефранше, он понравился Киту с первого взгляда.

Мы с Китом гуляли по порту, любуясь шхуной Эррола Флинна, когда к нам подошел знакомый по прозвищу Джонни-в-Подтяжках и представил своего друга, Билла Берроуза. Мы с Китом потрепались с ними полчасика, а затем расстались, обменявшись приглашениями при случае заехать поторчать вместе.

В то время мы с Китом и Анитой (и множеством постоянно сменяющихся гостей) жили в роскошном белом особняке, похожем на дворец и носившем название «Нелькот». Он возвышался над рыбацкими домиками Виллефранша, словно Акрополь над Афинами. Комнаты были обставлены антикварной мебелью, а пышный сад спускался почти до пристани. Здесь росли персики, виноград, апельсины и бананы. «Нелькот» был для меня венцом архитектурного мастерства, культуры и человеческого воображения. Такого чудесного места я больше в жизни не встречал. Особняк обходился Киту в тысячу фунтов в неделю. Ему предлагали купить его всего за миллион, но он решил, что не стоит приобретать недвижимость ради нескольких месяцев, лучше снять. Цена его мало волновала, он просто хотел быть уверен, что у него будет достойное жилье во Франции.

Мы прожили там уже десять дней. Первые романтические впечатления от нового места быстро развеялись, и вскоре Киту с Анитой стало скучно. Да, дом был просто восхитителен, однако сейчас для них двоих счастье состояло в том, чтобы понюхать или уколоться. А когда ты «чужак в чужой стране», достать наркотики

довольно проблематично.

Я как раз стоял на крыльце, любуясь яхтами, снующими у причала далеко внизу, когда заметил, что к нашему дому подъезжает «бентли» Он затормозил на посыпанной гравием дорожке, и из машины выбрался Джонни-в-Подтяжках. По-настоящему его звали Джон Бритойл, а прозвище дали за огненно-красные подтяжки, которые он, похоже, никогда не снимал.

— Здорово! — сказал он. — Я тут как раз проезжал мимо и вспомнил о вашем с Китом предложении вместе закинуться.

— Привет. Извини, но у Кита сегодня плохое настроение, и они с Анитой не хотят никого видеть.

— О, ну ладно. А то у меня есть с собой немного хорошего героина, хотел предложить.

— Подожди-ка минутку, — проговорил я. Это было именно то, что быстро поднимет настроение им обоим.

Кит с Анитой молча лежали на огромной кровати и читали. Не успел я сказать, что Джонни приехал, как Кит просто взревел от ярости.

— Да кто он такой? — орал он. — Только нахалов нам здесь не хватало. Кто его приглашал? Чувак, дай ему в… в общем, гони его в задницу.

— Кит, — прервал его я, — он привез героин.

— Так что же ты сразу не сказал? Скорее впусти его! Налей выпить. Не заставляй его ждать. Мы тут сидим и ждем, пока что-нибудь произойдет, а там, оказывается, уже приехал чувак со всем необходимым! Какого черта ты медлишь?

Джонни задумчиво походил по гостиной. Он похвалил дом, и мы поговорили о какой-то ерунде. Наконец, не выдержав, я спросил:

— Слушай, так ты будешь с нами закидываться?

— Так Кит все-таки хочет понюхать? И где же он сам?

Кит с Анитой удостоили его своим обществом лишь после того, как я объяснил: Джонни даст героин, только если они спустятся и пообщаются с ним. Тогда они торопливо, словно пара хищников, спешащих к добыче, сошли вниз по роскошной лестнице особняка.

Кит всегда был подозрителен, но сейчас для его подозрительности имелись основания: Джонни достал из кармана брюк женскую пудреницу.

— Вот, — он протянул ее нам. Внутри находился порошок, очень напоминавший обычную розовую пудру. Кит жадно втянул его носом сквозь золотую трубочку — мой подарок, который он всегда носил на шее на цепочке.

— Эй, Тони, — шепнул он мне на ухо, — похоже, этот чертов шутник хочет нас кинуть и подсунуть тальк.

Однако спустя несколько минут его накрыло приходом от чистого таиландского героина, и он безвольно откинулся на спинку кресла, как и все остальные.

Когда Кит пришел в сознание, он повел себя с Джонни как со старым другом.

— Что ж ты, парень, раньше не приезжал? В общем, мы тебе всегда будем рады. Но скажи-ка, можно ли тут достать еще дури? Можно? Да, кстати, для твоей же безопасности можешь пока оставить здесь эту пудреницу.

Джонни колебался. Он как раз собирался поехать в Лондон. Если же он оставит нам героин, ему придется возвращаться за ним в Марсель.

— Тебе нужно в Лондон? — переспросил Кит. — О'кей, можешь остановиться у меня на Чейн-Уолк. Место потрясающее, и если снабдишь меня порошком, живи там бесплатно хоть две недели.

И сделка состоялась. Решили, что я отправлюсь в Челси вместе с Джонни, чтобы объяснить ему, как отключить бесчисленные охранные системы и сигнализацию, показать дом и хозяйство. Затем вернусь в Виллефранш. Договорились также, что Джонни может жить на Чейн-Уолк сколько хочет. Первые две недели бесплатно, а потом — за триста фунтов в неделю.

Джонни так расчувствовался, что даже позвонил своим марсельским дилерам и попросил снабдить Кита наркотиками в следующий раз, когда те будут проезжать мимо «Нелькота».

Яхта Эррола Флинна была, без сомнения, одним из самых изящных судов на Средиземном море — огромная, округлая, с коричнево-черным корпусом, двумя деревянными мачтами и белоснежными парусами. Однако старушка знавала и лучшие дни.

Корпус погрузился в воду почти до ватерлинии, одна мачта была сломана. Она еще оставалась на плаву лишь потому, что два электрических насоса-помпы круглые сутки откачивали воду из трюма. На ней не плавали уже долгие годы.

Кит всегда был в восторге от похождении Эррола Флинна, чьи хулиганские выходки и презрение к закону выдавали в нем родственную душу. И Кит начал подумывать, не приобрести ли ему эту яхту. Он поделился этой идеей с Анитой, и однажды, когда море было спокойным, мы все вместе пошли посмотреть на нее.

Кит даже поговорил с начальником порта о ее покупке, но выяснилось, что после трагической смерти сына Флинна во

Вьетнаме за шхуну не платились никакие налоги, и теперь за ней числилась задолженность более 100 000 фунтов. Сам же начальник порта был намерен держать ее на плаву, пока суд по делам о наследстве не вынесет по ней решение, и тогда он сможет подать иск и получить потраченные на нее деньги.

— А что если она просто потонет однажды ночью? — поинтересовался Кит.

— Тогда она по всем морским законам будет принадлежать тем, кто спасет ее.

— Понял, что это значит? — спросил Кит, когда мы отошли подальше. — Если мы потопим ее, то можем потом договориться с экипажем спасательного судна штук за пятьдесят. Пару недель я выжду. А потом как-нибудь ночью можно будет просто отключить эти насосы. И к утру она уйдет на десять метров под воду.

Однако когда прошло две недели, он решил, что сам не может рисковать, и поручил это сделать мне. Но я отказался. Мне не улыбалось выплачивать потом 100 000 фунтов за эту диверсию — французики относятся к таким делам довольно серьезно. Тогда Кит попросил найти кого-нибудь, кто согласится. Однако я ответил, что на такой риск не пойдет никто. На том наш разговор и закончился — вместе с мечтами о судне.

Джонни-в-Подтяжках был в восторге от особняка на Чейн-Уолк. Однако он обрадовался еще больше, когда узнал, что по соседству живут Пол и Талита Гетти:

— О, я знаю Талиту! Мы с ней старые друзья.

К несчастью, их старая дружба закончилась впоследствии довольно печально.

Когда я вернулся на Ривьеру, проявились и марсельские дилеры Джонни — два дюжих корсиканца, нещадно потевших в своих роскошных светлых костюмах. У обоих были одинаковые черные очки и кейсы. После первого обмена любезностями старший открыл свой кейс и достал оттуда здоровый, с килограммовую пачку сахара, пакет.

— Чистый таиландский героин, — пояснил он. — Неразбавленный и очень хорошего качества.

Кит заявил, что надо попробовать, прежде чем говорить о цене. Второй корсиканец театрально поднял палец:

— Хорошо, но нужно его смешать с глюкозой, потому что чистый убьет тебя.

У него с собой оказались три пачки обыкновенной глюкозы, и он смешал героин с ней в соотношении один к трем.

Кит осторожно понюхал порошок и через несколько минут вырубился. Придя в себя, он сказал:

— О'кей, я возьму все это. Сколько?

— Четыре штуки, — ответил корсиканец. Кит поднялся наверх, выписал чек и с благодарностью вручил им. Этого запаса ему хватило на месяц.

Не все деньги уходили у Кита на наркотики. Я помогал разбираться со счетами бухгалтеру группы (который приезжал к нам каждую неделю) и поэтому знал, что Кит тратит около пятисот фунтов в неделю на омаров, икру, мясо и прочие деликатесы и еще около пятисот фунтов на выпивку. Еда и выпивка в безумных количествах поглощались толпами гостей, живущих в доме. Некоторое время у нас жил Маршалл Чесс. Гостил тут и Эрик Клэптон, и малышка Мишель Бретон, снимавшаяся в «Представлении», и многие другие. Кит был рад, когда у него собирались люди, хотя и понимал, что впечатление, будто у него много друзей, довольно иллюзорно. Впрочем, большинство гостей были интересными, творческими людьми, которые всегда могли поддержать разговор и, конечно, привозили и употребляли наркотики.

Пожалуй, единственным гостем, который мне пришелся не по душе, был некий Томми. Он сказал, что закончил Итон, и, судя по его жуткому и подчеркнуто выразительному акценту, не врал. А еще Томми поведал, что он бывший гонщик, и вот это уже произвело на Кита впечатление.

Мы вместе поехали на гонки Гран-При в Монте-Карло, где Кит, Анита и Томми бродили вдоль трассы, попивая текилу из горла и распевая похабные песни. Я же фотографировал гонки и их самих.

Жена Томми в этот момент пыталась слезть с героина и лечилась в «Боуден Хаус», так что он привез с собой в «Нелькот» двух сынишек. Томми прилетел во Францию через Амстердам, где, пользуясь удобным случаем, прикупил кило кокаина. Провез он его в поясах, которыми обвязал детей под одеждой. Кит был восхищен такой изобретательностью:

— Гениально придумано! Возможно, мне удастся научить так ездить Марлона, когда он немного подрастет.

«Да уж наверняка», — подумал я.

Однажды ночью, в июне, мое инстинктивное неприятие Томми получило вполне реальное подтверждение. Нас было в доме шестеро: я, Мадлен, Кит, Анита, Томми и Мишель. Мы приняли по несколько таблеток мандракса и запили его большими глотками «Курвуазье». Эффект — словно тебе в башку выстрелили из револьвера. Меньше чем через час мы вшестером отрубились на огромной кровати времен Людовика Четырнадцатого.

Мы лежали друг на друге но в тот момент нас это абсолютно

не парило. В пять утра я начал медленно возвращаться к реальности, выплывая из небытия, словно субмарина, поднимающаяся на поверхность. И вот до моего затуманенного сознания донеслись шепот и хихиканье с другой стороны кровати. Поначалу мне показалось, что мужской голос принадлежит Киту, но потом я понял, что это Томми и Анита. Босые ноги Кита маячили у меня перед носом и были все это время абсолютно неподвижны. Тут Анита начинала тихо стонать, и я решил, что лучше попытаться снова вырубиться. И вообще, вероятно, утром я проснусь и пойму, что все это мне пригрезилось. Однако для сна происходящее было уж слишком реалистичным. Я чувствовал, как начала трястись кровать, когда Томми потихоньку налег на Аниту сверху. Они занялись любовью, сначала нежно, а потом уже довольно бурно. Все это время рядом лежали Мишель и Кит, мерно дыша в наркотической дреме. Я уже приготовился пробормотать что-нибудь вроде: «Эй, что вы там делаете?», но затем подумал, что не стоит. Тогда будет неудобно всем троим. Лучше просто лежать неподвижно и притворяться, что ничего не происходит. В конце концов, это не мое дело, а Кит и так прекрасно знает привычки и характер Аниты.

Кровать наконец перестала трястись, я все-таки заснул и проснулся только утром, когда Мишель и Кит уже пришли в себя. А сладкой парочки и след простыл. «Где Анита?» — спросил Кит. Я сказал, что не знаю. Впрочем, он особенно не обеспокоился.

Анита и Томми незаметно появились в гостиной только к завтраку и скромно сели за стол. Никто никого ни о чем не спрашивал.

Мы жили по соседству с портом Болье. Кит слышал что там продается быстроходный катер, и решил съездить на него посмотреть. Он сел за руль карминово-красного «ягуара», а я поехал на заднем сиденье с маленьким Марлоном на коленях. Аниту, Томми, Мишель и французского фотографа повез во взятом напрокат сером «додже» Дэвид, шофер Кита.

Мы ехали по зеленым полям, и тут я вспомнил прошедшую ночь и подумал, что надо бы по-дружески предостеречь Кита.

— Э-э-э… Кит, — робко начал я, — у меня тут есть кое-какие мысли. Даже не знаю, как тебе сказать…

— Валяй, выкладывай, — бесцеремонно оборвал он.

— Ну, не знаю, нужно ли сейчас об этом рассказывать. Может, лучше поговорить позже.

— Давай сейчас. Мы уже сто лет как дружим, так что можно ничего друг от друга не скрывать.

— Ну, в общем, дело касается Томми. Когда мы все вырубились прошлой ночью, я, очнувшись, заметил, что Анита все

еще без сознания, а Томми уже пришел в себя и… повел себя с ней по-хамски. Залез руками к ней под платье и начал ее ласкать. Ничего серьезного, но я подумал, что тебе лучше об этом знать. Может, лучше сказать этому парню, чтобы сваливал на хрен, как только мы приедем вечером домой.

Я представил все в таком свете, потому что не хотел загонять Кита в угол и ставить его в такую ситуацию, что он вынужден будет защищать честь Аниты.

— И еще кое-что, Кит, — добавил я. — Сделай одолжение, не сообщай Томми, что это я тебе сказал.

— Конечно, — ответил Кит, — в этом можешь на меня положиться.

Мы прибыли в Болье под косыми струями теплого летнего дождя и долго ездили по улицам, пытаясь отыскать начальника порта. Только он мог нас направить напрямую к человеку, продающему судно. Наконец мы заметили маленькое белое здание и притормозили, осматриваясь в поисках табличек, которые подтвердили бы, что мы попали куда надо.

Внезапно другой сверкающий «ягуар» новейшей модели XJ-6, попытался втиснуться за нами, но не рассчитал ширины дороги и въехал бампером нам в бок, со скрежетом поцарапав его. Вся злость Кита, накопившаяся за время нашей беседы, мгновенно выплеснулась наружу.

— О чем ты думал, придурок? — крикнул он пожилому итальянцу, сидевшему с женой в машине. Они оба рассыпались в робких извинениях, но Кит уже завелся и, не слушая их, продолжал кричать: — Вы, долбаные идиоты, иностранцы хреновы! Я размажу вас по асфальту!

И прежде чем я успел остановить его, он выхватил из кожаного чехла огромный немецкий охотничий нож и выпрыгнул из машины. Я последовал за ним.

— Ну, ты, гребаный придурок! — орал он на пожилого мужчину.

Жена итальянца в это время умоляюще говорила мне:

— Но это же случайность, случайность! И не такое бывает. Что с вашим другом? Он что, болен?

По ступенькам из офиса к нам уже направлялся широкоплечий и высокий, под метр девяносто, начальник порта.

Он предложил итальянцам пройти в офис, а Киту сделал знак удалиться. Кита это взбесило еще больше, и он начал орать уже на него:

— Понятно, долбаные иностранцы всегда заодно! Какого черта ты вмешиваешься?

Начальник порта не говорил по-английски, а Кит почти не

говорил по-французски, так что улаживать все пришлось мне. Но тут Кит вновь выхватил нож. Я уверен, что он хотел просто напугать начальника порта, а не пырнуть. Однако у того, в отличие от меня, уверенности в этом не было, и он прямым ударом в лицо свалил Кита на землю.

Прежде чем я успел понять, что происходит, Кит выкрикнул:

— Убей его на хрен, Тони, вмажь ему! — И тут же начальник порта двинул мне в грудь. Я инстинктивно отпрянул и заехал этому Голиафу в морду, отчего он упал сам.

Кит кинулся к машине и выхватил у Марлона из рук игрушечный кольт сорок пятого калибра. Затем он побежал к офису, выкрикивая угрозы и вызывая противника выйти и встретиться с ним лицом к лицу. Начальник, не понимая, что это игрушка, закричал по-французски: «Пистолет, пистолет!» Затем он приказал итальянцам лечь на пол, а сам выхватил свой револьвер — вполне настоящий.

— Нет! Нет! — тоже по-французски крикнул я, испугавшись, что ему придет в голову пристрелить меня первым. Я бросился к Киту и, выхватив у него игрушку, отшвырнул ее в сторону.

— Non! Non! Il non avait pas de pistol! Il non avait pas rien![9] — кричал я, пока начальник прицеливался в Кита.

Похоже, это возымело действие, и он, передумав, бросился к телефону. Я видел, как он быстро что-то говорит в трубку. Спустя пару секунд мы услышали приближающийся вой сирены и поняли, что он вызвал на подмогу полицию.

Тут я испугался. Если они нас не пристрелят, то за решетку упрячут точно. Я бросился к машинам.

— Бери нашу, а я поеду с остальными, — крикнул мне Кит.

«Чего это он? — подумал я. — Почему решил ехать на этой старой развалине?»

Я понял его странную логику секундой позже, когда выбежавший во двор начальник указал на меня полицейским, как раз в тот момент, когда я садился за руль. Очевидно, он кричал им что-то вроде: «Вон тот пытался застрелить меня».

Я не имел никакого желания служить мишенью для ривьерских жандармов и, включив первую скорость, рванул вперед в клубах голубого бензинового дыма. «Додж» я обогнал сразу, а затем услышал сзади полицейские сирены. Меня преследовали два автомобиля, но с «ягуаром» они по скорости равняться не могли. Пока я мчался в «Нелькот», стрелка спидометра колебалась от 200 до 220 км/час. Приехав, я поставил «ягуар» в гараж и захлопнул за собой тяжелые железные ворота, чтобы никто не смог войти внутрь.

Как выяснилось, от полицейских я удачно оторвался. Минут

через пятнадцать Кит позвонил в ворота, я спустился и впустил его и остальных.

— Господи, чувак! — проговорил он. — По сравнению с этим гонки Гран-При в Монте-Карло — детская забава!

Кит сразу же позвонил своим адвокатам, и спустя десять минут у нас уже сидели трое и обсуждали, как лучше представить дело.

Они позвонили в полицию, и поздним вечером к нам пришел полицейский и вручил предписание явиться на следующее утро в участок.

Как только с формальностями было покончено, Кит затащил Аниту в спальню. Я слышал, как он там кричит:

— Ты трахалась ночью с Томми?

— Что ты имеешь в виду? — жалобно спросила она.

— Не отпирайся, мне Тони все рассказал.

Когда она вернулась в комнату, бормоча себе под нос что-то мрачное и непонятное, у меня возникло ощущение, что она собирается опробовать на мне свои заклинания.

— Послушай, Анита, — взмолился я по-итальянски, — не знаю, что там тебе наговорил Кит, но я ему ничего такого не рассказывал. Все, что я сказал, — что пока ты была без сознания, этот парень повел себя с тобой излишне фамильярно…

— Грязный доносчик, — прошипела она.

Позже ко мне зашел Томми, и наш разговор носил еще менее дружелюбный характер.

— Спасибо тебе, конечно, приятель, — проговорил он. — Я уже понял, что это твоих рук дело. Пытаешься избавиться от меня, чтобы самому за ней приударить, а?

— Слушай, ты, подлый ублюдок, — сказал я, — если б она была моей девчонкой, я бы тебя по стенке размазал.

— Да? — протянул он.

— Да! А потом бы башку оторвал.

Тут в комнату вошел Кит, и я был настолько взбешен, что крикнул ему:

— Это должен делать ты, а не я. Потому что это твою женщину поимели!

В комнате повисла ледяная тишина.

— Ну, ты понял, что я имел виду — насчет того, что я тебе рассказывал, — сказал я, тщетно пытаясь как-то смягчить смысл вырвавшихся сгоряча слов.

— Да. Теперь-то я наконец понял, что ты имел в виду, Тони, — ответил он.

— Ладно, если ты понял, так что ж стоишь? Виновник тут, перед тобой.

Но Кит повернулся и вышел из комнаты. Похоже, ему на сегодня драк уже хватило. А кроме того, Томми был выше на полголовы.

На следующее утро Кит спустился к завтраку радостный:

— Представляешь? Я вчера вечером читал старые газеты и наткнулся на статью про Эррола Флинна. Он попал в ситуацию, похожую на то, что случилось вчера с нами. Ему приказали явиться в полицейский участок. Но он отказался, и в конце концов офицер сам пришел к нему домой. Потрясающе, правда?

— Да, прелестно, — отозвался я, — но тебе не кажется, что времена с тех пор немного изменились? Кроме того, тебе не помешает надеть приличный костюм и нормальные ботинки, чтобы произвести на них благоприятное впечатление.

— Нет, Тони, ты не понимаешь. Просто я гораздо важнее этих местных властей. Если они хотят встретиться со мной, пусть сами приходят.

Я посмотрел ему в глаза и понял: он страшно боится, что его просто арестуют, как арестовали в Брикстоне после налета на Редлэндс. Спорить с ним дальше было бесполезно. Он не решался выйти из «Нелькота» без пушки за пазухой. В итоге я в мрачном настроении сам отправился в участок. К счастью, полиция лишь проверила мои документы и предъявила обвинение в нанесении словесного оскорбления и угрозе физическим насилием. После этого меня отпустили, заявив, что вскоре вызовут в суд.

Вскоре полицейские вновь пришли в «Нелькот» по душу Кита. Но тот сообщил, что у Марлона вследствие ничем не спровоцированного нападения начальника порта разбита голова и теперь он собирается обвинить его в покушении на жизнь ребенка. Затем последовали длительные переговоры между полицией и адвокатами, которые закончились тем, что начальник полиции был приглашен отобедать в «Нелькот». Кит подарил польщенному офицеру несколько альбомов «Роллинг Стоунз» с автографами, и в итоге все наши проблемы были по большей части улажены.

Так как ударил начальника действительно я, то адвокаты настояли, чтобы я взял на себя ответственность за все произошедшее. Когда дело дошло до суда, были предприняты секретные приготовления, чтобы, если что, помочь мне бежать из страны. Но адвокатам удалось убедить суд в моей невиновности, и Кит просто заплатил за меня штраф в 6000 фунтов.

Пять дней спустя умерла жена Томми.

— Я так расстроен, — говорил он, но глаза у него при этом оставались абсолютно сухими.

— Что ж, не повезло, — сказал на это Кит.

24

Развод с мужем оказался для Талиты, вероятно, лучшим событием за последние годы. Пол пытался слезть с наркотиков и полетел домой в Рим. Пока он лечился, что давалось ему нелегко, за ним ухаживала его подруга, и вышло так, что они полюбили друг друга. Пол сообщил Талите, что останется в Риме и на Чейн-Уолк больше не вернется.

После того как первые слезы высохли, Талита решила начать новую жизнь. Она завязала с наркотиками, почти перестала пить, начала правильно питаться и завела себе нового любовника — Джонни-в-Подтяжках. Талита отличалась необыкновенной красотой; чем-то она походила на Бьянку. У нее были блестящие красновато-каштановые волосы и зеленые кошачьи глаза. Отец ее, Уильям Пол, был голландским художником, Огастес Джон приходился ей двоюродным дедом, а родилась она, вообще, на Бали — в общем, весьма необычная леди.

Джонни был ее старым другом, и меньше чем через неделю после того, как он поселился на Чейн-Уолк, они сблизились вновь и иногда спали вместе. Нельзя сказать, что это было любовью, но им вместе было хорошо, к тому же они оба занимались музыкой.

Единственное, что портило им настроение, — проблемы с опекунством ее трехлетнего сына, которого звали Тара Гэбриэл Гэлакси Грамофон Гетти. Она затеяла целое дело, поручила его великолепным юристам и старалась не слишком много думать об этом, чтобы не грустить. Летом 1971 года мы сидели с ней и Джонни у Кита в гостиной, пили шампанское, шутили и смеялись.

— А у тебя тоже округлились щечки и появился животик, — поддразнил я ее после пары шуток, отпущенных нами по поводу рубенсовских дам.

— Да, знаю, — засмеялась она, — как только я завязала с героином, то сразу начала толстеть. Если так будет продолжаться, то скоро придется садиться на какую-нибудь мерзкую диету.

Я предложил съездить на следующий день всем вместе на побережье, но она отказалась. Ей надо было лететь по делам в Рим («Не больше чем на неделю», — сказала она). Той ночью она спала вместе с Джонни и рано утром ушла, даже не попрощавшись. Больше я ее не видел.

12 июля 1971 года Талита Гетти, невестка одного из богатейших людей в мире, была найдена умирающей в роскошном номере ее мужа на Виа-Делла-Ара Коэли в Риме. Ей был тридцать один год. Срочно вызвали врача, и она умерла уже в больнице, так и не придя в сознание.

Спустя четыре дня, когда уже пошли слухи о ее смерти, в «Дэйли Телеграф» написали:

> Мистер Гетти сообщил, что его жена прибыла в Рим и прошлое воскресенье. Она приехала одна. Целью ее поездки было обсуждение определенных аспектов их развода. Он сказал, что был категорически против примирения с ней. Талита отправилась спать около полуночи. За полтора часа перед этим она поела. Когда он проснулся в воскресенье днем, то был удивлен, что она еще спит, и попытался разбудить ее. Когда же это не удалось, он понял, что случилось что-то плохое.

Из других газет мы узнали о пустом пузырьке из-под снотворного, найденном на ее кровати. Врач, подписывавший свидетельство о смерти, утверждал, что Талита умерла от интоксикации барбитуратами, смешанными с алкоголем.

Мы с Джонни безуспешно пытались выяснить обстоятельства ее смерти. 15 июля, в тот же день, когда в газетах появилось сообщение о ее смерти, Талиту похоронили — без всяких цветов. И только одна из подруг была на ее мрачных похоронах.

— У Талиты не было никаких причин для самоубийства, — сказал мне Джонни, — она почти не принимала снотворного и, конечно, не была такой дурой, чтобы мешать его с алкоголем. В общем, все это очень и очень странно.

— Не сходи с ума, — посоветовал я.

Однако меньше чем через месяц Луиджи, присматривавший за квартирой на Чейн-Уолк, сообщил нам, что Джонни тоже умер.

Через пару лет мне попалась на глаза заметка в «Дэйли Миррор»:

> Вчера Пола Гетти Младшего вызвали в Рим — после того, как вскрылись ошеломляющие обстоятельства смерти его жены: она умерла от инъекции слишком большой дозы героина… После тщательного и внимательного анализа всех улик и свидетельств медиками Римского университета было составлено и передано властям новое медицинское заключение, которое, надеемся, поможет прояснить, что же случилось ночью 11 июля 1971 года.

Это была последняя заметка о ней. Пола я тоже с тех пор не видел. Однако наркотики, снотворное и загадочные смерти часто ходят об руку.

Смерть друзей не произвела особого впечатления на

отношение Кита и Аниты к героину. Они продолжали регулярно покупать наркотики у корсиканцев и у «ковбоев» (так звались местные «Ангелы Ада», жившие на побережье и разъезжавшие на мотоциклах). Однако им, как всегда, не хватало ни кокаина, ни героина, и однажды Кит послал меня в Лондон — привезти одну из его заначек с Чейн-Уолк.

Я откровенно испугался. Перевозка наркотиков из страны в страну каралась примерно так же, как массовые убийства. А я не имел ни малейшего желания гнить заживо во французской тюрьме.

Несколько дней я мучался, продумывая варианты, пока меня не озарило — игрушки! Ни у кого из таможенников не хватит жестокости разломать детские игрушки, проверяя их на предмет наркотиков. Я провел несколько часов, выбирая в огромном универмаге Хэмли на Регент-стрит полые внутри игрушки. Я купил куклу, пианино, человека-оркестра и несколько других красивых и дорогостоящих игрушек.

Я остановился на пианино, и полдня ушло на то, чтобы разобрать его, аккуратно спрятать внутри унцию кокаина и собрать снова.

Кит еженедельно отправлял в Лондон грузовик, который привозил во Францию записи, ковры, мебель и все остальное, что могло понадобиться им для уютной жизни в «Нелькоте». И вот я просто сунул туда среди всего прочего пианино с контрабандой. Водителю ничего не сказал.

Через два дня мне среди ночи позвонил из Франции Кит.

— Ты все еще не послал то, что я тебя просил! — обвиняющим тоном сказал он.

— Послал, — возразил я.

— Ну и где оно, черт побери? Я перерыл весь грузовик, нет там ничего!

— Аккуратно вскрой маленькое пианино, которое я прислал Марлону. Там под клавишами…

Кит с грохотом бросил трубку на рычаг и кинулся ломать несчастную игрушку. Черт с ним, с пианино, главное — доза!

Мы еще несколько раз переправляли наркотики подобным образом. Затем вновь позвонили корсиканцы, и после этого Кит попросил меня вернуться в Виллефранш. Ему одному там становилось скучно и как-то не по себе.

— Пошли купим катер, — неожиданно предложил он однажды утром. — Один из тех, что мы видели в Болье, когда этот сумасшедший начальник хотел нас пристрелить.

Все, кроме Аниты (она терпеть не могла лодок), согласились, что идея стоящая. Мы поехали впятером — я, Кит с Марлоном,

наш шофер Дейв и один из гостей, Оливер Кромбль, сын голландского винопромышленника.

Мы быстро нашли человека, который согласился продать катер. Он с благодарностью взял 1000 фунтов и вручил нам ключи. Мы собрались поплыть на нем обратно, взяв с собой Дейва, — он больше всех нас разбирался в моторных лодках.

Оливер согласился отогнать машину обратно в Виллефранш и ждать нас там. Когда он уехал, Кит спросил у бывшего хозяина катера, как сегодня море и можно ли доплыть до Виллефранш вдоль берега.

— О нет, мсье, — француз удрученно взмахнул руками, — сегодня плыть очень небезопасно.

— А по мне, так нормально, — возразил Кит. И правда море выглядело спокойным и ровным. Тогда мы решили спросить об этом у других местных рыбаков.

— Нет-нет-нет! — в один голос воскликнули они. — Сегодня море очень бурное.

Но мы решили, что море, вероятно, уже успокоилось с тех пор, как они выходили туда и, залив в бак горючее, отправились в Виллефранш. Нам предстояло проплыть три мили.

Из гавани мы вышли благополучно, нам все нравилось, и мы орали от радости. Однако чем дальше мы отплывали от берега, тем более грозным становилось море. Вскоре мы начали тяжело скакать с волны на волну, опускаясь на них с таким грохотом, что, казалось, катер сейчас развалится. Марлон громко заплакал.

— Эй, давай помедленнее, — крикнул Кит водителю, — видишь, ребенок боится.

Однако мы с Китом не скрывали, что и нам страшно не меньше, чем Марлону. Дейв взялся за рычаг переключения скоростей, и катер замедлил ход. Теперь мы мягко скользили по метровым волнам, качка прекратилась.

К несчастью, теперь мы плыли слишком медленно, и нас все больше сносило в открытое море. Дейв настаивал, что нам надо плыть побыстрее, не то мы будем дрейфовать так до Алжира. В конце концов мы с ним согласились, и он резко передвинул рычаг скорости.

Катер словно бы сошел с ума и ринулся вперед по волнам торпедой. Каждая следующая волна грозила опасностью перевернуться.

— Медленней, черт тебя побери! Медленней! — заорал Кит, слетевший с сиденья на пол.

— Не могу, — беспомощно проговорил Дейв, — рычаг сломался…

Дейв долго ползал вокруг двигателя с плоскогубцами, и в

конце концов ему удалось замедлить бешеную скачку. Катер успокоился и остановился, тяжело качаясь на волнах. Дейв пытался починить механизм, но после часа ругани и проклятий повернулся к нам и с тяжелым вздохом сообщил:

— Извините, но сделать тут уже ничего нельзя.

Спускались сумерки, подул свежий бриз. Море начинало волноваться еще сильнее. Марлон орал так, словно близился конец света. Впрочем, последнее для нас, пожалуй, было недалеко от истины. Я нашел в катере несколько сигнальных ракет. Тщательно прочитал инструкцию, напечатанную на английском, французском и немецком. Все выглядело достаточно просто: верхнюю часть снять и ввинтить в нижнюю. Но ракеты оказались старыми и отсыревшими, ни одна из них не сработала.

Пытаясь прекратить наш упрямый дрейф в открытое море, Кит бросил маленький якорь, но это, казалось, не возымело никакого эффекта. Минуты тянулись нескончаемо долго (на самом деле прошло всего минут сорок), но наконец на малиновом от заката горизонте появилась маленькая рыбацкая лодка, пыхтящая как паровоз. Мы, бешено жестикулируя, просили нас спасти, но они только махали нам руками и кричали в ответ: «Bonsoir![10]».

— Вот черт, — сказал Кит, — похоже, мы помрем здесь.

Марлон начал орать так, что, наверное, перевалило за десять децибел.

Спустя еще час показалась другая лодка. На этот раз мы взвыли как оглашенные, понимая, что третьего случая явно не представится. Рыбаков, казалось, развеселили наши усилия, тем паче что они почти не говорили по-английски. Но когда я попросил их взять нас на буксир, у них проснулся лингвистический талант:

— Да, мсье — три сотни франков.

Как и большинство богатых людей, Кит жил в постоянном опасении, что его все хотят обсчитать. Он сразу начал торговаться.

— Господи, — проговорил я, — пусть они отбуксируют нас в порт. Если хочешь препираться с этими ребятами, подожди хоть, пока мы не приплывем к причалу.

Они кинули нам канат и взяли нас на буксир. В полумиле от берега мы заметили большое судно береговой охраны. На борту его стоял Оливер, махая огромным красным флагом.

— А мы плывем к вам на выручку!

— Эй, Тони! — позвал Кит. — Отцепи нас от этих жадных рыбаков, и Оливер отбуксирует нас бесплатно.

Но я отговорил его от этой глупой затеи. Рыбаки — люди

суровые и вряд ли потерпят такое хамство. Через пару минут мы снова были в порту.

Вылезая из лодки, мы поняли, что у нас на всех только несколько франков — почти ничего по сравнению с теми 300 франками, которые мы обещали рыбакам. Кит был в мрачном настроении и, не особенно задумываясь о последствиях, сказал одному из жестикулирующих французов: «Иди на… ты, лягушатник». Мне совершенно не хотелось, чтобы нас уделали в котлету, поэтому я схватил Кита за руку, стащил с нее «Ролекс» и вручил одному из рыбаков:

— Вот, держи. Завтра мы принесем деньги, а ты отдашь нам часы.

— Ah, oui, merci, — поблагодарил француз — и, судя по всему, старательно прятался вплоть до нашего отъезда в Англию, ибо больше мы его не видели. Часы стоили 1000 фунтов.

Французы не любили «Роллинг Стоунз». Те рисовались, вели себя нагло, доставляли неприятности властям — но главное, они были англичанами. Французы и англичане всегда плохо уживались. И те и другие считали себя самыми культурными и утонченными нациями в мире. И те и другие категорически отказывались сделать малейшее усилие, чтобы говорить на языке друг друга или просто прилично вести себя по отношению друг к другу. Однако «Роллинг Стоунз» не только стали самой популярной группой во Франции, но вдобавок оказали едва ли не большее влияние на моду, чем Карден и Диор, вместе взятые. И все же, куда бы мы ни приезжали во Франции, вокруг Роллингов все время возникала атмосфера враждебности. Очередной шквал разразился, когда Ширли Уоттс, прекрасную жену Чарли, скульптуршу, довели до истерики дотошные служащие в аэропорту Ниццы. Одного она ударила, остальных послала подальше и немедленно была обвинена в словесном оскорблении. Адвокаты добились ее освобождения под залог, но посоветовали покинуть страну раньше, чем дело получит огласку. 2 июня она была приговорена к шести месяцам заключения и оштрафована на 35 фунтов. По апелляции в августе срок был уменьшен до пятнадцати дней условно. Ширли возвратилась во Францию.

Тем временем продолжали происходить печальные события, связанные с наркотиками. Фотограф Майкл Купер и его жена Джинджер были, как и я, дружны с «Роллинг Стоунз» долгое время, и в результате оба сели на героин. Джинджер, пытаясь завязать, неожиданно умерла в лечебнице «Боуден Хаус». Майкл, пытаясь забыться, стал принимать такие большие дозы, что вскоре его пришлось возить в инвалидной коляске. Через восемнадцать месяцев он умер. Кит с Анитой были сильно

расстроены.

Однако смерть Джинджер не прервала веселья, царившего в «Нелькот». Так же, как и смерть Талиты, Джонни-в-Подтяжках и жены Томми Уэббера. Торчки умирают. Ну и что?

Последняя забава Аниты состояла в подсыпании снотворного в коктейль, который Кит пил каждый вечер после ужина. Минут через двадцать он отрубался на водяной кровати на веранде и там оставался до самого утра. После недели просыпаний мокрым от росы Кит начал что-то подозревать, а потом напрямую обвинил Аниту в ее злодеянии. Позже я узнал, что Анита ему сказала на это: мол, это я его усыплял, чтобы брать его «ягуар», ездить на нем в город и снимать там всех попавшихся телок. После этого Кит косо смотрел на меня всякий раз, когда я предлагал ему выпить. Однажды вечером он повернулся ко мне и прорычал:

— Знаешь, что Анита мне сказала? Что это ты кладешь мне таблетки в питье. Не думай, что я не в курсе. Ты ухлестываешь за моей женой, так?

— Ничего подобного, — возмутился я. — Но раз ты мне не доверяешь, я больше не буду тебе делать коктейли.

Через две ночи Анита решила, что Киту пора принять еще коктейля со снотворным, и он провел очередную ночь в одиночестве на своей водяной кровати. В этот раз он знал, что это не мог устроить я, потому что я уже давно не готовил ему коктейлей. Больше он об этом мне ничего не говорил.

Другой маленькой шалостью Аниты было подсаживать людей на героин; если она собиралась торчать, то и все вокруг нее должны были делать то же самое. Я думаю, она зашла уже слишком далеко, когда убедила молодую дочь шеф-повара в «Нелькоте» попробовать ширнуться героином. Той было очень плохо, и я беспокоился, что она нажалуется отцу.

— Не переживай, Тони, — ухмыльнулась Анита, — немножко героина еще никому не повредило. Тебе-то уж точно должно быть об этом известно.

Анита была беременна, но стабильно употребляла свои три дозы Генри (так она называла героин) в день. В эти дни она была спокойна и не так опасна, но тем не менее беды в «Нелькоте» продолжались. Два раза нас обокрали, и в один из этих разов воры унесли всю коллекцию гитар Кита. «Гибсоны», «Мустанги», «Лес Полы», «Хамминг Бёрды» — все их вынесли через парадную дверь, пока мы спали. На следующий день Кит известил о случившемся полицию и заполнил свой страховой полис на 22 000 фунтов.

Вновь позвонили корсиканцы и предложили полкило героина. Цена поднялась до 6000 фунтов; гангстеры вели себя

дружелюбно и снова поначалу угостили Кита.

— Что-то беспокоят меня эти ребята, — сказал он. — Как ты думаешь, не задумали ли они чего?

— Например? — спросил я.

— Например, похищение. Ты же знаешь любимую тему этих французских и итальянских жуликов. Они прекрасно понимают, сколько у меня денег.

— Да кому придет в голову красть такого усохшего торчка, как ты? — рассмеялся я.

— Не меня! — взорвался он. — Моего сына! Короче, надо завести сторожевых собак и повесить везде видеокамеры.

Я сказал ему, что это вряд ли поможет. Лучше дать корсиканцам 25 000 фунтов за «защиту» Марлона.

— Они люди слова. И, думаю, ни одни бандиты в мире не рискнут перейти им дорогу.

Поначалу Кит подумал, что это отличная мысль, однако, осознав, что придется расстаться с такой крупной суммой денег ради какой-то абстрактной защиты, стал нервничать и решил, что лучше подать заявление на разрешение иметь огнестрельное оружие, которое можно всегда носить с собой. Естественно, помня наши недавние приключения в Болье, французы это заявление отклонили.

«Роллинг Стоунз» хотели выпустить двойной альбом во время гастролей по Штатам, которые были запланированы на 1972 год. Они построили первую в мире передвижную звукозаписывающую студию — шестнадцатидорожечное оборудование, набитое в огромный грузовик, стоило около 125 тысяч фунтов. Грузовик покрасили в тусклый хаки, чтобы привлекать минимум внимания. Изначально задумывалось арендовать отдаленную ферму рядом с Сен-Троне и там записаться. Киту идея не понравилась.

— В «Нелькоте» у меня огромные винные погреба, где абсолютно тихо, — заявил он. — Почему бы не поработать там?

На том и порешили. Однако Мику, Биллу, Чарли, Мику Тэйлору и инженерам приходилось ездить из такой дали, что по крайней мере половина каждогодня уходила на ожидание, пока все соберутся. Было решено, что все они будут оставаться в «Нелькоте».

— Так мы сможем три недели плотно поработать и записать хотя бы несколько несен, — сказал Кит.

Бьянка отказалась появляться в доме:

— Не хочу видеть эту корову Аниту снова. Я остаюсь в Париже, а вы можете делать что угодно.

Мику приходилось летать на пару дней на запись, потом снова в Париж к Бьянке. Его весьма огорчало это обстоятельство.

Кит же с тех пор, как к нему въехали Роллинги с женами, был больше всего озабочен увеличением сумм в счетах за коммунальные услуги. Через неделю он послал в их комнаты секретаря, который вручил каждому счет на 100 фунтов за «квартиру и стол». Все были озадачены и поднялись наверх выяснить у Кита, в чем дело.

— Это шутка, да, Кит? — бесхитростно спросил Билл Уимэн.

— Нет, не шутка, — отрезал тот. — Вы тут живете почти задаром. Будь вы в отеле, вам бы одна постель стоила бы столько, не говоря о еде и выпивке. Кстати, 100 фунтов — это заниженная цифра, должно быть 125. Если кому-то это не нравится, может валить в отель.

Все знали, что взбешенный Кит Ричардс — не тот человек, с которым стоит спорить, и покорно отдали свою наличность.

Мик потерял Бьянку. Он записывал один особенно сложный трек и из-за этого остался в «Нелькоте» на три дня, каждую ночь звоня Бьянке в Париж. На третью ночь она сказала ему, чтобы он прямо сейчас же приезжал или больше не беспокоился.

— Да ладно, — попытался урезонить ее Джаггер, — не глупи. Я тут побуду еще денек или максимум два.

Она бросила трубку, и когда он пытался звонить ей потом, телефон не отвечал. Через пять дней он прилетел в Париж, но ее там не было и никто из ее подруг не знал, где она скрывается. В конце концов она все же вернулась в их многокомнатный номер в уютном, роскошном отеле на левом берегу Сены, который предпочитал сам Оскар Уайльд. Ссора была забыта.

21 октября 1971 года в Бельведерском роддоме в Париже у них родилась дочь. Они назвали ее Джейд — нефрит («Потому что это материал очень ценный и весьма, весьма совершенный», — объяснял Мик). Взволнованный появлением ребенка, он позвонил Киту и сказал, что его не будет в Виллефранше по крайней мере недели три.

— Она такая прелестная, — восторгался он дочерью. — Похожа на маленькую Бьянку и на меня тоже. Думаю, сейчас я мог бы пожить немного тихой жизнью с женой и ребенком. У нас с Бьянкой все так хорошо, что вы не поверите. Мы хотим еще детей. У нас, наверное, будет не меньше четырех.

— А ты говорила, что не пройдет и года, как они разведутся, — сказал Кит Аните.

Шеф-повар проведал, что Анита пыталась посадить его дочь на иглу, и теперь старался испортить жизнь Киту.

— Или платите тридцать тысяч фунтов, или иду в полицию и рассказываю им, как ты держал ее, а Анита насильно вкалывала ей наркотик, — заявил он.

— Пошел ты, — ответил Кит. — Ты уволен.

На следующий день приехала полиция, составляла протоколы, задавала вопросы, упоминала неких корсиканцев, приезжавших в дом.

— Надо сматываться отсюда, причем быстро, — обеспокоился Кит. — Чувствую, они могут повязать нас в любой момент.

Остальные музыканты тоже нервничали, опасаясь налета и обысков. Полиция следила за ними. Было решено, что в ноябре они полетят в Лос-Анджелес готовиться к американским гастролям.

Полиция сильно осложнила жизнь Кита и Аниты. Они были вынуждены оставаться во Франции до конца расследования. Влиятельные адвокаты группы объяснили, что Киту лучше продолжать снимать «Нелькот» за 1000 фунтов в неделю даже во время его отсутствия. Это обеспечит ему возможность возвратиться в страну. В конце концов полиция была вынуждена выпустить «Роллинг Стоунз» из Франции.

Через год Мик, Чарли, Билл и Мик Тэйлор снова приехали на Ривьеру, чтобы опровергнуть обвинение, что они употребляли наркотики в Виллефранше. Кит и Анита отказались, и на их арест были выданы ордера. 17 октября 1973 года, в их отсутствие, они были приговорены к году тюрьмы условно и оштрафованы на 750 фунтов каждый — за то, что устраивали в «Нелькоте» вечеринки, на которых употреблялись наркотики. Киту также запретили въезд на территорию Франции в течение двух лет.

— Слава богу, мы легко отделались, — сказал он, когда адвокаты рассказали ему об исходе дела. — Наконец-то я перестану платить штуку фунтов в неделю за этот поганый дом. Он уже обошелся мне больше чем в сотню кусков — вот сколько я выложил просто ради того, чтобы копы меня не выгнали из страны.

Он зарабатывал что-то около 12 000 фунтов в неделю. По старому правилу, гласящему, что арендная плата не должна превышать четверти заработка, я думаю, что Кит мог позволить себе «Нелькот». Мик также разочаровался во Франции.

— Мне не нравятся французы, не нравится погода и не нравится жирная еда, — говорил он газетчикам. — К тому же там все воры. Они последние сто пятьдесят лет живут за счет туристов. Все, что им надо, — это что-нибудь у тебя спереть. Ты для всех просто богатый тупой турнет.

25

— На пятом месяце я брошу, — пообещала Анита, и, к ее чести, она три дня терпела ломки. Рвота, лихорадка, галлюцинации стали такими частыми, что она опасалась за здоровье своего еще нерожденного ребенка. Она приняла одну небольшую дозу, чтобы продержаться. Это, естественно, был конец лечения. Потом, через семь месяцев, она снова попробовала сделать то же самое, но снова неудачно. Если бы она легла в «Боуден Хаус», то, может быть, сумела бы слезть, но это место ассоциировалось у нее с болью и смертью, снова попасть туда она не хотела ни за что.

Гинеколог предупредил ее, что из-за ее безрассудства здоровье ребенка подвергается серьезной опасности. Но чем больше она беспокоилась по этому поводу, тем больше искала утешения в героине, подобно алкоголику, который пьет, чтобы забыть о циррозе печени. Тогда врач порекомендовал эксклюзивную частную клинику в Монтрё, в Швейцарии, где доктора специализируются на решении деликатных ситуаций.

Она полетела туда с Китом и двухлетним Марлоном. Стюардесса сделала им комплимент, что они прекрасная семья. Когда Анита легла в клинику, Кит с Марлоном поселились в роскошном номере в историческом отеле «Монтрё Метрополь» на берегу Женевского озера. Доктора были терпеливы и благожелательны, за что им платили 50 фунтов в день. Они объяснили, что Аните будут давать минимально возможные дозы метадона до тех пор, пока не родится ребенок. Дэнделион Ричардс появилась на свет 7 апреля 1972 года.

Кит позвонил мне в Лондон и рассказал об этом. Не успел я его поздравить, как он резко оборвал меня:

— Короче, Анита выходит из больницы завтра, и ей будет туго. Я хочу, чтобы ты прилетел сюда со всей дурью, какую найдешь.

— Ты мой лучший друг и знаешь, что для тебя и Аниты я все сделаю. Но я тебе уже раньше говорил, что не буду никогда продавать наркотики и тем более возить их через границу.

— О'кей, о'кей, — ответил он раздраженно. — Найди кого-нибудь, кто провезет порошок вместо тебя, и сам тоже приезжай, а я заплачу сколько надо.

У меня было пол-унции героина и столько же кокаина. Я предложил Джонни, моему другу, 500 фунтов за провоз наркотиков в Швейцарию. В самолете Джонни сидел за четыре кресла впереди, и мы никоим образом не показывали, что знаем

друг друга. Кит ждал меня в аэропорту в своем большом лимузине. Джонни поехал в «Метрополь» на такси.

Мы ехали сзади в лимузине. Я подождал, пока Джонни зарегистрируется, потом прошел в его номер, забрал товар и отнес его в номер к Киту и Аните. Они оба приняли по большой дозе и называли меня своим спасителем.

К утру эйфория прошла, и они сильно занервничали, когда я сказал им, что обещал Джонни 500 фунтов за провоз и что он хотел бы получить свои деньги и вернуться в Лондон.

— Прости, Тони, — соврал Кит, — но у меня есть только 250. Пусть берет их и валит.

Ясное дело, что мой друг, который рисковал надолго попасть в тюрьму, был раздосадован.

— Даже не проси больше меня ни о чем таком, — сказал он.

Видя презрение в его глазах, я почувствовал себя таким виноватым, что дал ему еще 100 фунтов из своего кармана.

— Кит сейчас очень переживает из-за ребенка, — оправдывался я. — Он не всегда такой подлый.

За пять дней Кит и Анита израсходовали весь героин и кокаин и теперь хотели, чтобы Джонни привез еще наркотиков.

— Вы, должно быть, шутите, — рассердился я. — После того как ты отказался заплатить ему то, что должен?

— Ну давай, — молил Кит, — я заплачу ему 500 фунтов и еще 150 за прошлый раз.

Джонни неохотно принял предложение и прилетел с небольшим количеством героина и пакетом травы. Кит и Анита с жадностью набросились на наркоту и договорились с Джонни, что он будет привозить ее каждые десять дней.

Анита тем временем становилась все более замкнутой и отказывалась выходить из номера. Кит и я ходили гулять с детьми, радостно дыша свежим горным воздухом, а Анита одиноко чахла в роскоши, куря свои косяки, загоняя иглы себе в задницу и погружаясь в размышления.

Каждый раз, когда горничные приходили убираться в номере, она посылала их подальше через запертые двери. Через три недели номер провонял грязными носками и табачным дымом. Везде валялись пустые бутылки, мебель эпохи Людовика Четырнадцатого была прожжена сигаретами, простыни приобрели неприятный серый оттенок.

— Мы не можем дальше жить в этом свинарнике, — в конце концов объявил Кит.

Как я позже узнал, горничные, получившие нелегкое задание по уборке номера, настаивали на том, чтобы все продезинфицировать.

Близился момент, когда «Роллинг Стоунз» нужно было начинать свое первое за три года турне по Штатам. После Альтамонта они туда еще не ездили. Джаггер побаивался этих гастролей; он уже несколько раз ездил в Америку обсуждать детали выступлений и вернулся оттуда с довольно критическим настроем.

«Где оно, то настроение? — спрашивал он Роберта Гринфилда из журнала «Роллинг Стоун», имея в виду радикальную политическую атмосферу, делавшую Штаты таким интересным местом еще три года назад. — Его нигде нет. Сейчас осталась просто кучка торчащих людей. И из-за того, что они торчат, их перестало интересовать все остальное. Если это их тема, если они хотят жрать героин и транквилизаторы и прочее химическое дерьмо — о'кей, но тогда они ничего не смогут сделать в жизни.

Я не виню людей за то, что они торчат. Каждый когда-нибудь хочет забыться и уделаться вусмерть, но всю жизнь так проживать нельзя. Потому что потом не слезешь. Забываешься, забываешься, а под конец просто убиваешь себя, пытаясь забыться.

Говорят, что из-за того, что наркоту можно купить на любом углу, люди перестали интересоваться всем остальным… И я вот думаю: а что вообще делать? Пусть я, мать твою, наивный идеалист, но я считаю, что надо пытаться улучшить жизнь в стране и воспитывать детей, а сидя дома, закидываясь героином и слушая музыку, но любому ничего такого не сделаешь. Может, это старомодно, но надо брать быка за рога, а это здоровый долбаный бык — Америка… и рога страшные».

Многие считали, что за мрачными прогнозами в адрес Штатов Джаггер скрывает свои, гораздо более глубокие страхи: «Нервишки у него сдали. Боится, что на этих гастролях до него наконец доберутся». Джаггер провел долгие часы, размышляя над проблемой безопасности, и в конце концов решил, что они будут выступать только в маленьких залах, где он сможет общаться с аудиторией и держать ситуацию под контролем. Экономические реалии американского турне развеяли эти фантазии. После серии бурных дискуссий с Маршаллом Чессом и принцем Рупертом Мик со скрипом согласился с тем, что группа проведет двухмесячные гастроли, играя на всех самых больших стадионах страны.

— На этот раз все должно быть хорошо, — торжественно говорил Джаггер. — Там много людей, которые были разочарованы последним туром. Я не хочу дорогих билетов, опозданий, скандалов и тому подобного дерьма. Мы едем туда заработать кучу денег и приобрести множество друзей.

Питер Радж, учтивый выпускник Гарварда, организовавший

прекрасные американские гастроли для «Зе Ху», был нанят, чтобы воплотить планы Мика в жизнь. Каждая деталь была тщательно продумана, как во время военной кампании. Канадский режиссер Роберт Франк должен был снять фильм о гастролях, а писатель Роберт Гринфилд — написать о них книгу.

Репетиции начались в атмосфере секретности, словно речь шла об операции ЦРУ. Они проходили в маленьком кинотеатре в Монтрё, поскольку «Роллинг Стоунз» обнаружили, что легче самим приехать к Киту, чем заставить Кита приехать к ним. В мае они полетели в Лос-Анжелес, где на время гастролей располагалась их штаб-квартира. Как раз в эти дни в торговом центре в штаге Мэриленд вооруженный маньяк выстрелил в губернатора Джорджа Уоллеса; ранение оказалось серьезным, и теперь врачи боролись за его жизнь. Когда Мику рассказали об этом, он ощутил невольную дрожь: это показалось ему зловещим предвестием его собственной судьбы. Снова и снова люди спрашивали его о том, что было у всех на уме: «Мик, а ты не боишься, что тебя тоже застрелят?»

— Боюсь, — отвечал он. — Конечно, боюсь. Но что же мне делать? Запереться дома, толстеть и писать мемуары? Нет, игра стоит свеч.

Первый концерт проходил в «Пасифик Колизей» в Ванкувере. С первых аккордов «Brown Sugar» («коричневый сахар» — так называют неочищенный героин) слушатели пришли в исступление. А снаружи полиция сражалась с двухтысячной толпой подростков, которым так и не удалось купить билеты. К концу вечера все критики и слушатели восхищенно шептали что-нибудь вроде: «Величайшая рок-группа в мире». Между тем в местной больнице уже зашивали, перевязывали и смазывали раны тридцати пострадавшим полицейским.

В этом турне любимым напитком «Роллинг Стоунз» была текила, а любимыми наркотиками — кокаин и амил-нитрит. «Роллинг Стоунз», как обычно, стали законодателями моды в этой области и теперь, когда уже все вокруг нюхали кокаин, сами искали новых удовольствий. Пузырьки с кокаином, транквилизаторами и стимуляторами окружали их на протяжении всех гастролей. Джаггер перед каждым концертом делал себе дорожку. Он чувствовал, что уже не может танцевать и кричать на сцене без помощи кокаина. Кит же вкалывал столько героина, что с трудом волочил ноги по сцене и выглядел жуткой старой развалиной. Однако это прекрасно вписывалось в образ хипповой обдолбанной рок-звезды — и подросткам из-за этого он еще больше нравился. Всех, с кем он общался, он тоже склонял к эйфорическому героиновому забвению. Один из его друзей всегда

был категорически против того, чтобы колоться. Но Кит в конце концов все-таки убедил его попробовать — таким оригинальным способом они отпраздновали в Вашингтоне День независимости. Вскоре после этого друг обнаружил, что подсел на героин.

Только Мик до сих пор устоял перед соблазнами героина.

Обладая сильной волей, он умудрялся получать все от кокаинового кайфа, но не доводить дело до того, чтобы пришлось приходить в себя с помощью героина. Он был очень недоволен, когда Кит и другие музыканты пришли на концерт обдолбанные:

— Я думаю, что это очень хреново — сначала обдолбаться, а потом выходить и играть перед публикой.

Через месяц после начала гастроли приобрели особый наркотический оттенок. Мик с Китом вели себя, словно параноики: боясь, что их убьют, они не расставались с револьверами тридцать восьмого калибра. В Чикаго они остановились в пошловато-вычурном особняке Хефнера. Они использовали друг друга — Хью Хефнер хотел с помощью «Роллинг Стоунз» придать больший блеск своему имиджу, а те были рады потрахать его куколок, накачаться его дурью и покрушить его мебель. Они уехали через несколько дней, и все были довольны тем, как прошло взаимовыгодное мероприятие. Даже Хефнер.

Он был далеко не единственным, кто стремился подзарядиться бешеной энергией «Роллинг Стоунз». Почти каждый стареющий богач в Штатах всеми силами стремился подобраться ближе к этому эликсиру молодости, однако сделать это смогли немногие. Среди них были такие люди, как принцесса Ли Радзивилл — знаменитость из знаменитостей, писатели Трумэн Капоте и Терри Саузерн. Однако они оставались для «Роллинг Стоунз» чужаками. Принимали как своего только Энди Уорхола, который был таким же сумасшедшим, как и они, — да и то потому, что он был любимым художником Бьянки.

На сцене и вне ее события происходили в сумасшедшем ритме. На стадионе в Сан-Диего пятнадцать человек попало в больницу и шестнадцать в полицию. В Таксоне в шумных фанатов бросали гранаты со слезоточивым газом. В Вашингтоне арестовали шестьдесят одного человека.

В Монреале маньяки взорвали динамитом микроавтобус «Роллинг Стоунз» с оборудованием, а триста фанов, которым продали поддельные билеты, учинили беспорядки. В Бостоне самих музыкантов арестовали за драку с фотографом.

Безумие стало передаваться и обслуживающей команде. После «Street Fighting Man» Джаггер всегда бросал в публику розовые лепестки из корзины, словно священник, кропящий

паству святой водой. Чип Монк, который заведовал спецэффектами, решил, что будет смешно, если спрятать цыплячью ножку среди розовых лепестков и посмотреть, что произойдет. Джаггер ее даже не заметил и швырнул прямо в толпу, попав по голове девушке, пребывавшей в глубоком экстазе. Было это в Детройте.

К Филадельфии Чип набрался смелости подложить в корзину сырую свиную печень, и Джаггер, слишком увлеченный выступлением, чтобы понять, что происходит, грациозным жестом бросил ее в зрителей. Секундой позже печень прилетела назад, на мгновение зависнула в ярком сиянии прожекторов и кровавым месивом плюхнулась на абсолютно белую сцепу. В Питтсбурге Чип уже не на шутку разошелся: принес целую свиную ногу с копытом и засунул в корзину. К счастью для жителей Питтсбурга, Джаггер нашел ее прежде, чем началось выступление, и кинул в Чипа.

К тому времени, когда весь этот цирк переместился в Нью-Йорк, чтобы провести три завершающих шоу в Мэдисон-Сквер-Гарден, представление уже было отработано и проходило безупречно. Пятьдесят дней наркотиков и дебоша при переездах не только не повредили «Роллинг Стоунз», но и, напротив, ознаменовали пик их карьеры.

Кульминацией гастролей стал последний концерт — 26 июля, в день двадцатидевятилетия Мика. Чип, твердо вознамерившийся сделать событие незабываемым, арендовал циркового слона, который в конце шоу должен был поднести Мику розу в хоботе. «Ни в коем случае», — сказали люди, которые заведовали Мэдисон-Сквер-Гарден, представив себе обезумевшее животное, мечущееся в припадке ярости и давящее зрителей. Чип успокоился на том, что купил пятьсот живых цыплят, которых собирался выпустить на головы аудитории. Тогда руководство заблокировало крышу. В отчаянии Чип согласился на обыкновенную драку тортами. Но люди в сером решили, что даже это выходит за рамки приличий, и конфисковали его ящики с тортами. Однако им не пришло в голову, что у Чипа за сценой есть еще запасы.

Последнее шоу было лучшим в туре. После «Street Fighting Man» Чип выкатил на сиену тележку с праздничным тортом и шампанским. Бьянка, танцуя, вручила Мику огромную панду и поцеловала его. Чип незаметно подкрался с тортом в руке и размазал его по лицу суперзвезды. Джаггер схватил торт и швырнул его в Чарли Уоттса, и вдруг вся сцепа превратилась во что-то похожее на фильмы с Лорелом и Харди[11]. Толпа начала скандировать: «С днем рождения!» — под ритм, который

выстукивал Чарли. Йэн Стюарт тихо подкрался сзади к Уоттсу и аккуратно влепил по торту в каждое его ухо. Какое-то мгновение торты висели у того на ушах, как гигантские наушники.

Банкет по поводу окончания гастролей происходил в отеле «Сент-Реджис». Боб Дилан явился с За За Габор, Вуди Ален — с Чарли Симон. Среди гостей были лорд Хескет, Сильвия Майлз, Дик Каветт и Теннесси Уильямс, привлеченный скорее персоной Ахмета Эртегана, главы «Атлантик Рекордз», и прочими гостями, чем самими «Роллинг Стоунз». Из огромного праздничного торта появилась обнаженная девушка, вращая кисточками вокруг сосков одновременно в противоположных направлениях. Но атмосфера была невеселой. Просто очередное холодное сборище знаменитостей, без всяких революционностей. «Роллинг Стоунз» теперь стали просто успешными поп-знаменитостями.

Сорокасемилетний Роберт Франк был самым старым участником турне. Его фильмы, в которых снимались такие люди, как Ален Гинзберг и Грегори Корсо, не предназначались для массового зрителя, «Роллинг Стоунз» не смотрели ни одного. Зато они видели книгу черно-белых фотографий Франка под названием «Американцы», запечатлевшей ощущение разбившейся мечты, охватившее всю страну. Под впечатлением этой книги Джек Керуак написал: «Роберту Франку я сейчас сообщаю это: у тебя есть глаза».

«Роллинг Стоунз» предоставили Франку полную свободу. Это должен был быть первый честный рок-фильм. Маски и мистика были отброшены, а Франк получил доступ в спальни, самолеты и раздевалки. Для Роберта Франка преград не было. Его единственной целью было рассказать все так, как было на самом деле.

С трепетом предвкушения мы уселись в кресла кинотеатра в Сохо, чтобы посмотреть черновой монтаж фильма Франка. Поскольку «Роллинг Стоунз» во время гастролей спали с кучей девушек, ни одна из их жен на просмотре не присутствовала. Когда на экране появилось название — «Cocksucker Blues», — я понял, что оно не пройдет. У фильма с таким названием было мало шансов выйти в прокат.

После списка участников был снят джем-сейшен, где Роллинги играли «Can't Always Get What You Want» раз в десять мощнее, чем на записи. Затем Маршалл объявил песню под названием «Cocksucker Blues», композицию, которую Роллинги записали давным-давно, пытаясь разорвать контракт с «Деккой».

Джаггер рычал, сидя за большим роялем, и, надо сказать, выглядело это круто. Но даже Кит поеживался каждый раз, когда Джаггер пел припев про сосание члена и траханье в жопу. Затем

уже Кит играл на рояле, а Джаггер слонялся вокруг бассейна, засунув руку себе в трусы и грубо там себя лаская. Быстрая смена сцен, и мы перенеслись в нелепое шоу, когда недалекий и наглый диск-жокей Император Роско пытался взять интервью у Мика и Кита, в то время как они свертывали косяки, что-то невнятно бормоча в ответ на его глупые вопросы.

Затем несколько сцен из повседневной жизни, и вот уже «Роллинг Стоунз» исполняют на сцене «Brown Sugar». Опять повседневная жизнь, и они поднимаются на борт своего личного реактивного самолета, на котором летали во время тура. За ними следуют их грудастые поклонницы — Марго, Мэри и Рене.

На высоте семи километров от земли один из техников поднял Мэри над полом и стянул с нее ее узкий свитер и джинсы. Под ними на ней ничего не было. Затем была раздета сопротивлявшаяся и в то же время хихикающая Марго. Пока техники собирались развлечься, из передней части салона появились Джаггер и Ричардс, пляшущие, как злобные дервиши. Мик играл на тамтамах, а Кит на тамбурине, их головы качались в такт ритму. Кто-то перевернул Мэри на спину и засунул свое лицо ей между ног. Мик и Кит ускорили темп, а Бобби Кейз поливал обеих девушек апельсиновым соком. Снова наступило вудуистское безумие.

«Роллинг Стоунз» предстали в своем наиболее отталкивающем и развратном виде. Рене, третья девушка, кричала и отбивалась. Она была напугана и явно хотела выбраться из самолета.

Потом сцена прервалась, и на экране появился черный парень в футболке, продающий втридорога билеты на их концерт. Потом раздевалка: Кит с марокканским ковриком для молитв на шее, в процессе гримирования и закапывания глазных капель под руководством чернокожей Дженис. Она присматривала за тем, чтобы Ричардс хотя бы два часа в день (когда он на сцене) выглядел по-человечески. Джаггер тем временем готовится к концерту, нюхая кокаин через стодолларовую купюру.

Они направляются к сцене, но в последний момент Джаггер возвращается за новой порцией кокса. Затем — сцены из шоу; Джаггер уже превратился в демонического Полуночного Бродягу («Midnight Rambler»).

Опять съемки за кулисами, где писатель Терри Сазерн нюхает кокаин и говорит про него какие-то банальности.

— Если бы вы зарабатывали миллион долларов в неделю и тратили их на кокаин, — вещает он, — то, наверное, подсели бы. Но кокаин такой дорогой.

Кит и почти не одетая симпатичная блондинка в спальне.

Они просеивают и варят героин. Медленно, смакуя, она вводит иглу шприца, полного смертельного нектара, ему в вену. И медленно, медленно он отрубается.

Затем Кит задумчиво говорит о молодых музыкантах, которых он встретил:

— Я сказал этим ребятам: «Если вы и правда хотите стать хорошей командой, то уезжайте из Швейцарии и поголодайте».

Эти слова, конечно, демонстративно абсурдны. Почти все лучшие группы сейчас состоят из избалованных миллионеров.

Потом на экране появляется Осси Кларк, в белом костюме и с красной розой в руке. Он помогает Бьянке примерить платье с глубоким вырезом, и на долю секунды ее груди вываливаются оттуда к ее явному смущению. Кадр с домашней обстановкой; Бьянка напоминает Мику о том, что их звали на обед.

— Я не хочу видеть эту ужасную, ужасную женщину, — говорит она обиженно. — И я не хочу есть ее поганую еду.

Кто конкретно эта ужасная леди — интригующе умалчивается.

Еще мирские сцены: музыканты с женами едут в машине где-то на крайнем юге, сетуя, что поблизости нет нормального места, где можно поесть, а потом вдруг снова свет прожекторов, и они вместе со Стиви Уандером громко поют «Uptight», а потом «Satisfaction».

Другой отель; совершенно голая девица лежит в постели с двумя администраторами группы. Она мастурбирует и мурлычет что-то о том, что только что видела светлячков. От этих кадров едет крыша.

Снова Кит, он играет в покер, а на экране телевизора беснуется Джордж Уоллес. Затем снова леди со светлячками, которая на этот раз курит косяк с Миком Тэйлором.

— Никогда еще не испытывал такого экстаза в гостиничном номере, — шутит он.

Более странные сцены: Кит настолько обдолбан, что не может объяснить персоналу отеля, что ему нужна чаша с фруктами. Девушка, которая колола его в прошлый раз, уже проделывает это с кем-то еще; затем Кит и саксофонист Бобби Кейз глупо хихикают, сбрасывая цветной телевизор с балкона своего номера.

В фильме чередовались яркие сцены выступлений, какие-то абсурдные эпизоды и свидетельства скандальных похождений Роллингов: очередной город, очередной хит, очередной трах. Заканчивается фильм медленным уходом «Роллинг Стоунз» со сцены под чтение жесткого текста «Brown Sugar», произносимого с расстановкой, словно приговор.

— Вау… — выдохнул Кит. — Я как будто опять прожил те

моменты. Это будет самый классный рок-фильм, какой видел мир.

— Я так не думаю, — покачал головой Джаггер. — Нас начнут обыскивать в каждом городе отсюда и до Тимбукту, как только он выйдет в прокат. Он вызовет всеобщее возмущение, и полиция опять сядет нам на хвост, как было недавно. Нет, надо подождать лет пять по крайней мере, пока все не успокоятся, прежде чем выпускать фильм в прокат. И даже тогда это будет опасно. Может быть, его и вовсе не стоит показывать, пока мы играем.

Через пять лет его это совершенно перестало интересовать.

— По-моему, это нельзя назвать хорошим фильмом, — вот и все, что он сказал.

26

Ямайка оказалась еще более идиллически-прекрасной, чем они ее себе представляли: реки, текущие сквозь пальмовые джунгли, гремящие на перекатах и впадающие в океан — голубой, как глаза Марианны. Белоснежный песок. Почти все время светило солнце и стояла жара, но каждые несколько дней налетали внезапные сильные грозы, что делало жизнь разнообразнее. Они приехали сюда записываться на студии Байрона Ли «Динамик Саунд». Был ноябрь — самое время спастись от европейского холода.

Все было бы хорошо, но Кита что-то раздражало в Мике, мешая полностью отдаться сочинению песен и записи.

— Вот, Кит, — однажды вечером сказал Мик, когда они сидели у бассейна в отеле «Терра Нова», потягивая пиво «Ред Страйп» и наблюдая за светло-вишневым закатом, — прочитай-ка и скажи, что ты обо всем этом думаешь? — И он протянул ему мятый конверт.

Письмо было от ученика колдуна, жившего в Калифорнии, Пространно, но достаточно прямо автор излагал причины, по которым Джаггер был следующей рок-звездой, которой предопределено умереть. Несмотря на явную абсурдность, эти зловещие выводы настроения вовсе не поднимали; говорилось, что все рок-звезды, которым было предопределено умереть, имели в своих именах буквы I и J — например, Брайан Джонс, Дженис Джоплин, Джимми Хендрикс и Джим Моррисон. Более того, порядок смертей определялся формулой, из которой выходило, что вторая буква в имени следующего покойника должна быть I, а его фамилия должна начинаться на J. Кроме того, существовала картина, написанная в семнадцатом веке голландцем Франсом Хальсом, который сам был известным колдуном. Картина называлась «Веселый лютнист» — и этот лютнист был как две капли воды похож на Джаггера.

Калифорниец как-то совместил все эти совпадения и вычислил точную дату смерти Джаггера.

— Но он пишет, что ты должен умереть завтра, — сказал Кит, тыча пальцем в письмо. — И какого хрена ты собираешься предпринять?

— Буду сидеть в комнате, я думаю. Это по-любому полная фигня, но я не хочу испытывать удачу, плавая там или еще как.

— Да, конечно, — серьезно отозвался Кит. — А я скажу охранникам, чтобы были настороже и никого к тебе не подпускали.

Пока они работали над альбомом «Goat's Head Soup», неприятностей хватало. Французы грозились потребовать их экстрадиции — из-за наркотиков, которые Кит употреблял в «Нелькоте». Джаггер, Билл и Мик Тейлор полетели во Францию, чтобы подтвердить свои показания.

Снова начались трения между Бьянкой и Анитой, притом такие, что Анита и Кит были вынуждены какое-то время жить отдельно. Они сняли бунгало Томми Стила — на холме, с видом на Катлэсс-Бей. Кит был очарован островитянами — их ножами и оружием, их ганджей и гипнотизирующей музыкой регги, которая звучала из каждой сделанной из гофрированного железа халупы. Он помог начинающему ямайскому певцу Джимми Клиффу получить главную роль в фильме «The Harder They Come» («Чем хуже они с нами обращаются…»), который имел международный успех. Кит и Анита были в восторге от Боба Марли и его друзей-растаманов. Растафари были странной ямайской религиозной сектой, которая поклонялась Расу Тафари — Хайле Селассие, Иудейскому Льву. «Однажды, — говорили они, — мы вернемся на родину, в его страну — Эфиопию». Пока же они все больше погрязали в нищете и бедности, куря ганджу и заплетая волосы во впечатляющие и страшноватые на вид дрэды. Не удивительно, что соотечественники их ненавидели, но в то же время слегка побаивались.

На Рождество вся группа полетела в Лондон, хотя Аните так здесь понравилось, что она не хотела улетать.

— Я поселилась бы тут навсегда, — призналась она Киту.

— Может быть, мы так и сделаем, — ответил он. — Да, может, так и сделаем.

Для Мика и Бьянки Рождества не получилось. 23 декабря 1972 года в Никарагуа произошло землетрясение, погибло шесть тысяч человек, были разрушены коммуникации и прервана связь с окружающим миром. Бьянка была в истерике, увидев новости по телевизору на Чейн-Уолк.

— О нет, Мик, нет, — кричала она. — Моя мама и вся моя семья там. Они, наверно, все погибли.

Джаггер и его помощники пытались выяснить, что с семьей Бьянки, но все было без толку.

— Нужно туда лететь, — сказал он ей успокаивающе. — Не волнуйся, скорее всего, с ними все в порядке.

Прямым рейсом долететь в Манагуа было невозможно.

Мик нанял частный самолет и приказал одному из своих работников купить как можно больше сыворотки против брюшного тифа и других необходимых медикаментов.

Бьянка плакала, когда они ехали из аэропорта в Манагуа.

Везде были руины, как будто какой-то злобный великан стер с лица земли мир ее детства. Вместо изысканных особняков испанского колониального стиля вокруг теперь вздымались груды кирпичей и мусора. Джаггер, одетый в неуместно яркую американскую бейсболку, был подавлен. С другой стороны, здесь никому не было до него дела — редкий шанс почувствовать вкус нормальной жизни, который он перестал ощущать после того, как стал известным.

Они нашли маму Бьянки, сеньору Мациас, потрясенную, но невредимую. Тихо всхлипывая, она рассказала, что сумела выбраться из завала. Ей очень повезло. Посмотрите, сколько погибло хороших людей.

— Им так нужны деньги, — прошептала Бьянка Мику. — Многим деньги спасут жизнь.

— Не волнуйся, — успокоил ее Мик, — денег я им найду.

18 января «Роллинг Стоунз» играли в Лос-Анджелесе.

Билеты стоили дороже, чем на любой рок-концерт, но распроданы были полностью. Было собрано больше 250 000 фунтов, и все они были пожертвованы никарагуанцам.

Японский экономический прорыв превратил эту страну в крупнейший рынок аудиозаписей после Америки, однако «Роллинг Стоунз» там еще не были. Для покорения страны восходящей иены решили, что группа сыграет подряд пять концертов на крупнейшем стадионе в Токио. Машина рекламы пришла в действие, и на Ямайку хлынули толпы японских журналистов, чтобы взять у музыкантов интервью и сделать снимки. Было продано уже 55 тысяч билетов, но вдруг японское правительство объявило, что отказывает во въездной визе Майклу Филипу Джаггеру, так как он был ранее судим за хранение гашиша. И, несмотря на протесты адвокатов и журналистов, ничего с этим поделать не удалось. В Австралии тоже были распроданы билеты на шесть концертов, когда Министерство по делам иммиграции объявило, что одному из музыкантов группы въездная виза выдана не будет.

— Я не могу в это поверить, — возмущался Джаггер. — Какой-то дурацкий условный срок за гашиш, и теперь я не могу попасть в половину стран мира. Можно подумать, я бостонский маньяк или еще кто.

К счастью, Австралия оказалась более сговорчивой, и после некоторых проволочек группе все же позволили въехать в страну. Как всегда, чувственная животная энергетика «Роллинг Стоунз» разрушила все общественные барьеры и спровоцировала безумства и беспорядки. Даже в спокойной, патриархальной Аделаиде произошла грандиозная схватка полиции с пятью

тысячами поклонников.

После Австралии они играли в Новой Зеландии, Гонконге и Гавайях, потом Кит и Мик с девушками снова улетели на Ямайку.

Когда они подвели некоторые финансовые итоги, то осознали, что невероятно богаты. Каждый член группы только на американских гастролях заработал по 200 000 фунтов. Регулярно поступали доходы от продажи записей. Все их 20 альбомов пользовались в музыкальных магазинах постоянным спросом. Мик и Кит, которые написали почти все песни, имели еще по 15 пенни с каждой копии альбома — помимо тех 20 пенни, которые получал каждый член группы. Почти все альбомы были проданы количеством больше миллиона экземпляров. Они подсчитали, что получают от продаж альбомов и концертов в среднем около миллиона фунтов в год.

«Мне даже неохота об этом думать», — жаловался Кит, однако на следующий день заплатил 75 000 фунтов наличными за бунгало Томми Стила. Джаггер тоже раздумывал, как бы потратить деньги. Слетав в Вашингтон, он пожертвовал 400 000 фунтов в Фонд панамериканского развития и этим сразу приобрел нескольких друзей из числа влиятельных американских политиков, например Уолтера Энненберга, посла США в Великобритании.

На Ямайке тем временем увлечение Аниты растафарианством начало раздражать соседей с колониальным стилем мышления, которые не имели претензий к черным до тех пор, пока те чистили им ботинки и рубили сахарный тростник. Анита же ходила на танцы к растаманам и далее приглашала их к себе домой.

— Думаю, тебе стоит поговорить со своей женой, или у нее будут неприятности, — шепнул однажды Киту один местный бизнесмен.

— А я думаю, что это тебя не касается, — ответил Кит.

Затем он сильно ушибся и через несколько дней улетел в Лондон, оставив Аниту развлекаться на Ямайке.

Вернувшись, он снова начал вести жизнь рок-звезды. Он взял напрокат желтую «Феррари Дино» и начал проводить ночи в «Трампе», самом модном лондонском ночном заведении, располагавшемся на Джермин-стрит. Каждый вечер он принимал громадные дозы кокаина, ехал в клуб, слушал музыку и общался с друзьями. Когда мы были там третий раз, ко мне подошла высокая стройная блондинка, поцеловала меня в щеку и сказала, что рада снова меня видеть.

— Это кто? — спросил Кит, когда она снова отошла к своему столику.

— Крисси Вуд. Ты должен ее знать, жена Ронни Вуда из «Фэйсес».

— Вау, — протянул Кит, — она мне нравится. Она ничего, да?

Я был очень удивлен. Я знал Кита много лет, и это был первый раз, когда я видел, что он на кого-то запал и вслух восхищался. Секс для Кита в списке развлечений стоял явно дальше, чем музыка и наркотики.

— Да, — согласился я, — но она не просто его подружка, она его жена, знаешь ли.

— Это меня как раз меньше всего беспокоит, — ответил Кит. Он подошел к Крисси и предложил выпить. Через час они вместе уехали в его «феррари». Он отвез ее в Ричмонд, и она пригласила его на чашку кофе. Кит был впечатлен роскошью дома. «Уик» оказался отличным георгианским особняком, расположенным на вершине Стар и Гартер-Хилл с роскошным видом на двадцать миль петляющей Темзы.

— Спускайся вниз, в студию, поздоровайся с Вуди, — сказала она, когда они вошли. Кит запаниковал, он не рассчитывал знакомиться с мужем своей новой подруги в самом начале их отношений. Худшее, однако, было впереди. В роскошной студии Вуди усердно трудился Мик Джаггер.

Оба были крайне вежливы, скрывая неловкость и тщетно пытаясь попять, какого черта каждый тут делает.

Потом они поднялись в величественную овальную гостиную с балконом выпить «Курвуазье». Внезапно открылась дверь и вошла великолепная красотка. Это была немецкая фотомодель, блондинка с огромными наивными голубыми глазами и прекрасной фигурой, которую тесно обтягивало простое белое платье. Ее представили Киту как Уши. Было ясно, что Мику она нравилась, но она его игнорировала и обращала внимание только на Кита.

После этого Кит стал проводить там большую часть времени и я его почти не видел. Неделей позже, однако, он позвонил мне домой и попросил привезти ему в «Уик» кокаина. Когда я приехал, был уже вечер. Помощник Вуди, открывший мне, сказал, что Кита я найду в комнате на третьем этаже, рядом с сауной. Я поднялся наверх, постучал и вошел. Кит и Уши вместе лежали в постели. Кит без тени смущения забрал кокаин, поблагодарил меня, и я уехал домой.

Через несколько дней Уши предложили работу моделью в Германии. Кит вернулся на Чейн-Уолк, и их роман закончился. В то же время этот эпизод послужил началом его дружбы с Ронни Вудом.

Кит очень любил играться со своим ножом, который купил на

Ямайке. Его можно было вынуть и открыть одним резким движением, почти как автоматический.

— Эго очень опасная игрушка, — предупредил я его. — Советую доставать его, только когда это действительно надо. Иначе кто-нибудь может испугаться и порезать тебя первым.

— За меня не бойся, — отмахнулся Кит, — я могу о себе позаботиться.

Спустя несколько дней в «Трампе» двое итальянских хулиганов стали пялиться на нас с Китом, явно собираясь наехать. Но с нами был Вуди и еще несколько друзей, так что Кит решил взять их на испуг.

— На кого уставились эти суки? — крикнул он так, что его слышали почти все в клубе. Однако я знал, что итальянцев не так легко напугать, как британских бандитов. Любая угроза или наезд воспринимается ими как вызов их мужественности и становится делом чести.

— Кит, — прошептал я ему, пытаясь разрядить ситуацию, — они смотрят на тебя просто потому, что ты Кит Ричардс. Они и на Вуди смотрят, и он по этому поводу не парится. К тому же если ты их расстроишь, они вынут ножи или пушки и тебе будет больно.

— А мне по хрен, — взорвался Кит. — Если кто-то из них на меня еще раз так посмотрит, я ему плесну виски в рожу.

Потом я пошел в туалет, и как только итальянцы увидели, что Кит остался один, они подошли к его столу и окликнули симпатичную девушку рядом с ним: «Ciao, bella»[12]. От такой наглости Кит потерял остатки самообладания и перепрыгнул на другую сторону стола, разлив все напитки. Он выхватил свой нож и наставил его на итальянцев, рыча, как разъяренный тигр. Люди начали кричать и разбегаться. Один из итальянцев пнул Кита ногой в пах, а другой взял стул и разбил о его голову. Когда я пришел, все уже кончилось. Менеджер клуба помогал Киту подняться на ноги, а официант выпроваживал итальянцев за дверь.

— Нет, нет, не звоните в полицию, — сказал Кит, — мы можем обойтись без шума и суеты.

Мне он позже шепнул:

— Хочу поквитаться с теми двумя — нельзя, чтобы они просто так ушли.

— Хорошо, хорошо, — кивнул я, — однако это тебе будет кое-чего стоить.

Я знал, что если этих парней замочат, то это будет катастрофа. Начнется вендетта, которая закончится тем, что Киту придется глядеть в дуло обреза. Одного из них, Вили, я смог

потом отыскать.

— Слушай, — сказал ему я, — у того человека, которому вы дали в морду в «Трампе», много денег. Чтобы не было больше неприятностей, я заплачу каждому из вас по сто фунтов, и вы неделю или около того будете ходить в другой клуб. Этим вы окажете мне огромную услугу.

Я сообщил Киту, что все улажено, и взял у него 200 фунтов. На следующую ночь он поехал в «Трамп» с ножом в сумке и четырьмя здоровыми охранниками по бокам.

— Посмотрим, нужны ли им проблемы сегодня, — бахвалился он — Поглядим, захотят ли они опять на меня пялиться.

Конечно, их там не было. Кит приезжал и следующие несколько ночей, но они не появлялись. Как-то я подслушал, как он хвастался Вуди:

— Я не играю в игры. Любой, кто наедет на меня, — покойник.

Однако все эти мелочи были мгновенно забыты, когда Киту позвонили с Ямайки и сказали, что Анита арестована за наркотики и находится в тюрьме. Кит хотел вылететь немедленно, но боялся, что Аниту специально арестовали, надеясь заманить его самого.

— Гораздо лучше будет, — заключил один его друг, носивший графский титул, — если я все улажу за тебя.

Граф связался с одним из самых влиятельных бизнесменов острова, который имел с «Роллинг Стоунз» массу дел. Он выяснил, что Аниту можно немедленно освободить, дав взятку в 6000 фунтов.

— Скажи ему, пусть сразу платит, — замахал руками Кит. — Я верну ему деньги в любой стране, где он захочет.

Аниту отпустили, и она прилетела домой. Когда она сошла с трапа, я ее едва узнал. Сальные волосы прядями свисали на лицо, на шее у нее были нарывы, а выглядела она так, будто ее били до смерти. Увидев Кита, она бросилась в его объятия, рыдая, как потерявшаяся маленькая девочка.

С помощью графа мы постепенно восстановили по кусочкам жуткую историю, в которую она попала. Неодобрение местными ее любви к черным достигло кульминационной точки после того, как она попыталась спокойно войти в очень претенциозный, очень «белый» отель «Хилтон» вместе с шестью растаманами. Менеджер отеля попросил их всех уйти, но Анита отказалась. Разразился ужасный скандал. Когда слух об этом распространился по округе, белые, жившие по соседству с ней на Очо Риос, начали жаловаться в полицию, требуя, чтобы те под любым предлогом

депортировали Аниту. Полиция, хорошо знавшая, кто платит им зарплату, бросилась действовать. В доме у Аниты нашли килограмм травы, и девушку препроводили в местную тюрьму и посадили в камеру, где уже сидела дюжина негров, не обремененных мозгами. В грязной камере в углу была только одна параша.

Аниту неоднократно насиловали и били и заключенные и охранники. Доктор, который обследовал ее, когда она приехала из аэропорта, подтвердил наличие следов многократных изнасилований.

Дальнейшее расследование графа выяснило, что бизнесмен, которому заплатили за освобождение Аниты и последующую депортацию, и был первоначальным инициатором ее ареста.

— Этот урод, — закричал Кит, — знает меня и знает Аниту, но устроил все это ей просто для того, чтобы безобидные растаманы не заходили в его вонючий белый квартал! Он двуличный ублюдок и заслуживает смерти!

Через неделю вышеупомянутый джентльмен позвонил графу и жизнерадостно объявил, что на следующей неделе будет в Лондоне и был бы рад получить свои 6000 фунтов. В понедельник утром он позвонил Киту.

— О'кей, — проговорил Кит, с трудом сдерживая ярость, — мы отдадим вам деньги в четверг. Вам их передаст человек в отеле «Дорчестер».

Когда разговор был окончен, Кит разбил телефон об пол. Таким разъяренным я его никогда еще не видел. Потом мы стали бурно обсуждать, как покруче разобраться с этим подонком.

Сначала Кит абсолютно серьезно сказал, что хочет его убить. И мы начали прикидывать, какую сумму может запросить наемный убийца.

Затем Кит передумал, и мы решили, что лучше всего просто избить этого козла в фарш. Мне эта идея показалась наилучшей. Это было самое меньшее, чего заслуживал тот человек за нечеловеческие мучения, на которые он хладнокровно обрек Аниту.

Но в конце концов Кит решил просто не связываться с ним и оставить все как есть. Я встретился с тем парнем, отдал ему деньги, и на том все закончилось.

После этих мрачных событий Анита и Кит еще больше разуверились в мире и начали все увеличивать дозы героина, пытаясь забыться и оторваться от реальности.

В то время большую часть наркотиков им поставляли Майкл и Джон, два парня, которые начали торговать наркотиками, чтобы их хорошо принимали в доме Кита. До того они владели модным

бутиком в Челси.

Майкл готов был целовать землю, по которой ходили Кит и Анита, поэтому всегда мыл голову и одевал свою лучшую одежду, прежде чем прийти на Чейн-Уолк с новой партией товара. Мы с Китом предпочитали покупать у него порошок ежедневно, потому что это уменьшало количество наркотиков, которые могли бы найти при обыске. Майкл, однако, приходил не только за этим. Он так стремился понравиться Аните, что был готов рассказывать любые сплетни, чтобы привлечь ее внимание. Она же обычно бесцеремонно забирала у него наркотики, платила деньги и выпроваживала его как можно быстрее.

Между ними всегда чувствовалось легкое напряжение: Аниту устраивали чисто деловые отношения, а Майкл все время стремился зайти внутрь, попить кофе и поболтать. Однажды, когда ему в очередной раз дали от ворот поворот, он в отчаянии сказал ей:

— Спорю, ты хотела бы знать, чем тут занимался Кит, пока ты была на Ямайке.

— Да, — промурлыкала Анита. — Хотела бы. Проходи на кухню, выпьем кофе.

— Только обещай, что не скажешь Киту, что это я тебе рассказал, — начал Майкл. — В общем, пока тебя не было, он запал на модель из Германии, она жила дома у Ронни Вуда…

— Конечно, я не скажу Киту, — пообещала Анита. Но сразу же после ухода Майкла она ворвалась в спальню, схватила Кита за волосы и заорала: — Ах ты, грязный ублюдок! Ты шлялся с этой девкой! Я все про тебя знаю. Майкл мне все рассказал. Я уйду, и имей в виду, ребенка ты не получишь. Увидишь, так и будет!

— Погоди, я доберусь до этого стукача Майкла, — пробормотал Кит, когда буря прошла. — Я покажу ему, как рассказывать Аните сплетни.

Мы договорились, что я позвоню Майклу.

— Привет, чувак, — сказал я. — Кит тут говорит, что сто лет тебя не видел. Ты зашел бы вечерком, принес чуть-чуть кокса.

Кит зловеще посмеивался:

— Я тут кое-что придумал для мистера Майкла!

Через пару часов приехал Майкл, модно одетый и благоухающий дорогим лосьоном после бритья.

— Пойдем в комнату Кита, он до смерти тебя хочет видеть, — предложил ему я.

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться, глядя, как Майкл прихорашивается. Он напоминал комнатную собачку, которая с нетерпением ждет встречи с хозяином после долгой разлуки.

Друг Майкла, Джон, тоже пришел — носил наркотики он. Я попросил его подождать внизу, а сам с Майклом поднялся к Киту. Кит приветствовал дилера, а я расположился перед телевизором в углу комнаты, намереваясь посмотреть кое-какие видеокассеты.

— Кокаин с тобой? — весело спросил Кит.

— Нет, — ответил Майкл, — он у Джона. Я схожу, возьму его.

Он сбегал вниз и принес несколько граммов героина. Кит поблагодарил его и принял дозу. Майкл, глядя на него влюбленными глазами, присел на старинный сундук рядом с кроватью.

И тут Кит снял со стены немецкий палаш и начал носиться по комнате, рубя вокруг себя воздух. Майкл пытался что-то сказать мне, но я уставился в телевизор и щипал себя за нос, чтобы перестать смеяться. Напряжение в воздухе было уже трудно не заметить, и даже Майкл почувствовал, что что-то не так.

Кит вдруг подскочил к нему, и я понял, что сейчас все начнется. Он обрушил меч плашмя на плечо Майкла. Жестко. Я видел, как Майкл содрогнулся от боли, пытаясь изобразить беззаботную улыбку. Затем Кит приставил оружие к его груди, ткнув достаточно больно, но не поранив.

— В чем дело, чувак? — взмолился Майкл, хотя по его глазам я видел, что он прекрасно понимает, в чем дело.

— Ты наговорил лишнего, не так ли? — прорычал Кит.

— Что-что? Ты о чем? — запричитал Майкл.

— Ты отлично знаешь, о чем я! — Кит давил на меч все сильнее и сильнее. — Чего ты наплел моей старухе? Ты ей все рассказал про меня и Уши, так? Знаешь, что я с тобой сделаю, Майкл? Я отрежу твои волосы, которые ты так любишь.

Он схватил Майкла за его гриву и полоснул по ней острым, как бритва, лезвием. В последнюю секунду Майкл умудрился отвести лезвие рукой. Началась свалка, побелевший от страха Майкл упал на паркет и на четвереньках заполз под кровать. Кит, как безумный, махал мечом, пытаясь его достать. Я испугался, что он ненароком убьет его или глаз выколет. Тогда я вмешался в этот бардак, схватил Кита и попытался заломить ему руки за спину.

— Отпусти меня, — картинно кричал Кит. — Я покажу этому ничтожному стукачу. Пусти меня. Пусти!

— Скорее, Майкл, — заорал я, — беги отсюда! Я его долго не смогу удерживать.

Майкл вылетел из-под кровати, как пробка из бутылки.

— Быстрее, Джон, быстрее! — закричал он. — Кит озверел, он нас убить хочет.

После того как они скрылись, мы с Китом долго катались по

постели, смеясь до слез.

— Вот это да, — хохотал Кит, — ничего смешнее в жизни не видел Я чувствовал себя Сильвестром[13] из мультика, гоняющимся за мышкой.

27

Хотя мир рок музыки кажется либеральным и свободным от предрассудков, на самом деле это один из последних оплотов мужского шовинизма. С женщинами в этом мире обходятся по большей части примерно так же, как и в первобытные времена: о них рассказывают друг другу, их бросают и ими меняются. Кит не особенно удивился, когда Джо Монк — тот самый черный парень, что охотился в Редлэндсе, — однажды невозмутимо предложил ему свою девушку. Джо гостил на Чейн-Уолк. Аниты не было, она отдыхала с детьми в швейцарском шале. Джо чувствовал, что Киту не хватает женщины.

— Спасибо, конечно, — сказал Кит, — но ведь это твоя девушка, и я знаю, как ты ее любишь.

В общем, разговор шел в таком тоне, словно один предложил другому сигарету, а тот отказался. Но все же, видимо, мысль о девушке засела у Кита где то в подсознании. Спустя некоторое время, когда Джо уехал пробоваться в новой роли, Кит залез с его девушкой в «бентли», и они, словно пара юных влюбленных, стремящихся сбежать от всего мира, отправились в Озерный край.

Первым узнал о романе Мик. Кит позвонил ему из снятого на несколько дней домика в горах — сказать, что не сможет участвовать в назначенный день в фотосессии для обложки «Goat's Head Soup», которую делал Дэвид Бейли. Три дня спустя он вернулся в Лондон и сразу же позвонил мне.

— Джо Монк не появлялся? — встревоженно спросил он. — А то ходят слухи, что он хочет пристрелить меня.

— С чего это ему тебя убивать? — с невинным видом поинтересовался я. — Да и кишка у него тонка для такого дела. Я бы не стал беспокоиться из-за ерунды.

— Не знаю, — покачал головой Кит, — но Джо… он же псих. Никогда не предугадаешь, что он выкинет через пару минут.

Тем вечером мы отправились на концерт «Фэйсес» в «Сандаун», клуб в Эдмонтоне. После концерта намечалась вечеринка, и Кит сказал Вуди:

— Тут может прийти один негр, Джо Монк. Скажи своим охранникам, чтобы не пускали его, а то он испортит нам всю вечеринку.

Вуди был настолько занят разными делами, что забегался и как-то забыл об этом. И вот, когда после концерта мы сидели в гримерке и ждали, пока «Фэйсес» переоденутся, дверь распахнулась и вошел Джо Монк. В своем тюрбане и развевающейся марокканской накидке с капюшоном он

напоминал монголо-татарского воина.

— Смотри-ка, — пробормотал Кит. — Я же говорил, Тони, он меня ищет.

— Да он даже не посмотрел в твою сторону, — отозвался я. — Остынь.

— Ладно, но не спускай с него глаз. Вдруг он прячет пушку под пиджаком?

Внезапно в комнату проскользнула та самая девушка, из-за которой пошел весь сыр-бор, и повисла на шее у Кита, нежно целуя его в губы. Я подошел к Джо.

— Ты сильно напугал Кита, — сказал я ему. — Он решил что ты пришел поквитаться с ним.

— Не парься, — ответил он, — и не собираюсь.

— О'кей, но Кит этого никак не может понять. Может, подойдем к нему и ты скажешь, что все нормально?

Он согласился, мы подошли к Киту, и Джо сказал:

— Слышь, парень, не беспокойся, я ничего не имею против того, чтоб ты был с ней.

Тут храбрость вернулась к Киту.

— Да? Ну ладно, — пробормотал он и, повернувшись к Роду Стюарту, добавил: — У меня с собой нож, и я прирежу этого долбаного негра, если он задумал какую-нибудь подлость.

Однако Джо, казалось, совершенно не рассердился — скорее, он просто был поражен предательством Кита. Я чувствовал себя виноватым перед ним.

Кит сказал мне, чтобы я отвез Джо вещи, которые у того оставались на Чейн-Уолк. После этого Кит с девушкой остались там вдвоем и наслаждались обществом друг друга. Спустя некоторое время пришло длинное вежливое письмо от Джо, в котором он упрекал Кита за то, что тот увел у него девушку и практически выгнал из дома. «Мы жили по-братски, и я считал тебя своим другом», — писал Джо.

Кит не собирался отвечать столь же учтиво. Он ненавидел, когда его упрекали, и для него это было прекрасным поводом добить бывшего друга. Он быстро написал резкий ответ: «Не приходи сюда больше никогда. А если я тебя встречу на улице, то ты, долбаный нигер, получишь нож под ребра». Отправить это послание он попросил меня.

— Я не буду этого делать, — возмутился я. — Ты и так уже унизил парня, увел у него девушку. Зачем ты его добиваешь?

— Просто отправь это письмо, — ледяным тоном проговорил Кит.

Я взял письмо, но отправлять не стал, а просто разорвал на клочки Через некоторое время позвонила Анита и сообщила, что

приезжает на следующий день из Швейцарии вместе с Марлоном и Дэнделион. Кит тут же предложил девушке отправляться на все четыре стороны.

— Прости, дорогая, но семья для меня важнее.

Анита вернулась, и вновь потекла их жизнь на наркотиках — то на кокаине, то под героином. Опасаясь, что Джо будет мстить, Кит решил вооружиться. Он специально послал водителя в Швейцарию, чтобы тот привез ему его пистолет. Этот пистолет, короткоствольный «Смит Вессон» тридцать восьмого калибра, подарил ему Лерой, один из охранников, сопровождавших группу на американских гастролях. К несчастью, к нему не было патронов, и Кит попросил меня раздобыть их через моих друзей в Сохо.

Неделю спустя мне удалось за 30 фунтов купить комплект патронов у одного парня в пабе на Уордор-стрит.

Кит попытался зарядить пистолет тяжелыми пулями, но каждый раз, когда он опускал дуло, пуля выкатывалась на пол.

— Странно, — удивился я, — вроде калибр тот же, тридцать восьмой.

— А, понял, — догадался Кит, — здесь нужны пули с таким ободком-нарезкой по краю. А те, что ты мне привез, скорее всего, от пулемета.

Мы посмеялись, однако через три дня нам стало не до смеха. 26 июня 1973 года в дверь особняка на Чейн-Уолк позвонили. Дверь открыл Луиджи, и тут же внутрь ворвались десять полицейских под предводительством инспектора Чарлза О'Хонлона. Они прямиком направились в спальню, где спали Кит с Анитой, и почти мгновенно обнаружили револьвер и патроны.

Они нашли также крошечное количество гашиша и несколько таблеток мандракса. Попутно конфисковали кальян и красивые медные фармацевтические весы Кита. Кроме того, они обнаружили и забрали антикварный дробовик, оставшийся еще от Джонни-в-Подтяжках. Последней находке они, казалось, особенно обрадовались и, привычно пригрозив напоследок Аните, Киту и их другу, принцу Станиславу, имевшему несчастье остаться у них в тот вечер, ушли.

— Уф… — выдохнул Кит — Господи, хорошо, что они не стали обыскивать дом более тщательно. Бог знает, сколько всего они могли бы здесь найти.

Дома у Кита и Аниты имелось множество тайничков с героином и кокаином, часто в самых невообразимых местах. Например, в основании старомодной стиральной машины в ванной комнате. Или в секретном ящичке в их огромной кровати с пологом. Последний тайник, по просьбе Кита, смонтировал его

друг-американец, который занимался спецэффектами в фильмах. Он сделал и другие тайники, в которых Кит тоже хранил наркотики. Например, в дорогой ручке было маленькое отделение, в которое вмещалось около четырех граммов. Их не находили даже таможенники.

— Единственное, что меня и правда беспокоит, — так это весы, — сказал Кит вечером. Полиция могла отослать их на проверку в лабораторию, а он буквально неделю назад взвешивал на них унцию героина и не мыл после этого. Он опасался, что полиция добавит к обвинению и хранение героина.

Их троих оставили на свободе под залог в 500 фунтов. На суде принца Станислава сразу признали невиновным. Анита, за хранение 25 таблеток мандракса, была приговорена условно. А вот Кита на суде признали виновным в незаконном хранении небольшого количества гашиша, китайского героина, мандракса, револьвера и дробовика со ста десятью патронами. Кит заплатил штраф в 250 фунтов и вскоре вновь вернулся к бурной жизни.

Анита почему-то считала, что это Джо Монк навел на них полицию. Однако в этом сомневался даже сам Кит.

— Я отомщу ему! — выкрикивала бушующая Анита демоническим голосом. — Я прокляну его!

Немного позже Джо Монк ехал один по пустынной горной дороге на Мальорке и разбился. Свидетелей не было. Ни одной машины больше там не проезжало. Полиция сказала, что это одна из самых странных катастроф за последнее время. Хотя, возможно, все это было просто случайным стечением обстоятельств.

Вечной проблемой Кита с Анитой было добывание достаточного количества наркотиков. И их богатство здесь часто оказывалось бессильно. Дилеров арестовывали с пугающей регулярностью. Однажды, после того как арестовали нескольких крупных наркоторговцев, в Лондоне целую неделю было очень сложно найти наркотики. Тогда Анита связалась с Марио, итальянским дилером, с которым познакомилась в Швейцарии, и он сказал, что попробует взять восемь с половиной унций героина — этого хватило бы ей на месяц. Вскоре он позвонил из Италии и сказал, что все достал и вылетает. Я встретил его на «бентли» в аэропорту. Он провез наркотики внутри штатива для фотоаппарата и в тайниках в чемодане.

Прибыв на Чейн-Уолк и обменявшись с Китом и Анитой приветствиями, он сразу же заговорил о цене:

— Стоит все это добрых восемь тысяч фунтов.

Кит даже не удивился.

— А что это конкретно? — спросил он.

— Диаморфин, — ответил Марио. — Любой ваш знакомый химик без проблем превратит его в тридцать — сорок унций чистого героина.

Кит был шокирован. Диаморфин — неочищенный героин, полученный в результате подогревания морфия с уксусной кислотой. Медиков и химиков среди наших знакомых не было, так что вещество было для нас абсолютно бесполезным. Марио ошибся, думая, что порадует нас таким большим количеством героина.

— Пойми, для этого нужна лаборатория, — объяснял Кит. — А я не могу сейчас искать на всех углах химика, который согласится очистить для меня героин. Но даже если бы я купил у тебя все это, то не дал бы больше семи тысяч фунтов.

— Имей в виду, — вспыхнул Марио, — если не возьмешь, то тебя ждут крупные неприятности. Мне заказала его твоя девчонка. Я все привез. А теперь жду, пока ты заплатишь мне, чтобы улететь обратно.

Кит настаивал на том, что даже если он и согласится, ему все равно понадобится несколько дней, чтобы найти требуемую сумму. Он предложил Марио пожить у него это время. Затем, когда Марио отправился в одну из комнат для гостей, Кит попросил меня попробовать поговорить с ним.

— Он ведет себя омерзительно, — взорвался итальянец, как только я с ним заговорил. — Он ворочает миллионами и скупится заплатить мне за то, что я, рискуя быть арестованным, прилетел сюда просто потому, что его девчонке захотелось героина! Еще ни разу в жизни не имел дела с таким скрягой!

Я рассказал об этом Аните, и та решила, что заплатит ему сама, сняв деньги со своего счета в швейцарском банке.

— Нет, нет, Анита, — запротестовал тогда Кит, — не надо. Я заплачу. Я сам ему заплачу.

Кит пообещал мне две унции диаморфина, если мне удастся убедить Марио сбить цену. В конце концов он согласился на 3500 фунтов и, ругаясь на чем свет стоит, отправился обратно в Италию.

Мы с Китом попытались нюхать диаморфин, но быстро поняли, что он раз в десять слабее чистого. Нам пришлось употребить так много, что заболело горло. Однако, как и все торчки, мы пытались убедить себя, что это чудесно.

— В общем все не так плохо, а? — с сомнением спросил меня Кит.

— Ну да, словно муку нюхаешь, — я был вовсе не в восторге — Знаешь, Кит, по-моему, лучше дождаться того дня, когда мы познакомимся с каким-нибудь химиком, который сможет

превратить это в нормальную дозу.

— Наверное, ты прав, — мрачно отозвался Кит.

Спустя неделю, случайно выглянув из окна, Кит заметил группу монтажников-телефонистов, суетившихся вокруг проводов чуть поодаль от дома.

— Они опять здесь, — простонал Кит, — наверняка копы опять надумали поставить мой телефон на прослушку, а потом прийти с обыском. Надо увезти отсюда весь диаморфин, иначе меня точно посадят в тюрьму.

Он поднялся на ступеньки изящно украшенной лестницы и стянул с нее ковер:

— Я прятал где-то тут, внутри одной из ступенек.

Где точно, он не помнил. Мы обследовали пол-лестницы, прежде чем нашли искомую ступеньку. Кроме того, в доме были спрятаны и другие наркотики — немного на чердаке, чуть побольше в стиральной машинке и довольно много — в тайнике в кровати.

— Надо от всего этого избавиться, Кит, — предупредил я. — Если найдут так много, то ты не отделаешься штрафом. Тебя обвинят в продаже наркотиков, а тогда ты точно сядешь за решетку.

— Да, — согласился Кит, — я понимаю. Поехали, отвезем все заначки к Вуди.

Я подумал, что это не спасет ситуацию. Однако первым делом я решил узнать, действительно ли телефон прослушивается, для чего позвонил проверить, работает ли автодозвон. Я набрал 159, а затем четыре цифры телефона Кита и услышал, как записанный на кассету голос произнес: «Проверка начата». Я положил трубку, и через несколько секунд телефон зазвонил. Автодозвон работал, а в случае прослушивания это было бы нереально.

Однако Кита это не убедило.

— Смотри, они подходят все ближе и ближе к нашему дому. Надо все перепрятать, — настаивал он.

Тем вечером он обсудил ситуацию с Вуди, встретившись с ним в «Трампе», и тот предложил простое решение.

— Слушай, — сказал он, — у меня в глубине сада стоит небольшой домик, я его обычно использовал для хозяйственных нужд. Если хочешь, переезжай туда на время. Я прямо сейчас прикажу привести там все в порядок.

Кит согласился. Порешили на том, что вызовут строителей и маляров, чтобы подготовить дом к тому, что в нем будут жить. Кит же пока постарается перепрятать свой диаморфин.

Неделю он не касался этой темы, затем однажды неожиданно сказал:

— Ладно, сегодня вечером займемся делом.

— Что? — не понял я.

— Вечером отвезешь диаморфин к Вуди.

Я был против. Мне не хотелось подставляться с таким количеством наркотиков. В конце концов мы договорились, что я повезу вещество на «роллс-ройсе», а Кит поедет сзади на «феррари». Ночь была темной, и до Ричмонда мы решили ехать без остановок.

Мы приехали в «Уик», и я отговорил Кита прятать диаморфин непосредственно в домике. Если полиция его обнаружит, то обвинят Вуди. В итоге мы решили спрятать его в старой конюшне по соседству.

— Иди и прячь сам, — предложил я. — Я не хочу знать, куда ты его положишь. Пусть лучше об этом будешь знать только ты.

Через десять минут он, сияя, вышел из дверей конюшни, и мы поехали обратно на Чейн-Уолк. Вскоре Кит познакомился с Дэвидом, новым дилером с Эбби-Роад в Сент-Джонс-Вуд, у которого можно было покупать наркотики достаточно регулярно. Однако Кит, пав жертвой свойственной торчкам жадности, начал вести себя довольно подло. Иногда он предлагал мне чуть-чуть, но обманывал, говоря, что Дэвид снабжает его мизерными дозами. Когда мы возвращались от него в третий раз я, едва свернув с Эбби-роуд на Хэмилтон-Террас, заслышал полицейские сирены.

— Господи! — воскликнул я. — Они, кажется, наблюдали за домом и сейчас нас обыщут. Быстрей, давай мне весь порошок.

Кит быстро достал спрятанные наркотики из тайничка в противосолнечном козырьке машины и передал мне. Я уже приготовился вышвырнуть их в окно, когда мимо, сверкая мигалкой, промчалась первая машина. Слава богу, они гнались за кем-то еще.

— Эй, отдавай-ка все обратно, — жадно потребовал Кит.

— Лучше скажи мне спасибо. Если бы нас остановили, сел бы я, а не ты.

— Спасибо, — сказал он и дал мне в благодарность один из семи пакетиков.

На следующее утро им с Анитой захотелось еще. Он позвонил Дэвиду, но тот не подходил к телефону. Они встревожились.

— Ладно, — решил Кит, — поехали к Вуди, заберем то, что спрятали в конюшне.

Я ждал его снаружи конюшни, но он все не появлялся. Спустя десять минут из дома раздался шум и грохот, словно там что-то рушилось. Тогда я пошел посмотреть, в чем дело.

— Что случилось? — спросил я, заходя внутрь.

Оказалось, он спрятал все в дыре на потолке, но тот был под небольшим углом, и наркотики соскользнули в одну из полых стен. Кит уже обрушил часть потолка и собирался ломать стены, потому что не знал, в какую именно провалилась заначка.

— Пошли отсюда, — предложил я, — все равно не найдем.

— Найдем! — закричал Кит. — Чую, если мне сейчас не уколоться, то начнется ломка!

Мы еще час крушили старую конюшню в тщетных попытках отыскать диаморфин, но так ничего и не нашли. Думаю, он лежит где-то там и по сей день.

Киту стало нехорошо. Его прошибал холодный пот. Я видел, что у него начинают дрожать руки.

— Тони, мне плохо, — стонал он, — найди мне скорее дозу.

Я обзвонил всех знакомых. Дилеры сразу чувствуют, когда у героинистов отчаянное положение, и Киту пришлось уплатить безумную цену в 500 фунтов за четверть унции разбавленного героина ужасного качества. Но он был так счастлив, что его это абсолютно не волновало.

— Господи, как хорошо, — только и выдохнул он, когда бесцветный раствор вошел в вену.

Несколько недель Кит с Анитой провели в Редлэндсе, ожидая, пока их новый домик будет полностью готов. Однако пожить спокойно им не удалось. Я поселился в соседнем доме, тоже купленном Китом. Мы называли его «Пятый». 31 июля я заметил клубы дыма над соломенной крышей жилища Кита и услышал сирену пожарных машин, спешивших на помощь по узкой деревенской дороге. Подбежав, я увидел как Кит с Анитой в панике выносят вещи из пылающего дома. Я быстро нырнул в гараж и отогнал «феррари» Кита и свою «Альфа-Ромео» подальше от опасности. Затем вернулся и помог Киту вынести длинный, шестисотлетний обеденный стол и кресла времен Карла Второго. Наконец пожар был потушен. После этого Кит с Анитой тоже переселились в «Пятый», а Редлэндс начали ремонтировать. Получив порядочную сумму по страховке, Кит нанял архитектора, и в итоге дом отстроили так, что он стал даже больше и лучше, чем раньше.

В Редлэндсе царила суматоха и беспорядок, а тем временем «Роллинг Стоунз» окончательно решили, что отправятся в семинедельные гастроли по Европе и Великобритании. Кит понимал, что он не в том состоянии, чтобы ехать в турне, но времени лечиться не было. Чтобы слезть с наркотиков, потребовалась бы не одна неделя, поэтому вопрос, казалось, автоматически снимался.

Однако тут ему помог Маршал Чесс.

— Есть один доктор из Флориды, который может снять человека с наркотиков за несколько дней — просто путем замены крови. Я недавно лечился у него в Мексике, и очень удачно.

Флоридский доктор согласился, и они договорились, что он будет обновлять ему кровь в Швейцарии, на вилле Ле-Пек-Варп в Вильяр-сюр-Оллоп. После сентябрьского концерта в Бирмингеме Кит собирался сразу лететь в Швейцарию, а 26 сентября их ждал концерт в Берне. Маршал договорился, что тоже приедет лечиться вместе с Китом в это время.

До гастролей им тоже надо было активно выступать, рекламируя новый альбом «Goat's Head Soup». Несмотря на то что Кит не слезал с героина, ему все равно приходилось играть и он умудрялся ни разу не облажаться. Тем не менее однажды вечером чуть не дошло до беды. 6 сентября Мик снял на вечер Блейнхемский дворец, один из самых величественных английских особняков, в котором родился Уинстон Черчилль. Мик задумал вечеринку в русле рекламы нового альбома, и на нее было приглашено множество молодых аристократов, известных диск-жокеев и журналистов. Анита не хотела, чтобы они с Китом туда ехали. Она вообще редко выходила из дома и не выносила вечеринок. Но Мик настаивал.

— Тебе надо быть там, Кит, — почти приказал он. — Нужно, чтобы там были все члены группы. Это важно.

В конце концов Анита сдалась и, надев футболку и старые джинсы, поехала. По дороге она пару раз нюхала героин и в конце концов заснула. Кит растолкал ее по приезду, и она в ужасе посмотрела в окно, за которым из «роллс-ройсов» вылезали красавицы в атласных и шифоновых платьях.

— Вот что, — вспылила она, — я не пойду туда в обычных джинсах, если тут все так одеты.

— У тебя дома тонны драгоценностей и платьев, и у тебя был весь день, чтобы нарядиться, — раздраженно ответил Кит.

— Иди один! — прошипела она. — А я не пойду. Я подожду тебя здесь, в машине, но, надеюсь, ты не посмеешь задержаться там больше чем на час.

Мы с Китом взяли Марлона и пошли внутрь. Войдя, мы сразу же встретили Бобби Кейза, саксофониста и наркомана. Я в то время только нюхал, а Кит и Бобби уже сидели на игле. Они пошли в задние комнаты, специально отведенные для «Роллинг Стоунз», и сделали друг другу по уколу. Я стоял на стреме Вскоре пришел Мик, и я услышал, как он умоляет Кита:

— Ну, пошли, покажись им хоть на минутку.

На первом этаже вечеринка была в самом разгаре. Фокусники, пожиратели огня и мимы показывали в патио вокруг

фонтана свои номера. Музыканты «Роллинг Стоунз» развлекали гостей, поддерживая светскую беседу.

Мы с Китом, тихо попивая шампанское, сидели за столом. Вскоре к нам присоединилась Бьянка и начала весело болтать. Она, очевидно, была довольна, что с нами нет Аниты. Однако спустя некоторое время я, повинуясь инстинктивному ощущению, бросил взгляд на дверь и заметил там злющую Аниту.

— Глянь, кто пришел, — толкнул я в бок Кита.

Он повернулся и побледнел.

— Привет, дорогая, — улыбнулся он.

Бьянка была очень удивлена и, немного запинаясь, спросила:

— Анита? Ты откуда?

— Откуда? — выкрикнула Анита так громко, что все в комнате повернулись к ней. — Это не твое собачье дело, глупая сучка. Кит, пошли, мы уходим.

Мик слышал все это и, быстро подойдя к Киту, шепнул ему:

— Слушай, уйми ее. Просто утащи отсюда, иначе этот инцидент завтра будет на первых полосах всех газет.

— О'кей, о'кей, — проговорил взбешенный Кит. Крепко ухватив Аниту за рукав, он потащил ее к боковому выходу.

Я взял Марлона и, побежав следом, запрыгнул на заднее сиденье вместе с ними. Они оба взглянули на меня так злобно, что я понял — лучше бы мне было сесть на переднее, рядом с водителем.

Только мы выехали на дорогу, как Анита схватила Кита за волосы и пригнула его к полу.

— Что мне делать? — крикнул водитель.

— Езжай дальше, — ответил я. Я уже видел такие сцены и раньше.

Каждый раз, когда я бросал взгляд в их направлении, Анита взвизгивала и делала движение ко мне, словно хотела наброситься.

— Ты… испанский ублюдок! Это все по твоей вине! Ты уволен!

Маленький Марлон смотрел в окно, делая вид, что абсолютно не замечает происходящего. Мы ехали около двух часов, и каждые десять минут Анита и Кит вновь набрасывались друг на друга. Анита заплакала. Затем, вновь восстановив присутствие духа, попыталась выцарапать Киту глаза.

— Что ты делаешь! Чему ты учишь Марлона! — взорвался наконец и Кит.

— Да пошел этот Марлон, — визжала она, — и ты тоже, и Тони с водителем, пошли вы все… Домой хочу!

Через час эмоции немного спали, но затем Анита начала

требовать героина. Кит сказал ей, что у него ничего нет, хотя я знал, что Бобби на вечеринке дал ему немного.

— Но я уверен, Тони достанет тебе.

«Ну спасибо», — подумал я.

Когда мы приехали на Чейн-Уолк, она, не глядя на нас, ушла в свою комнату. Я слышал, как она там роется, ища, не завалялась ли где-нибудь заначка героина.

— Иди, поднимись и успокой ее, — сказал я Киту.

Но как только Анита услышала, что Кит поднимается, она распахнула дверь и швырнула в него ботинком:

— Убирайся! Я не выживу сейчас без наркотиков. Я вообще без них ничего не могу и не хочу!

— Ну достань ей хоть что-нибудь, — взмолился Кит.

Я уехал, и через пару часов мне удалось найти пару граммов разбодяженного героина по безумной цене.

Я сразу же позвонил Киту.

— Слава богу, — обрадовался он, — приезжай скорее, отдашь ей.

— Я не смогу отдать ей все. Мне нужно будет оставить немного для себя, чтобы утром справиться с ломкой.

Я думал, что Анита, когда я вернусь, станет извиняться, но как же! Она была еще злее, чем прежде. Когда я вошел к ней, она просто выхватила героин у меня из рук и предложила мне убираться из дома.

— Но мне нужно немного… — начал было я.

— Вали к чертям отсюда! — заорала она.

Кит предложил мне спрятаться в кухне, пока Анита не заснет, а потом он даст мне немного героина из своих запасов.

Но спустя несколько минут Анита вошла в кухню и приказала мне убираться вон.

— Мне нужны деньги за то, что я тебе привез, — проговорил я просительно, — а иначе мне не на что будет купить дозу для себя.

— Ну что ж, значит тебе не повезло, — прошипела она, — а теперь вали!

Кит шепнул мне, что даст героин, если я вернусь через час. Я немного погулял вокруг, но в спальне Аниты все еще горел свет. Когда уже начинало светать, я, почувствовав признаки приближающейся ломки, в отчаянии позвонил в дверь. У меня вообще не осталось денег.

Я звонил минут двадцать, но Кит не открывал, и мне пришлось тащиться домой, где у меня началась жуткая ломка. На следующее утро они позвонили и, извинившись, дали мне немного героина, но я так никогда и не простил им этого случая.

Я полетел в Швейцарию узнать кое-какие детали о лечении с помощью переливания крови. Доктор брал за него 2500 фунтов, не считая лекарств и прочих расходов. Я забронировал на имя Кита номер в гостинице «Рейнард». Кроме того, я потратил тысячу швейцарских франков (80 фунтов) на то, чтобы снять им виллу. Предварительно я еще получил на Регент-стрит от бухгалтера Кита, Нормана Майерса, 1000 фунтов — уже на собственные нужды.

Я улетел в Женеву 17 сентября. По счастливой случайности мне удалось поймать такси с водителем-испанцем. Мой французский оставлял желать лучшего, и я нанял водителя на несколько дней, чтобы заодно он стал и моим переводчиком. Еще я нанял двух сиделок и горничную. Когда все было подготовлено, я вернулся в Женеву встречать Кита, Аниту и детей в аэропорту.

По пути на виллу водитель предложил срезать дорогу через французскую территорию.

— Нет, Тони, на фиг, — шепнул мне Кит, — французские власти наверняка до сих пор жаждут задержать нас с Анитой, и, если мы пересечем границу, у них будет такой шанс.

— Я думаю, лучше ехать дольше, но не пересекая границу, — сказал я водителю по-испански.

Итак, мы поселились на загородной вилле. Вскоре приехал доктор Денбер и медсестра. Чуть позже прибыл и Маршалл.

— Тони, лечись с нами, хочешь? — предложил Кит. — Я все оплачу.

Однако меня пугала эта замена крови. И у меня был с собой прописанный врачом метадон, так что ломка мне пока не угрожала. Я решил, что вернусь в Англию, а они пусть лечатся здесь без меня.

Спустя восемь дней «Роллинг Стоунз» играли концерт в «Олимпиа-халлс» в Мюнхене. Я прилетел туда и был изумлен, увидев Кита и Маршалла. Оба выглядели необыкновенно свежими и здоровыми, словно школьники.

— Черт, как врачу это удалось? — спросил я.

— На самом деле все оказалось очень легко, — рассказал Кит, — просто нам понемногу заменяли кровь. И спустя сорок восемь часов в ней не осталось героина. Это абсолютно не больно, и остаток недели мы просто отдыхали и набирались сил.

Чуть позже, вечером, я увидел, как он нюхает кокаин с Бобби Кейзом и упрекнул за такую глупость.

— Да, верно, — ответил он, — но какая разница? Я теперь в любой момент могу завязать без проблем.

Я махнул рукой и только размышлял, откуда вообще берется эта кровь для переливаний. Меня как-то тошнило от декадентства

распущенных миллионеров, которые восстанавливают свое здоровье, словно вампиры, — свежей кровью невинных людей.

Пока Кит лечился, в Америке умер один из его близких друзей, Грэм Парсонс. С его смертью была связана довольно трагичная история. Хотя он не был особенно известен, однако оказал значительное влияние на развитие рок-музыки в Штатах. Этот жгучий брюнет с сочным голосом играл великолепное кантри на акустической гитаре — позже подобная музыка расцвела в творчестве таких групп как «Иглз» и «Кросби, Стилз, Нэш энд Янг». Его альбомы, например «Safe at Home», ценили очень многие музыканты. Фактически он был фигурой не менее выдающейся, нежели Чак Берри или Джимми Хендрикс. Он участвовал в создании «Бердз» и «Флаин Бурито Бразерс».

Однако пик карьеры и известности Грэма приходится на то время, когда он, впечатленный игрой Кита, отправился в Европу поиграть вместе с ним и пожить такой же жизнью. Как и многие, кто знакомился с Джаггером и Ричардсом, Грэм увлекся наркотиками и черной магией. Некоторым хватает характера справиться с этим и завязать, другим нет. И у Грэма не хватило.

19 сентября 1973 года он неожиданно, без всяких видимых причин, умер во время репетиции, происходившей в пустыне под Лос-Анджелесом, в зловещем месте, где уже был Альтамонт и гнусная «семья» Чарлза Мэнсона. Через неделю, когда патологоанатом собирался провести вскрытие, выяснилось, что тело похищено его менеджером и старым другом Филом Кауфманом. Кауфман отвез тело Грэма к памятнику распятому Христу и там кремировал.

Выяснилось, что Грэм выразил желание, чтобы его тело кремировали таким странным способом. Что бы ни руководило действиями Кауфмана, в результате истинные причины смерти Грэма остаются загадкой и по сей день. Как утверждали многие специалисты по черной магии, это, скорее всего, было свидетельством того, что Сатана вновь очень близко к «Роллинг Стоунз».

Кит повидал за свою жизнь столько смертей и жестокости, что принял этот удар спокойно, казалось, почти не заметив его. Из провинциального парня, заработавшего свой первый миллион игрой на гитаре, он теперь стал живым воплощением всех темных ассоциаций, которые возникали у людей при упоминании «Роллинг Стоунз». Похоже, он чувствовал возложенную на него социумом обязанность поддерживать образ рок-легенды — тогда как Джаггер с его твердым характером и незаурядным умом, наоборот, всегда старался противиться этому образу.

19 октября концертом в берлинском «Дойчланд-халле»

завершились европейские гастроли. Полиция с оружием, водометами и щитами перегородила соседние улицы, чтобы не пускать воинственно настроенную молодежь, пытающуюся прорваться без билетов. После концерта в гостинице была устроена вечеринка, на которой присутствовали все, кто помогал Роллингам во время турне, — сотни людей. Началась она очень элегантно — живой музыкой, вальсами и горой деликатесов на роскошных антикварных столах, — а закончилась разгулом и декадентством.

Главный директор студии «BEA» вальсировал на танцполе со светловолосой фройляйн, одетой лишь в туфли на высоких каблуках. Совершенно не смущаясь, танцевали тот же вальс и еще четыре полностью обнаженные женщины. Они держались так, словно их нагота — просто последний писк парижской моды.

Позднее, уже в номерах, многие девушки показывали фокусы с бутылками божоле и некоторые другие…

28

Когда Мик Тэйлор присоединился к «Роллинг Стоунз», он был молод и непорочен — большеглазый мальчишка, живший своей гитарой, считавший, что мясо есть аморально, и полагавший, что слово «доза» означает траву. Однако пять лет разъездов с группой преподали ему ускоренный курс пресыщения жизнью, и его накрыло чувство отчаяния; ему нужно было остановиться, пока он еще был достаточно молод, чтобы начать все сначала, или идти опасным путем Брайана, Кита и Мика. Его отношения с Миком, в частности, были странными и натянутыми.

Временами оба Мика казались ближайшими друзьями. Они запирались в доме Джаггера на Чейн-Уолк и беседовали часами. Потом вдруг случались размолвки, и они по нескольку дней не разговаривали друг с другом. Это была странная дружба.

Однажды я слышал, как девушка Тэйлора, Рози Миллер, ссорилась с ним до криков по поводу его слишком тесного общения с Джаггером.

Тэйлор долго крепился, но затем начал все в возрастающих количествах нюхать кокаин. Иногда он нюхал так много, что ему приходилось выковыривать из носа ногтем толстый белый налет. Поэтому я не сильно удивился, когда он сказал мне, что чрезмерным употреблением наркотика сжег себе носовую перегородку. Это часто случается с теми, кто много нюхает.

— Мне надо ехать в Лондон, чтобы поставить новую пластиковую перегородку, — сказал Мик мне. И хотя я не видел его перегородку своими глазами, я ему поверил.

6 января 1971 года Рози родила дочку, Хлою, и восторг Мика от маленького создания смешивался с опасениями за будущее — его собственная жизнь все больше становилась похожа на жизнь Кита.

— Я устал от всего, — признавался он мне. — И чувствую, что теряю связь с реальностью.

Мик Тэйлор не был столь импульсивен, как Брайан Джойс, но я видел, что к нему в группе начинают относиться похожим образом. Он обиделся, когда Джаггер и Ричардс хотя и одобрили его идеи по изменению звучания «Роллинг Стоунз» в «Goat's Head Soup» и «It's Only Rock'n'Roll», но отказали ему, когда он попытался включить в альбом свою песню. Он никогда не спорил с ними, никогда не имел сил с ними бороться, но, как и Брайан, ощущал, что с ним поступают не очень хорошо. Мик и Кит стремились выделяться и в меньшей степени хотели денег за то, что были единственными композиторами в группе. Но стоит

только посмотреть на сложнейшее музыкальное полотно, которое Тэйлор соткал на таких вещах, как «Time Waits for No One», чтобы понять, что он очень талантливо изменял сырой материал, написанный Миком и Китом. Какое-то время Тэйлор просто удовлетворялся сознанием того, что пишет красивую музыку. Потом он взялся время от времени играть с друзьями вроде Майка Олдфилда и Билли Престона. В конце концов он понял, что есть только один выход. Уйти.

Он обсуждал это с друзьями, и слухи о его уходе как-то дошли до Джека Брюса, бывшего басиста «Крим». Он предложил Мику присоединиться к своей новой команде. Так и произошло. Стремясь покинуть группу тихо и безболезненно, Тэйлор позвонил в офис «Роллинг Стоунз» и попросил передать Джаггеру, чтобы тот искал нового гитариста.

Джаггер был в то время с Бьянкой в Никарагуа и пришел в бешенство, когда услышал новость.

— Конечно, мы найдем себе нового гитариста, такого же светловолосого и такого же высокого, но который будет способен создавать что-то стоящее, — презрительно заявил он журналистам по возвращении.

Вернувшись, Джаггер выяснил, что еще три недели назад, когда музыканты встречались, Мик ничего не говорил о своем уходе.

— У него вроде все было нормально тогда, — говорил Джаггер.

— Возможно, у него были свои личные проблемы, но нас они не касались. Я даже не знаю, что это за проблемы. Мне кажется, что с его стороны было немного необдуманно сообщать нам о своем уходе за день до того, когда мы вот-вот уже собирались записываться, но, может, он все решил в последний момент.

Джаггер быстро отмел предположения, что Тэйлор ушел из-за того, что не выплачивали его справедливую долю из дохода группы:

— Конечно, мы все хотели бы получать больше. Но Мик получал столько же, сколько и я.

Тэйлор хотел уйти с минимумом шума. Он сказал журналистам, что в его уходе нет ничего личного и никаких трений с остальными Роллингами у него не было:

— Меня очень тревожат разговоры насчет гонораров, процентов и тому подобного. Я ушел совсем не поэтому. Последние пять с половиной лет в «Роллинг Стоунз» были захватывающим и на все сто процентов прекрасным периодом. А что касается моего отношения к другим четырем членам группы, то я уважаю их — и как музыкантов и как людей. Я восхищен тем,

что делает группа, но думаю, что сейчас для меня настало время уйти и заняться чем-то новым.

Он поселился с Рози в Суссексе, в коттедже с жимолостью под окном, и стал репетировать с Джеком Брюсом. Грустно, но, как заметил однажды Киплинг, тому, кто однажды оседлал тигра, уже трудно с него слезть. Когда я видел Мика последний раз, он ушел от Брюса, брак его был на грани распада, а сам он жил с девушкой-наркодилером. Ему пришлось опуститься до того, что он вынужден был продавать свои золотые диски. И в то же время он остался одним из самых благородных и прекрасных людей которых я знаю.

Празднование тридцатого дня рождения Мика устраивал его друг Дэвид Милинарик, живший в Челси на Тайт-стрит. Особняк Милинарика окружал сказочный сад, с орхидеями и тропическими деревьями.

Я тогда жил на Мэйда-Вэйл с Мадлен, и нам в день вечеринки позвонила Анита, желавшая посоветоваться, что ей надеть. Это должен был быть первый ее выход в свет после того бленхаймского фиаско, и она не хотела снова выставить себя на посмешище. Мадлен согласилась прийти вечером на Чейн-Уолк, взяв с собой эффектную вечернюю одежду, которая подошла бы Аните. Два часа Анита примеряла наряды Мадлен. Потом мы вернулись в Мэйда-Вэйл, нарядились и возвратились на Чейн-Уолк за Китом и Анитой. Кит отнесся к мероприятию максимально серьезно: он не только купил Мику дорогой подарок в ювелирном магазине, но даже надел коричневый костюм в светлую полоску, который приобрел в бутике «Грэнни Тэйкс э Трип» специально, чтобы ходить в суд. Костюм был старый, но он достаточно хорошо скроен, и Кит в нем выглядел почти элегантно.

Анита до сих пор выбирала одежду и отказывалась даже пообщаться с нами.

— Она в одном из этих своих настроений — не может понять, что хочет надеть, — пояснил Кит. — Поговорим потом, уже на вечеринке.

Праздник удался. В доме было много комнат, и в каждой царила своя особенная атмосфера. В одном месте танцевали зажигательный рок-н-ролл, в другом ели, и еще было много уютных уголков, где можно было посидеть в тишине и выкурить косяк или просто поговорить. В саду играла мягкая музыка, а среди ветвей мерцали свечи. Гости были один прекраснее другого: Бьянка в простом белом платье, Род Стюарт, беспрерывно болтавший с Бритт Экланд (к вящему неудовольствию своей девушки), Ди Харрингтон, Пит Тауншенд,

Мама Касс и Пол Гетти.

Наконец пришел Кит, за ним ковыляла Анита. Вечеринка началась несколько часов назад, и я уже потерял надежду их обоих увидеть, но вот они все-таки появились.

Когда я увидел Аниту, то едва поверил своим глазам. На лице ее было больше косметики, чем у Пьеро, а одета она была в колышущееся алое бальное платье и похожие на ходули туфли на высоких каблуках. Больше всего она походила на цыганку-гадалку. Она вошла, и все разговоры стихли.

— Позор какой, — прошептала Мадлен мне на ухо. — Анита же такая красивая, зачем она вырядилась как старая проститутка?

Анита тем временем поспешила к нам и сразу спросила Мадлен:

— Ну, по-честному, как тебе мое платье?

— Я бы не сказала, что оно мне безумно нравится, — проговорила Мадлен со всей вежливостью, на какую была способна в тот момент.

— Да? — фыркнула Анита. — Хорошо, но не надейся, что я поделюсь с тобой когда-нибудь своими заначками.

Они с Кит оставались там до тех пор, пока не прошло действие кокаина — примерно полтора часа, а потом поспешно умчались домой за новой порцией, не желая, чтобы их накрыла трезвая реальность. Все это служило лишь еще одним подтверждением того, насколько Анита оторвалась от реального мира. Она сейчас постоянно жила под таким кайфом, что перестала понимать, как нормальные люди одеваются, общаются и относятся друг к другу. Она витала в своих фантазиях.

На следующий день все газеты, писавшие о вечеринке, пестрели фотографиями красивой малоизвестной модели, которую я назову Наташа. Она действительно затмила там всех своей восточной туникой, тюрбаном и украшениями. Наташа была бывшей женой Тони Секунды, одного из наиболее авторитетных заправил шоу-бизнеса. Ездила она на «бентли», жила в особняке в Кенсингтоне, и у нее всегда было больше наркотиков, чем она могла употребить. Такой избыток героина и кокаина был причиной их близкой дружбы с Анитой, которая несколько раз собирала чемоданы и надолго переезжала с детьми к Наташе. Киту их дружба не нравилась; однажды он вломился к Наташе домой и заявил Аните:

— Ты определись. Либо ты живешь здесь, либо живешь дома.

— Хорошо, я остаюсь здесь, — ответила Анита. Кончилось дело тем, что Кит провел там две ночи.

Через какое-то время у них начались скандалы по поводу денег. Наташа потребовала у Аниты 2000 фунтов, и их дружба

кончилась. Для Наташи это было началом череды стрессов. Она надолго легла в больницу, чтобы слезть с героина; ей пришлось продать «бентли»; а потом у нее в ванной умер знакомый парень. Он был наркоманом и владел магазином в Челси. Как и многим Наташиным друзьям, ему правилось принимать наркотики в ее просторной, устланной коврами ванной. Но в этот раз что-то пошло не так, и когда его обнаружили, он мертвый сидел на полу, а из руки все еще торчал шприц.

Кит пожал плечами, когда услышал об этом. Он наслаждался сейчас образом буйного наркомана, который создали его фаны, и тщательно поддерживал его. «Когда я слезаю с наркотиков, я всегда заболеваю, — сказал он одному репортеру». Другому он говорил: «Я слез, только когда доктор сказал, что мне осталось жить полгода. Я имею в виду, что если уж жить на износ, то надо делать это красиво». Еще одна его цитата: «Я обнаружил, что мне тяжеловато, когда люди проецируют на меня свои суеверия по поводу смерти. У меня вообще по поводу смерти нет предубеждений».

Однажды один репортер, назовем его Питер, пришел взять у Кита интервью. Их встреча длилась почти четыре часа. Сначала девушка-фотограф отсняла пленку, а потом Питер решил выяснить всю правду о Ките.

— Правда, что вы полностью заменили кровь, лечась в Швейцарии? — спросил он.

— Нет, — ответил Кит совершенно невозмутимо. — Когда я в Швейцарии, я обычно катаюсь на лыжах. Не знаю, откуда берутся все эти слухи.

Я собрал всю свою волю в кулак, чтобы не рассмеяться, представив нелепую картину того, как Кит пытается съехать с горы на лыжах.

Он добавил немного правды, чтобы его рассказ не был совершенной выдумкой:

— Да, я курил гашиш, ел кислоту и амфетамины, но никогда не притрагивался к героину.

Репортер кивнул, явно в восторге от того, что ему удалось взять такое откровенное интервью.

Дальше разговор пошел о новом альбоме «Роллинг Стоунз» — «It's Only Rock'n'Roll». Кит пригласил Питера на Чейн-Уолк послушать предварительную запись. Питер обрадовался как ребенок, которого Сайта-Клаус пригласил в свою волшебную пещеру. Кит привел его в гостиную на втором этаже, включил запись и гостеприимно пустил по кругу косяк. Он оставил репортера наедине с косяком и записью и на четверть часа исчез. Вдруг стало слышно, что пластинку заело. Я пошел поправить ее

и на лестнице столкнулся с Китом, который нес в руке маленький пакетик кокаина.

— Не делай этого, чувак, — предупредил я его, — ты же весь вечер трепался, что не принимаешь тяжелых наркотиков.

— Не волнуйся, Тони, я просто дам ему чуть-чуть, пусть врубится.

— Угощайся, — сказал Кит молодому человеку, прямо как Оскар Уайльд, предлагающий мальчику бокал коньяку.

— Спасибо, — вежливо согласился Питер. По тому, как он заколебался, я понял, что он никогда раньше не нюхал кокаин. Кит показал ему, как это делается, и через пару секунд репортер уже ловил кайф, сияя от возбуждения. Киту показалось, что этого мало, и он дал Питеру еще несколько доз. Было видно, что репортер взволнован таким близким общением с живой легендой. Я уже наблюдал такую игру раньше и знал, чем она закончится. Вскоре сказался кумулятивный эффект кокаина, и Питер начал метаться по комнате, словно лев по клетке. Я знал, что лицо его онемело, а мозг работал так же быстро, как у человека под ЛСД.

Через пару часов Кит предложил ему понюхать героин. Пока Питер лежал в отрубе на полу на марокканских подушках, Кит включил вращающийся зеркальный шар, который вместо люстры висел в центре комнаты. Вся комната наполнилась беспорядочно мерцающими стремительными огоньками.

Я видел, как Питер то зеленеет, то желтеет, то снова зеленеет, отчаянно пытаясь не проблеваться на ковер великого человека. В конце концов он подошел ко мне и с трудом объяснил, что хочет, чтобы я вызвал ему такси. Кит зловеще ухмылялся, слушая, как Питер пытается выговорить свои извинения и благодарности. Я запихнул парня в такси, и как только он расслабленно откинулся на спинку сиденья, его судорожно вырвало.

Когда интервью вышло, о вечерних событиях в нем не было ни слова. Питер довольствовался воспроизведением всей той лапши, что навешал ему на уши Кит.

Через шесть месяцев я снова встретил Питера, и он попросил меня достать героина. Он сказал, что покупал героин на Пембридж-Крисент в Ноттинг-Хилле, но там ему продавали какую-то отраву. Он ушел с работы и был одержим странной идеей, что прежде, чем стать звездой, надо стать наркоманом.

Совращение невинных стало любимой забавой Аниты и Кита. Анита предлагала кокаин наивным горничным и нянькам, которые приходили и уходили непрерывным потоком. Кокаиновые наркоманы любят компанию, это очень социальный наркотик, как алкоголь и трава. Половина удовольствия от него

состоит в интеллектуальных разговорах, которые начинаются после пары доз. Почти всегда девушки подсаживались на кокаин, и Анита тогда предъявляла им счет за употребленное.

— Не волнуйтесь, — говорила она, — я просто вычту это из вашей зарплаты в конце месяца.

Когда со временем девушки понимали, что работают всего-навсего за еду, проживание и наркотики, очарование работы на «Роллинг Стоунз» развеивалось, и они уходили. Слухи о происходящем как-то дошли до агентства в Челси, которое находило Аните работниц, и они наотрез отказались поставлять персонал ей в дальнейшем.

Иногда Анита пыталась проделать нечто подобное и со мной. Хотя я постоянно нюхал героин, но не кололся и поклялся этого никогда не делать. Если Анита видела, что мне позарез нужна доза, она могла, издеваясь, на моих глазах набрать полный шприц этой дряни и предложить мне:

— Извини, Тони, но это все, что у меня есть. Я могу тебе все это отдать, если хочешь. Серьезно.

У меня хватало сил сказать «нет». В таком случае я всегда выбирал ломку, а не инъекцию.

Киту нравилось записывать на пленку телефонные разговоры. Он подначивал людей, например, покритиковать Мика, а потом прокручивал разговор самому Мику, отчего всем становилось весело. Это стало такой популярной забавой, что даже я принялся записывать свои разговоры с Китом. Куча кассет, которые у меня остались с того времени, очень помогли мне при работе над этой книгой.

Моя растущая неприязнь к Киту и Аните стала особенно очевидной после одного пугающего инцидента. Кит и один звукорежиссер, назовем его Себастьян, были довольно близкими друзьями, и поскольку оба были торчками, то часто покупали наркотики вместе. Однажды они взяли напополам героина на 500 фунтов и приехали на Чейн-Уолк, однако решили пока приберечь его, а вместо этого просто понюхали кокаина. Где-то около полуночи Себастьян уехал к себе в отель в Кенсингтон, а Кит отправился спать. Вдруг зазвонил телефон, потом перестал, и я подумал, что Кит ответил на звонок. Через несколько минут телефон опять зазвонил, и снова мне показалось, что Кит взял трубку. Когда звонок раздался в третий раз, я поднял трубку и услышал искаженный голос Себастьяна. Он еле мог говорить:

— Я умираю. Кит бросает трубку, когда я звоню. Помоги.

Я понял, что он, скорее всего, случайно передознулся. Я схватил пакет кокаина и бутылку бренди, прыгнул в машину и помчался к нему в отель. По своему опыту я знал, что дорога

каждая секунда.

Дверь в его номер была не заперта, я толкнул ее и увидел, что он лежит в кресле, со шприцем, торчащим из руки. Он был едва в сознании. Перед ним на столе валялась неразборчивая записка, сообщавшая, что он ширнулся плохим героином и у него парализовало левую сторону тела. Я вынул шприц из его вены, встряхнул его, заставил вдохнуть немного кокаина, массируя ему руку.

— Не звони врачам, — прошептал Себастьян наконец, — а то меня депортируют.

Я влил в него огромную порцию бренди, дал ему еще кокаина, потом еще — все это было необходимо, чтобы снова запустить работу сердца и преодолеть отравляющее, замедляющее сердцебиение действие героина. Я водил его по комнате туда-сюда, пока он в конце концов не пришел в норму. Теперь я вспомнил о Ките и встревожился. Он купил того же героина, что и Себастьян. Я подозревал, что он был разбодяжен стрихнином или какой-то подобной отравой. Действие стрихнина, который получают из крысиного яда, довольно похоже на действие героина, и недобросовестные дилеры пользуются этим.

— Кит! — прокричал я в трубку. — Ради бога, не прикасайся к героину. Себастьян только что чуть не умер из-за него.

— Фигня, — заявил Кит. — И вот что, если Себастьяну он не нужен, скажи ему, что я дам сто фунтов за то, что осталось. Пусть ни за что не выкидывает остаток.

Я был ошеломлен. Потом я понял, что когда плотно сидишь, угроза смерти не кажется такой серьезной по сравнению с угрозой не получить новую дозу. После нескольких тысяч инъекций начинаешь думать, что можно очистить любую отраву, просто прокипятив или профильтровав ее через ватный тампон нужное количество раз.

После этого случая дружбе Себастьяна с Китом пришел конец.

— Я и вправду умирал, а он бросил меня и не помог, — сказал Себастьян. — Так друзья не делают.

29

Все Роллинги мечтали заменить Мика Тейлора Роном Вудом, но у того уже была договоренность с «Фэйсес», и он чувствовал определенные обязательства перед Родом Стюартом. В обстановке полной секретности Мик и Кит организовали в студии в Роттердаме прослушивание лучших в мире гитаристов. Приехал и Джефф Бек, и Рори Гэллахер, и Роберт Джонсон. Хотя все они были блестящими музыкантами, но ни один из них не играл в том трудно определимом «фанковом» стиле, который был нужен «Роллинг Стоунз». Наконец было решено, что они берут Вейна Перкинса, но Мик все тянул время и не делал официального сообщения для прессы. «Давайте устроим еще одно прослушивание», — сказал он и пригласил на него Харви Менделя. Джаггеру показалось, что тот им подходит, но Кит отчаянно воспротивился. А потом, в Мюнхене, им довелось играть вместе с Вуди на джем-сейшене, и после этого все другие варианты мигом были отброшены. Вуди был тощим, нескладным, как и все Роллинги, и играл на гитаре именно тот грубый, нарочито небрежный рок, который им и был нужен, безо всяких там виртуозных изысков. Он полностью затмил других претендентов.

Но Вуди был прочно связан с «Фэйсес» как договором, так и моральными обязательствами. Он ни за что бы не оставил Рода. Так что был найден компромисс: Вуди оставался с «Фэйсес», но согласился помочь «Роллинг Стоунз» во время их гастролей по Штатам летом 1975 года. Заявление об этом было сделано 14 апреля, и в одной из газет тут же появилась заметка о том, что Вуди является таким близким другом Кита, что Кит иногда живет в домике в саду Вуди. Неделей позже полиция, которая всегда интересовалась тем, что поделывает мистер Ричардс, внезапно нагрянула в «Уик» с обыском. Добро пожаловать в «Роллинг Стоунз», Вуди!

Во время этого обыска Кит и Рон записывались в Мюнхене. Полицейские обнаружили в домике незначительные следы кокаина и Кристи Вуд в постели с подругой Одри Бургон. Раздраженные тем, что не нашли тут Кита, полицейские решили арестовать вместо нею Кристи и Одри. Поскольку улик у них практически не было, то они постарались негативно настроить присяжных, напирая на моральный облик двух девушек, которые спят в одной кровати.

Это судебное разбирательство напоминало то, что было у Мика и Кита девять лет назад, в Чичестере. Тогда полиция тоже

пыталась настроить суд против обвиняемых, бесконечно напоминая о голой девушке, завернутой в персидский ковер. Из-за особенностей британской судебной системы Кристи и Одри предстали перед Кенсингтонским королевским судом лишь двенадцать месяцев спустя. За это время они истратили на адвокатов около 20 000 фунтов. Если бы дело слушалось в обычном суде, то вряд ли с них содрали бы больше, чем по 50 фунтов с носа.

Киту было предъявлено обвинение в незаконном хранении наркотиков, и это могло означать отказ в визе для выезда в Соединенные Штаты на летние гастроли, которые должны были начаться 3 июня. Однако Мик не собирался сдаваться. Он обратился к своему старому другу Уолтеру Энненбергу, послу США в Англии, и попросил того помочь.

Энненберг, очевидно, учитывая то, какое сильное влияние имеют «Роллинг Стоунз» на голоса молодых избирателей, пообещал, что Киту дадут визу — но с условием, чтобы тот перед отъездом был проверен дипломированным врачом-специалистом и чтобы у него в крови не было ни намека на наркотики. Поскольку Кит плотно сидел на героине, из Флориды в Швейцарию прибыл врач с аппаратурой для переливания крови. Как только сделали переливание, Кит тут же отправился в Лондон на обследование в посольство США. Тамошний доктор признал, что кровь Кита чиста как утренняя роса, в паспорт ему шлепнули печать, и он вновь отправился в путь.

Группа прибыла в Нью-Йорк в последних числах мая. Когда в дверь номера Кита в день прилета постучали двое мужчин, он был несколько ошарашен. Эти двое помахали у него перед носом удостоверениями ФБР, и Кит ожидал, что сейчас они начнут вспарывать его пожитки. Он едва успел подумать: «Только бы не начали снимать крышки с тюбиков для бритья или развинчивать ручки», как джентльмены спокойно уселись на легких гостиничных стульях.

Как рассказывал позже Кит, агенты ФБР заявили, что «Дженерал Моторс» вложила огромные деньги в это турне и не желает, чтобы что-нибудь сорвалось. Они знают о его любви к героину и полагают, что есть кое кто, кто желал бы его подставить и арестовать. А потому их послали, чтобы они снабжали его необходимой дозой и чтобы он не вздумал брать наркотики у кого-либо со стороны.

Кит сказал, что это были хорошие парни, которые сдержали слово и на протяжении трехмесячных гастролей регулярно поставляли ему высококачественный героин. Он с ними подружился и потом нанял кого-то из их ушедших на пенсию

коллег заниматься вопросами охраны, когда он приезжал в Канаду или в Штаты.

Единственная неприятность приключилась в Фордайсе, штат Арканзас, где полицейские решили обыскать Кита. Они нашли у него нож и радостно обвинили его в незаконном ношении оружия. Но потом Кита отпустили под залог в 100 фунтов, и он предоставил разбираться с этим делом своим адвокатам.

Эти гастроли полностью отличались от предыдущих. Никаких ревущих толп, никаких волнений, никакой борьбы. «Роллинг Стоунз» еще раз продемонстрировали себя на сцене как отличная рок-группа. Ронни Вуд двигался, держался и смотрелся словно младший брат Кита. Джаггер же вел себя настолько аффектированно, что это частично выглядело пародией на его более раннее вызывающе-двусмысленное хулиганство. Со всеми своими фальшивыми бриллиантами, женскими кофтами и макияжем он уже немного отстал от времени и выглядел старомодно — такова была плата за изысканный образ жизни. И хотя он старался изо всех сил, потрясая своим тяжелым несгибаемым членом, но это была уже комедия, а не бескомпромиссный юношеский вызов. Однако отнюдь не до всех это дошло.

Стив Данливи писал в «Стар»:

> Настало время нам изгнать бесовское наваждение, влияющее на наших детей!
>
> Мик Джаггер должен еще раз приехать в Америку. Я говорю так потому, что это пойдет нам на пользу. Нам будет действительно полезно посмотреть в глаза нашим обывателям и понять, где же мы сделали ошибку.
>
> Где мы допустили промах, в результате которого этот прыщавый фанатик грязных выходок стал героем, вызывающим восторженные крики одобрения со стороны наших подростков?
>
> Этот бледнолицый иностранец, этот англичанин вытягивает по десять долларов за место с наших детей, стремящихся попасть на его выступление. И что они там увидят?
>
> Только лавину ругательств и безвкусных непристойностей.
>
> Ну ладно, старики вроде меня это как-нибудь переживут, не впадая в безудержную ярость. Но вот чего я никак не могу вынести и, черт возьми, не хочу выносить, так это смотреть, как он, приехав к нам, поливает наших детей грязью. Нет, это не ошибка наших

> детей. Это наша ошибка. Внушая себе, что мы должны быть «современными» и «идти в ногу со временем», мы забыли научить детей некоторым простым истинам — тем извечным ценностям, которые позволили нам стать великой нацией. Таким простым вещам, которые имеют отношение к пониманию Бога, осознанию ценности национального флага и родной страны.

Джаггер улыбался, читая эту заметку. Слава богу, кто-то еще продолжает считать «Роллинг Стоунз» угрозой обществу.

Бьянка не поехала с ним в это турне. Она жила теперь своей собственной жизнью, она не желала стать — подобно Крисси Шримптон или Марианне — просто дополнением к Мику Джаггеру.

Джаггер отыгрался в интервью: «На самом деле, нет резона брать с собой женщин на гастроли, если только они не заняты работой. Разве что потрахаться. Они часто начинают скучать… сидят и жалуются…»

Эти гастроли стали переломными в отношениях Мика и Бьянки. До этого они старались сохранить на людях образ счастливой пары, но теперь этот фальшивый фасад дал трещину. В самом начале их отношений Мик был страстно влюблен в Бьянку. В глубине души он был, конечно, парнем из лондонских предместий, сколько бы ни пытался скрыть этот факт. Брак, по его представлениям, должен был заключаться навечно и быть традиционным, как у его родителей. Мужчина должен работать, а женщина — за ним ухаживать. И ты никогда не должен ни сплетничать о партнере, ни критиковать его на людях.

Бьянка отвергла правила этой игры. «Я никогда не была миссис Джаггер. Никогда! Я всегда только Бьянка Джаггер, — заявила она репортеру. — Мы с Миком оба люди с сильным характером. Может быть, кто-то из нас должен был выбрать себе другого партнера, более спокойного и тихого. Но возможно, это нам быстро прискучило бы. Я должна сказать, что Мик относится ко мне очень критически. Он всегда наблюдает за мной и сообщает, если считает, что я плохо выгляжу или еще что-то.

Джейд страшно по нему скучает. Она спрашивает: «Где папа?», а он разговаривает с ней по телефону и объясняет, что он в Америке или где-то еще и скоро с ней увидится. Это ее немного утешает. Она очень любит отца.

Когда я была маленькой, то тоже очень любила папу. Но потом у меня появился младший брат, и все внимание отца перенеслось на него, а я страшно ревновала. Да-да, я ревную и сейчас, но пытаюсь сдержать эти чувства. Получается, что к

некоторым вещам я слишком чувствительна, а в некоторых других занимаю жесткую позицию. Очень жесткую».

То, что они оба очень любили Джейд, поначалу сближало Мика и Бьянку, но теперь ребенок стал причиной наибольших трений. Мик был привязан к Джейд, однако хотел, чтобы она жила в нормальной атмосфере, в какой живут обычные люди, — подальше от наркотиков и эксцессов, которые были обычным делом в окружении «Роллинг Стоунз». Он отослал ее в Нью-Йорк, в свой дом на Восточной 73-й улице. Он не позволял фотографам и журналистам подходить к ней, и в итоге она смогла посещать детский сад, не привлекая ничьего внимания. Когда он не был занят работой, то проводил почти все свободное время со своей маленькой красавицей дочерью, рассказывая ей сказки и напевая песенки под аккомпанемент акустической гитары.

Бьянка производила впечатление заботливой матери. Но иногда она могла вдруг оставить Джейд на несколько дней на руках няни. Потом, вскочив посредине вечеринки, вдруг заявить, что она должна прочесть Джейд вечернюю сказку. Это, мол, превыше всего. Она могла также потащить Джейд с собой на ужин в ресторан, когда Мика не было с ними.

— Я думаю, для нее было плохо проводить так много времени только со мной, — сказала Бьянка одному репортеру. — Она слишком быстро повзрослела. Когда она видела других маленьких детей, то просто сходила с ума. Ей страшно хотелось с ними играть. Но она не умела.

Мне казалось, что Джейд все чаще оставалась с нянями, в то время как мама и папа вдалеке от нее чудесно проводили время.

— Это так трудно — быть красивой, — совершенно серьезно говорила Бьянка. — Мне не нравятся те, кто лицемерно скромничает. Я знаю, что я красива. Я знаю, что когда я иду по улице или нахожусь на вечеринке, люди обращают на меня внимание, но я не собираюсь быть в центре внимания все время. Мне нравится ходить без всякого макияжа и носить обычное трико.

Она окружила себя льстивыми могущественными друзьями, которые не уставали на все лады повторять, как она красива, как она чудесно выглядит. «Мик, — говорили ей эти льстецы, — должен быть счастлив, что обладает такой красавицей».

Ее доверчивость привела к тому, что она решила сыграть главную роль в фильме Рэя Коннолли «Проказы или развлечения», хотя никогда до того не пробовала себя как актриса. Актерский профсоюз «Эквити» пытался возмутиться по поводу того, что наиболее выигрышная роль отдается любителю, но магического имени «Джаггер» оказалось достаточно, чтобы

подавить возникший протест. На съемках Бьянка так часто срывалась и раздражалась, что ее обожатели окрестили ее новой Джуди Гарланд. Рассказывают, что однажды она в ярости ворвалась на съемочную площадку, потому только, что в ее костюмерной не работал туалет. Позже съемки этого фильма (он должен был стать продолжением имевших большой успех фильмов Коннолли «И будет день» и «Звездная пыль») были вынужденно прекращены, хотя на него уже было потрачено около 450 000 фунтов. Казалось, что Бьянку больше не пригласят сниматься в кино, но она все же умудрилась добиться, чтобы ее сняли в главной роли в фильме «Цвет тела», где все прошло более гладко.

Одного ее имени было достаточно, чтобы заставить дрожать владельцев глянцевых журналов, которые платили ей до 1000 фунтов в день за позирование фотографу.

— Я не очень люблю это делать, поэтому запрашиваю с них денег, — признавалась она. — Они говорят обычно: «Ну, мы должны подумать». И прекрасно, я ведь все равно это не люблю делать. А потом они звонят и говорят, что да, они согласны заплатить, так что мне придется поработать.

Мик никогда не настаивал на моногамии. Когда он надолго уезжал в другие страны, то периодически спал с разными девушками и был готов мириться и с загулами Бьянки, но только при условии, что он о них не узнает. «Чего не знаешь, то не ранит» — так объяснял он это.

И все же Бьянка, полностью поглощенная собой, хвасталась друзьям о своей долговременной связи с актером Райаном О'Нилом — эта любовная связь возобновлялась почти каждый раз, как Райан оказывался с ней в одно и то же время в одном и том же городе. Она с удовольствием фотографировалась со знаменитым и сексуально притягательным мужчиной — это шло на пользу ее имиджу эксцентричной женщины. Парадокс, но мужчины редко сближались с Бьянкой, ограничиваясь разве что дружескими поцелуями на ночь. Известные красавцы Уоррен Битти, Джек Форд, сын президента «Форда», Дэвид Боуи, Род Стюарт и Хельмут Бергер разными путями сумели ускользнуть у нее из рук.

Ее очевидное желание унизить Мика задевало его за живое. Она не только выставляла на потеху публике его брак — последний оплот нормальности в его жизни, — но и угрожала его карьере тем, что разрушала его имидж: в глазах масс он превращался из секс-символа эпохи в обманутого мужа-рогоносца.

Он принялся все чаще менять любовниц; создавалось

ощущение, что он предпринимает отчаянные попытки вернуть самоуважение. Какое-то время друзья перешептывались насчет того, что он собирается оставить Бьянку и жениться на дочери сэра Майкла Уэста — но из этого ничего не вышло.

— Он спит с множеством женщин, — презрительно заявила Бьянка в прессе, — но редко это имеет какое-то продолжение. Все они пытаются просто использовать его, все они никто, желающие стать кем-то. При всем при этом Мик очень консервативный англичанин, который считает, что его жена должна заниматься детьми.

Джаггеру, к счастью, хватило сообразительности понять, что Бьянка нуждается в подобного рода публичной поддержке, чтобы не быть полностью подавленной его личностью, как Марианна и Кристи. И это чувство неуверенности, которое вызывала в нем Бьянка, относительно которой он никогда не знал, каких еще сюрпризов от нее можно ожидать, казалось, было необходимо Джаггеру, чтобы он не терял к ней интерес. Но все же это не могло длиться бесконечно, так что я совсем не удивился, когда услышал, что Бьянка пытается развестись с Миком.

Это произошло в 1976 году. «Роллинг Стоунз» были на пути к новым успехам. А я к тому времени потерял интерес и к группе, и к себе. И вообще потерял интерес к жизни.

Я любил Мадлен на протяжении восьми лет. Я бросил жену и двоих детей ради нее. Когда рядом была Мадлен, я не интересовался другими женщинами. Моя единственная измена ей с Марианной была уже в далеком прошлом. Мадлен знала, что я никогда не занялся бы любовью с Марианной, если бы она была рядом. Анита рассказала ей об этом, и это, похоже, терзало ее. А потом Мадлен и Марианна встретились на какой-то вечеринке в мое отсутствие — и стали близкими подругами.

Вскоре после этого между мной и Мадлен произошла ужасная ссора, и она убежала от меня. Мы ссорились и раньше, и я не слишком волновался: она должна была вернуться. Но меня очень расстроило известие о том, что она переехала на квартиру к Марианне. Я знал, что мисс Фэйтфул неравнодушна к красивым девочкам, и подозревал, что она собирается украсть у меня Мадлен. Я начал постоянно околачиваться вокруг них, чтобы вернуть Мадлен. Как-то раз вечером мы раздавили полбутылочки бренди, забили несколько косяков и приняли героина. Девчонки начали надо мной подшучивать, делая всякие рискованные намеки на мои способности в постели. Чувствуя, что слишком устал, чтобы тащиться домой, я попросил у Мадлен разрешения переночевать здесь.

— Ладно, — согласилась она, — но у нас только двуспальная

кровать. Думаю, Марианна переночует сегодня на диване.

— Шутишь? — откликнулась Марианна. — Разве я могу упустить самое главное развлечение?

Я разделся и забрался в постель, а девушки хихикали и строили планы, запершись в соседней ванной.

Вдруг кровать подо мной прогнулась и рядом оказалось обнаженное женское тело. Я обнял его, открыл глаза и увидел лукаво улыбающуюся Марианну.

— Привет! — сказал я.

— И тебе привет, — ответила она и начала, хихикая, меня поглаживать. — Тони, а почему это ты такой твердый?

Я ничего не ответил, я просто чертовски хотел ее в тот момент. Но не успел я устроиться между мягких, как шелк, ног, как в комнату ворвалась Мадлен.

— Ага! — закричала она с шутливым гневом. — Я так и знала! Наконец-то я вас застукала! А ты говорил, что она тебе больше не нравится.

Она тоже забралась в постель, и наутро я чувствовал, что мне потребуется по крайней мере день, чтобы отоспаться. Марианна вскоре ушла, а Мадлен, несмотря ни на что, все же не разрешила мне вернуться в ее квартиру на Мэйда-Вейл, хотя знала, что без нее я маюсь от тоски.

Мадлен, Марианна и я — мы все торчали. Разве что я еще не кололся. Мы часто проводили вечера вместе — либо дома, принимая наркотики, либо в ресторане или кино. Как-то раз я уехал на выходные в Суссекс. Там на меня накатила депрессия, и мне страшно захотелось услышать голос Мадлен. Я позвонил в ее квартиру, но телефон был занят, и весь следующий час тоже. Поскольку Мадлен часто днем отсыпалась, я предположил, что она просто отключила телефон на время. Позже я снова набрал ее номер, но линия опять была занята. Тогда я начал беспокоиться, потому что знал, что независимо от того, куда Мадлен уходит, около шести вечера она всегда дома. В одиннадцать я начал паниковать и позвонил нашему общему знакомому Мичелу, что жил в квартире в Литтл-Венис, буквально в двух шагах от Мадлен.

— Слушай, — сказал я ему, — это звучит, наверное, как бред, но я волнуюсь, что гам с Мадлен. Мне кажется, она могла случайно передознуться или чего-то в этом роде. Ты не мог бы зайти к ней и посмотреть, все ли у нее в порядке?

— Конечно, — ответил он.

Но тревога все равно не проходила, и я поспешил обратно в Лондон. Я поехал сразу домой к Мичелу. Там у него сидела Марианна, а сам он куда-то вышел. Марианна ничего не знала о

том, ходил ли он к Мадлен.

— Сходи туда сам, если ты так беспокоишься, — предложила она. — Чего ты так суетишься?

Я помчался к квартире Мадлен и стал звонить в дверь. Никто не отвечал. Но я услышал, что за дверью буквально надрывается от лая маленький домашний песик Ши Дзу. У меня сохранился ключ с того времени, когда я еще жил у Мадлен. Я вставил его в замок, но он не поворачивался. Дверь была закрыта изнутри.

— Мадлен, Мадлен, — стал кричать я в щель почтового ящика. Никакого ответа.

Я в панике бросился назад к Марианне и спросил ее, что делать.

— Ох, ну ты же знаешь Мадлен, — отмахнулась та. — Она, наверное, приняла снотворного и дрыхнет.

— Нет, — упорствовал я, — я уверен, что-то не так. Я звоню ей уже целые сутки. И ее собака лает как сумасшедшая.

Мы взяли с собой еще одного гостя Мичела — это был Стефан, племянник Леса Перрина, парень крупного телосложения, — и все вместе отправились к квартире Мадлен, решив, что будем ломать дверь, если потребуется. Мы звонили и звонили, потом повозились с ключом, а потом уже в отчаянии Стефан налег на эту дверь, замок сломался, и мы ввалились в квартиру.

Как только я очутился там, я сразу понял, что сбылись мои самые худшие опасения. Я буквально почувствовал витавший внутри запах смерти и застыл в коридоре, будто выпав из реальности. Для меня в ту минуту все вокруг остановилось. А потом я вновь услышал голоса Марианны и Стефана, и мы бросились в спальню Мадлен.

Она была мертва, ее голова свисала с кровати, золотые волосы касались пола. Лицо было залито кровью, кровь была и на ее губах.

— О боже! Нет! — зарыдал я. — Ее убил какой-то сумасшедший ублюдок!

А потом началось нашествие полицейских, репортеров, фотографов. Помню, что врач запихивал мне в рот транквилизаторы, а затем я проснулся под белыми хлопковыми простынями в квартире у Стефана — все еще плача про себя. Я чувствовал, что моя жизнь ушла вместе с Мадлен.

Патологоанатом заявил, что смерть Мадлен — несчастный случай. Она принимала метадон, пытаясь слезть с героина, и каким-то образом это лекарство послужило причиной буйного помешательства. Она начала биться лицом о спинку кровати, пока не разбила себе в кровь лицо и не умерла. Марианна

защитила меня от расспросов следователей и даже сделала так, что мне не пришлось давать свидетельские показания. Впоследствии она посвятила ей одну из лучших своих песен под названием «Леди Мадлен».

Две недели спустя одна подруга предложила вколоть мне немного героина — я так понял, чтобы облегчить мои страдания.

— Не беспокойся, — сказала она, — я сама наполню шприц, тебе нужна лишь десятая часть дозы, раз ты до этого только нюхал.

— Спасибо… спасибо… спасибо тебе, — выдохнул я, когда она вколола ледяную иглу мне в руку.

30

«Роллинг Стоунз» были на пике карьеры. По богатству и влиятельности они уже могли сравниться с международными корпорациями. За три месяца до начала их европейского турне команда, состоящая из сотни звукооператоров, осветителей, адвокатов, бухгалтеров, менеджеров, работала целыми днями над материально-техническим обеспечением восьминедельной поездки по Европе, в которую группа отправлялась с тринадцатью грузовиками, пятнадцатью тоннами осветительных приборов, сценой стоимостью 150 000 фунтов и восемнадцатью гитарами Кита.

Маршрут уже был утвержден, обслуживающий персонал нанят, залы сняты. Питер Радж, двадцатидевятилетний оксфордский стипендиат, который был мозговым центром этого турне, проинформировал Джаггера о том, что все обойдется в сумму около миллиона фунтов стерлингов.

Джаггер вникал в отчеты, словно профессиональный бизнесмен, предлагая, что можно улучшить и как сократить расходы. «Роллинг Стоунз» должны были получить от этих гастролей прибыль примерно в 250 000 фунтов после уплаты налогов. Благодаря этой поездке продажи их нового альбома «Black and Blue» достигли тиража 400 000 экземпляров.

К тому времени «Роллинг Стоунз» стали королями шоу бизнеса. Кит и Мик тратили приблизительно по 200 000 фунтов в год просто на текущие расходы.

Анита снова была беременна. Они с Китом продолжали торчать. Я был слишком поглощен своими собственными несчастьями, чтобы общаться с ними, но слышал, что у них родился сын, Тара Ричардс. Он умер всего десяти недель от роду. О причинах его смерти умалчивалось.

Кит ехал в Мюнхен, когда позвонила Анита с этими новостями. Он, конечно, был страшно удручен, но у него в те дни были и другие причины для отчаяния: Кит чувствовал, что наркотики, от которых у него уже почернели зубы, начинают подтачивать его кости. Он начинал выгорать изнутри, как прежде Брайан. Смерть, казалось, наступала ему на пятки. Он старался больше времени уделять старшему сыну, Марлону. Светловолосый Марлон, кстати, был очень похож на Брайана. Он сопровождал отца и в бар, и в гримерку — почти повсюду. Ему было всего шесть, но он был уже очень умен и проницателен. Он перевидал множество поклонниц, наркоманов и алкоголиков и уже умел разбираться в людях, мгновенно чувствуя фальшь в тех,

кто пытался использовать его, чтобы познакомиться с его знаменитым отцом.

Когда они гастролировали, он часто жил в том же ритме, что и остальная группа. Засыпал на рассвете, протирал глаза на закате. В общем, это не имело для него большого значения. Значение имело лишь то, что рядом с ним все время был глубоко любящий его заботливый отец.

Казалось, Кит немного игнорировал своего второго ребенка, дочь Дэнделион. Она как-то отошла для него на второй план, в отличии от Марлона, за которого он постоянно боролся с Анитой.

Кит все реже и реже заезжал к ней и ее матери в Дартфорд. Позднее она сменила имя и стала Анджелой.

Хотя Анита была уверена, что Кит не изменяет ей, но ее преследовала идея, что он хочет поместить ее в лечебницу, где ее насильно заставят завязать с наркотиками. Ей определенно пора было уже прекращать домашнее существование и вернуться в общественную жизнь, однако эта беспочвенная паранойя мешала ей. В то же время ее любовь поддерживала Кита, и он до сих пор нуждался в ней.

На гастроли с группой поехал Вуди. «Фэйсес» распались накануне Рождества 1975 года из-за разногласий внутри группы, и теперь Вуди был свободен от всех своих обязательств. Он был очарован Китом и тоже пил «Джек Дэниэлс», носил похожую стрижку и начал нюхать кокаин. Вдвоем они как бы противостояли Мику.

— Между вокалистом и музыкантами в группе всегда возникают трения, — сказал Кит, — и Джаггер это знает. Так что, может, поэтому мы и объединяемся против него. Впрочем, он уже и сам стал неплохим музыкантом — играет и на гитаре, и на клавишах.

Мне было немного странно смотреть на Кита с Вуди. Когда-то я это уже видел. Но тогда «старшим братом» был Брайан Джонс, а благоговевшим подростком — сам Кит.

На сцене тандем Кита с Вуди приносил группе роскошное новое звучание, они вступали по очереди, перебрасываясь великолепными гитарными риффами. Группа выдавала легкий, ровный и в то же время мощный рок-н-ролл. Критике и прессе они нравились. Миллионы людей покупали билеты на майские концерты в Лондоне. Звук на лондонских концертах был просто ужасным, хотя все равно газеты пестрели восторженными отзывами. Однако вскоре жизнь в очередной раз напомнила Роллингам, что они тоже уязвимы.

Кит в открытую носил с собой все необходимое для употребления кокаина — нюхательную трубочку, ложечку и

крошечный нож. Так что все знающие люди понимали, что он продолжает безнаказанно нюхать запрещенный наркотик. Однако нельзя вечно испытывать судьбу. Однажды вечером «Роллинг Стоунз» играли концерт в Стаффорде. По окончании Джаггер, Ричардс и Вуди покурили в костюмерной травы, а затем еле успели все спрятать — в костюмерную постучали несколько старших полицейских чинов, жаждущих взять у них автографы.

Полицейские даже не заметили, что «бентли» Кита не имеет свидетельства об уплате налогов. Напротив, они благожелательно предложили выдать Киту сопроводительный эскорт мотоциклистов — хотя бы до автострады. Обдолбанный Кит действительно выглядел очень плохо, и ему пришлось надеть темные очки. Ехал он кое-как, постоянно виляя, однако, повернув на автостраду, царственным взмахом руки попрощался с полицейскими.

Вскоре у Кита начался приход, он отвлекся от дороги, и огромная машина, перевернувшись, вылетела на вспаханное поле. Никто из сидевших в машине, включая Марлона, не пострадал. Однако чтобы вытащить автомобиль обратно на дорогу, пришлось вызвать трактор. Уставшие и ошеломленные случившимся, они вышли на дорогу и стали ждать помощи.

Не прошло и десяти минут, как рядом остановился молоденький полицейский и предложил подбросить их до бензоколонки в Ньюпорте. Однако затем он узнал Кита, и его дружелюбие мгновенно улетучилось. Обыскав его, он обнаружил нюхательную трубочку с остатками кокаина и таблетку кислоты. Этот факт всем показался очень странным, потому что Кит завязал с ней давным-давно. Спустя восемь месяцев Кит решением суда был признан невиновным в хранении ЛСД, но виновным в хранении кокаина. Он был оштрафован на 500 фунтов (плюс 200 фунтов на возмещение судебных издержек).

Обыски и страх тюремного заключения вернули Кита с небес на землю, к суровой реальности. Он в очередной раз завязал с наркотиками и вновь сблизился с Джаггером.

Но пропасть между ними становилась все более очевидной.

Джаггер теперь превратился в классического мультимиллионера и суперзвезду шоу-бизнеса. Он вставил себе бриллиантовые коронки, которые очаровательно посверкивали, когда он улыбался. От изумрудной коронки он отказался, потому что это выглядело бы так, словно в зубах застряла зелень, а рубины уж слишком были похожи на кровь. Он танцевал с принцессой Маргарет. Богатые и влиятельные называли его «мой дорогой». Он нюхал кокаин, но лишь потому, что теперь это стало модно в элитных кругах. Он хвастался, что использует косметику

для лица от Элизабет Арден и парфюм от Танжье «на затылок, за уши и на запястья». Когда он говорил: «Я, как и королева, — лучшее, чем может похвастаться Англия», мало кто с ним спорил. Он собирался вступить в члены Мэрилебонского крикетного клуба. Он действительно стал солидным человеком.

Кит же, в отличие от Джаггера, был неспособен принять правила игры, которые приносило богатство. В свои тридцать три он продолжал оставаться подростком. Он любил носить ножи, браниться с водителями такси и все больше увязал в наркотиках. Гнев властей вновь обрушился на него после того, как Анита попыталась провезти в Торонто героин и гашиш. Полиция сразу использовала это как предлог для того, чтобы обыскать их гостиничный номер. Там они нашли огромное количество героина и кокаина. В итоге Кита официально обвинили в хранении героина с целью торговли и в хранении кокаина. Чтобы избежать или хотя бы скостить огромный срок, который ему грозил, Кит был вынужден признаться в том, что он наркоман, и пойти на реабилитационную программу, помогавшую завязать с наркотиками.

До суда дело дошло только через два года. Все это время Кит обреченно ждал, полагая, что его в итоге приговорят к продолжительному заключению в канадской тюрьме.

На слушании дела защитник Остин Купер, взывая к милосердию суда, описал, как Кит девять лет сидел на героине, и объявил, что Кит согласен пожертвовать миллион долларов клинике, занимающейся реабилитацией наркоманов. Сам Кит признался, что ему было необходимо употреблять по два с половиной грамма героина в день. Кроме того, он рассказал, что трижды пытался избавиться от наркозависимости, но это удалось ему лишь недавно, после четвертой по счету реабилитационной программы.

На вопрос судьи, почему в столь многих песнях «Роллинг Стоунз» прославляются наркотики, Кит ответил:

— Это не так. Наркотики упоминаются едва ли в каждой сотой песне, да и то их писал не я, а Мик Джаггер.

Киту волшебным образом удалось избежать тюрьмы. Ему дали год условно и приказали отыграть специальный концерт в Канадском национальном институте слепых.

Судья с недовольством наблюдал, как заулыбались фаны в зале, услышав такой необычный приговор. Казалось, что Кит вновь спасен. Но после этих событий его жизнь уже никогда полностью не вернулась в прежнее русло.

31

Теплый летний ветер мягко шевелил занавески. На дворе стоял июньский вечер 1979 года. Анита Палленберг у себя в спальне налила себе очередную гигантскую порцию «Джек Дэниэлс», разбавив его имбирным пивом. Она очень сильно растолстела, и теперь ее тело смотрелось гротескной пародией на прошлую красоту прекрасной тонкобедрой девушки-фавна.

В комнате царил полумрак, однако можно было разглядеть, что пол усыпан обломками дорогой антикварной мебели. Тяжелая дубовая кровать с одной стороны вместо ножки поддерживалась стулом. В затхлом воздухе пахло наркотиками и спиртным.

На огромной двуспальной кровати, застланной сероватыми от грязи простынями, неуклюже ворочался тощий юноша.

Анита привалилась к нему боком, и они вместе, попивая виски, стали смотреть телепрограмму, посвященную десятой годовщине высадки человека на Луну.

Сверкающие лунные ландшафты казались Аните такими же нереальными, как и «Смит Вессон» тридцать восьмого калибра, который постоянно вертел в руках паренек.

— Русская рулетка, — пробормотал он, наблюдая за тем, как космонавт прыгает по лунной поверхности, — интересная такая игра…

Его звали Скотт Кэнтрелл, и он приехал из Норфолка, штат Коннектикут.

Скотт был таким же несчастным и брошенным, как и Анита. Его мать покончила с собой на Рождество, его выгнали из университета, и он часто жаловался, что никому в мире нет дела до того, жив он или уже помер. Анита, заглянув в его глаза, отыскала там что-то родственное, и он остался с ней жить на целый месяц.

В то время Анита с Марлоном жила в большом доме в пригороде Нью-Йорка, округ Вестчестер.

Большинство людей считали, что она еще с Китом. Однако после канадских обысков их отношения разладились.

Кит понял, что либо он прямо сейчас завяжет с наркотиками, либо его посадят в тюрьму и ему придется уйти из «Роллинг Стоунз».

И он поехал к доктору Мэг Паттерсон, внимательной шотландке, которая с помощью новейшего метода электрической акупунктуры помогла завязать Эрику Клэптону, который употреблял два грамма героина в день.

Доктор Паттерсон поселила Кита и Аниту в специальной

клинике в Пенсильвании. К их ушам подсоединили маленькие проволочки, которые вели в начиненные электроникой черные ящики Когда боль от ломки становилась нестерпимой, они могли увеличить силу тока, что давало временную анестезию. Кит к лечению отнесся серьезно, он действительно решил завязать с героином. Анита же, дождавшись момента, когда все заснут, прокрадывалась на кухню. Там она торопливо выпивала шерри или любую другую выпивку, которую находила.

Потом она уехала в Вестчестер, где опять вернулась к наркотикам, вину, водке, текиле — в общем, ко всему, что помогает забыться.

Она словно притягивала все темное и зловещее. Какой-то молодой полисмен заявил, что на него в пятистах метрах от дома Аниты напали сатанисты в черных капюшонах. Соседи находили по соседству от ее дома кошек и собак, которые, судя по всему, были принесены в жертву. Монахини местного монастыря жаловались полицейским, что им постоянно мешает спать громкая музыка, странное пение и выстрелы.

А пятнадцатилетний сосед Стив Левэ сообщил, что Анита склоняла его к участию в оргии.

— Она больная, — добавил он, — ее надо поместить в психушку. Дома у нее жутко пахнет, грязно, и Анита сама тоже вся грязная. Она предлагала моей сестре нюхать кокаин. К ней постоянно в дом приходит много молодых ребят. Она хочет секса и почти все время говорит о сексе. Напрямую, конечно, она меня она не просила, но не больно-то и хотелось, она уже старуха.

Анита знала, что теряет Кита. Казалось, ее теперь мало заботило, жить ей дальше или умереть. Она искала только забвения.

В десять тридцать того рокового вечера Анита поднялась с кровати и сказала Скотту, что пойдет приберется немного в комнате. Она не успела сделать и пары шагов, как сзади раздался выстрел и вспышка пламени на мгновение осветила все вокруг. Затем наступила страшная тишина. Мертвая тишина смерти. В черепе Кэнтрелла зияло маленькое пулевое отверстие.

Приехала полиция, а следом и репортеры, поспешившие рассказать в газетах о странных выходках и сумасбродстве Аниты. И мир в изумлении глядел на фотографии, не в силах поверить, что эта обдолбанная, похожая на упыря наркоманка с пустыми глазами и есть та самая Анита Палленберг, о которой так часто писали в колонках новостей глянцевых журналов.

Поначалу полиция поверила, что это был суицид. Однако когда Анита рассказала, что незадолго перед происшедшим они говорили о русской рулетке, над ее головой стали сгущаться

тучи. Полностью с нее сняли обвинение в убийстве лишь спустя четыре месяца. Ее лишь оштрафовали на 500 фунтов за незаконное хранение оружия.

— Я теперь вообще почти ничего не принимаю близко к сердцу, — сказала Анита в интервью журналисту газеты «Сандэй Корреспондент», — это одна из волшебных особенностей наркотиков и выпивки. Вам ничего не хочется, и вас ничего не интересует. Я даже не читаю газет. Ничего не читаю.

Кит успешно воздерживался от героина и не собирался ради Аниты возвращаться к наркотикам. На этот раз ей не удастся затянуть его в это болото.

В декабре 1970 года он отпраздновал свой тридцать шестой день рождения, закатив грандиозную вечеринку в нью-йоркской дискотеке «Рокси Роллер». Впервые с шестидесятых это была вечеринка без наркотиков. И там он немедленно влюбился.

Пэтти Хансен была стройной моделью с белозубой улыбкой. Она снималась для журнала «Вог». Ей было двадцать два и, конечно, она слышала о «Роллинг Стоунз», но никогда прежде не покупала их пластинок и не была лично знакома ни с кем из членов группы.

Но она заметила, как уважительно относятся к Киту все присутствующие на вечеринке. Ей понравился его смех — очень похожий на то, как заводится стартер старого грузовика. И она заметила кое-что еще: грусть и одиночество мужчины, подошедшего к переломному моменту в жизни. С удивлением она поняла, что он выглядит немного потерянным. Когда они заговорили, Кит понял, что она ничего не знает и ничего не слышала о нем. Она даже не знала, на чем он играет.

Так что вместо того чтобы говорить о «Роллинг Стоунз», они говорили о жизни и своих мечтах.

«Потрясающе, — думал Кит, — это, наверное, первая девушка за много лет, которая хочет поговорить со мной не о группе и не о наркотиках, а обо мне. Она действительно ничего обо мне не знает». На Пэтти он тоже произвел сильное впечатление. Она разглядела в нем неприкаянность и грусть одиночества. Чтобы наладить жизнь, ему было необходимо найти какую-то опору в жизни.

«И я хочу, чтобы этой опорой стала я», — с удивлением подумала она.

Повинуясь внезапному импульсу, она покопалась в сумочке и достала ключ от своей входной двери.

— Ты можешь приходить ко мне, — сказала она, вручая его Киту, — всегда, когда захочешь.

Он не суетился и выждал несколько дней, прежде чем

позвонить ей. Но вскоре начал приходить к ней каждую ночь. В нем проснулась любовь, которую даже нельзя было сравнивать с тем, что он испытывал, когда познакомился с Анитой.

Поначалу остальные музыканты были вовсе не в восторге от нового увлечения Кита.

— И что ты нашел в этой грудастой модельке? — ворчал Чарли Уоттс. — У нее наверняка ветер в голове. Ты хорошо подумал?

Подобным образом отреагировали на это и члены семьи Пэтти (а она была младшей из восьми сестер). Все они приняли Кита за злостного соблазнителя, охмурившего их наивную сестренку.

18 декабря, ровно через четыре года после первой встречи, они поженились. Киту в этот день исполнялось сорок. Они сочетались браком тайно, никого не приглашая. Это произошло в отеле «Финистерра» в мексиканском городке Кабо-Сан-Лукас.

Они стали жить вдвоем, радуясь тихим вечерам и растя прекрасных детей. Кит остался верен кое-каким старым привычкам. Часто он прогуливался, попивая из горла «Джек Дэниэлс», иногда по случаю курил траву. Однако с героина он слез окончательно. Кажется, он определенно перехитрил «старуху с косой». Я был этому страшно рад.

Анита тоже в конце концов поняла, что больше нельзя вести такую жизнь. В 1987 году она прошла реабилитационный курс и в итоге завязала с наркотиками и алкоголем даже более строго, чем Кит. Она начала ездить на велосипеде и вновь обрела былую стройность и привлекательность.

Затем она пошла учиться в Колледж моды св. Мартина (остальные ученики были вдвое ее младше), параллельно став одной из ведущих группы анонимных наркоманов. В последний раз, когда я встречался с ней, я был изумлен тем, как она изменилась. Куда делась та располневшая, обрюзгшая наркоманка? Несмотря на годы, к ней вновь вернулась прежняя красота.

— Я не сожалею ни о чем. Ни о чем! — сказала она. — Я как будто снова стала маленькой девочкой.

Брайан Ферри был, несомненно, одним из самых элегантных мужчин среди рок-звезд семидесятых годов. Он имел искусствоведческое образование, носил шелковые костюмы от Энтони Прайса и выглядел просто ослепительно. Он жил в роскошном особняке, почти дворце, в лондонском Холланд-Парке с самой красивой из мировых моделей. Они любили и ценили искусство и собирались пожениться. Ему и правда казалось, что у него есть все, к чему только можно стремиться.

Однако однажды вечером все немного переменилось.

Вечер поначалу обещал быть интересным. Он взял с собой девушку и отправился на концерт «Роллинг Стоунз». Она танцевала и кричала вместе с толпой. Когда Брайан Ферри повел ее за сцену познакомить с Миком Джаггером, она была просто в восторге. Мик переодевался и параллельно заигрывал с ней. Брайан отнесся к этому снисходительно.

Наконец Мик переоделся, и они поехали обедать на его лимузине. Брайан старался не замечать, что Мик использует каждый удобный момент, чтобы прижаться коленом к коленке его невесты. Он не переставал флиртовать с ней и за обедом.

«Но это же Мик», — думал Брайан. Было известно, что он флиртует со всеми подряд с тех пор, как у него испортились отношения с Бьянкой.

После того как они вернулись в особняк вместе с Питером Раджем, менеджером «Роллинг Стоунз», Брайан предложил Мику партию в бильярд.

Питер быстро понял, что Брайан играет великолепно и, кажется, затеял игру специально, чтобы поставить Мика на место. Поначалу Мик и правда рассердился, когда после нескольких неудачных проигрышей почувствовал, что выглядит по-дурацки.

Но затем он начал еще активнее флиртовать с девушкой. Брайан пытался завести с ним разговор, но Мик отмахивался от него, как от занудного поклонника, а затем просто перестал обращать на него внимание.

Еще более подогревало ситуацию то, что девушка явно была польщена и восхищена его вниманием. В то же время ее забавляло, что Брайан выглядит так нелепо в собственном доме.

Когда девушка отправилась на кухню приготовить чай, Мик бросил игру и поспешил за ней. Брайан пытался оставаться спокойным (о ею хладнокровии ходили легенды), однако с кухни раздавались смешки и вскрики, и он пошел посмотреть, что там происходит Мик никак не отреагировал на его появление «Словно я посторонний какой-то», — подумал Брайан, чувствуя, как внутри поднимается гнев. Но ему ничего не оставалось делать, кроме как смириться.

— Я пошел спать, — громко сказал он и с грохотом захлопнул за собой дверь спальни.

Когда Мик и Питер Радж наконец собрались уезжать, Мик неожиданно шагнул к девушке и попытался крепко поцеловать ее в губы. Но та, смеясь, увильнула.

Когда они уже ехали обратно в длинном черном лимузине Джаггера, Мик неожиданно усмехнулся.

— Так эта Джерри Холл собирается выйти замуж за

Брайана? — пробормотал он. — Ну, Питер, надо ее спасать. Разве можно позволить такой красивой девушке сменить имя на столь дурацкое, как Джерри Ферри?

Бьянка все еще была женой Мика. Однако их брак напоминал теперь браки британских королевских семей. Оба вели совершенно независимую жизнь, не испытывая друг к другу особо теплых чувств, но поддерживая привычный имидж. Они, несмотря ни на что, оставались в глазах публики совершенной парой. Иногда, когда им случалось встретиться, они, казалось, и в самом деле радовались этому. В 1976 году Мик иногда целыми неделями не виделся с Бьянкой.

Бьянку же все больше беспокоили слухи о его новых девушках.

— Я чувствую, что этот человек не имеет никакого уважения к женщинам. Он просто бабник, — говорила она.

Мик после их первой встречи с Джерри много колесил по свету вместе с «Роллинг Стоунз». Иногда он звонил Брайану и приглашал того на ужин, но Брайан вежливо отказывался от приглашений.

Потом Брайан неожиданно уехал в турне, и у Мика оказались развязаны руки. Весной 1977 года он пригласил Джерри, Уоррена Битти и еще нескольких друзей в один из нью-йоркских ресторанов. Джерри сидела между Миком и Уорреном Битти, и оба явно за ней ухлестывали.

Когда Уоррен, благодаря своему живому остроумию и обаянию, начал брать верх, Мик отозвал его в сторону на пару слов.

— Она со мной, — раздраженно сообщил Мик, стоило им отойти от стола.

Однако Битти было не так легко уломать. В конце концов Мику пришлось тащиться вместе с ним к платному телефону в ресторане, где Джаггер принялся звонить самым лучшим моделям Нью-Йорка, спрашивая, не жаждут ли они провести время с Уорреном Битти. Дело было улажено за минуту.

После ужина шофер Мика развез всех гостей по домам, и на заднем сидении лимузина остались только Мик и Джерри.

— Зайдешь на чашку чая? — спросил он, когда машина остановилась у его дома.

Через несколько минут они уже были в постели.

На следующий день, и через день, и через два дня Мик засыпал ее цветами, приглашал ужинать, пел ей песни, занимался с ней любовью.

Когда умер отец Джерри, она рыдала на плече Мика. Их вполне устраивало, что Брайан все еще не вернулся из поездки.

Потом он все-таки приехал, и Джерри, плача, целовала Мика и сквозь слезы бормотала слова прощания. Их роман, судя по всему, завершился.

«Я была в совершеннейшем расстройстве и отчаянии. Клянусь вам, я любила их обоих», — признавалась Джерри позже в своей автобиографии «Небывальщина».

Вскоре Брайан и Джерри перебрались в Лос-Анджелес, и Джерри приходилось тайком бегать в супермаркет, чтобы оттуда звонить Мику.

Наконец она соврала, что ей предстоит работать в качестве модели в Париже, и таким образом сбежала от жениха. Они с Миком улетели в Марокко, и помолвка Джерри с Брайаном была расторгнута.

2 ноября 1979 года, после восьми лет брака, Бьянка получила постановление о разводе, отсроченное на время и дававшее ей право опеки над девятилетней дочерью, Джейд.

Ровно двенадцать месяцев спустя верховный суд осчастливил Бьянку документом о разделе имущества, про которое ходили слухи, что оно стоит более миллиона фунтов, если не учитывать налоги.

Много лет спустя Бьянка встретилась с одной необыкновенной дамой, с которой у нее было много общего, — с бывшей женой Рода Стюарта, Лланой.

— Нам следовало бы написать книгу и назвать ее «Как пережить брак и развод с рок-звездой», — сказала Бьянка.

— Самое главное качество, которое для этого требуется, — это умение подчиняться. Они, наверное, наибольшие шовинисты из всех, какие только встречаются.

— Да, рок-звезды — худшие мужья на свете.

Когда их брак, полный показухи и глупостей, наконец распался, Бьянка с искренним увлечением занялась политикой и стала известным деятелем движения сандинистов, приведшего к падению режима Сомозы в 1979 году. К своему сорокалетию, в 1985 году, она превратилась в элегантную и влиятельную женщину.

Первой была принесена в жертву черная курица. По блестящим черным перьям струилась ярко-алая кровь, капая на пол маленького деревянного домика в джунглях Бали.

Затем пришел черед белой курицы, чье маленькое тельце поникло, ограждая Мика и Джерри от зла с востока. Желтая курица была убита, чтобы предотвратить зло с запада. Черную закололи для защиты с севера, а красную — для охраны с юга.

Еще была зарезана пеструшка, которая должна была охранять сердцевину.

Мик и Джерри приехали в Убуд вместе с двумя детьми, другом Аланом Данном и писательницей Лорной Блейр, чтобы пройти долгим шестичасовой ритуал заключения брака по индуистскому обряду.

Мику было сорок семь, а Джерри — тридцать четыре. Она понимала, любила и оберегала его так, как не удавалось ни Марианне, ни Бьянке, ни тем более какой-либо другой женщине.

Когда Бьянка ему надоела и он пустился в очередной загул с сексапильными молоденькими девушками, она сбежала от него и завела роман с Робертом Сангстером, крупным владельцем беговых лошадей и мультимиллионером. Роберт, как она оповестила всех, говорил, что таких, как Мик, он может покупать десятками.

Тут уж лидеру «Роллинг Стоунз» пришлось поспешно признать свое постыдное поражение.

И хотя после разрыва с Бьянкой Мик поклялся никогда больше не жениться, в конце концов он поддался на мягкие уговоры Джерри.

Первой частью ритуала было принятие новой религии — Мик и Джерри стали индуистами. Одетые в радужные саронги и золотые парчовые головные уборы, которые называются кебайя, они дали клятву, что верят в Святого Духа, который есть воплощение Высшей Сущности. Им говорили про Освобождение, главное правило которого гласит, что все люди являются духовными существами и что их занятость мирскими проблемами неуместна. Потом им говорили про карму — это вера в то, что дурные и добрые дела людей, совершенные ими в жизни, всегда следуют за ними.

Когда священник, Ида Банхар, удовлетворился их ответами, он пригласил пару принять символическое очищение в купели, заполненной благоухающей водой и плавающими в ней цветами.

«Окончив омовение, они переоделись в чистые саронги для брачной церемонии, — вспоминал позже этот священник. — Невозможно выразить словами, насколько сильной была их близость в тот момент. Особая аура окружила их, и я видел, что на них этот ритуал произвел огромное воздействие. В тот момент явственно чувствовалось присутствие высшей силы, которая возвышала их». Для этой второй части церемонии на голову Джерри был возложен венок из благоухающих цветов. По всему помещению горели ароматические свечи и благовония. Перед Миком и Джерри поставили блюда, полные плодов, фруктов и цветов, что должно было символизировать плодородие.

Им обоим на лбу нарисовали желтые точки, а священник прочитал молитвы на древнем санскрите. Затем принесли шарики раскрашенного риса, которыми прикоснулись к их головам и плечам, обозначая крест. Потом Джерри легла на маленькую соломенную циновку, расстеленную прямо на земле. Мик, вооруженный мечом, протыкал стебли соломы, из которой сделана циновка, что должно было означать союз мужчины и женщины.

Интересно, что Мик и Джерри решили не оформлять официально свой романтичный брак. Но с того дня они говорили всем, что знают — они настоящие муж и жена.

Первый уикэнд, который Джо Ховард провела с Ронни Вудом, был значительно менее романтичным. Джо находилась в Лондоне, а Вуди был в Нью-Йорке, когда он вдруг предложил ей встретиться в отеле в наиболее изысканном городе мира — Париже. Она в безумной спешке наскребла деньги на билет и первым же рейсом вылетела из Хитроу в аэропорт Шарль де Голль. Такси быстро довезло ее до укромной улочки, где располагался отель, однако, хотя было уже восемь тридцать вечера, там не было ни намека на гитариста — и никаких сообщений о том, что он задерживается.

Портье был раздражен ее вопросами.

— Есть небольшой номер, — сказал он, — и мадмуазель, если хочет, может его сиять, только пусть заплатит вперед.

Джо устроилась в номере и до двух часов ночи читала и смотрела телевизор, пока ее наконец не сморил сон и она не задремала на неудобной постели.

Около шести утра ее разбудил звонок.

— Здесь мистер Вуд, — сообщил портье, — он говорит, что его рейс задержали, и просит разрешения подняться к вам в номер.

Те несколько минут, что потребовались Вуду, чтобы добраться до ее комнаты, Джо потратила, спешно приводя себя в порядок — пригладила волосы, быстро подкрасила губы. И вот Вуди появился на пороге — такой же красивый, каким она его запомнила. Однако сразу вслед за ним в номер ввалился с мрачным видом темноглазый худощавый человек. Кит Ричардс, войдя в комнату и едва кивнув Джо, немедленно сделал себе укол, даже не закатывая рукав рубашки, после чего завалился на край постели.

— И что мы с ним будем делать? — удивленно и с легким негодованием спросила она.

— Прости, он просто пока побудет здесь, — пробормотал Вуди, раздеваясь, прежде чем тоже забраться в небольшую

двуспальную кровать.

Кит храпел так оглушительно, что Джо так больше и не заснула в то утро.

Так продолжалось на протяжении трех дней. Кит повсюду шлялся вместе со счастливой парой днем и заваливался спать в их номер ночью.

— Да сделаешь ты что-нибудь наконец-то со своим другом? — раздраженно ворчала Джо.

Первая встреча этой пары тоже была довольно оригинальной. Джо понятия не имела, кто такой Вуди, когда его представили ей на какой-то вечеринке. В конце концов он откопал где-то альбом с фотографиями «Роллинг Стоунз», чтобы доказать девушке, что он действительно тот, за кого себя выдает.

В ответ Джо неохотно призналась, что она модель, но сейчас временно работает в кондитерском отделе магазина на Оксфорд-стрит в Лондоне — так, просто подрабатывает. В итоге Вуди прождал часа два у магазина на заднем сиденье «мерседеса», прежде чем до него дошло, что она над ним подшутила.

Всерьез они стали встречаться лишь несколько месяцев спустя.

Вуди в какой-то момент начал спускать крупные суммы на наркотики — хотя колоться он по-прежнему остерегался. В какой-то момент он за одну неделю потратил на дилеров больше 1400 фунтов. В конце концов Джо решила, что не желает больше этого терпеть, и послала его лечиться в медицинский центр в Плимптоне, что в Девоне.

Проходя групповую терапию, Вуди часто плакал. Он повторял, что боится на всю жизнь остаться больным и ненормальным Терапевты в ответ предложили ему бросить не только наркотики, но и алкоголь.

— Ну уж нет! — заявил в ответ Вуди. — Не хочу стать одним из скучных фанатичных зануд, которые не могут порадоваться хорошему стакану выпивки!

Как и Кит, он сумел слезть с наркотиков, но сохранил нежные чувства к крепким напиткам.

Джо и Вуди поженились 2 января 1985 года. Церемония проходила в маленькой церкви в Бэкингемшире. Шаферами были Кит Ричардс и Чарли Уоттс. «Мы — сиамские шаферы-близнецы», сообщил по этому поводу Кит репортерам. Когда гости — Род Стюарт, Ринго Старр, Эрик Клэптон и все «Роллинг Стоунз», за исключением Мика, — разбрелись на ночь по гостевым комнатам, дом огласился мощным храпом.

Эпилог

Я слишком долго играл со смертью в прятки и понимал, что пора завязывать, иначе это плохо для меня кончится. Но в то же время я никак не мог порвать с прошлым. Кит иногда звонил мне и просил достать ему наркотиков, и я помогал ему: это стало для меня образом жизни.

Когда я вспоминаю себя в то время, мне представляется пловец, находящийся глубоко под водой, который может думать лишь о том, чтобы поскорее вынырнуть и жадно глотнуть воздуха. Вот и я жил тогда, думая только о том, где бы достать следующую дозу. Однажды «Роллинг Стоунз» давали концерт на открытом воздухе Кит и Мик попросили принести им немного кокаина. Но они дали мне неправильный пароль для прохода за кулисы. Я начал было препираться с охранником, но внезапно понял, что это судьба. Тогда я развернулся, ушел и на следующий день лег в лечебницу «Бауден Хаус».

После этого я не виделся с «Роллинг Стоунз» на протяжении нескольких лет. По большей части я жил в Нью-Йорке, с головой уйдя в работу над этой книгой.

Затем Кит написал мне, что он против ее публикации, и просил заехать в отель «Мэйфэйр», где он остановился. Когда я приехал туда, четверо дюжих охранников отвели меня в сторону и обыскали с головы до пяток. Да, Кит не хотел случайных неприятностей.

Потом меня довольно грубо затолкали в лифт и отвезли к Киту. Я вошел в комнату и увидел их с Пэтти сидящими на диване. Он встал мне навстречу и, крепко обняв, хрипло поприветствовал:

— Ты, подлый ублюдок!

Я рассмеялся — отчасти потому, что немного нервничал, отчасти оттого, что был чертовски рад его видеть вновь.

— Сам ты подлый ублюдок, — отозвался я, и тут уже мы оба расхохотались.

Мы сидели и трепались о старых добрых временах, как вдруг Кит пошарил рукой под диваном и достал небольшой черный пистолет.

— Чувак, тебе какой: тридцать восьмой или сорок пятый? — спросил он.

Я почувствовал, что у меня мгновенно пересохло горло. Мягко отведя пистолет от своего виска, я проговорил:

— Не шути так, Кит.

— А я и не шучу, — резко ответил он. Потом тихо засмеялся:

— Как тебе пушка, Тони, а? Классная, правда?

Я осторожно взял у него полицейский «Смит Вессон». Похвалил, сказав, что это великолепное оружие, и незаметно для Кита разрядил его.

Мы на двоих опустошили бутылку виски «Джек Дэниэлс», а на следующий день он позвонил мне и предложил поехать с ними на гастроли.

Это было большое искушение, однако я понимал, что если я вернусь к ним, то, скорее всего, опять подсяду на героин. И вовсе не был уверен, что мне удастся выжить во второй раз.

И я отказался. С того дня я больше уже не общался ни с кем из «Роллинг Стоунз» и не слышал от них никаких вестей.

И наконец-то зажил по-настоящему спокойно.

Иллюстрации

Брайан Джонс под воздействием ЛСД

Брайан Джонс

Брайан Джонс

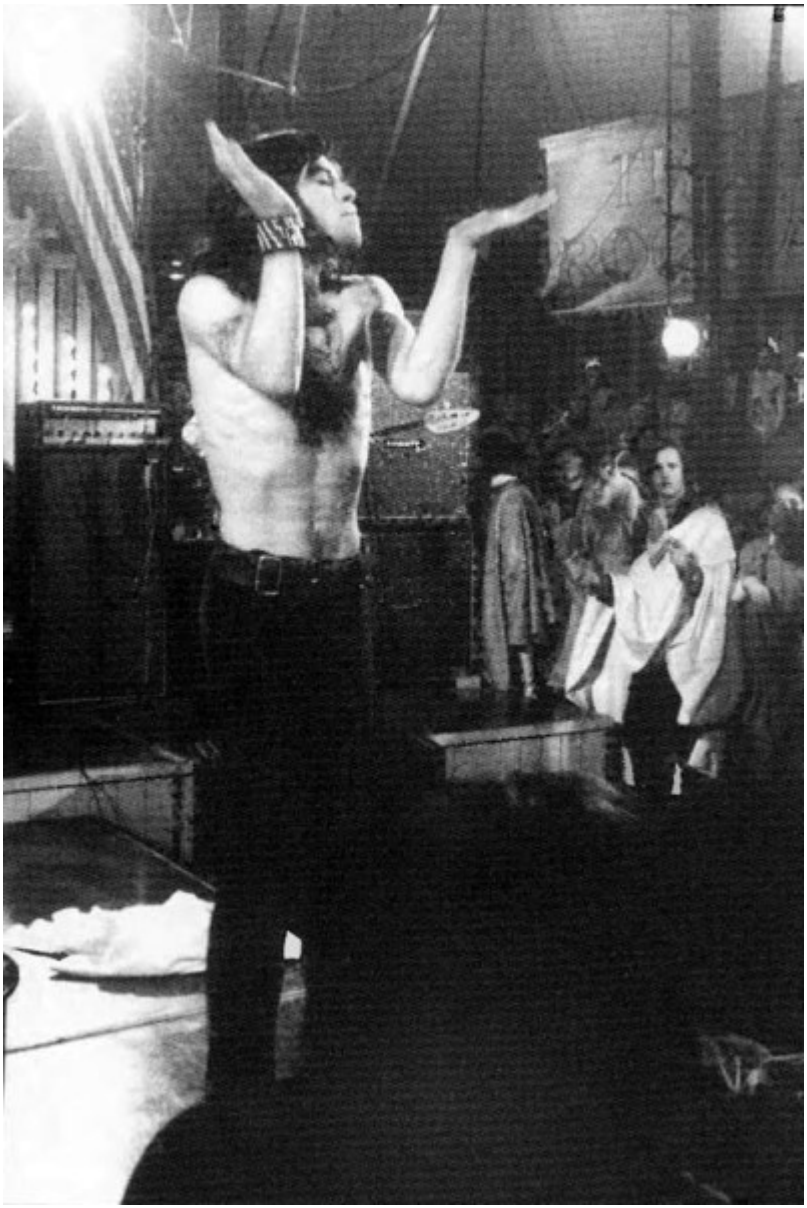
Брайан Джонс в Северной Африке

Брайан Джонс

Брайан Джонс

Брайан Джонс

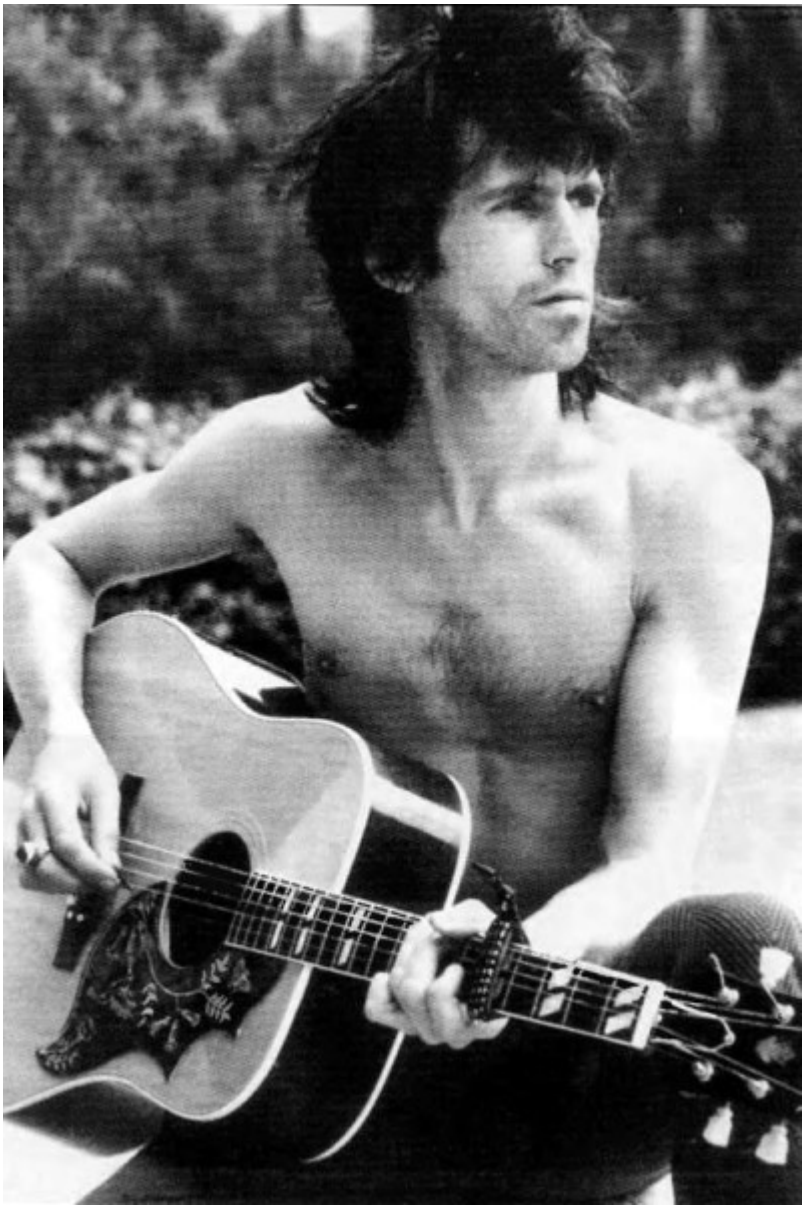
Билл Вайман и Брайан Джонс в рок-н-ролльном цирке



Рок-н-роллльный цирк «Роллинг Стоунз»

Рок-н-роллльный цирк «Роллинг Стоунз»

Кит Ричардс



Кит Ричардс

Группа «Муди Блюз»

«Бентли» Кита Ричардса

Мик Джаггер под воздействием кокаина

Кит Ричардс и Джон Данбар

«Роллинг Стоунз», 1967 год

«Роллинг Стоунз», 1967 год

Кит Ричардс в Редленде

Кит Ричардс в Редленде

Джон Леннон, Кит Ричардс и Эрик Клэптон

Джон Леннон и Брайан Джонс за кулисами

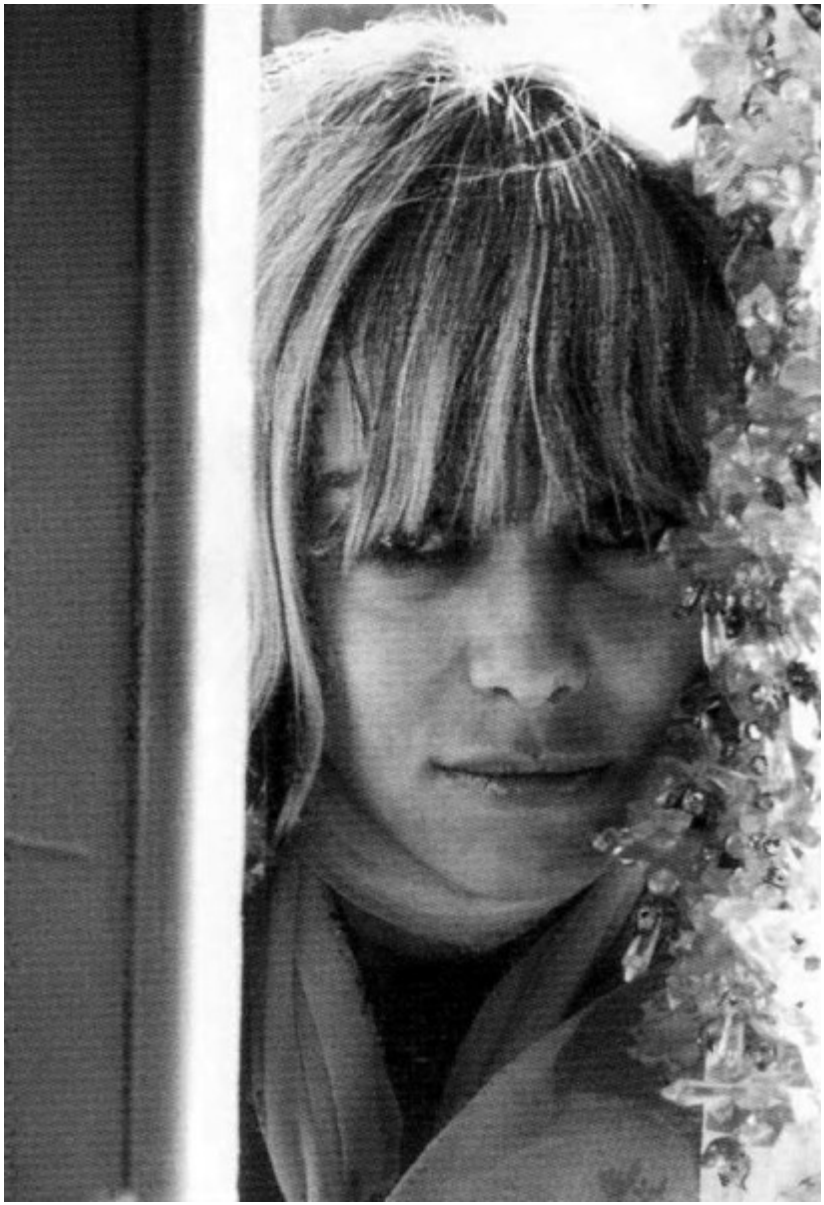
Брайан Джонс в Редленде

Время мыть волосы

Кит и Марианна в Северной Африке

Брайан Джонс, Роки и Кит Мун

Тони Санчес, Анита и Кит

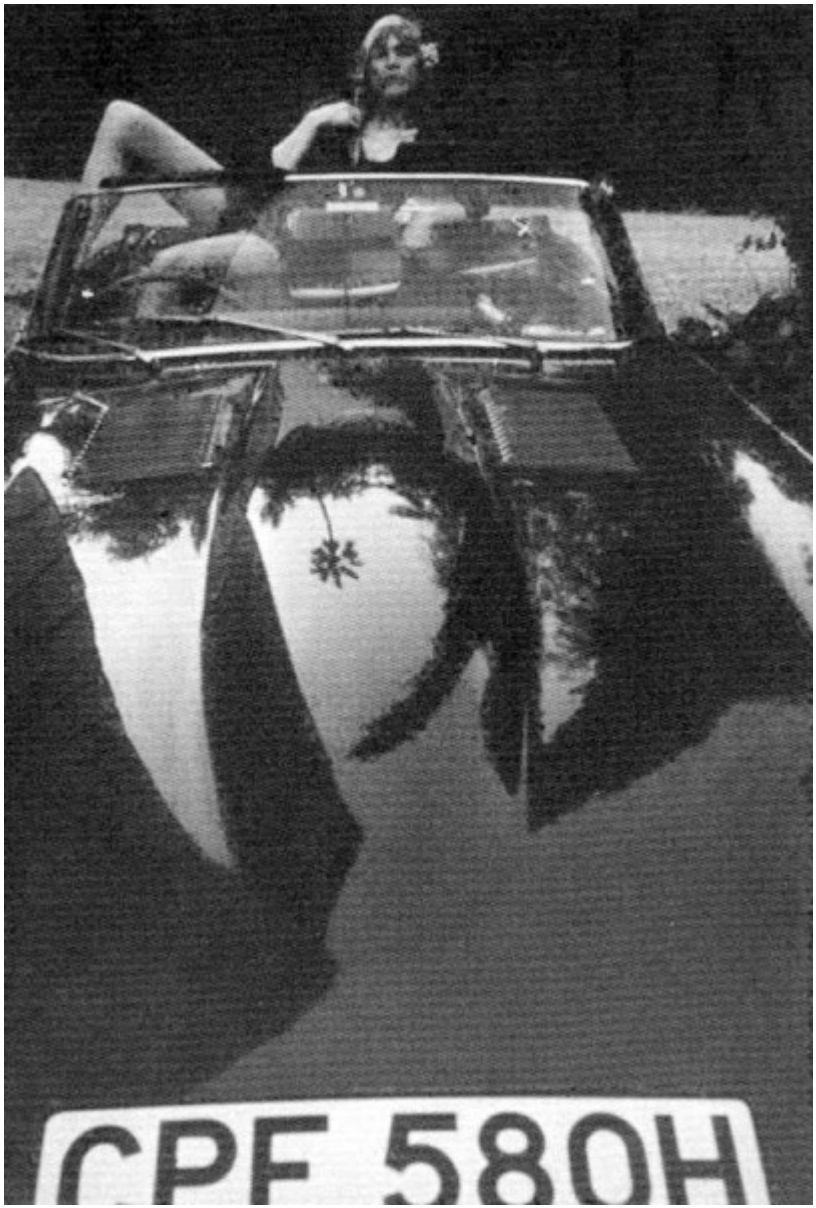


Анита Палленберг

Кит и Тони на ступеньках «Нелькота»

Тони, Кит, Мадлен и Анита

Марианна Фейтфул

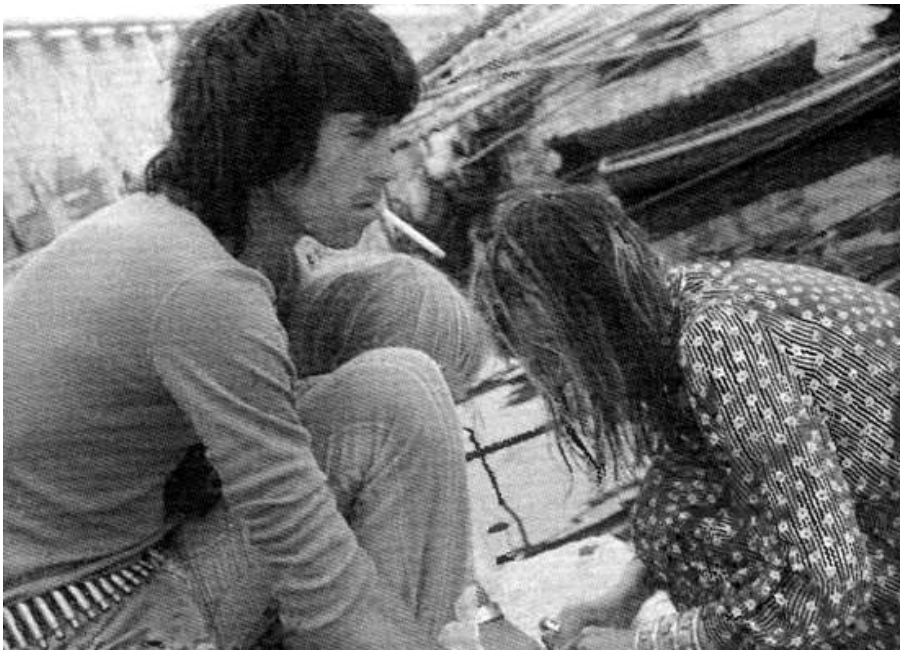


Мадлен

Кит и Марлон в порту

Кит и Марлон в порту

Бьянка Джаггер



Дуракаваляние в лодке

Анита Палленберг

У пристани

Патио в «Нелькоте»

Кит с Марлоном в кафе

Кит, Марлон и Анита

Тони Санчес умер 14 июня 2000 года

notes

Примечания

1

«Веселящийся Лондон» («Swinging London») — популярное в 60-х годах выражение, которое английская пресса использовала для рекламы Лондона как центра моды и музыкальной жизни. — *Примеч. ред.*

2

Вменяемый; находящийся в здравом уме и твердой памяти *(лат.). Примеч. пер.*

3

Название карточной игры — *Примеч. ред.*

4

Следует учитывать, что в Англии водка — достаточно дорогой экспортный напиток. — *Прим. перев.*

90-е годы XIX века. — *Прим. перев.*

6

Неприятное состояние, вызванное воздействием психотропных веществ и сопровождающееся пугающими галлюцинациями; может привести к расстройству психики и нервным срывам. — *Примеч. пер.*

7

Обозреватель «Таймс», автор статьи «Кто стреляет из пушек по воробьям?», фрагмент которой приведен выше. — *Примеч. ред.*

8

Мик каламбурит: английские слова «cock» (член) и «coke» (кокаин) звучат похоже; кроме того, кокаин вызывает продолжительную эрекцию. — *Примеч. пер.*

9

Нет, нет! Это не пистолет! Это безделушка! *(фр.) — Примеч. пер.*

10

Добрый вечер! *(фр.) — Примеч. ред.*

11

Знаменитые американские комики. — *Примеч. ред.*

12

Привет, красавица *(ит.)*. — *Примеч. пер.*

13

Имеется в виду кот Сильвестр, персонаж мультфильмов Уолта Диснея. — *Примеч. ред.*